

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2023

№ 3

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия
Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Ковальский Святослав Олегович, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Россия

Миськова Елена Вячеславовна, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Рокхилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания,
Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Даниил Уигет*, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@mail.tsu.ru

Издательство: Издательство Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zavyalov, Vladimir, Institute of Archaeology RAS, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Russia

Lbova, Lyudmila, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

Miskova, Elena, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK,
Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Daniel Wiget*, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

В ПОИСКАХ СИБИРСКОСТИ

(отв. ред. специальной темы номера – М.В. Васеха)

Васеха М.В. Как и зачем сибиряки ищут сибирскость	8
Васеха М.В. Сибирские территориальные идентичности: поиск форм визуальной репрезентации сибирских регионов	14
Федоров Р.Ю. Этнокультурная память восточнославянского населения Сибири: от народных репрезентаций к институционализации	40
Фурсова Е.Ф. Презентативные функции традиционной одежды: к вопросу об этнокультурной идентичности русско-сибирских «чалдонов»	57

СООБЩЕСТВА ОЛЕНЕВОДОВ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПРИРОДНЫМ, СОЦИАЛЬНЫМ И КУЛЬТУРНЫМ ЛАНДШАФТОМ

(отв. ред. специальной темы номера – К.В. Истомин, К.Б. Клоков)

Истомин К.В., Клоков К.Б. Ландшафтный подход в этнологическом и географическом изучении оленеводства: попытка нового синтеза. Введение к специальной теме номера	77
Клоков К.Б. Оленеводческие ландшафты России: ландшафтное районирование и траектории эволюции оленеводческого хозяйства в конце XX – начале XXI столетия	96
Давыдов В.Н., Боброва В.В. Оленеводы Хатанги и Анабара: меняющийся образ жизни тундровиков	113
Волковицкий А.И., Терехина А.Н. Динамика кочевых маршрутов на Ямале: пастбища, границы, идентичности	134
Истомин К.В. Ландшафтный подход в антропологическом исследовании оленеводства Европейского севера России и Западной Сибири	154
Ярзуткина А.А. Социальный ландшафт оленеводов позднесоветской Чукотки (на примере чукчей села Айон)	176

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОГЛАХТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА: ХРОНОЛОГИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

(отв. ред. специальной темы номера – О.В. Зайцева)

Зайцева О.В. В поисках пустоты: проблемы и перспективы обнаружения погребений с сохранный органикой на Оглахтинском могильнике. Введение к специальной теме	196
Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н. Дендрохронологическое исследование древесины из Оглахтинского могильника: первые результаты	204
Учанева Е.Н., Малютин А.А., Панкова С.В. Трасологическое изучение посмертных трепанаций на черепах из таштыкского грунтового могильника Оглахты	236

Широбоков И.Г. Кремации Оглахтинского могильника: случайная изменчивость или вариативность погребальных практик	272
Водясов Е.В., Зайцева О.В. Тесинские и таштыкские погребальные комплексы: хронологические парадоксы	296

MISCELLANEA

Перевалова Е.В., Киссер Т.С., Комова Е.А. Наследие Григория Давыдовича Вербова в МАЭ РАН (к 115-летию юбилею исследователя Севера)	316
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	345
-------------------------------------	-----

CONTENTS

IN SEARCH OF SIBERIANNES...

(Guest Editor *M.V. Vasekha*)

Vasekha M.V. How and Why Siberians Look for Siberianness	8
Vasekha M.V. Siberian Territorial Identities: The Search for Forms of Visual Representation of Siberian Regions	14
Fedorov R.Yu. Ethnocultural Memory of the East Slavic Population of Siberia: From Folk Representations to Institutionalization	40
Fursova E.F. Presentative Functions of Traditional Clothing: On the Issue of the Ethno-cultural Identity of the Russian-Siberian "Chaldons"	57

REINDEER HERDING COMMUNITIES: INTERACTION WITH THE NATURAL, SOCIAL AND CULTURAL LANDSCAPE

(Guest Editors *K.V. Istomin & K.B. Klovov*)

Istomin K.V., Klovov K.B. Landscape Approach in Ethnological and Geographic Studies of Reindeer Herding: An Attempt of New Synthesis. An Introduction to the Special Topic of this Issue	77
Klovov K.B. Russian Reindeer Herding Landscapes: Landscape Zoning and Paths of Evolution of Reindeer Husbandry in the Late 20th and Early 21st Centuries	96
Davydov V.N., Bobrova V.V. Khatanga and Anabar Reindeer Herders: The Changing Tundra Dwellers' Way of Life	113
Volkovitskiy A.I., Terekhina A.N. Dynamics of Nomadic Routes in Yamal: Pastures, Borders, Identities	134
Istomin K.V. Landscape Approach to the Anthropological Study of Reindeer Herding in the North of European Russia and Western Siberia	154
Yarzutkina A.A. Social Landscape of Late Soviet Chukotka Reindeer Herdsmen (Using the Example of Chukchi from Ayon Settlement)	176

CURRENT RESEARCH OF THE OGLAKHTY BURIAL GROUND: CHRONOLOGY AND FUNERARY PRACTICES

(Guest Editor *O.V. Zaitseva*)

Zaitseva O.V. Searching for the Emptiness: Problems and Prospects for Discovering Burials with Preserved Organic Matter at the Oglakhty Burial Ground. An Introduction to the Special Topic of this Issue	196
Slyusarenko I.Y., Garkusha Y.N. Dendrochronological Study of Wood from the Oglakhty Burial Ground of the Tashtyk Culture (Republic of Khakassia): First Results	204
Uchaneva E.N., Malutina A.A., Pankova S.V. Traceological Study of Postmortem Trepanations on Crania from the Oglakhty Cemetery (the Tashtyk Culture, 2nd–4th century AD)	236

Shirobokov I.G. Cremations at the Oglakhty Burial Ground: Random Variability or Variation in Funerary Practices?	272
Vodiasov E.V., Zaitseva O.V. Tes' and Tashtyk Burial Grounds: Chronological Paradoxes	296

MISCELLANEA

Perevalova E.V., Kisser T.S., Komova E.A. The Legacy of Grigory Verbov in the MAE RAS (To the 115th Anniversary of the Explorer of the North)	316
---	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	345
--------------------------------------	-----

В ПОИСКАХ СИБИРСКОСТИ

(отв. ред. специальной темы номера – М.В. Васеха)

Научная статья
УДК 391; 392; 316.776
doi: 10.17223/2312461X/41/1

Как и зачем сибиряки ищут сибирскость

Мария Владимировна Васеха

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
Maria.vasekha@gmail.com*

Аннотация. Публикации из тематического блока «В поисках сибирскости» представляют результаты исследований по проекту «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности» (поддержан Российским научным фондом), выполненных учеными из тюменского (Федоров Р.Ю.), ново-сибирского (Фурсова Е.Ф.) и московского (Васеха М.В.) научных центров. Авторы в своих текстах с разных сторон освещают разнообразные формы сибирской идентичности в различных регионах Западной и Восточной Сибири, размышляя о соотношении общесибирской идентичности и ее локальных форм, «конструктивистского» и «этнокультурного» начал в самовосприятии/самопрезентации жителей Сибири.

Ключевые слова: сибирская идентичность, региональная идентичность, сибирскость, социальный конструктивизм, этнокультурная память

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 22-28-00865 «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности»

Для цитирования: Васеха М.В. Как и зачем сибиряки ищут сибирскость // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 8–13. doi: 10.17223/2312461X/41/1

Original article
doi: 10.17223/2312461X/41/1

How and Why Siberians Look for Siberianness

Maria V. Vasekha

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, maria.vasekha@gmail.com*

Abstract. Publications from the thematic block “In search of Siberianness...” present the results of research on the project “Siberians in search of Siberianness: ethnocultural appearance and forms of identity” (supported by the Russian Science Foundation),

carried out by researchers from Tyumen (Fedorov R.Yu.), Novosibirsk (Fursova E.F.) and Moscow (Vasekha M.V.) research centers. The authors in their texts highlight the various forms of Siberian identity in various regions of Western and Eastern Siberia from different angles, reflecting on the relationship between the general Siberian identity and its local forms, the “constructivist” and “ethnocultural” principles in the self-perception/self-presentation of the inhabitants of Siberia.

Keywords: Siberian identity, regional identity, Siberianness, social constructivism, ethnocultural memory

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation No. 22-28-00865 "Siberians in search of Siberianness: ethno-cultural appearance and forms of identity"

For citation: Vasekha, M.V. (2023) How and Why Siberians Look for Siberianness. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 8–13. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/1

К теме «особости» сибиряков и сибирского образа жизни исследователи обращались не часто, но на разных этапах истории. В начале XXI в. хорошо известны работы А.В. Ремнева (Ремнев 2004, 2007) о формировании представлений о жителях сибирского региона и связанных с сибирским образом жизни страхах сепаратизма в Российской империи. Новосибирская ученая Н.Н. Родигина проанализировала образ Сибири в зеркале СМИ в исторической ретроспективе, что нашло отражение в ее монографии ««Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины 19 – начала 20 в.» (Родигина 2006). Омская ученая М.А. Жигунова в ходе этносоциологических исследований в Западной Сибири пришла к выводам о существовании «надстройки» в виде самоидентификации «сибиряк», в которой не обязателен отказ от «природной» этничности, что приводит к появлению составных определений «коренной сибиряк» и «русский сибиряк», «сибирский казак» и «сибирский татарин» (Жигунова 2011). Томичка В.Е. Ершова, проанализировав, как современные сибирские средства массовой информации (ре)презентуют образ жителя Сибири, пришла к выводу о том, что «медийный образ» базируется на автостереотипах (Ершова 2016). Томская команда, состоящая из Е.Е. Дутчак, Э.Л. Львовой и И.В. Нам, изучавшая региональную идентичность, посчитала, что сибирская идентичность – одна из тех, что носит сепаратистский характер (наряду с дальневосточной и калининградской) и вступает в конфликт с общероссийской идентичностью (Дутчак, Львова, Нам 2012). Новосибирские социологи А.А. Анисимова и О.Г. Ечевская (Анисимова, Ечевская 2012), несмотря на весьма ограниченную исследовательскую базу экспертных интервью, сделали выводы о том, что во втором десятилетии XXI в. протестная компонента стала одной из важных составляющих сибирской идентичности. Комплексных исследований о современном состоянии вопроса также не много. В 2022 г. на базе новосибирского Института археологии и

этнографии СО РАН вышла коллективная монография «Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX – начало XXI в.)», на страницах которой авторский коллектив раскрыл различные стороны идентичности населения Сибири (Сибирь и сибиряки 2022). В 2018 г. уральская исследовательница Е.В. Головнева защитила докторскую диссертацию по теме «Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале Сибирского региона)» (Головнева 2018). В работе диссертант пришла к выводу о том, что новые поведенческие практики в Сибири сложились уже в условиях культуры постмодерна, для которой характерны манипулирование региональной солидарностью и ее внешняя репрезентация, борьба за культурное наследие региона и его коммерциализация, ориентация на восприятие своей территории не только как «малой родины», но и как «пространства потребления».

В представленном тематическом блоке статей авторы сделали попытку осветить не затронутые исследователями-предшественниками аспекты региональной идентичности жителей Сибири. Авторы текстов блока разделяют как конструктивистский подход, так и апеллируют к понятию «этнокультурная память», которую можно в общих чертах определить как специфическую форму коллективной памяти, являющуюся совокупностью представлений об общности происхождения и маркерах этнических границ, репрезентаций основных компонентов духовной культуры и практических знаний, посредством которых воспроизводятся базовые элементы материальной культуры, а также исторического мировоззрения определенной этнической общности, основанного на аккумуляции коллективного жизненного опыта ее представителей (см. статью Р.Ю. Федорова). В случае конструктивистского прочтения сибирская идентичность рассматривается авторами как конструкт, который претерпевает изменения в различных общественно-политических условиях жизни, в ходе исторических событий, а также под влиянием целенаправленного (ре)конструирования как со стороны государственных и муниципальных органов, так и экспертных лиц / локальных инфлюенсеров / прочих неформальных сил и структур. М.В. Васеха задается вопросом: зачем нужна сибирякам сибирскость, почему сибиряки заинтересованы в проявлении сибирскости? Исследовательница в ходе полевых выездов пришла к выводу о том, что для анализа макро-, и микросибирскости необходимо выделить и анализировать такие аспекты (маркеры), как: отношение к своему месту жительства (центр – провинция, зависимость от Москвы и пр.); через что у жителей Сибири происходит осознание себя в мировом историческом пространстве (исторические события, значимые фигуры, различные достижения и пр.); уровень социального оптимизма в регионе; необходимость разграничения сибирской идентичности «для внутреннего потребления» и «на продажу»; по каким

критериям оценивается, насколько Сибирь «настоящая» и посредством чего происходит «присвоение» регионом сибирскости; какой сибирский город жители различных сибирских территорий считают столицей и пр. (см. текст М.В. Васехи).

В статье Е.Ф. Фурсовой анализируются связи конкретных проявлений идентичности русского и других восточнославянских народов Сибири в XIX – первой трети XX в., когда активно развивались основы регионального и этнокультурного самосознания. Автор рассматривает глубину этнокультурной памяти русско-сибирских старожилов-чалдонов на персональном и коллективном уровнях на конкретных полевых материалах – традиционных костюмах. Внимание к образно-ассоциативной и психоэмоциональной функциям костюма, в которых нашли отражение внутреннее восприятие чалдонами самих себя и внешнее, со стороны соседей – столыпинских переселенцев, позволило показать новую грань сибирскости. Учитывая то, что молодое поколение этнологов / антропологов крайне редко применяет артефакты материальной культуры для исследований различных аспектов духовной культуры, данный текст является особенно ценным. На материалах сибирских славян можно проследить процессы формирования и сохранения идентичности в совершенно новых условиях, выяснить, что из привезенного из Европейской России «багажа» оказалось наиболее жизнеспособным и ценным для сохранения самосознания. Региональное сообщество сибиряков, как называли в XIX – первой трети XX в. всех лиц, не имевших отношения к коренным (автохтонным) народам Сибири, включало в себя русских и другие славянские этнографические и этнические группы разной степени осибирячивания.

Авторы уделяют внимание понятию «сибирскость» как отражению в представлении людей черт сибирского характера, стереотипов поведения, самосознания и особенностей культуры жителей Сибири в XX в. в качестве отличных от русских Европейской России. Этнокультурная идентичность преобладала в среде восточнославянских народов до 1920-х гг., когда самопроизвольно образовалась множественность групп, характеризующихся спецификой культуры и религиозных особенностей (чалдоны, кержаки, двоеданы, курганы, хахлы и пр.). Значение региональной, сибирской, идентичности возросло в советский период 1920–1980-х гг., так как в это время позиционировалась новая историческая общность «советский народ» и этническая компонента культуры была отодвинута на второй план. Сибирскость актуализировалась далее в начале XXI в., когда начались процессы социального конструирования, особенно активные в период избирательных кампаний, во время проведения праздников, в рекламной и туристической деятельности и пр. Поддержанная трудами местной интеллигенции, чаще гуманитариев (историков, политологов, социологов, этнологов и пр.), сибирскость сегодня актуализируется на просторах

интернета, в научной и популярной литературе, фестивалях и пр. Авторы тематического блока ставили своей задачей выявить актуальность сибирской идентичности в повседневной жизни жителей Сибири, привлекая материалы глубинных интервью, включая экспертов (преподаватели вузов, сотрудники музеев, местные краеведы и т.п.) и неэкспертов (сельских и городских жителей, далеких от социально-политических дискуссий интеллектуалов), анализируя материалы сети Интернет, используя методы визуального наблюдения. В текстах авторов частично представлены результаты комплексной характеристики формирования идентичности восточнославянского населения ряда регионов Западной и Восточной Сибири как на начальном этапе формирования этого сообщества, так и в его современном состоянии.

Список источников

- Анисимова А.А., Ечевская О.Г. «Сибиряк»: общность, национальность или «состояние души»? // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2012. № 3. С. 11–41.
- Головнева Е.В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале Сибирского региона): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2018.
- Дутчак Е.Е., Львова Э.Л., Нам И.В. Сибирская региональная идентичность – фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2012. № 2-1. С. 41–44.
- Ершова В.Е. Образ жителя Сибири в медиaprостранстве Томска и Северска (на материале телевизионных выпусков и радиосообщений // *Вестник ТГУ. Филология*. 2016. № 4. С. 168–180.
- Жигунова М.А. Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? // *Родина*. 2011. № 11. С. 11–15.
- Ремнев А.В. Михаил Никифорович Катков в поисках «сибирского сепаратизма» // *Личность в истории Сибири XVIII–XX веков. Сборник биографических очерков*. Новосибирск: ИД Сова, 2007. С. 64–80.
- Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти 19 – начала 20 в. Омск: Изд. ОмГУ, 2004.
- Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006.
- Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX – начало XXI в.)* / Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров, Н.И. Шитова, О.В. Голубкова, М.В. Васеха; отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. 284 с.

References

- Anisimova A.A., Echevskaya O.G. (2012) «Sibiryak»: obshchnost', nacional'nost' ili «sostoyanie dushi»? [“Siberian”: community, nationality or “state of mind”?]. *Laboratorium. Zhurnal social'nyh issledovaniy*. no. 3. pp. 11–41.
- Golovneva E.V. (2018) *Konstruirovaniye regional'noj identichnosti v sovremennoj kul'ture (na materiale Sibirskogo regiona)* [Construction of regional identity in modern culture (based on the material of the Siberian region)] PhD thesis. Omsk.
- Dutchak E.E., L'vova E.L., Nam I.V. (2012) Sibirskaya regional'naya identichnost' – faktor konflikta ili resurs formirovaniya obshcherossiyskoj identichnosti? [Siberian regional

- identity – a factor of conflict or a resource for the formation of an all-Russian identity?], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. no. 2-1. pp. 41-44.
- Ershova V.E. (2016) *Obraz zhitelya Sibiri v mediaprostranstve Tomska i Severska (na materiale televizionnykh vypuskov i radioobshchenij* [The image of a resident of Siberia in the media space of Tomsk and Seversk (based on television broadcasts and radio messages)], *Vestnik TGU. Filologiya*. no. 4, pp. 168-180.
- Zhigunova M.A. (2011) *Sibiryak kak novaya nacional'nost': mif ili real'nost'?* [Siberian as a new nationality: myth or reality?], *Rodina*. 2011. no. 11. pp. 11-15.
- Remnev A.V. (2007) *Mihail Nikiforovich Katkov v poiskah «sibirskogo separatizma»* [Mikhail Nikiforovich Katkov in search of “Siberian separatism”]. *Lichnost' v istorii Sibiri XVIII–XX vekov. Sbornik biograficheskikh ocherkov*. Novosibirsk. pp. 64–80.
- Remnev A.V. (2004) *Rossiia Dal'nego Vostoka. Imperiskaya geografiia vlasti 19 – nachala 20 vv.* [Russia of the Far East. Imperial geography of power of the 19th – early 20th centuries]. Omsk.
- Rodigina N.N. (2006) *“Drugaya Rossiia”: obraz Sibiri v russkoi zhurnal'noi presse vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka*. [“The Other Russia”: the image of Siberia in the Russian magazine press of the second half of the 19th – early 20th centuries.]. Novosibirsk.
- Fursova E.F. (ed.) (2022) *Sibir' i sibiryaki: etnokul'turnaya identichnost' russkogo i drugih vostochnoslavyanskikh narodov v Sibiri (XIX – nachalo XXI v.)* [Siberia and Siberians: ethnocultural identity of the Russian and other East Slavic peoples in Siberia (19th – beginning of 21st century)]. Novosibirsk.

Сведения об авторе:

ВАСЕХА Мария Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: maria.vasekha@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maria V. Vasekha, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: maria.vasekha@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 1 августа 2023;
принята к публикации 29 августа 2023.*

*The article was submitted 01.08.2023;
accepted for publication 29.08.2023.*

Научная статья
УДК 391; 392; 316.776
doi: 10.17223/2312461X/41/2

Сибирские территориальные идентичности: поиск форм визуальной репрезентации сибирских регионов

Мария Владимировна Васеха

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
Maria.vasekha@gmail.com*

Аннотация. Исследование выполнено на базе свежих полевых материалов, собранных автором в 2022–2023 гг. в Тюменской и Новосибирской областях, а также Красноярском крае. Автор также использовала материалы, собранные с помощью сети Интернет и ряда дистанционных интервью среди жителей Омской области, что привело к закономерному информационному «перекосу» в пользу регионов, куда полевые выезды состоялись. Проект исследования сибирской идентичности и ее локальных вариантов еще продолжается, в связи с чем данный текст охватывает лишь часть сибирских регионов, представленных крупнейшими городами Сибири. В отношении изучения идентичности автор придерживается позиции целенаправленного социального конструирования как со стороны сибирских администраций, так и прочих неформальных сил и структур. Рассматривается как официально утвержденная региональная повестка, так и неформальные, стихийные формы идентичностей, сложившиеся за пределами / вопреки административному мейнстриму.

Ключевые слова: маркетинг территорий, сибирская идентичность, региональная идентичность, визуальная антропология, визуальные репрезентации, сувенирная продукция, социальный конструктивизм

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 22-28-00865 «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности».

Для цитирования: Васеха М.В. Сибирские территориальные идентичности: поиск форм визуальной репрезентации сибирских регионов // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 14–39. doi: 10.17223/2312461X/41/2

Original article
doi: 10.17223/2312461X/41/2

Siberian Territorial Identities: The Search for Forms of Visual Representation of Siberian Regions

Maria V. Vasekha

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, maria.vasekha@gmail.com*

Abstract. The article is based on fresh field materials collected by the author in 2022–2023 in the Tyumen and Novosibirsk regions, as well as the Krasnoyarsk Krai.

Materials collected using the Internet and a series of remote interviews in the Omsk region, were also used in the article, which led to an informational "bias" in favor of regions where field work took place. The research project of the Siberian identity and its local variants is still ongoing, and therefore this text covers only a part of the Siberian regions represented by the largest cities of Siberia. With regard to the study of identity, the author of the text adheres to the position of purposeful social construction both on the part of the Siberian administrations and other informal forces and structures. Both the officially approved regional agenda and informal, spontaneous forms of identities that have formed outside / contrary to the administrative mainstream are considered.

Keywords: territory marketing, Siberian identity, regional identity, visual anthropology, visual representations, souvenirs, social constructivism

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation No. 22-28-00865 "Siberians in search of Siberianness: ethno-cultural appearance and forms of identity".

For citation: Vasekha, M.V. (2023) Siberian Territorial Identities: The Search for Forms of Visual Representation of Siberian Regions. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 14–39. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/2

Введение

В России тема маркетинга территорий активно поднимается с начала XXI в., а своего пика популярности она достигла к началу второго десятилетия нового века. Толчком к массовой работе в направлении развития российских территорий средствами маркетинга во многом стали государственные законодательные инициативы. Одной из первых можно считать «Концепцию продвижения национального и региональных брендов товаров и услуг отечественного производства на 2007–2008 годы» (2007), представленную в 2007 г. Министерством экономического развития РФ. В ней предполагалось создание и продвижение бренда России, ее регионов и городов, товаров и товарных групп, которые могут позитивно влиять на имидж страны за рубежом. Особое внимание в концепции было уделено внедрению маркетингового подхода в ряд процессов государственного управления, проведению рекламных и PR-акций для повышения конкурентоспособности страны, ее территорий и товаров в условиях избыточного предложения. Инициатором мероприятий по созданию региональной айдентики, как правило, выступало правительство региона, действовавшее либо путем конкурсного голосования, открытого для всех жителей местного сообщества, либо путем тендерного конкурса среди профессиональных команд, специализирующихся на брендинге. Сибирские регионы не остались в стороне, и с разной степенью вовлеченности включились в общероссийский процесс территориального брендинга.

В силу обширности сибирской территории можно говорить как о некой общесибирской общности, так и о различных формах сибирских

локальных идентичностей, в выявлении особенностей которых автор и видит свою задачу. Одним из новаторств в статье является попытка выделить и обосновать основные маркеры локальных сибирской идентичностей в различных регионах Сибири как в контексте современного социального конструирования, так и вне конструктивистского контекста. В ходе полевых исследований было выявлено несколько маркеров сибирской идентичности и ее локальных форм, одним из них можно назвать отношение к своему месту жительства как в рамках Сибири, так и России и мира в целом (ощущения «центр» – «периферия», отношения к Москве – автономность/зависимость от нее и пр.). Осознание себя в мировом историческом пространстве также происходит через «знаковые» фигуры уроженцев сибирских регионов, сыгравших заметную роль в культурно-исторических судьбах страны и мира. Для исследования было важным выяснить, как происходит «присвоение» сибирскости: каким образом каждый сибирский регион пытается маркировать, что именно здесь находится «настоящая» Сибирь. Была сделана попытка выяснить, с помощью каких инструментов происходит «присвоение». Еще одним маркером стал вопрос о том, где находится столица Сибири (официально таковой нет, но существуют различные версии у жителей сибирских городов), какими факторами сибиряки объясняют «столичность» того или иного сибирского города. Немаловажными компонентами «сибирскости» являются гастрономическая и этнографическая составляющие. Автору кажется важной тональность той или иной формы сибирской идентичности, насколько позитивно или негативно-протестно воспринимают сибиряки свое место жительства. Интересным выявленным исследователем фактором является «игра в сибирскость»: на какие стереотипы чаще всего опираются для создания образа «настоящего сибиряка» и «сибирского колорита», каким образом конструируется сибирскость «на экспорт» и «для внутреннего потребления».

Тюмень

Забегая немного вперед, в Тюмени, вероятно, можно наблюдать один из самых удачных примеров формирования имиджа территории и локальной идентичности. В 2017 г. тюменская администрация во второй раз (после не очень удачной) предприняла попытку работать с брендингом территории, в итоге результат оказался достаточно продуманным и согласованным между всеми сторонами, вовлеченными в решение задачи. К айдентике края тюменские власти привлекли не столько рекламистов и маркетологов, сколько местных краеведов, историков, социологов и урбанистов. Такой подход позволил активно разработать несколько коммуникационных стратегий, не противоречащих друг другу, а скорее взаимодополняющих. Важно отметить, что формирование региональной

идентичности происходит на фоне в целом позитивного восприятия своего места жительства самими жителями области. Находясь в тюменском поле, исследователь может наблюдать достаточно высокий уровень социального оптимизма в регионе. Он был отмечен на самых разных уровнях как у экспертов – работников музеев, интеллектуальной элиты, представителей администрации, так и у случайных людей на улицах – продавцов сувенирных лавок, таксистов, горожан. Под социальным оптимизмом в данном случае подразумевается достаточно высокая оценка комфортности своего проживания в Тюмени жителями региона. По наблюдениям, тюменцы отмечали постоянное улучшение городской инфраструктуры, широкие возможности получения образования, профессионального развития и саморазвития, насыщенную культурную жизнь, комфортные природно-географические условия. Как выяснилось, в 2012 г. мониторинговое агентство NewsEffector совместно с Фондом региональных исследований «Регионы России» выявили условный индекс счастья регионов России. Первые три строчки рейтинга заняли Грозный, Тюмень и Казань, сообщают авторы исследования «Индекс счастья российских городов» (Тюмень вошла... 2012).

Я в Сибири по своей воле

Слоган «В Сибири по своей воле» был утвержден как одна из коммуникационных стратегий регионального туристического бренда «Visit Tyumen», обнародованного в 2017 г. после почти полугодовой работы с командой регионоведов, краеведов, историков, журналистов и неравнодушных тюменцев. Автор проекта Александр Назаров пояснил рождение одного из самых успешных тюменских региональных слоганов: «Мы гипертрофируем шаблон и делаем его приятным. Были ссылки в Сибирь, и это негативный факт. Но сейчас говорить, что мы в Сибири по своей воле, – комфортный момент. Это возможность показать исторические факты через копирайт, т.е. не демонстрировать фотографии декабристов, а сказать о том, что они здесь были, но сейчас в Сибирь едут по своей воле» (В Сибири по своей воле... 2017).

Сувенирная продукция с фразой «В Сибири по своей воли», по словам продавцов сувенирных магазинчиков, – одна из самых востребованных как среди гостей города, так и самих жителей. На провокационные вопросы типа «А точно ли по своей воли в Сибири?» тюменцы отвечали: «Ну, а по чьей же еще?», «Я тут родилась, это моя Родина», «Мои родители сюда приехали на вахту, полюбили и остались» и пр. Для гостей города сувениры с этим слоганом являются своеобразных напоминанием-игрой, что они приехали в Сибирь не как декабристы, а по собственной инициативе. Жителями области фраза воспринимается как часть собственной региональной идентичности, подчеркивает

«отстройку» тюменских сибиряков от категории ссыльно-каторжного населения, к потомкам которых стереотипированно и несправедливо причисляют всех жителей Сибири не только в российском информационном пространстве, но и в мировом. Тюменцы подчеркивают, что их обижает стереотипное восприятие родного края как места ссылки, в то время как большинство переселенцев / потомков переселенцев Тюмени – инициативные трудолюбивые люди, приехавшие в Сибирь для ее хозяйственного освоения и искренне любящие свой город. Недавно популярный российский блогер, лидер мнений в области дизайна и рекламы, казалось бы, весьма образованный человек Артемий Лебедев в одном из выпусков «Самых честных новостей» (Самые честные новости 2022) в 2022 г. высмеял утвержденный губернатором Александром Морозом слоган «В Сибири по своей воле» словами: «Да, конечно, кто туда по своей воле бы поехал!». Поэтому для сибиряков-тюменцев новое позиционирование своего края как место добровольного поселения без принуждения является важным заявлением, поскольку сила негативных стереотипов о Сибири как месте ссылки все еще очень велика.

Важно отметить, что для жителей Западной Сибири в целом и Тюменской области в частности тема каторги и ссылки сегодня практически не актуальна для формирования собственной региональной идентичности. Тема «наказания Сибирью» звучит лишь как спорадическое явление, например, в связи с Сибирским трактом (по которому гнали каторжников дальше на восток). В Тюменской области картину сибирской ссылки дополняют города Тобольск и Ялуторовск, куда были сосланы декабристы И.Д. Якушкин, М.И. Муравьев-Апостол, И.И. Пущин, Е.П. Оболенский и пр. Дополняет список Березов – место ссылки сподвижника Петра I князя А.Д. Меншикова, князя А.Г. Долгорукова, графа А.И. Остермана, бывшего канцлера Российской империи, а также социал-демократов П.С. Гусева, В.П. Ногина, Л.Д. Троцкого.

Место в Сибири: «Ворота Сибири»

В 2000 г. Тюменская область вошла в состав Уральского федерального округа. Этот вроде бы формальный факт несколько размывает сибирскую идентификацию тюменцев, что выражается, например, в переориентации на Екатеринбург и Урал в целом как на социально-экономический и культурный центр региона. Тем не менее тюменцы сохраняют историческую память о своем регионе как о сибирской земле (тем более что с географической точки зрения это и есть Сибирь, а город Тюмень – самый старый город Сибири).

«Тюмень – столица деревень» – известное выражение, по одной из множества версий возникшее в результате создания в 1944 г. Тюменской области в ходе разукрупнения Омской области, а также с включением

районов Курганской. Таким образом, Тюмень становилась центром всех окрестных деревень, кроме того и сама Тюмень, несмотря на высокий символический статус, больше была похожа на деревню. Сегодня об этой форме (само)идентификации тюменцы помнят, но не считают ее соответствующей современности. «Посмотрите, как развивается город, каких деревень? А раньше так да, говорили», – прокомментировала продащица сувенирного киоска. В центре города располагается «ресторан-гротеск “Столица деревень”», который как бы подчеркивает абсурдность этого заявления. «Тюмень – ворота Сибири» – одно из новых, маркирующих место слоганов Тюменской области не только в Сибири и России, но и в мире. Тюменцы считают, что именно отсюда въезжающие начинают свое знакомство с необъятной сибирской территорией. «Сначала через город шли на восток русские первопроходцы. Потом этот маршрут освоили сотни тысяч добровольных переселенцев из центральных губерний России и тысячи преступников, сосланных в Сибирь. В советское время через Тюмень энтузиасты и романтики ехали осваивать Север, – так рассказывала гид Екатерина Островская. – Сейчас многие путешественники точно так же через Тюмень направляются дальше – в Тобольск, на Алтай» (Ворота Сибири... 2021).

В рамках тюменского молодежного проекта городских исследований (ТюмГУ) была комплексно изучена улица Первомайская (бывш. Голицынская), которая идет от железнодорожного вокзала в центр города к набережной реки Тура. Сегодня это одна из важных центральных городских артерий, а в прошлом, пока не построили Транссиб дальше на восток, она выполняла связующую роль для крестьян-переселенцев. В нарративах местных краеведов, переселенцы выгружались с семьями, скотом и скарбом на тюменской железнодорожной станции и шли вниз по Первомайской к порту на реке Тура и уже дальше речным транспортом добирались до будущих мест жительства (ПМА 2022). Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. на тюменской Голицынской (Первомайской) будущие сибиряки знакомились со своей новой родиной, а в наши дни в местном сообществе был сконструирован еще один термин – «ворота гостеприимства».

В ходе полевых исследований 2023 г. была зафиксирована новая форма тюменской идентичности на сувенирной продукции: как бы в шутку на фоне бензоколонки двусмысленная надпись: «Тюмень всем управляет». Достаточно провокационное заявление, и в то же время отражающее представление о роли своего региона не только в современной российской, но и мировой повестке (рис. 1).

Присвоение сибирскости

Крупные сибирские регионы при позиционировании собственной территории часто пытаются отметить, что «настоящая» Сибирь

находится именно в данном регионе. Сибирь в тюменском геобрендинге начинается с Тюменской области.

Рис. 1. Футболка «Тюмень всем заправляет», г. Тюмень.
Фото М.В. Васехи. ПМА, 2023

Это нашло выражение в утвержденных коммуникационных стратегиях «Discover Siberia in Tyumen», «Моя и твоя Сибирь», «Welcome to Siberia», «Open Siberia with Tobolsk». Подчеркивание сибирскости часто происходит с помощью конструирования локальных «сибирских» историй, фактов, личностей, внесших вклад или сыгравших значительную роль в российской и мировой истории и культуре. Так, тюменский арт-объект Сквер сибирских кошек был открыт в 2008 г. В пояснительной табличке описывается эпизод «кошачьей мобилизации» из Сибири в освобожденный после блокады Ленинград, чтобы спасти город от нашествия грызунов, в частности картины Эрмитажа. Корреспондент «Аргументов и фактов» в Санкт-Петербурге высказала следующее мнение: «В конце войны в Ленинград привезли второй эшелон кошек. На этот раз их набирали в Сибири. Многие хозяева лично приносили своих котов на сборный пункт, чтобы внести свой вклад в помощь ленинградцам. Из Омска, Тюмени и Иркутска в Ленинград приехали пять тысяч кошек» (Хвостатые героини... 2014).

Знаковой личностью для репрезентации Тюменской области всегда была полумифическая фигура казачьего атамана Ермака (пожалуй, здесь самое большое количество репрезентаций Ермака из всех сибирских регионов, что вполне объяснимо историческим контекстом). Не так давно сюда добавилась фигура Григория Распутина, который родился в селе

Покровском Тюменской области. Лишь в 1991 г. местный историк Марина Смирнова основала на родине царского фаворита с неоднозначной репутацией небольшой частный музей, а на территории тюменской больницы, где в 1914 г. Распутин оперировали после покушения, ему установили памятник.

Нефть. Процветание. Культ геолога

Важнейшая составляющая самоидентификации тюменцев – конечно же, представление о своем регионе как о нефтегазовом центре страны. Добрая часть сувенирной продукции посвящена именно теме нефтедобычи. И если образы сибирских кошек, спасших культурную столицу России, атаман Ермак, Григорий Распутин и прочие – скорее яркие штрихи к локальной идентичности, то сибирская нефть и нефтяники – основа тюменской идентичности с 1965 г. Жители региона полностью отдают себе отчет, что своему сегодняшнему комфорту они обязаны месторождениям на севере Тюменской области. Тюменцы считают свой город неофициальной нефтегазовой столицей России. Это выражается в городской топонимике, а также большом количестве памятников, мемориалов и панно, посвященных нефтеразработкам. В одном из городских скверов даже есть детская площадка в виде нефтьвышки (рис. 2), а также специфическая репрезентация региона – памятник в виде огромного глобуса, который держит рука человека и на нем обозначен единственный город – Тюмень в виде буровой установки.

Рис. 2. Детская площадка в виде нефтьвышки, г. Тюмень.
Фото М.В. Васехи. ПМА, 2022

Сибирский курорт

Термальные курорты Тюмени – один из новых, но несколько позабытых брендов региона. Развитие бальнеологической сферы логично укладывается в концепцию развития региона по удержанию человеческого капитала и привлечению туристических потоков. В Москве прошла успешная рекламная кампания, когда на уличных носителях москвичам активно предлагали попробовать тюменские СПА-курорты. Сегодня среди тюменцев широко распространено мнение, что стратегия «северян» (тех, кто работает «на севере» в ХМАО и ЮНАО, обычно в области добычи полезных ресурсов) переезжать после выхода на пенсию «на юга» (чаще всего в Краснодарский край) вредна для здоровья, не привыкших к жаре сибиряков. Уже несколько лет такая стратегия меняется в пользу «оседания» на юге Тюменской области – в динамично развивающемся городе Тюмень, где, как считают сами жители, более подходящий климат «лето как лето, и зима как зима».

Омск

Омские власти одними из первых в Сибири решили заняться территориальным брендингом. Еще в октябре 2011 г. правительство Омской области утвердило новый бренд региона в виде медвежьей лапы с елями вместо когтей, по контуру якобы напоминающей очертания региона, а внутри лапы оказался вписан весь символический «культурный капитал» региона – звезды, снежинки, храм и лезвия агротехники. На просторах Рунета эта региональная айдентика получила название «брендолопа» (рис. 3). Слоганом стала фраза «Омский регион – открытая Сибирь», который создатели пояснили как «открытую для евроазиатского сотрудничества» Омскую область. Разработка этого изображения в 2011 г. вызвала серьезный информационный всплеск не только в Омском регионе, но и далеко за его пределами. О «лапе» не высказался только ленивый, в основном в негативном ключе. Основой критики стали тезисы о стереотипизации представлений о Сибири как медвежьем угле, агрессивности изображения (лапа-то с когтями) и малоинформативных с точки зрения позиционирования региона символах, заключенных внутри «лапы».

На фоне явно неудачной официальной попытки представить лицо города омичи писали, что об Омске знают немного, но популярность на просторах Рунета получила фраза «Не пытайтесь покинуть Омск». Были высказаны идеи, что именно с этим ярким образом и нужно было работать маркетологам-урбанистам. Существует мнение, что фраза «Не пытайтесь покинуть Омск» появилась после сильного урагана 2014 г., который снес памятник – гигантский шар, установленный в 1997 г. в честь основателя города Ивана Бухгольца. После чего в соцсетях появились

шутки, что шар хотел покинуть Омск, но не смог. Впоследствии появился мем «Не пытайтесь покинуть Омск» с шаром в различных ситуациях и локациях и позже – великое множество интернет-мемов и демотиваторов на тему сложности выезда из Омска (рис. 4).

Рис. 3. Логотип Омской области «Омский регион – открытая Сибирь»
(худ. Станислав Иванченко), утвержден в 2011 г.

Рис. 4. Интернет-мем «Омск-Омск» (без указания авторства)

Фирменная омская депрессия

Популярность и востребованность ставшего фольклорным варианта омской идентичности «Не пытайтесь покинуть Омск» выразилась в том факте, что местная омская телекомпания ГТРК «Омск» запатентовала эту фразу в качестве товарного знака и планировала использовать ее, в том числе в собственной сувенирной продукции (В Омске получен патент... 2017). Однако в ответ на это омская администрация публично высказалась, что история развития этой фразы «отпугивает потенциальных инвесторов», ВРИО губернатора Омской области Александр Бурков посчитал, что инвесторы не хотят двигаться в регион, где не хватает оптимизма (Мем «Не пытайся покинуть Омск»... 2018).

Еще одним «народным» и откровенно издевательски-депрессивным символом города на просторах Рунета стала Омская птичка, или O-mich, или Вингедум (существуют и другие варианты названий). Согласно информации Мемепедии, создал этого персонажа немецкий художник Хайко Мюллер, который нарисовал картину с красной птицей под названием «Winged Doom» («Крылатый рок»). Один из пользователей Интернета приписал на картине: «Welcome to Omsk!», что и стало толчком для создания целого ряда картинок с этой птичкой и шутками преимущественно на наркоманскую тематику. Впоследствии Птица-омич обрела огромную популярность среди молодых жителей города, а затем разошлась в сети Интернет, обрастая все новыми смыслами и мемами. Чаще всего Омская птица олицетворяет наркоманию, поэтому и шутки-мемы весьма специфические. В большинстве случаев она изображена в виде головы птицы на пестром фоне с какой-нибудь сумасшедшей надписью. Это явление получило название «Омский каламбур» (Мемепедия. Омская птичка... 2016), т.е. буквальное понимание какого-либо выражения или идиомы (рис. 5).

Еще одной важной «народной» составляющей омской идентичности является недостроенное метро с единственной законсервированной станцией («Библиотека им. Пушкина») и построенным метромостом (без метро). Вместо станции метро теперь здесь расположен подземный переход, который власти в свое время открыли с прикрепленной буквой «М» (для горожан было неясно, что это значит – обещание когда-нибудь построить метро в Омске или откровенное издевательство). Пожалуй, именно патологически затянувшаяся ситуация с (не)строительством метро в Омске дало старт специфическому омскому восприятию своей среды обитания и последующих широко известных омских мемов, в той или иной степени отражающих не самую позитивную локальную идентичность жителей Омска и области.

Неудачная попытка омской администрации заняться территориальным брендингом, который никак не учитывал локальную идентичность

местного населения, повлек за собой широкую неформальную вовлеченность омичей в рефлексии о городе и судьбах его жителей.

Рис. 5. Интернет-мем «Сжал зубы в кулак» (без указания авторства)

Преобладание откровенной депрессивности в восприятии омского варианта сибирского образа жизни говорит о формировании здесь яркой формы протестной региональной идентичности. Вероятно, этот внутренний протест жителей можно связать со снижением символического статуса этого сибирского мегаполиса, потерей особого положения «закрытого» города-миллионника, в прошлом выполнявшего важную роль в обороноспособности страны. К этому можно добавить резкое снижение качества жизни жителей появившейся возможностью сравнивать омский образ жизни с не-омским явно не в пользу первого. Депрессивная и протестная омская идентичность сложилась не на пустом месте. Отток молодежи из Омской области ежегодно не только не уменьшается, но и

возрастает, по миграционной убыли Омск обгоняет всю Россию: так, в период 2018–2020 гг. город покинули 34,6 тыс. человек (Омская область вошла в тройку... 2021), и чаще всего из города уезжает образованная, высококвалифицированная молодежь. Важно отметить, что часть омичей все же не уезжает за пределы Сибири, а переезжает в соседнюю, динамично развивающуюся Тюменскую область.

Новосибирск

Сибирская столичность

Жители Новосибирска имеют твердую уверенность, что живут в столице Сибири (данная идентичность активно поддерживается в местных СМИ, например, такими формулировками, как «сегодня в Столице Сибири...», а также производством ряда локальных продуктов с названием «Столица Сибири»). В то же время придача Новосибирску статуса неофициальной столичности часто не разделяется жителями других крупных или исторических сибирских городов. Так, например, омичи любят именовать свой город «Третья столица России» (после Москвы и Санкт-Петербурга). Красноярцы также не отстают от омичей в столичных претензиях. На звание сибирской столицы претендуют и далеко не-миллионники, зато «исторические» города Сибири – Тобольск, Томск, Иркутск. Официального статуса столицы Сибири, конечно же, не существует. Небезынтересно, что в ходе экспедиционных исследований жители Тюмени чаще всего называли столицей Сибири близлежащие крупные города, с которыми налажены культурно-экономические отношения, например, Омск или даже Екатеринбург (географически это уже не Сибирь, а Урал); другие сибирские города для них не так хорошо знакомы, и их почти не называли. Иркутяне столицей Сибири смело называли Новосибирск, в редких случаях Красноярск, тем не менее подчеркивая, что раньше официальным центром Российско-американской компании был именно Иркутск. Красноярцы говорят, что все же столица скорее Новосибирск, а Красноярск только стремится получить этот статус. Лишь новосибирцы уверенно называли свой город столицей, правда, указывая на множество недостатков в городе. Новосибирцы обосновывают свою «столичную» идентичность жизнью в деловом, транспортном, научном, образовательном и культурном центре, с преимуществами самого большого города Сибири и третьего по численности населения в России с единственным работающим в Сибири метро. Тем не менее новосибирцы никак не могут определиться, с образом чего должен ассоциироваться Новосибирск, чтобы отражать региональную идентичность и в то же время выглядеть привлекательно для туристов и инвесторов.

Присвоение Сибири: «Сибирь здесь»

В 2012 г. бывший губернатор Новосибирской области Василий Юрченко сообщил в СМИ о планах потратить 50 млн рублей на разработку бренда региона. Обоснование проекта звучало как: «Мне было очень неудобно при разговоре с одним из чиновников. Достаточно высокого уровня образования человек, достаточно высокий IQ, и должность у него неплохая, высокая, – и когда он узнал, что я губернатор Новосибирской области, задал вопрос: а Норильск – это у вас? Это не то, что Норильск не знают, где находится, это не знают, где Новосибирск находится» – такие комментарии дал бывший губернатор журналистам (Вопрос недели... 2018). Однако лишь спустя три года, в 2015 г. Минэкономразвития Новосибирской области подвело итоги конкурса на лучшую эмблему-логотип и слоган Новосибирской области. Лучшей работой в итоге стал логотип зеленой снежинки-калейдоскопа, разработанный дизайнером одной из новосибирских рекламных групп. Слоганом области стала фраза «Сибирь здесь» (Новосибирской области определили логотип... 2015).

После презентации нового логотипа новосибирские журналисты опросили местных лидеров мнения и крупных игроков рекламного рынка, что они думают по поводу сочиненной для Новосибирской области айдентики. Многие ответили, что не соотносят утвержденное изображение и самоощущение как жителя Новосибирского региона. Так, один новосибирский маркетолог выразил мысль, что в медийной среде Новосибирск устойчиво ассоциируется с запретом «Тангейзера», «Монстрацией» (которую тоже время от времени запрещают). По его мнению, эти обстоятельства сами по себе формируют образ города во внешней среде, и странная зеленая снежинка не в состоянии перебить смысловую нагрузку существующей новосибирской повестки. Многие отметили, что изображение, вызывающее только одну ассоциацию Новосибирской области со снегом, в корне не верно и у города гораздо больше смысловых кодов и ценностей, чем то, что включает образ снежинки.

Сибирь, но без стереотипов (без медведей и елок)

На сегодняшний момент городская айдентика Новосибирска не разработана, не принят официальный городской образ. До сих пор новосибирская администрация прибегает к такому приему, как создание «ситуативных» логотипов города, приуроченных к празднованию очередного городского юбилея. Нужно отметить, что периодическое создание юбилейной символики отражает некоторую эволюцию в восприятии облика Новосибирска. Так, например, в 2013 г. власти использовали традиционные и узнаваемые городские символы – Новосибирский театр оперы и балета (ныне НОВАТ) и Коммунальный мост через реку Обь, визуально

слитые в единое изображение. А спустя 5 лет, к 125-летию города, администрация пошла «рискованным» путем и выбрала в качестве «праздничной» городской символики яркие авангардные изображения, начисто лишенные даже намеков на главные городские достопримечательности, а слоганом стало «Это ново» (рис. 6). Разработчик новой городской праздничной символики так прокомментировал свое стилистическое решение: «Новосибирск – яркий, современный город с историей, культурой, архитектурой, искусством, наукой. Нам было важно это показать и уйти от стандартных образов, продемонстрировать, что Новосибирск – это нечто большее и интересное, чем медведи среди ёлок. Новосибирск – город современный, при этом у него есть история, конструктивистская архитектура, которая в начале прошлого века была в авангарде искусства» («Новосибирск – это больше, чем медведи среди ёлок»... 2018).

Рис. 6. Утвержденный вариант ситуативного территориального брендинга г. Новосибирск (студия Николая Запорожского), утвержден в 2018 г.

Визуальный анализ городской среды Новосибирска и области показал, что утвержденная местными властями зеленая снежинка-калейдоскоп так и не «прижилась» ни в брендировании городской/областной навигации, ни на сувенирной продукции, продающейся в магазинах города. На новосибирских сувенирах преобладают изображения условного географического центра России – часовни Св. Николая, Оперного театра, Коммунального моста через р. Обь и прочих архитектурных локаций Новосибирска. «Юбилейные» изображения широко используются администрацией накануне празднования Дня города в наружной рекламе и на официальной сувенирной продукции, сделанной специально к празднику, в течение года символика не актуализируется. Автору также не

удалось выявить каких-либо неофициальных, авторских концепций территориального брендинга, какого-либо «живого» народного фольклора вокруг городской айдентики Новосибирска. Отчасти подобную индифферентность жителей можно объяснить молодостью городской культуры Новосибирска и довольно высоким уровнем обновления населения вследствие миграционного оттока новосибирцев и в то же время притока новых жителей из других регионов (Итоги миграции населения Новосибирской области... 2019).

В неформализованном интервью представитель администрации города Новосибирска прокомментировала, что идеи заняться брендом города звучат давно, однако даже при формулировании технического задания не понятно, вокруг чего строить городскую идентичность: «Если мы город культуры, то теряются другие важные составляющие, которые есть у Новосибирска, если город науки, то упускаем много другого важного, если мы город-транзит, перекрестье дорог с Запада на Восток и с Юга на Север, то это тоже совсем отдельная история, и строить идентификацию вокруг нашего, хоть и уникального, железнодорожного вокзала тоже не совсем правильно» (ПМА 2021).

Арт-протестная форма идентичности

В контексте локальной идентичности было бы несправедливо не упомянуть новосибирскую Монстрацию, городской иронично-протестный карнавал – шествие людей с плакатами, которое, пожалуй, отчасти можно считать одной из форм проявления городской идентичности. Это абсурдистское шествие как идея родилось не в Новосибирске, однако, благодаря отдельным активистам, стало прочно ассоциироваться именно с этим городом. Мотивация участников Монстрации, по большей части, имеет гибридную форму (здесь все смешалось: арт, политическая, субкультурная, интеллектуальная и другие подоплеки). Несмотря на то, что организаторы Монстрации ежегодно настаивают, что ее формат вне политики (интеллектуальный абсурд, арт-акция и пр.), часть плакатов ежегодно отражает восприятие собственного пространства жизни – города и региона – Новосибирска и Сибири в ироничном протестном духе. В 2016 г. центральным плакатом абсурдистского шествия стал лозунг «Здесь вам не Москва», надпись быстро перекочевала на мерч – популярные футболки и свитшоты, создаваемые и продаваемые организатором новосибирских Монстраций А. Лоскутовым. Сама фраза «Здесь вам не Москва» стала крылатым выражением. Безусловно, в эту фразу можно вложить самые разные смыслы, однако сибиряки ее восприняли именно в контексте низкого социально-экономического уровня жизни Сибири по сравнению, например, со столицей России (рис. 7). Тем не менее протестная сибирская идентичность здесь не столь

ярко выражена по сравнению с омской и больше похожа на «игры разума», чем реальное недовольство граждан.

Рис. 7. Лозунг «Здесь вам не Москва». Монстрация, Новосибирск, 2015 г.

Неопределенность визуального воплощения идентичности города вылилась в выжидательную позицию местных властей при создании территориального бренда Новосибирска и отсутствие инициатив «снизу» ни в ключе «позитивной», ни «негативной» или «протестной» форм городской идентичности. Можно объяснить подобное явление тем, что в городе и области нет уникальных туристических природных аттракций или исторических достопримечательностей, городская культура очень молода, в городе на протяжении многих десятилетий идет ощутимая ротация населения: отток новосибирцев и приток новых жителей города в основном из области, других сибирских регионов и стран СНГ (Итоги миграции населения Новосибирской области... 2019), что также влияет на определенную нестабильность городской идентичности и размытость городской культуры.

Игра в сибирскость: «сибиряк без ушанки» как символ настоящего

В октябре 2020 г. один из крупнейших торговых центров Новосибирска «Сибирский Молл» заявил о ребрендинге. Изменения коснулись не только логотипа и фирменного стиля, но и коммуникационной стратегии торгово-развлекательного комплекса, которая теперь была выстроена с учетом того, чтобы слово «сибирский» в названии действительно обрело смысл и начало «обыгрываться» во всех обращениях к целевой аудитории – «сибирякам» (а не просто посетителям!), собирательный образ которых также причудливо воображается/конструируется креативщиками концепции (рис. 8).

Рис. 8. Страница из брендбука «Сибирского молла»
(коммуникационное агентство SmartHeart, рук. Станислав Окрух). 2020 г.

Важным для нашего исследования является тот факт, что креативную концепцию «сибирскости» для торгового центра разрабатывало московское рекламное агентство. Станислав Окрух, креативный директор агентства поделился историей разработки идеи: «Мы старались делать проект максимально «сибирским», напитать его сибирской душой, сибирским теплом, сибирской идентичностью. Мы хотели нащупать именно эту душу, нащупать это добро, которое есть в сибирских людях и привнести его в бренд, в его позиционирование и коммуникации, в его идентичность» (Сибирский молл» провел ребрендинг... 2020). Таким образом, московское видение «сибирской души» выразилось в позиционировании бренда – «Сибирский Молл с широкой душой и добрым сервисом». «Логотип – это и сердце, и стилизованный валенок, он подчеркивает, что “Сибирский Молл” гордится своим происхождением и не хочет терять сибирские корни. Он современный, но не уходит от особенностей, которыми богат край. Он давно не носит ушанку, но бережно хранит ее как теплые воспоминания. Он не надевает валенки, но помнит, какая звездочка на них нашита. Его главные ценности – это гости, культура и самобытность», – рассказали о новой концепции в пресс-службе «Сибирского Молла».

Кейс «Сибирского Молла» с его сочиненными «сибирскими корнями» и попытками найти сибирскость московскими рекламщиками ярко вскрыл противоречивый клубок существующих стереотипов и недосказанности в восприятии Сибири, сибирского образа жизни и сибиряков в российском пространстве. Из концепции следует, что сибирскость – это что-то «большое», «доброе» с «широкой душой» (возможно, некая апелляция к истории сибирского купечества), но в то же время

«зависшее» между прошлым и современностью (ушанку не носит, но бережет; валенки не надевает (хотя валенок на логотипе!), но помнит о нашитой на них звездочке (тут, конечно, хотелось бы уточнить, что это такая за звездочка)). Этакий образ человека, который ностальгирует о прошлом (почему-то валенки и ушанка здесь должны восприниматься именно так) и с совершенно невнятным настоящим (не понятно, как нарисовать образ сибиряка из настоящего без его главных «исторических» атрибутов – валенок и ушанки). Получается, что московские специалисты «продали» сибирякам идею «сибирскости», которая питается смыслами и стереотипами из прошлого, а чем сегодня отличается сибирский образ жизни от не-сибирского, совершенно не понятно.

Красноярск

Красноярская администрация, вероятно, приняв во внимание не самый результативный опыт сибирских соседей, пока официально не вступает в гонку за созданием территориального образа. В то же время Красноярск из всех сибирских регионов сегодня привлекает, возможно, самое большое количество массовых мероприятий и событий как всероссийского, так и международного уровня. Несмотря на достаточно большое количество статусных мероприятий, проводимых в Красноярске, городская администрация обходится «ситуативными» временными образами, созданными специально к тому или иному событию. В связи с отсутствием официальной айдентики самими жителями Красноярска было предложено сразу несколько концепций городской идентификации, которые так и остались неофициальными. Некоторые из них были реализованы в виде различной сувенирной продукции и оказались весьма востребованными как среди туристов, так и жителей Красноярска.

Место в Сибири: сибирский нарциссизм «Россия вокруг нас»

Еще одной инициативой «снизу» стала разработка городского брендинга двух красноярских рекламистов Игоря Шпехта и Владимира Перекотия. Красноярцы не стали ждать решения местных властей и решили разработать придуманную ими городскую айдентiku Красноярска своей группы единомышленников. Игорь Шпехт рассказал в интервью профессиональному интернет-порталу о рекламе, маркетинге и PR в России Sostav.ru: «Мы смотрели и часто ужасались от опыта приобретения – нам это все не нравилось категорически. По одному простому случаю – картинка для нас была вторична и почти всегда скрывалась пустота, которая никак не идентифицирует сам город. И мы мелкими шагами приступили к разработке собственных идей бренда. Уже тогда было четкое

понимание того, что наш лес, река, часовня не уникальны, это не то, на чем можно построить бренд. Это есть практически у каждого города Сибири» (Как два человека реализуют проект... 2017).

После серии «мозговых штурмов» Шпехт и Перекотий решили сосредоточиться на «географическом» преимуществе Красноярска. Здесь была сохранена идея, которая уже «работала» в Новосибирске и некоторых других сибирских городах – географический центр России. Прекрасная теория о том, что если сложить карту России пополам, то на сгибе, как раз и раскрытие... какой-нибудь сибирский мегаполис. Однако ребята пошли дальше и преобразили идею «Центра России» в еще более нарциссически центрированный слоган «Россия вокруг нас». Тогда же идея у Игоря Шпехта зародилась рано, в виде горы-короны. Название города в таком образе было разбито в две строки, для подчеркивания этого слова, а слоган «Россия вокруг нас» расположен вокруг логотипа – горы-короны. Получившийся знак, по задумке, совмещает в себе состав сопок-гор-красного-яра и короны, символизирует вклад в историю отечества – и значимость государства, и сегодняшней России (рис. 9).

Рис. 9. Неформальный логотип Красноярска «Россия вокруг нас»
(разработчики И. Шпехт и В. Перекотий). 2017 г.

Проект красноярского брендинга «Россия вокруг нас» до сих пор остается личной инициативой двух креативных красноярцев, которая никак не поддержана местными властями. Тем не менее продаваемые на тематическом сайте «Красноярск. Город в центре России» красноярские сувениры с символикой горы-короны сегодня весьма востребованы, о чем говорят высокие продажи как туристам, так и самим красноярцам. В коммуникации бренда есть социальная составляющая, собираются истории жителей, которые размышляют о судьбах и будущем города, как личная судьба переплетена с историей края. На сайте «Красноярск. Город в центре России» можно познакомиться с солидным списком знаменитых на всю страну уроженцев и жителей Красноярского края, в итоге

посетитель «Города в центре России» получает заряд тонкого интеллигентного патриотизма.

KRASSNOYARSSK: сибирский ироничный концептуализм

Весной 2021 г. свою версию территориальной айдентики представил общественности скандально известный по проекту «Welcome! Sochi 2014» (Скандальная выставка...) красноярский художник Василий Слонов (Василий Слонов представил... 2021). Логотип основан на протестном восприятии действительности самим сибирским художником, представляет собой картинку-перевертыш и игру слов, которую поняли не сразу и далеко не все городские обыватели. Рисунок с двумя перевернутыми красными сердечками, которые в таком виде напоминают «пятые точки», с подписью KRASSNOYARSSK вызвал широкий эмоциональный отклик интернет-пользователей, собственно, чего и добивался Слонов. Сам художник объяснил особенности своего брендинга попыткой вписаться в международный контекст: «Международным сообществом, людьми, живущими за пределами России, само название – Красноярск, воспринимается не так, как его воспринимаем мы. Глобальный англоязычный мир совершенно не слышит в наименовании нашего города никаких Красных или Красивых Яров... Так вот в результате продолжительных исследований, опросов и анкетирования иностранцев выяснилось, что они в названии КРАСНОЯРСК (krASSnoyArSSk), два раза слышат – ACC! Ass (англ.) – “задница”, “жопа”. И это приводит их к эмоциональному колебанию (от смущения, до восторга)! То есть для мира мы “ДВОЙНАЯ ЖОПА”, “ЖОПА В КВАДРАТЕ”, “ЖОПА В ЖОПЕ” и т.д. Мне лично более симпатичен такой нейминг – “ЖОПНЫЙ ЖОПСК”» (Василий Слонов представил...), – так иронично прокомментировал значение придуманной территориальной айдентики сам эпатажный художник (рис. 10).

Слонов утверждает, что стереотипы о Сибири также работают на подобное прочтение названия сибирского мегаполиса: «И нужно заметить, что такое слуховое и смысловое восприятие иностранцами совпадает ещё и с глубинным, идеологическим представлением о России, и тем более о Сибири. Далёкая, бескрайняя, непреодолимая, непредсказуемая чёрная дыра, жопа... в которой всё исчезает. Геополитическая мифология всё ещё актуальна и востребована», – делится суровой идеей концепции своего произведения Василий Слонов. Безусловно, автор по-хулигански (само)иронизирует над восприятием региональной идентичности и провоцирует зрителя-реципиента на самый широкий спектр эмоций от поисков причин, почему подобный территориальный бренд имеет право на существование (плохая городская экология, проблемы с инфраструктурой, удаленность от всего мира и пр.) до полного неприятия и отрицания такой городской идентичности.

Рис. 10. Неформальный логотип Красноярска «KRASSNOYARSSK»
(худ. В. Слонов). 2021 г.

Важно отметить, что художник Слонов уже давно в своей карьере ищет художественные образы территориальной идентичности и места Сибири и сибиряков в несколько депрессивной, шокирующей, эпатажной, провокационно-протестной манере, для которой сам автор иногда использует хэштег #сибирскийироничныйконцептуализм. Все его «сибирские» проекты заслуживают отдельного пристального внимания и анализа (например, кокошник, отлитый из кандалов Siberia (рис. 11), сувенир-магнит из хлеба «Колыма», игрушечные инвалиды мишки-ватники и многие другие, а также арт-идеи сибирских художников Дамира Муратова (например, флаг «Siberia Island of Freedom») (рис. 12), Александра Шабурова и др.

Рис. 11. Кокошник «Siberia», перелитый из кандалов (худ. В. Слонов). ПМА

Рис. 12. Сувенирный магнит «Siberia Island of Freedom» (худ. Дамир Муратов), ПМА

Безусловно, «жопный жопск» – продукт личной провокационно-депрессивной позиции автора, которая в итоге неплохо монетизируется и «выстреливает» благодаря актуальному политическому контексту в арт-пространстве не только России, но и за рубежом. Тем не менее широкая известность работ автора, именно благодаря провокационному сибирскому ироничному концептуализму, далеко за пределами Сибири и России оказывает влияние на восприятие региона как резидентами, так и нерезидентами сибирских земель.

Заключение

Таким образом, сейчас мы наблюдаем во всех сибирских регионах активные процессы конструирования сибирских типов локальных идентичностей при наличии общих характерных черт для общесибирского типа идентичности. В некоторых регионах этот процесс более успешен (например, в Тюмени проект «Visit Tyumen», в Красноярске частная инициатива «Россия вокруг нас»), в других провалился (случай Омска). В регионах, где усилия администрации не увенчались успехом, теперь преобладают инициативы «снизу», часть из которых имеют яркий протестный или негативистский характер. Тем не менее работа по конструированию локальных форм идентичности идет полным ходом как с подачи региональных властей, так и под влиянием инфлюенсеров: местных краеведов и интеллектуальных элит, локального бизнеса и прочих инициативных жителей. Сибиряки ищут формы для выражения региональной специфики в визуализации сувенирной продукции, оригинальной гастрономии, «сибирских» городских акциях и фестивалях, нейминге городских улиц и учреждений, знаменитых людях или событиях, связанных с тем или иным сибирским регионом, и пр. Грамотно разработанные и внедренные территориальные бренды уже начинают показывать экономическую эффективность, как, например, в Тюменской области благодаря повышению позитивности

восприятия своего края все больше людей остаются здесь жить после выхода на пенсию с «северной вахты».

Как показали полевые исследования 2023 г. малые сибирские города также активно ищут свою «нишу» в сибирском информационном пространстве, привлекают новые технологии событийного туризма. Анализ визуальных изображений, отражающих сибирскую специфику, показал высокую степень стереотипного восприятия Сибирского региона самими сибиряками. Чаще всего это природно-климатические особенности (мороз, снега, большие расстояния), «дары» сибирских лесов – шишки, кедровые орехи, «сибирские» животные – медведи, соболи, олени и пр., а также «этнографические» – обращение к коренным народам Сибири: псевдо-шаманская атрибутика, различные «талисманы» и пр. Сибиряки не могут определить, чем современный сибирский образ жизни отличается от не-сибирского и для обозначения сибирскости обращаются к изображениям «исторических» или «этнографических» атрибутов, например, валенок и ушанки или изображений элементов культуры народов Сибири.

К сожалению, ограниченный объем статьи не позволил автору ввести в оборот множество новых полевых данных, собранных в Иркутской области и Республике Бурятия. С особенностями конструирования территориальных сибирских брендов в этих регионах можно будет ознакомиться в других текстах автора. В ближайшей перспективе планируются полевые выезды в другие сибирские регионы: в «исторические города», национальные районы и промышленные сибирские моногорода для составления более полной картины представлений о сибирскости и сибирской идентичности. Под влиянием технологий социального конструктивизма сибирская идентичность находится в состоянии постоянных изменений, в том числе и под влиянием различных общественно-политических сил, новых социально-экономических, политических вызовов. Изменения сибирской идентичности являются объектом постоянного интереса со стороны ученых, политиков, политтехнологов как в нашей стране, так и за рубежом, особенно с усилением в мировом информационном пространстве дискурса о необходимости формирования колониального комплекса у русских сибиряков.

Список источников

- «В Сибири по своей воле». В Тюмени презентовали туристический бренд. URL: <https://t.rbc.ru/tyumen/27/12/2017/5a434fd99a794718140c878a> (дата обращения: 22.06.2023).
- «Новосибирск – это больше, чем медведи среди ёлок»: дизайнеры сделали для города фирменный стиль // НГС. URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2018/01/24/53425461/> (дата обращения: 15.04.2021).
- «Сибирский молл» провел ребрендинг. Континент Сибирь. URL: <https://ksonline.ru/386841/sibirskij-moll-provel-rebranding> (дата обращения: 11.06.2023).
- В Омске получен патент на фразу «Не пытайтесь покинуть Омск» URL: <https://www.flashsiberia.com/news/v-omske-poluchen-patent-na-frazu-ne-pytaytes-pokinut-omsk> (дата обращения: 15.05.2022).

- Василий Слонов представил общественности провокационный логотип Красноярска URL: <https://zapad24.ru/news/krasnoyarsk/79599-vasilij-slonov-predstavil-obschestvennostiprovokacionnyj-logotip-krasnojarska.html> (дата обращения: 09.05.2021).
- Вопрос недели: какой бренд необходим Новосибирску? // РБК. URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/16/03/2018/5aaacf699a7947ee62656757> (дата обращения: 15.05.2022).
- Ворота Сибири. Где искать счастье, здоровье и любовь в Тюмени. URL: <https://ria.ru/20210318/tyumen-1600921269.html> (дата обращения: 15.05.2021).
- Итоги миграции населения Новосибирской области. Новосибирскстат. Пресс-релиз № 51 от 21 марта 2019. URL: https://novosibstat.gks.ru/storage/mediabank/p54_PRESS51.pdf (дата обращения: 15.05.2021).
- Как два человека реализуют проект, который претендует на бренд Красноярска. URL: <https://www.sostav.ru/publication/kak-dva-cheloveka-realizuyut-proekt-kotoryj-pretenduet-na-brendgoroda-krasnoyarska-27728.html> (дата обращения: 15.05.2021).
- Концепция продвижения национального и региональных брендов товаров и услуг отечественного производства на 2007–2008 годы. URL: <http://old.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/brends/doc201001081527> (дата обращения: 31.03.2022).
- Мем «Не пытайся покинуть Омск» отпугивает инвесторов. Так думают местные чиновники URL: <https://incrussia.ru/news/mem-protiv-investitsij/> (дата обращения: 11.05.2022).
- Мемепедия Омская птичка. URL: <https://memepedia.ru/omskaaya-ptica/> (дата обращения: 15.05.2021).
- Новосибирской области определили логотип. Сибкрай. URL: <https://sibkrai.ru/news/1/878016/> (дата обращения: 31.05.2022).
- Омская область вошла в тройку регионов с самой неблагоприятной демографической обстановкой. URL: <http://kvnews.ru/news-feed/126733> (дата обращения: 15.08.2021).
- Полевые материалы автора (ПИМА). 2022. Тюмень, информант М.Г., 1974 г. р.
- ПИМА. 2021. Новосибирск, информант И.С., 1980 г. р.
- Самые честные новости // Артемий Лебедев. URL: <https://rutube.ru/u/temalebedev/> (дата обращения: 24.06.2023).
- Скандальная выставка Welcome! Sochi 2014 в Перми. URL: <https://www.rbc.ru/photorepo/rt/11/06/2013/57040a389a7947fcb449f69> (дата обращения: 09.05.2021).
- Тюмень вошла в тройку самых счастливых городов России. URL: <https://72.ru/text/gorod/2017/03/15/61356371/> (дата обращения: 22.06.2023).
- Хвостатые герои. От грызунов блокадный Ленинград спасли кошки. URL: <https://spb.aif.ru/leningrad/1115954> (дата обращения: 22.06.2023).

References

- Author's field materials.* 2022, Tyumen, informant M.G., born 1974.
- Author's field materials.* 2021, Novosibirsk, informant I.S., born 1980.
- «Novosibirsk — eto bol'she, chem medvedi sredi yolok»: dizajneri sdelali dlya goroda firmennyi stil'. NGS <https://ngs.ru/text/gorod/2018/01/24/53425461/> [“Novosibirsk is more than bears among the pine trees”: designers created a corporate identity for the city] (Accessed 15.04.2021).
- «Sibirskij moll» provel rebrending. Kontinent Sibir'. <https://ksonline.ru/386841/sibirskij-moll-provel-rebrending/> [Siberian Mall has rebranded. Continent of Siberia] (Accessed 11.06.2023).
- «V Sibiri po svoej vole». V Tyumeni prezentovali turisticheskij brend <https://t.rbc.ru/tyumen/27/12/2017/5a434fd99a794718140c878a> [“In Siberia of my own free will.” A tourism brand was presented in Tyumen] (Accessed 22.06.2023).
- Hvostatye geroi. Ot gryzunov blokadnyj Leningrad spasli koshki. <https://spb.aif.ru/leningrad/1115954> [Tailed heroes. Cats saved besieged Leningrad from rodents.] (Accessed 22.06.2023).
- Itoги migracii naseleniya Novosibirskoj oblasti. Novosibirskstat. Press-reliz № 51 ot 21 marta 2019. https://novosibstat.gks.ru/storage/mediabank/p54_PRESS51.pdf [Results of migration of the population of the Novosibirsk region. Novosibirskstat.] (Accessed 15.05.2021).

- Kak dva cheloveka realizuyut projekt, kotoryj pretenduet na brend Krasnoyarska.* <https://www.sostav.ru/publication/kak-dva-cheloveka-realizuyut-proekt-kotoryj-pre-tenduet-na-brendgoroda-krasnoyarska-27728.html> [How two people are implementing a project that lays claim to the Krasnoyarsk brand] (Accessed 15.05.2021).
- Koncepciya prodvizheniya nacional'nogo i regional'nyh brendov tovarov i uslug otechestvennogo proizvodstva na 2007-2008 gody* <http://old.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/brends/doc201001081527> [Concept for promoting national and regional brands of domestically produced goods and services for 2007-2008] (Accessed 31.03.2022).
- Mem «Ne pyataysya pokinut' Omsk» otpugivaet investorov. Tak dumayut mestnye chinovniki.* URL: <https://incruussia.ru/news/mem-protiv-investitsij/> [The “Don’t try to leave Omsk” meme scares off investors. Local officials think so] (Accessed 11.05.2022).
- Memepediya Omskaya ptichka* <https://memepedia.ru/omskaya-ptica/> [Memepedia Omsk bird] (Accessed 15.05.2021).
- Novosibirskoj oblasti opredelili logotip.* Sibkraj. <https://sibkraj.ru/news/1/878016/> [The Novosibirsk region's logo was determined] (Accessed 31.05.2022).
- Omskaya oblast' voshla v trojku regionov s samoj neblagopoluchnoj demograficheskoy obstanovkoj.* <http://kvnews.ru/news-feed/126733> [The Omsk region is among the three regions with the most unfavorable demographic situation] (Accessed 15.08.2021).
- Samye chestnye novosti Artemij Lebedev* <https://rutube.ru/u/temalebedev/> [The most honest news Artemy Lebedev] (Accessed 24.06.2023).
- The scandalous exhibition Welcome! Sochi 2014 in Perm.* <https://www.rbc.ru/photo-repo/rt/11/06/2013/57040a389a7947fcbd449f69> (access date: 05.09.2021).
- Tyumen' voshla v trojku samyh schastlivykh gorodov Rossii.* <https://72.ru/text/gorod/2017/03/15/61356371/> [Tailed heroes. Cats saved besieged Leningrad from rodents] (Accessed 22.06.2023).
- V Omske poluchen patent na frazu «Ne pyataytes' pokinut' Omsk».* <https://www.flashsiberia.com/news/v-omske-poluchen-patent-na-frazu-ne-pyataytes-pokinut-oms-k> [A patent was received in Omsk for the phrase “Don’t try to leave Omsk”] (Accessed 15.05.2022).
- Vasilij Slonov predstavil obshchestvennosti provokacionnyj logotip Krasnoyarska.* <https://zapad24.ru/news/krasnoyarsk/79599-vasilij-slonov-predstavil-obshchestvennostiprovokacionnyj-logotip-krasnoyarska.html> [Vasily Slonov presented the provocative logo of Krasnoyarsk to the public] (Accessed 09.05.2021).
- Vopros nedeli: kakoj brend neobhodim Novosibirsku?* RBK. <https://nsk.rbc.ru/nsk/16/03/2018/5aaacf699a7947ee62656757> [Question of the week: what brand does Novosibirsk need?] (Accessed 15.05.2022).
- Vorota Sibiri. Gde iskat' schast'e, zdorov'e i lyubov' v Tyumeni.* <https://ria.ru/20210318/tyumen-1600921269.html> [Gates of Siberia. Where to look for happiness, health and love in Tyumen] (Accessed 15.05.2021).

Сведения об авторе:

ВАСЕХА Мария Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: maria.vasekha@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maria V. Vasekha, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: maria.vasekha@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 1 августа 2023;
принята к публикации 29 августа 2023.*

*The article was submitted 01.08.2023;
accepted for publication 29.08.2023.*

Научная статья
УДК 39
doi: 10.17223/2312461X/41/3

Этнокультурная память восточнославянского населения Сибири: от народных репрезентаций к институционализации

Роман Юрьевич Федоров

*Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия,
r_fedorov@mail.ru*

Аннотация. В последнее время в отечественной этнологии в научный оборот начало вводиться понятие «этнокультурная память». Если под исторической памятью чаще всего принято подразумевать своеобразную вертикальную проекцию массовых репрезентаций определенных «центральных» исторических событий, то к этнокультурной памяти следует отнести горизонтальную проекцию памяти народа, включающую репрезентации представлений об общности происхождения, локальной истории, коллективного жизненного опыта и традиций определенной этнической общности. В статье, опираясь на полевые материалы автора, представлена попытка изучения особенностей репрезентации этнокультурной памяти у проживающих в Сибири потомков восточнославянских крестьян-переселенцев второй половины XIX – начала XX в., как в проявлениях ее стихийного бытования, так и в ситуациях попыток ее институционализации.

Ключевые слова: этнокультурная память, восточные славяне, Сибирь, идентичность, меморизация, институционализация

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания ТюмНЦ СО РАН № 121041600045-8.

Для цитирования: Федоров Р.Ю. Этнокультурная память восточнославянского населения Сибири: от народных репрезентаций к институционализации // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 40–56. doi: 10.17223/2312461X/41/3

Original article
doi: 10.17223/2312461X/41/3

Ethnocultural Memory of the East Slavic Population of Siberia: from Folk Representations to Institutionalization

Roman Yu. Fedorov

Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russian Federation, r_fedorov@mail.ru

Abstract. Recently, the concept of ethnocultural memory began to be introduced into Russian ethnology. If historical memory mostly can be considered as some vertical

projection of mass representations of certain “central” historical events, then ethnocultural memory includes a horizontal projection of the people’s memory, including representations of ideas about the common origin, local history, collective life experience and traditions of a certain ethnic community. The article, based on the field materials of the author, presents an attempt to study the features of the representation of ethnocultural memory among the descendants of East Slavic peasant-migrants which settled in Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries, both in the manifestations of its spontaneous existence in the folk life and in situations of its institutionalization.

Keywords: ethnocultural memory, East Slavs, Siberia, identity, memorization, institutionalization

Acknowledgements: This research has been supported by the State task of Tyumen Scientific Centre SB RAS, No. 121041600045-8.

For citation: Fedorov, R.Yu. (2023) Ethnocultural Memory of the East Slavic Population of Siberia: From Folk Representations to Institutionalization. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 40–56 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/3

Введение

В современной гуманитарной науке сложился ряд контекстов изучения коллективной памяти, идея которой впервые была сформулирована М. Хальбваксом (Halbwachs 1980). Как правило, «сущность “парадигмы памяти”, сформировавшейся в русле исторической антропологии, состоит в том, что предметом исследования становится не историческое событие или явление как таковое, а память о нем, живущая в сознании общества» (Леонтьева 2011: 7). В отечественных этнологических и социально-антропологических исследованиях наиболее последовательное развитие получил концепт «исторической памяти». Не имея однозначной дефиниции, он чаще всего вмещает в себя репрезентации представлений о прошлом, параметры которого определяются особенностями настоящего (Шнирельман 2018: 12), через «формы объяснения прошлого и смысловые акценты, которые подчеркиваются в историческом описании, определяются нормами и потребностями как современной культуры, так и политической конъюнктурой» (Тишков, Шабаетов 2019: 63). Историческая память также трактуется отдельными авторами в качестве символической репрезентации национального исторического сознания (Буганов 2008: 40; Кириченко 2017: 150). Однако применительно к изучению современных проблем этничности исследовательские курсы, заложенные в этих сложившихся подходах, имеют свою эвристическую ограниченность. В частности, они далеко не всегда дают возможность осмыслить связь коллективной памяти этнических общностей разных масштабов с особенностями их идентичности, а также с региональной и локальной вариативностью их традиционной культуры. При этом современные исследователи отмечают высокую актуальность изучения

«собственно народного, “низового” восприятия прошлого» (Кознова 2005: 18) в контексте взаимодействий «официальной, организованной и неофициальной, стихийной памяти» (Кознова 2005: 18).

В последнее время в отечественной этнологии в научный оборот начало вводиться понятие «этнокультурная память». По определению, данному Е.Ф. Фурсовой, под этнокультурной памятью понимается «совокупность многообразных представлений/знаний людей о прошлом своего народа/группы, традициях и обычаях родного края. Этнокультурная память, таким образом, включает представления и знания о своей традиционной культуре, индивидуальные или коллективные, по сути – символическую репрезентацию реального прошлого» (Фурсова 2022: 948). При этом, как отмечает автор, «историческая память и этнокультурная память – это не одно и то же: историческую память можно конструировать, а этнокультурная память – это то, что лежит в сознании народа, в пластах или в представлениях, верованиях, базовых ценностях; это то, что идет, как говорится, от предков»¹. Развивая предложенную автором идею, можно условно обозначить следующие различия исторической и этнокультурной памяти. К исторической памяти следует отнести своеобразную вертикальную проекцию репрезентаций определенных «центральных» исторических событий, которые имеют общепризнанное значение. В свою очередь, к этнокультурной памяти можно отнести горизонтальную проекцию памяти народа, включающую репрезентации локальной истории, коллективного жизненного опыта и традиций, рассматриваемых сквозь призму этничности. Следовательно, этнокультурная память от места к месту имеет свои вариативные особенности и неповторимые доминанты, осмысление которых возможно лишь через изучение этнокультурных процессов, происходящих внутри определенных этнических, региональных или локальных сообществ. Таким образом, понятия исторической и этнокультурной памяти не исключают, а скорее дополняют друг друга, одновременно выступая двумя тесно связанными и в некоторых случаях – сливающимися друг с другом проекциями коллективной памяти. Подобный подход в целом не противоречит идее М. Хальбвакса о том, что «внутри каждого сообщества развиваются оригинальные коллективные памяти, хранящие в течение некоторого времени воспоминания о событиях, имеющих значение только для них, но тем более касающихся их членов, чем их меньше» (Хальбвакс 2005: 41).

В схематичном виде в этнокультурной памяти можно условно выделить несколько базовых компонентов. Первым из них является память об общности происхождения и маркерах этнических границ группы, определяющих ее этнокультурную идентичность. Ко второму компоненту следует отнести сохраняющуюся внутри этой группы память о присущих ей религиозных представлениях, народных верованиях, обычаях и обрядах, формирующих основу ее духовной культуры, а также

память о практических знаниях, посредством которых воспроизводятся базовые элементы ее материальной культуры. К третьему компоненту можно отнести историческое мировоззрение этой группы, основанное на аккумуляции коллективного жизненного опыта, в процессе которого осуществляется выработка ценностных и соционормативных ориентаций, стратегий социальной адаптации и межэтнических взаимодействий, а также формируется коллективная рефлексия этого опыта, находящая свою актуализацию в устной истории, фольклоре, а также сакрализации и меморизации жизненного пространства. Следует отметить, что все три названные категории неразрывно связаны друг с другом, представляя собой разные грани этнокультурной памяти.

В этой статье, опираясь на опыт полевых исследований автора, представлена попытка изучения особенностей репрезентации этнокультурной памяти у проживающих в Сибири потомков восточнославянских крестьян-переселенцев второй половины XIX – начала XX в. как в проявлениях ее стихийного бытования, так и в ситуациях попыток ее институционализации. У рассматриваемой нами группы переселенцев и последующих поколений их потомков складывались специфические особенности этнокультурной памяти, включавшие в себя память об этнических традициях, принесенных с их родины, обстоятельствах переселения и адаптации на новом месте, восприятию нового этнического окружения, самоидентификации, традиционных знаниях, народных интерпретациях исторических событий и др. Первоначально основными каналами трансляции этнокультурной памяти переселенцев выступали устные формы передачи знаний, имевшие место внутри определенной семьи или сельской общины. Массовое распространение грамотности среди крестьянства, начавшееся во время столыпинской реформы и продолжившееся в раннесоветский период, не оказало существенного влияния на принципы трансляции его этнокультурной памяти. Во второй половине XX в. механизмы трансляции этнокультурной памяти стали претерпевать трансформации благодаря постепенному развитию в сельской местности музейного дела и краеведения, набиравшей популярность деревенской прозе, появлению самодеятельных фольклорных ансамблей и т.д. Именно в этот период впервые начали предприниматься попытки институционализации этнокультурной памяти². Однако ввиду существовавших в то время идеологических ограничений эта институционализация в большинстве случаев игнорировала являвшиеся неотъемлемой частью этнокультурной памяти религиозные представления народа, память о табуированных официальной идеологией исторических потрясениях, а также тех народных традициях и знаниях, которые с точки зрения «советского модерна» воспринимались в качестве пережитков. Данная ситуация принципиальным образом изменилась в 1990-е гг. после распада Советского Союза. Наступивший в это время этноренессанс, с одной

стороны, способствовал выходу из глубин народной жизни различных стихийных проявлений этнокультурной памяти, а с другой стороны, инициировал возникновение ее новых форм институционализации, связанных с созданием национальных культурных объединений, официальной поддержкой нематериального этнокультурного наследия, формированием новых типов мест памяти и форм музеефикации объектов материальной культуры. В этой ситуации особое значение приобрели исследования эволюционных трансформаций принципов трансляции этнокультурной памяти от ее народных репрезентаций к институционализации.

Идентичность и этнокультурная память

Если этнокультурная идентичность чаще всего отождествляется исследователями с ментальными границами (Этнические группы... 2006) и механизмами самосознания, самоопределения или постижения «другого» (Малыгина 2005: 5), то этнокультурную память можно рассматривать в качестве коммуникативной основы, обеспечивающей трансляцию и воспроизводство этих критериев идентичности.

Одним из ключевых общепризнанных критериев этнокультурной идентичности определенной группы является память об общности происхождения ее представителей. У проживавших в Сибири восточнославянских крестьян-переселенцев, как правило, длительное время сохранялась память о местах выхода, которая чаще всего находила свою актуализацию в идентификации себя по губерниям, в которых они находились. В соответствии с этой гранью своей идентичности переселенцы могли называть себя «курскими», «вятскими», «могилевскими», «черниговскими» и др. Помимо этого в Сибири по отношению к выходцам из губерний, находившихся в европейской части Российской империи, получили широкое распространение такие специфические названия, как «самоходы», «лапотники», «хохлы» и др. Примечательно, что подобные названия не только не воспринимались переселенцами как обидные, но и нередко превращались в их самоназвания. При этом, давая объяснения этим названиям, потомки переселенцев, как правило, опираются на семейные воспоминания, в соответствии с которыми их предки-самоходы «пришли в Сибирь своим ходом», лапотники ходили в лаптях в отличие от старожилов, носивших кожаную обувь, хохлы употребляли фрикативное «г» и т.д. В то же время, как отмечает Е.Ф. Фурсова, в отличие от переселенцев, представители русского старожильского населения Сибири, как правило, не помнили своего «европейского прошлого», чаще всего приводя мифологизированные версии своего происхождения («казаки с Чала и Дона», «закоренелые сибиряки», «метисы русских и представителей местных народов» и т.д.) (Фурсова 2002: 34). Начиная со второй половины XX в., описанные выше формы идентичности постепенно

начали утрачивать свое прежнее этнодифференцирующее значение, однако они сохранились в памяти потомков переселенцев в качестве своеобразных этнокультурных стереотипов этих групп. Следует отметить, что выделение из части проживавших в Сибири восточнославянских крестьян-переселенцев украинцев и белорусов в ходе переписи населения 1926 г. первоначально являлось актуализацией конструирования государственной политики коренизации, однако до проведения этой переписи подобные национальные формы идентичности, как правило, не имели широкого отражения в этнокультурной памяти этих групп переселенцев.

На волне начавшегося в 1990-е гг. этноренессанса этнокультурное наследие, привнесенное из мест выхода переселенцев, в некоторых случаях стало выступать в качестве объекта институционализации. Чаще всего подобная институционализация находила свою актуализацию в деятельности музеев и фольклорных коллективов. К примеру, в Иркутской области в деревнях Тургеневка Баяндаевского района и Черчет Тайшетского района, при поддержке местных национальных культурных объединений были открыты музеи, посвященные традиционной культуре белорусских крестьян-переселенцев. В обоих случаях эти музеи стали своеобразными институциональными центрами, оказывающими влияние на поддержание белорусской идентичности у жителей этих деревень за счет создания своеобразных этнокультурных брендов.

К одной из форм институционализации этнокультурной памяти также можно отнести создаваемые в сельской местности фольклорные коллективы. Основа репертуара многих из них формировалась из образцов песенного фольклора, которые имели живое бытование в данной деревне. Нередко после ухода из жизни последних носителей аутентичной песенной традиции подобные коллективы превращаются в своеобразные институционализированные пристанища для их репертуара. При этом, по мнению американского антрополога Л. Олсон, своеобразным феноменом подобных самостоятельных коллективов является то, что они, как правило, выступают в качестве субъектов репрезентации национальной или локальной идентичности (Olson 2004). В соответствии с нашими полевыми наблюдениями фольклорные коллективы, исполняющие ранее передававшийся из поколения в поколение аутентичный репертуар, часто выступают в роли институтов, поддерживающих исходные формы этнокультурной идентичности переселенцев.

Этнические традиции и этнокультурная память

Этнокультурную память можно рассматривать в качестве базового механизма воспроизводства этнических традиций. При этом «глубина» этнокультурной памяти, транслирующей разные элементы

традиционной культуры, сильно варьирует. Как подтверждают многочисленные исследования, наибольшую устойчивость сохраняет сфера духовной культуры определенной этнической общности, тогда как навыки и знания, связанные с воспроизводством определенных элементов материальной культуры, как правило, устаревают значительно быстрее (Мид 1988: 423).

Важно подчеркнуть, что этнокультурная память не тождественна самим традициям, а является лишь коллективной памятью о них, которая может носить не только активный, но и латентный характер, никак не проявляясь в повседневной жизни. Однако при определенных обстоятельствах (например, в кризисных ситуациях) этнокультурная память может выступать в качестве фактора возобновления актуализации определенных этнических традиций.

Я. Ассман выделяет в исторической памяти «коммуникативную память» трех-четырех ныне живущих поколений и опосредованную «культурную память», которая соединяет современность с далеким прошлым (Ассман 2004: 50–59). Попробуем детально рассмотреть переход между этими двумя формами памяти на примере бытования обрядового комплекса переноса иконы «Свеча» («Воскресение Христово»), сохранившегося у потомков белорусских крестьян-переселенцев, проживающих в деревне Осиновка Викуловского района Тюменской области. В соответствии с традицией, имевшей широкое распространение на территории восточного Полесья, почитаемая в Осиновке икона на протяжении года хранится в доме одного из жителей деревни. На Рождество происходит перенос иконы в другой дом, который сопровождается рядом обрядовых действий. В местах выхода переселенцев подобные «Свечи», как правило, «заводились» по обетам во время различных социальных потрясений, эпидемий и стихийных бедствий. В Осиновке рассмотренный в ходе наших полевых исследований обряд начал проводиться после разрушения в 1937 г. в соседней деревне Ермаки церкви, в которой хранилась почитаемая местными жителями икона «Воскресение Христово». Учитывая тот факт, что основавшие деревню крестьяне из Могилевской губернии переселились в Сибирь в конце XIX в., можно констатировать, что этнокультурная память об этом обряде сохранялась у них к тому моменту на протяжении 40 лет. В соответствии с воспоминаниями местных жителей во время Великой Отечественной войны и в первые годы после ее окончания местные женщины брали икону в дом в качестве обета, чтобы их мужья вернулись с фронта. Во времена политики атеизма дома, в которых хранилась икона, заменяли местным жителям разрушенную церковь. При этом в памяти переселенцев, проживавших изолированно от мест выхода их предков, продолжали сохраняться основные инвариантные элементы обряда. Этот вывод подтверждает высокая степень сходства зафиксированного нами обрядового комплекса с его

прототипами, которые в наши дни сохранились на родине переселенцев в современной Гомельской области Республики Беларусь (Лобачевская, Федоров 2012). В настоящее время по прошествии более 120 лет с того момента, как предки переселенцев начали жить в Сибири, дальнейшая судьба этого обряда остается открытой. В связи с депопуляцией деревни (по результатам переписи населения 2010 г., в ней продолжали жить всего 65 человек), а также ввиду ухода из жизни последнего поколения, которое оставалось активным носителем этнических традиций белорусских переселенцев, коммуникативная форма этнокультурной памяти, связанной с этим обрядом, постепенно перерождается в форму «культурной памяти», поддерживаемой этнографами, краеведами и работниками учреждений культуры. В этой ситуации, благодаря росту интереса широкой общественности к обряду, его бытование начало приобретать формы институционализации путем поддержки его проведения местной администрацией и включением в 2022 г. в реестр объектов регионального нематериального наследия³. Пандемия COVID-19 продемонстрировала ситуацию, в соответствии с которой институциональное регулирование оказалось критически важным для возможности проведения обряда. Вопрос о переносе Свечи, на который в деревню приезжают сотни гостей из других населенных пунктов, был вынесен на заседание Ермаковского сельсовета, к которому относится д. Осиновка. После него в районной газете «Красная Звезда» было опубликовано следующее объявление: «В связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) массовый обряд переноса Иконы в с. Осиновка Викуловского района не состоится. Просим жителей Викуловского района отнестись к отмене мероприятия с пониманием. Администрация Ермаковского сельского поселения»⁴. Реакция на это местных жителей, вовлеченных в бытование обряда, была неоднозначной: «Я говорю, ничего себе! В традиции наших предков сельсоветчики вмешиваются!» (ПМА 2021). В конечном итоге перенос иконы все же состоялся, но лишь с участием жителей Осиновки.

Говоря о роли этнокультурной памяти в воспроизводстве исходных особенностей материальной культуры крестьян-переселенцев, следует отметить, что ввиду различий в природно-климатических условиях переселенцы были вынуждены в той или иной мере адаптировать к ним исходные принципы культуры жизнеобеспечения, нередко совершая заимствования у нового этнического окружения. Общей чертой многих сообществ мигрантов являлось то, что в соответствии с концепцией М. Мид в жизни их второго поколения постфигуративные принципы трансляции знаний, основанные на том, что дети перенимают жизненный опыт у представителей старших поколений, начинают вытесняться коммуникативными моделями конфигуративной культуры, в которой дети и взрослые учатся у сверстников (Мид 1988). Эта ситуация

способствовала диффузии этнокультурной памяти у разных групп переселенцев. Одной из ее важных функций был спонтанный обмен практическими знаниями, в процессе которого часто вырабатывались оптимальные адаптационные стратегии. Иллюстрацией этой ситуации служат такие формы коллективного труда, как помочи, которые могли устраивать проживавшие в одной деревне переселенцы из разных регионов. К примеру, в конце XIX – начале XX в. на территорию современного Одесского района Омской области стали пребывать группы крестьян-переселенцев, основная масса которых были уроженцами Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Полтавской, Черниговской, Киевской и Одесской губерний. Ввиду того что для этого расположенного в степной зоне района было характерно отсутствие строительного леса, в ходе помочей за основу был взят опыт строительства саманных домов, которым хорошо владели выходцы из схожих по природно-климатическим условиям южных регионов Украины. Таким образом, в ходе помочей, переселенцы из разных регионов, строительные традиции в которых могли иметь различия, перенимали те навыки, которые были больше всего востребованы на новом месте.

Несмотря на то что, начиная со времен Столыпинской реформы, государство предпринимало меры по модернизации крестьянского труда, до 1960-х гг., ввиду низкой доступности промышленных товаров и технологий, традиционные знания, опирающиеся на этнокультурную память, продолжали играть важную роль в жизнеобеспечении большинства потомков переселенцев. Лишь в 1970–1980-е гг., благодаря таким факторам, как повышение доступности товаров массового потребления, увеличение пространственной мобильности сельского населения, а также рост значения институциональных каналов инкультурации, включая среднее и высшее образование, учреждения культуры, книги, журналы, радио и телевидение, стало характерным уменьшение значения традиционных знаний среди сельских жителей. Эта ситуация усугубилась принявшим начиная с 1990-х гг. критические масштабы оттоком из сельской местности молодежи, который способствовал разрушению межпоколенных принципов трансляции этнокультурной памяти.

Отдельно следует подчеркнуть основополагающую роль этнокультурной памяти в сохранении ценностно-смысловых и символических значений различных объектов материальной культуры, включая смысл их декоративного оформления, бытовых контекстов их использования, а также их приуроченности к определенным элементам духовной культуры. Примерами этого могут служить ритуально-обрядовые функции пищи, символические значения орнаментов, стратифицирующие функции одежды, семиотические аспекты жилища и т.д. При этом процесс «забвения» аутентичных знаковых и символических аспектов традиционной материальной культуры превращает ее элементы в вырванные из

своего оригинального бытового контекста «предметы старины», многообразие и сложность культурных смыслов которых становятся непонятными людям, которые не являются носителями этнокультурной памяти того сообщества, которому они принадлежали.

Историческое мировоззрение и этнокультурная память

В коллективных оценках определенных исторических событий и личностей нередко прослеживается вариативность и даже противоречия их интерпретаций с точки зрения исторической и этнокультурной памяти. В связи с данной тенденцией можно говорить о том, что историческая память создает определенные канонические репрезентации исторических событий, тогда как этнокультурная память в отношении них апокрифична. К примеру, давая оценку событиям Гражданской войны, некоторые потомки крестьян-переселенцев отмечали, что их предки в первую очередь стремились выжить и защитить то, что успели нажить в Сибири, будучи индифферентными к политическим идеалам красных и белых. Еще одним ярким примером этой ситуации могут служить различия интерпретаций в исторической и этнокультурной памяти личности Павлика Морозова. Благодаря усилиям идеологов, писателей и публицистов, в сознании широких масс он первоначально ассоциировался с нарицательным образом пионера-героя, а позднее – предателя (Kelly 2005). В связи с этим О.Б. Леонтьева относит Павлика Морозова к яркому примеру мифа, который исследователи исторической памяти изучают с позиций того, как он «“встраивался” в различные идеологические и историографические дискурсы, как изменялась при этом семантическая нагрузка, аксиологическая составляющая и художественная трактовка образа» (Леонтьева 2011: 12). Полевые исследования, проведенные нами в 2013 г. на родине Павлика Морозова в д. Герасимовка Тавдинского района Свердловской области, выявили ситуацию, в которой трактовки личности этого героя с точки зрения исторической и этнокультурной памяти вступают в противоречие. Личность Павлика Морозова местные жители в первую очередь рассматривают сквозь призму народно-бытовой культуры белорусских крестьян-переселенцев, к которым принадлежала семья Морозовых. В частности, жители Герасимовки считают, что Павлик Морозов и его сверстники, будучи обычными крестьянскими детьми, были лишены идеологического сознания, а кровная месть с детоубийством в рамках пусть и распавшейся большой крестьянской семьи воспринималась как грех исключительной тяжести. Поэтому участие в преступлении близкого к смертному одру восьмидесятилетнего дедушки детей в глазах местных жителей выглядело странным, так же как и то, что в убийстве мог участвовать крестный отец детей. При этом местные жители

испытывают сожаление по поводу трагической судьбы ребенка и возникновения вокруг нее популярных мифов (Федоров 2019).

В процессе нашего исследования возникла гипотеза о том, что историческая и этнокультурная память порождают свои специфические типы мест памяти, концепция которых впервые была предложена П. Нора (Nora 1984). Овещнение исторической памяти, как правило, порождает памятные места, приуроченные к контексту важных общегосударственных исторических событий. В советское время в их числе чаще всего выступали памятники и мемориальные комплексы, посвященные событиям Гражданской и Великой Отечественной войны. Начиная с 1990-х гг. в сельской местности формируются места памяти, связанные с локальными проявлениями определенных исторических травм, которые в то время проходили процесс переосмысления на уровне государственной политики (коллективизация, разрушение храмов в эпоху атеизма, вооруженные конфликты и др.). Параллельно с этой тенденцией для сельской местности стало характерным формирование новых типов мемориальных мест, связанных с актуализацией этнокультурной памяти. К их отличительным особенностям можно отнести то, что идеи и инициативы их создания исходят от местных жителей и связаны с локальными историческими событиями или этнокультурными ценностями. Для первых десятилетий XXI в. в расположенных в Сибири деревнях крестьян-переселенцев наибольшее распространение получило несколько видов подобных мест памяти. К одному из них можно отнести монументальные объекты, посвященные первопроходцам-основателям деревень. Как правило, они устанавливаются на кладбищах, на въезде в деревню или на одной из ее центральных улиц. Чаще всего подобные памятники имеют вид камня или креста. Широкое распространение получил феномен меморизации прекративших свое существование деревень. Его основным мотивом стала нарастающая депопуляция многих сельских районов Сибири и желание уроженцев исчезнувших населенных пунктов сохранить о них память. Инициатива этой меморизации, как правило, исходит не «сверху», а от отдельных энтузиастов. Чаще всего объединяющим началом для возникновения подобных мест памяти выступает кладбище исчезнувшей деревни, на котором ее уроженцы могут собираться на Троицу, Радоницу или другой поминальный день. В ряде случаев в качестве дня встречи односельчан выступает какой-нибудь произвольный день лета или начала осени, когда большинство людей, переехавших жить в города или большие поселки, находятся в отпусках. К примеру, по инициативе уроженца не существующей ныне деревни Красный Яр Тарского района Омской области – генерал-майора В.Л. Рябинова, начиная с 2010 г. бывшие жители деревни собираются в первую субботу сентября на том месте, где она находилась. На месте основания деревни установлен крест. На прикрепленной к нему табличке указаны даты ее

существования – «1897–1977» и написано «Красный Яр – есть, был и будет». Рядом с крестом сооружен стенд с именами уважаемых жителей деревни, ее уроженцев погибших в годы Великой Отечественной войны и репрессий (ПМА 2019). Примерно в это же время похожие формы меморализации можно наблюдать на месте д. Белый Свет Братского района Иркутской области, основанной в 1909 г. и прекратившей существование в 1978 г. На месте деревни был установлен крест, у подножья которого разложены камни, на которых написаны фамилии первопоселенцев⁵. На территории Одесского района Омской области по инициативе директора музея села Желанное А.И. Лонского на кладбище прекратившей существование деревни Гришковка был создан мемориал, состоящий из нескольких частей. В левой части установлен обелиск из черного гранита, который внешне выглядит как типичный современный надгробный памятник. На нем изображена надломленная березка и выгравирована напоминающая эпитафию надпись: «Деревня Гришковка. 1910–1980. Здесь начинается наша Родина». Выше памятника установлен информационный щит, на котором изложены краткие вехи истории деревни, проиллюстрированные фотографиями. Повествование начинается со следующих сведений: «Деревня Гришковка (Гришино, Гречковка) начала заселяться с 1894 г. Статус деревни получила в 1910 г. Участок, отведенный под заселение, назывался Бабак-Кстау. Первыми жителями были переселенцы с Украины, из Киевской и Черниговской областей. Верующие посещали Екатеринославский приход». Далее приведена информация об основных вехах истории деревни в советское время. Заканчивается повествование словами: «Деревни нет, но жить она осталась, она как мать в душе твоей жива». В центре мемориала расположен увенчанный красной звездой обелиск, на котором перечислены уроженцы деревни, погибшие в Великой Отечественной войне. Список героев находится в правой части мемориала. Этот обелиск был установлен на месте своего разрушавшегося предшественника, стоявшего еще в советское время. В стороне от мемориала установлен поклонный крест (ПМА 2022).

Таким образом, основные проявления меморизации прекративших свое существование деревень состоят в сохранении памяти о них как о родине группы людей, объединенной происхождением. При этом основной мотив подобной меморизации заключается в стремлении к тому, чтобы исчезнувшие деревни продолжали жить в памяти ее уроженцев и их потомков. В последние десятилетия в некоторых сибирских деревнях начали устанавливать памятные знаки, акцентирующие этническую принадлежность их основателей. Однако в подобных случаях инициаторами их установки чаще всего выступают не местные жители, а представители действующих на территории региона национально-культурных объединений. К примеру, на въезде в д. Тургеневка Баяндаевского района Иркутской области Иркутским товариществом белорусской культуры

им. Яна Черского был установлен дорожный указатель с надписью «Беларуская вёска Тургенеўка». Примечательно, что аналогичный указатель был изготовлен для деревни Черчет Тайшетского района Иркутской области, однако местные жители не стали устанавливать его на улице, и он хранится в местном музее.

В случаях стихийной меморизации мест памяти отдельными энтузиастами возникает вопрос о том, приобретут ли они в будущем какую-либо институциональную поддержку или сохраняют свое неформальное бытование. Результаты полевых исследований указывают на то, что частные инициативы по созданию новых мест памяти первоначально часто не находят поддержку у местных органов власти, но позднее, когда эти места приобретают важное значение для местных жителей, они нередко «ставятся на баланс» сельских администраций или учреждений культуры.

К проявлениям исторического мировоззрения, сконцентрированным в этнокультурной памяти, можно отнести присущие определенной этнической или локальной общности легенды, былины, былички, бывальщины и другие эпические жанры фольклора. В них этнокультурная память чаще всего претерпевает процесс своеобразной мифологизации, в которой на первый план выходят символические интерпретации исторических событий. Исследования О.В. Голубковой позволяют с уверенностью говорить о том, что транслируемые в этнокультурной памяти разных групп проживавших в Сибири крестьян-переселенцев народные верования и эпические сюжеты на протяжении более ста лет сохраняли высокую стойкость, нередко выступая в роли опосредованных маркеров идентичности определенных локальных сообществ (Сибирь и сибиряки 2022: 139–176).

Следует подчеркнуть важные соционормативные функции этнокультурной памяти, связанные с воспроизводством сложившихся в определенных этнических общностях норм поведения, а также представлений о добре и зле. М.М. Громыко в первую очередь относил к ним общинные принципы обычного права, этику труда и досуга, взаимоотношений поколений и семейные отношения (Громыко 1986). При этом из всех проявлений этнокультурной памяти народное историческое мировоззрение в наименьшей степени подвержено институционализации, хотя в имплицитном виде именно оно во многих случаях является фундаментом тех духовных ценностей общества, которые принято относить к традиционным.

Заключение

Этнокультурную память можно в общих чертах определить как специфическую форму коллективной памяти, являющуюся совокупностью представлений об общности происхождения и маркерах этнических границ, репрезентаций основных компонентов духовной культуры и практических знаний, посредством которых воспроизводятся базовые

элементы материальной культуры, а также исторического мировоззрения определенной этнической общности, основанного на аккумуляции коллективного жизненного опыта ее представителей. При этом, по аналогии со сформулированными исследователями общими закономерностями функционирования коллективной памяти, в этнокультурной памяти можно выделить наличие коммуникативной памяти, которая охватывает три-четыре последних поколения определенного локального сообщества, и культурной памяти, которая соединяет современность с прошлым посредством устоявшихся в рамках определенной этнической общности базовых элементов и ценностей духовной культуры или определенных опосредованных носителей культурной информации. В XXI в., в этнокультурной памяти перерождение ее коммуникативной формы в культурную, как правило, оказывается связано с процессом ее институционализации.

В заключение хотелось бы отметить, что понятие «этнокультурная память» следует рассматривать не в качестве изолированного от других проявлений коллективной памяти объекта исследования, а как своеобразную познавательную рамку, которая дополняет их эвристические возможности в контексте этнологических исследований.

Примечания

¹ См.: «Эх, масленица, да ты красавица!» // Научная Россия. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/eh-maslenitsa-da-ty-krasavitsa> (дата обращения: 24.03.2023).

² В контексте нашего исследования под понятием «институционализация» мы понимаем переход определенных элементов этнокультурной памяти, имевших в народной жизни стихийное бытование, в их организованные репрезентации, которые целенаправленно формируются и регулируются различными социальными институтами, включая органы законодательной и исполнительной власти, учреждения культуры, творческие коллективы и т.д.

³ См.: Объекты нематериального этнокультурного достояния Тюменской области. URL: https://w1.admtumen.ru/ogv_ru/society/culture/object_nOIKN/more.htm?id=4@object_nOIKN (дата обращения: 24.03.2023).

⁴ См.: Красная звезда. 29 декабря 2020. № 104. С. 4. URL: https://tyumedia.ru/i/f/137/253137/Krasnaia_zvezda_%E2%84%96_104__za__29__12__2020_g.pdf (дата обращения: 24.03.2023).

⁵ См.: Администрация Тангуйского сельского поселения. URL: <http://xn---7sbbkh1ayc7bn.xn--plai/moy-kray-berezovyy-moy-belyy-svet.html> (дата обращения: 24.03.2023).

Список источников

- Ассманн Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Буганов А.В. Историческая память русских крестьян: реальность и мифы (XIX – начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2008. № 2 (18). С. 40–49.
- Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986.

- Кириченко О.В. Историческая память русского народа: от традиции к модерну и постмодерну // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 148–160.
- Кознова И.Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2005.
- Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011.
- Лобачевская О.А., Федоров Р.Ю. «Свеча» в Сибири: этнографический и культурно-антропологический аспекты бытования обряда у белорусских переселенцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 72–82.
- Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность: Онтология, морфология, динамика: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005.
- Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
- ПМА. 2019. д. Атирка Тарского района Омской области, интервью с местной жительницей, женщиной 1949 г. р.
- ПМА. 2021. г. Тюмень, интервью с женщиной 1956 г. р., уроженкой д. Ермаки Викуловского района Тюменской области.
- ПМА. 2022. Визуальный осмотр мемориальных объектов на кладбище прекратившей существование д. Гришковка Одесского района Омской области.
- Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX – начало XXI в.) / Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров, Н.И. Шитова, О.В. Голубкова, М.В. Васеха; отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022.
- Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019. № 4 (40). С. 62–71.
- Федоров Р.Ю. Павлик Морозов: от мифов к покаянию // Тобольск и вся Сибирь. Кн. 30: Белорусы в Сибири: в 2 т. Т. 2 / сост. Ю.П. Перминов, Р.Ю. Федоров. Тобольск: ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2019. С. 14–30.
- Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (к. XIX – XX в.). Ч. 1: Обряды и обычаи зимне-весеннего периода. Новосибирск: Агро, 2002.
- Фурсова Е.Ф. Особенности этнокультурной памяти и свадебной обрядности русских «пензяков» в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. 28. С. 947–954.
- Шнирельман В.А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 12–34.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–20.
- Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / ред. Ф. Барт. М.: Новое издательство, 2006.
- Halbwachs M. The collective memory. New York: Harper & Row, 1980.
- Kelly C. Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero. London: Granta, 2005.
- Olson L.J. Performing Russia. Folk Revival and Russian Identity. London; New York: Routledge, 2004.
- Nora P. Les Lieux de mémoire. La Nation. Paris: Gallimard, 1984.

References

- Assman J. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow.

- Buganov A.V. (2008) *Istoricheskaya pamyat' russkikh krest'yan: real'nost' i mify* (XIX – nachalo XX v.) [Historical memory of Russian peasants: reality and myths (19th – early 20th centuries)], *Novyj istoricheskij vestnik*, no. 2 (18). pp. 40–49.
- Gromyko M.M. (1986) *Tradicionnye normy povedeniya i formy obshcheniya russkikh krest'yan XIX v.* [Traditional norms of behavior and forms of communication of Russian peasants of the 19th century]. Moscow.
- Kirichenko O.V. (2017) *Istoricheskaya pamyat' russkogo naroda: ot tradicii k modernu i postmodernu* [Historical memory of the Russian people: from tradition to modern and postmodern] *Voyadzer: mir i chelovek*, no. 8. pp. 148–160.
- Koznova I.E. (2005) *Istoricheskaya pamyat' rossijskogo krest'yanstva v XX veke* [Historical memory of the Russian peasantry in the 20th century]. PhD thesis. Samara.
- Leont'eva O.B. (2011) *Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossijskoj kul'ture XIX – nachala XX vv.* [Historical memory and images of the past in Russian culture of the 19th – early 20th centuries]. Samara.
- Lobachevskaja O.A., Fedorov R.Yu. (2012) «Svecha» v Sibiri: etnograficheskij i kul'turno-antropologicheskij aspekty bytovaniya obryada u belorusskikh pereselencev ["Candle" in Siberia: ethnographic and cultural-anthropological aspects of the existence of the rite among Belarusian migrants]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no 1 (16). pp. 72–82.
- Malygina I.V. (2005) *Etnokul'turnaya identichnost': Ontologiya, morfologiya, dinamika* [Ethnocultural identity: Ontology, morphology, dynamics]. PhD thesis. Moscow.
- Mead M. (1988) *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood]. Moscow.
- PMA, 2019, village of Atirka, Tara district of the Omsk region, interview with a local resident, a woman born in 1949.
- PMA, 2021, Tyumen, interview with a woman born in 1956, a former resident of the village of Ermaki, Vikulovo district, Tyumen region.
- PMA, 2022, visual observation of memorial objects at the cemetery of the former village of Grishkovka, Odessa district, Omsk region.
- Fursova E.F. (ed.) (2022) *Sibir' i sibiryaki: etnokul'turnaya identichnost' russkogo i drugih vostochnoslavjanskikh narodov v Sibiri (XIX – nachalo XXI v.)* [Siberia and Siberians: ethnocultural identity of the Russian and other East Slavic peoples in Siberia (19th – beginning of 21st century)]. Novosibirsk.
- Tishkov V.A., Shaboev Yu.P. (2019) *Istoricheskaya pamyat': formy sohraneniya, konstruirovaniya i prezentacii* [Historical Memory: Save, Design, and Presentation Forms]. *Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN*, no. 4 (40). pp. 62–71.
- Fedorov R.Yu. (2019) Pavlik Morozov: ot mifov k pokayaniyu [Pavlik Morozov: from myths to repentance], *Tobol'sk i vsya Sibir'. Kn. 30. Belorusy v Sibiri, vol. 2*. Tobolsk, pp. 14–30.
- Fursova E.F. (2002) *Kalendarnye obychai i obryady vostochnoslavjanskikh narodov Novosibirskoj oblasti kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodejstviya (k. XIX – XX v.). Ch. 1. Obryady i obychai zimne-vesennego perioda* [Calendar customs and rites of the East Slavic peoples of the Novosibirsk region as a result of interethnic interaction (end of 19th – 20th centuries). Part 1. Rites and customs of the winter-spring period]. Novosibirsk.
- Fursova E.F. (2022) *Osobennosti etnokul'turnoj pamyati i svadebnoj obryadnosti russkikh "penzyakov" v Barabinskoj lesostepi* [Features of ethnocultural memory and wedding rites of the Russians from Penza region in the Barabinsk forest-steppe], *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij*, Vol. 28, pp. 947–954.
- Shnirelman V.A. (2018) *Social'naya pamyat': voprosy teorii* [Social memory: questions of theory], *Istoricheskaya pamyat' i rossijskaya identichnost'*, Moscow, pp. 12–34.
- Halbwachs M. (2005) *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* [Collective and historical memory]. *Pamyat' o vojne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa*. Moscow, pp. 16–20.
- Bart F. (ed.) (2006) *Etnicheskie gruppy i social'nye granicy: Social'naya organizaciya kul'turnyh razlichij* [Ethnic groups and social boundaries: Social organization of cultural differences]. Moscow.

Halbwachs M. (1980) *The collective memory*. New York.
Kelly C. (2005) *Comrade Pavlik: The Rise And Fall Of A Soviet Boy Hero*. London.
Olson L.J. (2004) *Performing Russia. Folk Revival and Russian Identity*. London – New York.
Nora P. (1984) *Les Lieux de mémoire. La Nation*. Paris.

Сведения об авторе:

ФЕДОРОВ Роман Юрьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН (Тюмень, Россия). E-mail: r_fedorov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Roman Yu. Fedorov, Tyumen Scientific Center SB RAS (Tyumen, Russian Federation).
E-mail: r_fedorov@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 1 августа 2023;
принята к публикации 29 августа 2023.*

*The article was submitted 01.08.2023;
accepted for publication 29.08.2023.*

Научная статья
УДК 391; 392; 316.776
doi: 10.17223/2312461X/41/4

Презентативные функции традиционной одежды: к вопросу об этнокультурной идентичности русско-сибирских «чалдонов»

Елена Федоровна Фурсова

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия,
mf11@mail.ru*

Аннотация. Цель статьи – выяснить презентативные функции этнической культуры русско-сибирских старожилов на период конца XIX – начала XX в. по материалам традиционных костюмов. В основу исследования положены многолетние эмпирические материалы автора, полученные в ходе экспедиций Института археологии и этнографии СО РАН, теоретико-методологические разработки отечественных и зарубежных ученых. Представлена попытка выйти на теоретический уровень интерпретации экспедиционных данных под углом зрения таких важных этнологических категорий, как «этнокультурная память», «этнокультурная идентичность». Презентативная функция традиционной культуры заключается в передаче информации (знаний, знаков, в их числе потаенных) до объекта, во внешнюю среду, в которой формируются репрезентации, т.е. представления о субъекте. Историографический обзор трудов, посвященных символике традиционной одежды, показал, что из поля зрения ученых выпали образно-ассоциативная и психоэмоциональная функции, которые отражали национальное художественное мышление людей, а также внутреннее восприятие самих себя и внешнее – со стороны соседей. В результате расширена известная модель этнографического изучения традиционной народной одежды (костюмов) в образно-ассоциативном аспекте по материалам старожильской группы населения («чалдонов») Западной Сибири.

Ключевые слова: презентативные функции культуры, образно-ассоциативный строй костюма, сибирские старожилы, этнокультурная память, символы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00865) «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности» (рук. – Е.Ф. Фурсова), <https://rscf.ru/project/22-28-00865/>

Для цитирования: Фурсова Е.Ф. Презентативные функции традиционной одежды: к вопросу об этнокультурной идентичности русско-сибирских «чалдонов» // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 57–76. doi: 10.17223/2312461X/41/4

Original article

doi: 10.17223/2312461X/41/4

Presentative Functions of Traditional Clothing: On the Issue of the Ethno-cultural Identity of the Russian-Siberian “Chaldons”

Elena F. Fursova

*Institute of Archeology and Ethnography of Siberian Branch RAS,
Novosibirsk, Russia, mfl1@mail.ru*

Abstract. The purpose of the article is to find out the presentative functions of the ethnic culture of the Russian-Siberian old-timers for the period of the late 19th - early 20th century. based on traditional costumes. The study is based on the author's long-term empirical materials obtained during the expeditions of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, theoretical and methodological developments of domestic and foreign scientists. An attempt is made to reach the theoretical level of interpretation of expeditionary data from the point of view of such important ethnological categories as "ethno-cultural memory", "ethno-cultural identity". The presentative function of traditional culture is to transfer information (knowledge, signs, including hidden ones) to the object, to the external environment in which representations are formed, i.e. ideas about the subject. A historiographic review of works devoted to the symbolism of traditional clothing showed that figurative-associative and psycho-emotional functions that reflected the national artistic thinking of people, as well as the internal perception of themselves and the external perception of their neighbors, fell out of the field of view of scientists. As a result, the well-known model of ethnographic study of traditional folk clothes (costumes) has been expanded in the figurative-associative aspect based on the materials of the old-timer population group (“chaldons”) of Western Siberia.

Keywords: presentative functions of culture, figurative-associative structure of the costume, Siberian old-timers, ethno-cultural memory, symbols

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation No. 22-28-00865 "Siberians in search of Siberianness: ethno-cultural appearance and forms of identity" (PI – E.F. Fursova), <https://rscf.ru/project/22-28-00865/>

For citation: Fursova, E.F. (2023) Presentative Functions of Traditional Clothing: On the Issue of the Ethno-cultural Identity of the Russian-Siberian “Chaldons”. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 57–76. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/4

Введение. Основные понятия и подходы

Символическая деятельность общности людей – есть ключ к пониманию человеческой природы и мифологического взгляда на мир. По утверждению философа и культуролога Э. Кассирера (Cassirer 1946), проблема познавательности превращается в проблему конструирования (артикуляции) мира посредством символических форм. Внутренняя форма, открытая им в символе, не есть просто сумма отдельных

феноменов, под ней ученый понимал инструмент, благодаря которому это содержание приобретает свою законченную определенность (Немировская 1972: 121). Противопоставление так называемой открытой (явной) культуры и скрытой (скрытое значение) прослеживается в работах ряда зарубежных ученых, причем как в относительно давних публикациях, так и современных (Hall 1990; Фокс 2013). Советские и российские этнографы, лингвисты, семиотики предлагали различать внешние и внутренние знаки культуры. Они считали, что в каждом этносе присутствуют различия между «внешним» выражением, формой проявления того или иного элемента культуры (знаком) и его внутренним содержанием (Бромлей 1983: 128; Степанов, 2014 (переизд. 1971): 6–10;). Внутренние значения как бы скрыты в предмете, они постигаются разумом, нравственной интуицией, но не открываются с первого взгляда, в этом смысле значения являются ключом к пониманию культуры. Исходя из посыла, что этническая информация сама по себе «избыточна», так как включает элементы социальной, культурной, лингвистической и наследственной (генетической) информации, этнолог Ю.М. Кобищанов пришел к выводу о том, что наиболее важными именно этническими чертами являются язык и этнопсихические особенности людей (Кобищанов 1973: 315).

Сегодня в научной литературе нет общепринятого определения презентативных (представительных) функций культуры, как и репрезентативных (воображаемых). В данной статье под репрезентациями понимаются определенные воображения/представления о типичных характеристиках какой-либо этнокультурной общности (группы) и ее культуры, полученные в процессе презентации. Репрезентации отличаются, таким образом, от презентации, цель которой заключается в передаче информации (знаний, знаков, сигналов) до объекта, во внешнюю среду, в которой формируются репрезентации. Усвоение этнокультурной информации происходит как произвольно (бессознательно), так и осознанно (Кобищанов 1973: 325).

Историк-славист А.С. Мыльников, исходя из понятий «язык культуры», «полисемантичность знаков культуры», обращал внимание на то, что в мировом культурном процессе надо учитывать воздействие социального фактора, местных природно-климатических условий, влиявших на быт и культуру и, как результат, на «объективирующий генезис национального самосознания» (Мыльников 1989: 13, 20, 23).

По мнению И.С. Семененко, утверждение культурной идентичности (самосознания) происходит в пространстве социальных (межкультурных) коммуникаций посредством участия членов группы в общих культурных практиках, которые социально значимы для данной группы и которые сама эта группа определяет. Таким образом, важным маркером выступает преемственность культурного выбора группы, которая

объединена общей памятью, верованием, общими элементами материальной и духовной культуры. В поддержании общей культурной идентичности ключевая, часто – самодовлеющая роль принадлежит традиции и ее символической репрезентации. В этом смысле широко используется понятие этнокультурной идентичности (Семененко 2017: 312–313).

Исходя из того, что между этническим самосознанием (идентичностью) и этнической культурой существует теснейшая взаимозависимость и самосознание формируется на основе этнической (национальной) культуры, в своем исследовании мы используем понятие «этнокультурная идентичность». Большая роль отводится этнокультурной памяти, которая, в отличие от исторической, мало подвержена политическим конъектурам и конструированию, но хранится в народном сознании, в его глубинных представлениях, верованиях, базовых ценностях. Это то, что сохранено в разные исторические периоды от предыдущих поколений как следствие действия механизмов преданий, межпоколенных коммуникаций (Фурсова 2021: 297; Сибирь и сибиряки... 2022: 25).

Постановка проблемы

Традиционный народный костюм во всей цельности и содержательности этого понятия можно обоснованно рассматривать как «зеркало культуры», даже еще в большей степени, чем какой-либо другой элемент, включая язык, так как внешний вид подает сигнал еще до того, как человек заговорит (на эту тему существует поговорка «Встречают по одежке, провожают по уму»). В рамках теории восприятия (Cassirer 1979: vii) воплощенные в костюме образы и закодированные смыслы могут иметь как универсальный характер, так и специфический этнический, региональный, локальный, обусловленный религиозно-мифологическими представлениями, всей картиной мировидения, а также историческим, морально-нравственным, культурно-бытовым опытом народа.

Опора современных этнологов, специалистов в области славянских культур, в основном, на музейные коллекции ограничивает исследователей в решении многих важных вопросов межкультурного взаимодействия, направленности векторов этнотрансформационных и этноэволюционных процессов. Как следствие, отсутствует возможность выявить специфику всех функций различных видов одежды (упор делается на праздничную, частично обрядовую, свадебную, почти не встречается повседневная, верхняя и зимняя). Исследования, основанные на применении семиотического подхода, нередко основываются на умозаключении авторов и, случается, не находят подкреплений фактическим материалом. Вероятно, по этой причине в работах современных реконструкторов традиционного костюма так много симулякров. Например, можно наблюдать, когда сибирский старожильческий костюм, по всей

видимости, в коммерческих целях дополняется деталями, которых никогда не существовало в его структуре, но в реальности они бытовали в других местностях и у других групп населения.

В нашем исследовании презентативные (представительные) функции выполняются соответствующими элементами культуры, которые характерны для конкретной этнокультурной (этнической) общности и связаны со всей совокупностью ее ценностей и способов поведения. Отмеченные функции не есть виртуальные объекты, отделенные от окружающей реальности, их реальность обусловлена «голосами» самих носителей или людей, находящимися в близких с ними отношениях (детьми, родственниками). Исследуя презентации и репрезентации на материалах конкретной этнокультурной общности, можно наглядно сопоставить бытовой уклад (элементы духовной и материальной культуры, системы ценностей, нормы поведения, в их числе скрытые) от субъекта, передающего информацию к объекту, воспринимающего эти элементы в виде типичных характеристик. Очевидно, что реакция каждого человека на поступающую информацию и окружающую реальность опосредована символической сетью его родного образа жизни и языка, религиозных воззрений, образования, художественно-эстетических предпочтений и пр.

Наши эмпирические материалы свидетельствуют о том, что можно говорить о большой разнице между той реальностью, которая существовала в сознании (представлении) разных этнокультурных групп: старожилов Западной Сибири («чалдонов», позиционирующих себя выходцами с Дона) и той, которая воспринимала информацию (в данной статье – переселенцами периода столыпинских реформ начала XX в.). Переселенцы разного происхождения являлись носителями информации с их точки зрения о ярких доминантах культуры соседей. Следовательно, сами чалдоны, транслируя информацию о себе, предоставляли во внешний мир «внутреннюю форму», а их соседи, столыпинские переселенцы, передавали ее в измененных вариантах, «внешних формах», пропущенных через сети свойственных им культурных смыслов.

До революции 1917 г. нормы народной морали и нравственности находили отражение во внешнем облике, нормах поведения в общественных местах, к которым относились улица, места коллективных сборов, совместные «сезжие» гуляния, праздники и пр. В 1920–1930-х гг., в годы борьбы с традиционной культурой, публичному осмеянию и унижению, в их числе в средствах массовой информации, подвергался также народный костюм. Структурами госаппарата и СМИ он был заменен на упрощенный вариант городской моды или стилизованные «под народность» фасоны одежды. Однако традиционный костюм совсем не исчез, он сохранялся в сундуках и, главное, в этнокультурной памяти поколений сельских жителей. По этой причине традиционные обычаи, запреты в области костюма бытовали среди сибирских крестьян еще

каких-то сто лет назад. И это причина, почему во время экспедиций Института археологии и этнографии СО РАН 1970–1990-х гг. местные жители уверенно сообщали о своих обычаях как о само собой разумеющихся фактах.

В данной работе речь идет о народных традиционных костюмах как образно-художественной устойчивой системе, отдельные элементы которой могли сложиться одновременно или в разные исторические периоды. Понятие костюма включает разные виды и формы одежды, украшений, обуви, головных уборов, дополнений и пр. В более ранних работах мы уже приходили к заключению об отсутствии в этнографической литературе внимания ученых к образно-художественной и психоассоциативной функции костюма, которую можно выявить на основе интервью, текстов-описаний традиционной одежды и обычаев ее использования как со слов носителей, так и сторонних наблюдателей (современников, путешественников и пр.) (Фурсова 2017: 503–506). Научная новизна исследования, таким образом, заключается в расширении известной модели этнографического изучения традиционного народного костюма (материал, покрой, технология, орнаментация и пр.) в направлении образно-художественного и ассоциативного аспектов.

Вводится понятие «образно-ассоциативный строй костюма»: «образ» создается на основе представлений о прекрасном, связан с творческим началом, художественными способностями создателей, но ограничен традициями, «ассоциации» возникают на основе жизненного опыта, религии, т.е. связаны с рациональными и иррациональными формами познания. Автор обратил внимание на те связанные с сюжетом костюма элементы, которые показались бы необычными для человека, находящегося вне смыслового пространства старожильческой культуры сибиряков. Презентативные (представительные) компоненты этнической культуры чалдонов выбраны нами не произвольно и не вследствие теоретических рассуждений, они были высказаны самими носителями культуры или соседствующими с ними другими группами русского народа.

Презентативные функции внешнего благополучия. Не оставляет сомнений тот факт, что традиционный костюм играл роль показателя достатка и символизировал финансовые возможности хозяина. Мужской традиционный костюм чалдонов конца XIX – начала XX в. должен был символизировать достаток и зажиточность, что, в большинстве случаев, соответствовало реальному экономическому положению семьи. Это, в первую очередь, касалось праздничного, свадебно-обрядового костюмов. Мало известен обычай хорошо одеваться на первый день уборочной страды, что, по-видимому, имело для крестьян знаково-магический, возможно, продуцирующий смысл. Уборка выращенного урожая была не только ответственным, но и праздничным событием в жизни крестьян. Содержание этого обычая объяснил один из потомков старообрядцев

такими словами: «Одевались чалдоны в добротную одежду. Показывали, что всегда у них так и будет в жизни хорошо и богато». Ключевыми здесь следует понимать слова, что всегда и всё «у них будет так».

Возможно, что именно по причине зажиточности и использования покупных тканей чалдонский костюм был менее декоративен, меньше украшен ручными вышивками, чем переселенческие костюмы. Чалдоны были ориентированы на городские моды, по сути, в своем облике представляли вариант городских костюмных комплексов в сельской среде. Славянские традиции остаточно проявлялись в том, что нагрудное шитье в мужских рубахах все же приветствовалось. Отсутствие искусных вышивок, выполненных женщинами из старожильческих семей, значительно уступавших в мастерстве переселенкам, компенсировалось использованием разноцветных полупелюшковых, шелковых, сатиновых, кашемировых тканей.

По причине того, что женский костюм был знаком экономического состояния семьи, родственники-мужчины несли ответственность за внешний вид своих жен, дочерей и внуков. Это особенно справедливо для чалдонок, которые, как и сибирячки в целом, мало занимались ткачеством. Их уровень финансового положения позволял ориентироваться на покупные ткани. Во время поездки в город, на ярмарку или просто в сельскую лавку на плечи мужчины ложилась обязанность купить ленты в косы, бусы, фабричные ткани женской половине семьи.

Этнодифференцирующие функции как вариант презентативных. У чалдонов была деталь костюма, которая роднила их с малороссами Полтавской, Черниговской губерний и донскими казаками – это штаны с широкими штанинами, называвшиеся шароварами (Лебедева 1971: 235; Николаева 1988: 154, 206, 216). Однако манера их ношения как в Западной, так и в Восточной Сибири была иная, чем в украинском костюме: шаровары носили с рубахой навыпуск с ремнем или поясом, а штанины, подобно казакам, заправляли в сапоги или «обутки» (сапоги домашнего изготовления). В отличие от общерусских кошеных штанов (последние могли надевать как исподнее) шаровары были прямого покроя и из-за того, что штанины казались широкими, информанты сравнивали их с юбками – «болтались на ногах как юбки». Шили такую поясную одежду из дорогих ворсовых материалов, например, бархата, плюша, шелковых и бумажных китайских тканей, позднее стали использоваться российские сатины, сукна, бумазеи и пр. (Фурсова 1997: 94; ОР РЭМ. Ф. 6. Оп. 1. № 22. Л. 19).

В праздничном костюме с рубахой, надетой поверх широких шаровар, в папахах и кубанках чалдоны презентовали образ донского казака, соединявшего в своем облике южнорусско-малороссийские традиции. Близость с казачьим костюмом дополнительно усиливалась ношением рубашек, которые хотя и назывались косоворотками, но имели одну

небольшую «говорящую» деталь: почти прямую застежку, лишь немного, на 2-3 см перемещенную влево. В начале XX в. в качестве зимних праздничных уборов широко были известны кубанки и папахи с высокими околышами из мерлушек или шкурок бобров, что можно связать с влиянием казачества (о кубанках и папахах см.: (Лебедева 1971: 234)).

Аналогичные явления наблюдались и в женских костюмах. Действительно, чалдонский и казачий костюмы объединяло то, что они представляли собой, как уже отмечалось, вариант бытования городской моды в селе. Комплекс кофты с юбкой и головными уборами в виде «позаушков», «кокошников» (из атласа, шелка), которые представляли собой шапочки с полосками ткани, завязывавшихся сзади бантом, напоминал костюм казачек.

В данном случае представлены авторские реконструкции костюма на основе данных интервью, архивов и фотоматериалов. Сами носители не были готовы сравнить свой облик с казачьим, в отличие, например, от народных песен, у которых считали много общего с казачьими («такие же проголосные как и у донских казак», «чалдонам вообще почему-то милы украинские песни») (Черноусов 1980: 15; ПМА 1991). В данном примере особенно отчетливо проявляют себя два аспекта в традиционной культуре – интегрирующий и дифференцирующий. Внутреннее культурное единство на таком огромном пространстве Сибири свидетельствует о довольно длительном по времени историческом этапе сложения культуры местного старожильского населения. В условиях этнокультурного разнообразия русских в Сибири могли возникать конфликтные ситуации с одеждой, например, при смене головных уборов с девичьего на женский (например, среди разных групп старообрядцев), однако в среде чалдонов, где особенности традиционной культуры носили модернизированный характер и в значительной степени были единообразными, такие случаи не фиксировались.

Способы презентации поведения в групповой культуре. Из наблюдений в условиях полевых работ вытекает вопрос о том, не являются ли «жизненные формы» или «формы жизни» не столько содержанием, сколько знаками «жизненного содержания» – манер, чувств, верований, представлений? Ответ вытекает сам собой: эти формы, иначе говоря обычаи, двойственные по своей сути, действительно, являются этими манерами, чувствами, верованиями, представлениями, но одновременно и служат внешними проявлениями, т.е. знаками (Степанов 2014: 8). Приведем примеры из эмпирической части исследования. В Сибири при входе в чужой дом, согласно принятому этикету, крестьянин не снимал верхнюю одежду и, какая бы не была натопленная изба, сидел у двери в тулупе или шубе (но без шапки). Только просьба хозяев присесть с ними к столу, считалась знаком, когда достойному человеку прилично раздеться. На вопрос, означают ли «формы жизни»/обычаи нечто

особенное, этническое, региональное или локальное, не встречающееся у других, в одних случаях на этот вопрос можно ответить утвердительно, в других – отрицательно.

Негласным этикетом в сибирских селах было предлагать вошедшему в дом человеку не разуваться, а проходить обутом, несмотря на уличную грязь и как бы в противовес этому – чистому полу и аккуратно выложенным половикам. Феномен групповой культуры таков: от гостя требовалось вежливо отказаться от предложения и войти разутым, показывая тем самым уважение к гостеприимным хозяевам.

Женщины своими костюмами должны были на людях демонстрировать скромность и достоинство, что выражалось в закрытых формах одежды, а также специфике ношения. Рукава рубах надо было шить такой длины, чтобы они закрывали на руках запястье («косточку»), подолы юбок (для чалдонок юбки были традиционной одеждой) доходить до щиколоток. Детальные ограничения воспринимались настолько естественно, что при выяснении отношений между мужчиной и женщиной, последняя доказывая, что ее стыдить не за что, могла бросить фразу типа: «Что ты меня ругашь? Ты моих локтей видал?». Увидеть у посторонней женщины руку выше запястья или ноги выше щиколотки, еще хуже – «простые (т.е. без головных уборов) волосы» считалось большим позором. Общественное мнение обсуждало и осуждало как «нескромницу», так и «нескромника», приписывая им даже помешательство, одержимость нечистыми духами. В архивах сохранились дела о наказании штрафах мужчин, позволивших себе скинуть с головы замужней женщины платок или головной убор (Фурсова 1997: 67).

Половозрастные презентативные функции. Возраст людей в традиционном обществе во многом определял их статус, что фиксировалось отдельными видами одежды и головных уборов, украшениями, другими элементами. У молодых мужчин, как и у молодых женщин, расцветка тканей для одежды была более яркой (оранжевой, малиновый, зеленой и другие цвета), чем у пожилых, у которых преобладала сдержанная гамма (черные, бордовые и пр.). Мужской костюм (как и женский) не считался завершенным без головного убора, т.е. мужчина, по мнению старожил, был не вполне одетым без войлочных, валяных из шерсти шляп, которые в присутственных местах носили круглогодично. Головные уборы мужчин конструировали требуемый образ и были символичны, они передавали окружающим информацию о возрасте и семейном положении мужчины. Парни (по-чалдонски «па-аря») и молодые мужчины дополняли костюм черными или коричневыми поярковыми шапками в сдвинутом на правый бок виде, что придавало им молодецкий («ухарский») вид. В праздники шапки неженатых мужчин украшались подтыкавшимися за ленту тульи разноцветными перышками и искусственными цветами.

Половозрастные функции в костюмах замужних женщин считались настолько важными, что обставлялись еще более многочисленными, чем у мужчин, знаками, касающимися внешнего облика. Однако детали содержали иную символику – принадлежности мужчине (мужу) и ориентацию на традиции семьи мужа. В этой связи обращает на себя внимание термин, обозначающий обряд смены прически и головного убора – «окручивать», т.е. буквально подчинять. В процессе округивания чалдонкам не заплетали две косы, как это было принято повсеместно в Сибири, но, как и у казаков, закручивали косу на затылке.

Ассоциативные функции. Образ «сибирского медведя» сформировался под влиянием комплекса просторной меховой одежды для зимы, поэтому его можно считать сибирским брендом. В зимнем костюме сибиряк выглядел большим и неуклюжим, о чем свидетельствуют иллюстративные материалы из архивов и старопечатных публикаций XIX в., а также рисует наше воображение на основе интервью и воспоминаний современников (Фурсова 2019: 145). Сибирский комбинезон – так можно назвать многослойный костюм чалдона для зимних работ с натянутыми поверх пимов рабочими «чембарами» (шароварами) и заправленными в них лапами полушубков; пояс перехватывал верхнюю одежду и штаны по талии. Молодые мужчины опять же могли представлять свою молодцеватость выворачиванием пол полушубка или шубы мехом наружу и подтыканием их под пояс.

Рассказы о зимнем костюме довольно типичны, такие воспоминания обычно передавались с эмоциональным подъемом. Приведем пример описания зимнего костюма чалдонов, живших вдоль Московского Сибирского тракта, которым приходилось гонять и ямщину, и обозы с различными грузами. «Мужчины носили тулупы с высоким воротником. Рукавички пуховые до локтя. Пимы выше колен с вышивкой. Их покупали и носили мужики. Мужики носили шаровары (на хозяйственных работах чембары) широкие-е!» (ПМА 2000). Подобные сообщения можно дополнить любопытными деталями, например, о реальном использовании тулупов, сшитых из медвежьих шкур, которые все же встречались редко по причине непомерной тяжести. Кроме того, сохранились воспоминания о шапках из медвежьего меха. «Шьют очень неудобную и тяжелую медвежью шапку колоссальных размеров...», – отмечал в своей рукописи в 1926 г. очевидец традиций жизни чалдонов в районах таежной зоны Приангарья В.К. Мультинов (ОР РЭМ. Ф. 6. Оп. 1. № 22. Л. 16). Шубы и тулупы (или «дохи») могли выполнять не только практическую функцию, но и обрядовую. Вывернутые мехом наружу, они были незаменимым атрибутом во время обрядовых перевоплощений внешнего облика человека. Хорошо известна распространенность у русских Сибири медвежьих образов в святочных и масленичных ряженьях и маскарадах.

В представлениях о прекрасном, в которых в полной мере отражался духовный мир сибирских крестьян, передавалось чувство гармонии с природой, христианскими ценностями, морально-нравственными нормами поведения. Один из древних в славянской народной культуре образ птицы, доживший до нашего времени в сказках, легендах, песнях, росписях, вышивках, оказался настолько тесно соотнесенным с образом прекрасной женщины, что об этих представлениях можно было услышать даже в спонтанных речи наших информантов в XX в. Действительно, в полевой практике нам не единожды встречалось описание девушки в образе «павы». Приведем пример из полевой практики, когда зашел разговор со старцем о том, что «раньше девки были красивее»: «Раньше девка идет – бежишь повдоль дороги, смотришь, прошла – еще забегаешь вперед смотреть. Идет как павы – хвост туды-сюды, туды-сюды!» (ПМА 1978, 1979). «Хвостом» называли в женских сарафанах и юбках шлейф на спине, который образовывался за счет того, что кошенные полотна удлинялись и вместе с задним почти касались земли. В подобных рассказах словами мужчины передавалось восприятие девушки в сельской местности Сибири периода конца XIX – начала XX в. При этом, как подчеркивали информаторы, в образе «павы» должны были сочетаться не только статность, красота, но и «неприступность» для внешнего наблюдателя, что вписывалось в желанную для любой невесты молву «от женихов отбоя нет» (Фурсова 2017: 506). За такой манерой держаться и двигаться стояло отмеченное мужчинами кокетство: «хвост туды-сюды» заставлял их сердца стучать быстрее.

Парадоксы и курьезы как обычаи в костюмах. Этнограф-наблюдатель может констатировать нелогические парадоксы поведения, не понятные человеку, не погруженному в сибирскую культурную среду. Наблюдался интересный парадокс, не раз отмечавшийся информаторами: если летом, несмотря ни на какую жару, старожилы носили валяные шляпы, то зимой при работе на сильном морозе могли вообще «скинуть головной убор и рукавицы» («мохнашки», «шубёнки»). Анализ содержания интервью создал впечатление, что работать на морозе без столь важных атрибутов одежды было проявлением «сибирского ухарства», «сибирского характера», так же, как и отказ от ношения шерстяного шарфа. Однако в отличие от наших полевых наблюдений, в рукописи М.К. Мультинова есть сообщение об «ушканных» шарфах в 1920-х гг. у ангарских мужчин, которые укутывались в них. Это можно объяснить, видимо, более жесткими погодными условиями проживания в сравнении с югом Западной Сибири. «Из этой же шерсти вяжут шарфы – необходимый атрибут ангарского костюма. Ушканы (из заячьей шерсти шарфы. – Е.Ф.) шарфы белые с черной полоской по концам, либо шерсть не чисто ушканья, а с примесью овечьей. Бывают разноцветные полосатые. Длина большая 5–7 аршин, своеобразно одеваются: обматываются два раза

вокруг шеи и затем крест-накрест обхватывают тушу. Ширина незначительная. Заканчивается бахромой. Интересно, что шарфы часто вяжутся мужиками...» (ОР РЭМ. Ф. 6. Оп. 1. № 22. Л. 25).

Вернемся к образу «настоящего сибиряка с воротом нараспашку», к которому можно добавить отказ от застегивания верхних пуговиц у полушубков или шуб. Аналогичный пример можно привести в отношении зимних меховых уборов мужчин с длинными ушами и лопастями (зап. сиб. «малахай», «треухи», «долгоушки» и пр.), которые прекрасно соответствовали природно-климатическим условиям сибирского региона. Однако и здесь было все непросто: крестьяне в западносибирских деревнях отказались от завязывания шапок-ушанок не только во время работ на открытом воздухе, но и в целом в качестве обычной практики ношения. Видимые несоответствия и нелогичность можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, генезисом славянских головных уборов из меха, наиболее древними из которых были колпакообразные, шапки со сферическим верхом и меховой опушкой (Громов 1979: 209; Молчанова 1981: 92–98), во-вторых, приверженностью традициям, оформившимся вследствие проживания в более теплом мягком климате. Возникает вопрос – а как же тогда не раз отмечавшиеся исследователями адаптационные способности первопроходцев? Ответ очевиден: в данном случае приверженность традициям оказалась сильнее влияния внешних природных факторов.

Обычай «легкомысленного» одевания во время зимних работ старожилы объясняли бережным отношением к меховой одежде, прирожденной привычкой экономить. Приведем распространенную у чалдонов шутку-поговорку по поводу такой скупости, так как шубы были практически у всех членов семьи: «Чё па-арю сделается, он два шабура одел с печи – оба горечи..! А шубу жалко было». «Шабуры с печи» было не просто метафорой или ярким словом, но это реальность, отражавшая обычай греть более легкую верхнюю одежду из шерсти на печи, чтобы создавать теплую воздушную прослойку у тела и дольше сохранять тепло (Фурсова 2019: 146). Эту традицию можно рассматривать как проявление адаптационных способностей русских крестьян. Смысл механизмов адаптаций, таким образом, кроется в глубинных слоях «языка культуры», который может быть составлен из разнородных и разновременных традиций.

Понятия чести и бесчестия сопровождали женщину всю жизнь – с девчества и до замужества. С детства родители, бабушки и другие взрослые родственники внушали девочке правила соблюдения девичьей чести, олицетворением чего были и традиции в одежде. Например, бесчестьем считалось самовольное надевание девушкой платка по-бабы (повязывание узлом назад), плетение незамужней двух кос вместо девичьей одной и пр. Однако наряду с этими знаками «благочестивого облика»,

несоблюдение которых символизировало бесчестие носительницы, не было принято носить нижнее белье, включая штаны. По этой причине во время метания сена, подвижных игр или «куляний» (качаний на качелях вкруговую) подола рубаш застегивали булавками между ног.

В Сибири женщины надевали поясную нижнюю одежду только тогда, когда им приходилось выполнять мужскую работу (например, были во вдовстве), ехать зимой за сеном, на рыбалку и пр. Эту одежду заимствовали у мужчин, поскольку специальной женской поясной одежды, такой как штаны, не существовало. Действительно, промысловый костюм характеризовался наличием такого запретного для христианки элемента, как штаны. Приведем насмешливое описание этого необычного явления в Приангарье со слов мужчины-наблюдателя: «Бабы штаны – это промысловый для неводьбы и предохранительный от мошки костюм. Надевают их под юбку, и часто бабы пользуются мужскими шароварами. Конечно, и в лесу не обходятся без штанов. При неводьбе, особенно когда приходится стоять в воде, бабы щеголяют в одних штанах, заправленных в бродни или навывпуск. Но зимой, какие бы морозы не были, хотя бы и в дальнюю дорогу никогда не одевают чего-нибудь теплого под юбку» (Фурсова 2019: 142).

В существовании такой традиции, как запрет на штаны, можно видеть, во-первых, следование правилам, изложенным для христиан в «Ветхом Завете» (Втор. 22:5), запрещающим женщинам носить мужскую одежду; во-вторых, русско-славянскую традицию соблюдения гендерной специфики одежды полов; в-третьих отсутствие такой традиции в античную эпоху, в Византии, откуда многие христианские традиции пришли на Русь, включая внешний облик христианина (Культура Византии 1989: 595; Поляковская, Чекалова 1989: 79). У мужчин как на Западе, так и на Востоке обычай носить штаны вошел в употребление (моду) лишь в первой половине VII в. Почти сразу же римским императором был издан закон, запрещающий это делать (Поляковская, Чекалова 1989: 79). Получается, что русские женщины соблюдали эту особенность костюма земледельческих народов даже в Сибири, боясь нарушить вековой обычай, сознательно не желали адаптироваться к холодным зимам.

Этноидентификационные функции. Рассмотрим еще одну жизненную ситуацию из области парадоксов традиционной культуры как системы обычаев. Специфической деталью тулупа (вариант «дохи») как самой теплой зимней одежды, которую могли надевать поверх не только зипуна, но и полущубка и даже шубы, это наличие высокого мехового воротника. В поднятом виде высокий воротник почти полностью скрывал голову и являлся заменой капюшона. Казалось бы, такой практичный для Западной Сибири элемент одежды, как капюшон, должен был присутствовать в гардеробе, но он получил прописку очень поздно, причем из города, только в середине XX в., да и то на первых порах в детской

одежде. Мужчины, как и женщины, не выказывали желание носить одежду с капюшоном в качестве повседневной или праздничной, в то время как в качестве промысловой, например в Восточной Сибири, она была известна в начале XX в. (Фурсова 2019: 143). Причина видится в отсутствии традиции, в непризнании этого вида одежды за «свою», в ее непрезентативности для русских. Это причина, почему человек в капюшоне и укутанный шарфом в Западной Сибири никогда не являлся символом старожила-чалдона (повторим, в отличие от восточносибирского старожила).

Идентификационные функции одежды проявлялись тогда, когда она имела не только этнодифференцирующее значение, но и сама способствовала поддержанию русско-сибирской идентичности. В своих работах автор уже делал попытку показать идентификационные функции традиционной одежды, которая сыграла значительную роль в становлении этнокультурной идентичности старообрядческих групп (Фурсова 2018: 446).

Репрезентации глазами переселенцев. Репрезентация – это опосредованное, или «вторичное» (через подобие), представление в сознании человека образов объектов, их свойств, отношений и процессов. По Пирсу знак есть «носитель, сообщающий уму что-то извне. То, что он обозначает, называется его объектом то, что сообщает, – его значением; а идея, которую он вызывает, – его интерпретантой» (Немировская 1972: 5). Интерпретантами в нашем случае выступали российские переселенцы пореформенного и столыпинского периодов начала XX в., которых мало волновали вопросы происхождения старожильского населения в Сибири (обычно они передавали просто услышанные от соседей сведения о «донской прародине», что-то типа «прежде приехали»). По причине собственной неустроенности в первые годы освоения новых земель, в фокус их внимания попадали вопросы хозяйствования старожилов, их образа жизни, одной из составляющей которой можно считать обычай одеваться.

Вопросы информаторам, преимущественно первому или второму поколению переселенцев, были поставлены таким образом, чтобы получить ответ о личном восприятии основных отличий или сходств конкретных характеристик чалдонских обычаев в области материальной культуры, чему уже были посвящены некоторые работы автора (Сибирь и сибиряки... 2022: 26–68). Выяснилось, что российские переселенцы часто судили о соседях-старожилах по внешним признакам, по-видимому, имевших для них принципиальное значение. Многие информаторы-переселенцы подчеркивали обеспеченность чалдонов, их устроенный, почти городской быт, модные праздничные наряды, особенности питания и пр. Чалдоны-мужчины выделялись, по мнению переселенцев, не просто более дорогой городской одеждой, но и ношением нетрадиционных

для них папах, армяков и пимов с узорами и пр. Именно в переселенческой среде распространилась байка о «сибирском медведе», который выглядел в глазах прибывших крестьян большим и неуклюжим и даже «опасным».

На переселенок из южнорусских, западных и юго-западных губерний Российской империи или их потомков производил впечатление факт обильного чалдонского гардероба «как у барынь». Сельские жители Приобья вспоминали: «Чалдоны бога-атые, нарядов много было!» (ПМА 1988). Еще одним важным в глазах переселенок моментом было то, что сибирячки носили модные кофты с застежкой на спине, и так как у них были работницы или горничные, то «ходили за имЯ, кто-то застЯгАл». Для переселенок был удивительным сам факт существования такого «барского» обычая среди крестьян. В беседах с прииртышскими жителями также подтвердилось мнение, что отличительной чертой чалдонов было то, что они богато и модно одевались. По воспоминаниям Сажинной (дев. Крутаковой) Валентины Афанасьевны (1928 г.р.) из д. Евгашино Большереченского р-на Омской области: «Я не местный житель, я из Кочекорино, это двадцать километров отсюда... У чалдонок-сибирячек, у их всё покупное было, а мы всё холщовое носили. Мы победней были, семья большая была. Бусы и серьги не носили – на чё покупать-то было?» (ПМА 2007).

Модными считали чалдонок и вологодские переселенцы, которые, в принципе, мало отличались по бытовому укладу жизни. А.С. Паршикова (1910 г.р.) из д. Усть-Луковка Ордынского района Новосибирской области считала чалдонов более модными и форсистыми: «Чалдоны как-то поаккуратнее. Мы-то волговские, так ладно, так сошили. А они как-то шили по моде, у них поаккуратнее были платья. Кашемир был, хотя шибко брать было не за что. Это смотря какие семьи. Детей много, значит – всё же не так...»

Заключение

Рассмотрение образно-ассоциативных функций костюмов чалдонов Западной Сибири начала XX в. дало возможность реконструировать их бытовой уклад и охарактеризовать участие в процессах коммуникации, скрытых формах поведения изучаемой общности людей.

Внешние проявления материальной культуры (костюма) и связанные с ними обычаи глубоко содержательны, а выявленные различия демонстрируют специфику представлений, чувств и переживаний группы русского народа (чалдонов) в Сибири. Вместе с тем очевидно, что два аспекта этнической культуры – «внутренний» и «внешний» – находились в сложной взаимосвязи и взаимодополнении. Этнографические материалы позволили сделать вывод о том, что идентификационные функции

традиционной одежды обеспечивали выбор и сознательные предпочтения «своих» традиций, что порой даже выглядело нелогично с практической точки зрения (отказ от местных видов одежды нехристианских народов).

Презентативными функциями одежды старожилов являлись этнодифференцирующие, половозрастные, ассоциативные, поведенческие, т.е. большой их набор. У переселенцев же эта шкала выглядела беднее, от их взгляда многое ускользало, что и вызывало взаимное неприятие и непонимание. Таким образом, репрезентации (представления о чалдонской культуре) российских переселенцев вырывали из общей картины жизни то, чего не было или не хватало у них самих. Для переселенцев актуальными были вопросы хозяйственно-экономические, и костюм олицетворял не только сытую и благополучную жизнь, но еще особый «барский» статус.

Костюм относился к тем элементам традиционной культуры, которые оказывали влияние на этнокультурную идентичность своих носителей, поддерживая ее в той или иной группе. Облачаясь в свой традиционный костюм, человек воспринимал и его образный строй, отражающий особенности этнокультурной картины мира, этнонациональное восприятие жизни. «Русскость» происхождения чалдонов не позволяла включать в костюмные комплексы капюшоны, меховую обувь (встречалась только в промысловом снаряжении) местных народов, «сибирскость» проявлялась в показной стойкости к морозам («сибирском ухарстве»), желании выделиться на фоне переселенцев своим дорогим костюмом, который был не доступен приехавшим издалека людям.

Из текстов-интервью создается впечатление, что внешним видом мужчины-чалдоны стремились соответствовать своим «донским корням», которые в их представлениях были реальностью. А актуализация этнокультурной памяти о традициях дедовских костюмов помогала в поддержании соответствующей этнокультурной идентичности. Вопрос в том, следовали ли они этому образу интуитивно или совершенно сознательно, так как при этом казаками себя не называли. Устойчивые элементы материальной культуры на таких сибирских просторах свидетельствуют о длительности сложения этой этнокультурной группы, ее длительном проживании в Сибири. Вне вопроса о происхождении старожилов Сибири интересен сам факт о выраженном стремлении демонстрировать во внешнем облике связь с казачеством, причем донским.

Образ «сибирского медведя», который сформировался под влиянием комплекса просторной меховой одежды для зимы, можно считать сибирским брендом. Для мужчины было важным продемонстрировать в костюме молодцеватость. При том, что гардероб был полностью укомплектован теплыми зимними и межсезонными вещами, чалдоны нередко могли одеваться не соответственно погоде, например, при

кратковременных хозяйских работах во дворе, тяжелых физических нагрузках в морозную погоду и пр.

Многие обычаи одежды и нормативов традиционного поведения столетней давности для наших современников показались бы тайной за семью печатями: они не поняли бы смысла ситуаций, которые воспринимались ими сегодня, скорее, как иностранцами. Однако знание некоторых сохранившихся правил, диктующих как, когда и где следует раздеваться, одеваться или обуваться, позволяет и сегодня быть «своими» среди своих. Освоить эти поведенческие стереотипы оказалось практически невозможно моей французской коллеге во время общей сибирско-французской экспедиции 2000 г. в Кемеровскую область. Например, казалось бы, ученой надо было понять очевидные вещи, что если сибирские старожилы гостеприимно говорили «проходите, не разувайтесь», то надо сделать ровно наоборот, т.е. снять обувь.

Проведенное исследование продемонстрировало, что образно-ассоциативный строй костюма отражает особенности этнокультурного миропонимания, связан с орнитоморфными и зооморфными образами, поэтизацией мужского и женского облика и их строгой регламентацией. Ответ на вопрос, почему это так, находим у Э. Кассирера: вся вселенная, вместе со всем, что в ней есть, сводится тотемистической формой мышления в группы, которые принадлежат друг другу или друг от друга обособлены (Кассирер 2000: 284).

Сокращения

ОР РЭМ – отдел рукописей Российского этнографического музея, г. Санкт-Петербург
ПМА XXXX – полевые материалы автора, XXXX – годы экспедиций

Список источников

- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
Громов Г.Г. Одежда // Очерки русской культуры XVII века. М.: Издательство Московского университета, 1979. С. 202–218.
Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
Кобищанов Ю.М. Этнос и информация // Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации». М.: Московский государственный университет, 1973. Ч. 2. С. 314–329.
Культура Византии вторая половина VII–XII в. М.: Наука, 1989.
Лебедева А.А. Дон и Северный Кавказ (область войска Донского, Терская и Кубанская области, Ставропольская губерния) // Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – начало XX в.). Определитель. М.: Советская Россия, 1971. С. 232–259.
Молчанова Л.А. Материальная культура белорусов XVI–XVIII вв. Минск: Наука и техника, 1981.
Мыльников А.С. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 7–37.

- Немировская Е.М. Теория презентативного символизма. (К критическому анализу семантической концепции искусства С.К. Лангер) // Вопросы философии. 1972. № 7. С. 119–127.
- Николаева Т.А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев: Наукова думка, 1988.
- Поляковская А., Чекалова А.А. Византия: быт и нравы. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.
- Семенов И.С. Культурная, социокультурная, цивилизационная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь мир, 2017. С. 312–317.
- Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточно-славянских народов в Сибири (XIX – начало XXI века) / Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров, Н.И. Шитова, О.В. Голубкова, М.В. Васеха. Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2022.
- Степанов Ю.С. Семиотика. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. М.: РИПОЛ Классик, 2013.
- Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1997.
- Фурсова Е.Ф. Знаково-символические функции русской традиционной одежды в исследованиях культурологов, искусствоведов, психологов, этнографов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 503–506.
- Фурсова Е.Ф. Виды теплой одежды русских старожилов Сибири в конце XIX – начале XX века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 1. С. 137–146.
- Фурсова Е.Ф. Роль этнокультурной памяти в создании локальных православных традиций русскими крестьянами-переселенцами Сибири // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Москва; Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 297–298.
- Черноусов А. Чалдоны // Наш современник. 1980. № 6. С. 5–109.
- Cassirer E. Language and Myth. N.Y.: Harper and Brothers, 1946.
- Cassirer E. Symbol, myth, and culture: Essays and lectures of Ernst Cassirer, 1935–1945. New Haven; London : Yale university press, 1979.
- Hall Ed.T. The Silent Language. N.Y.: ANCHOR BOOKS DOUBLEDAY EDITIONS, 1990.

References

- Bromlej Yu.V. (1983) *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos]. Moscow: Nauka.
- Gromov G.G. (1979) *Odezhda* [Clothes]. In: *Ocherki russkoj kul'tury XVII veka* [Essays on Russian culture in the 17th century]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 202–218.
- Cassirer E. (2000) *Izbrannoe. Indiv i kosmos* [Favorites. Individual and space]. Moscow; Sankt-Petersburg: Universitetskaya kniga.
- Chernousov A. (1980) Chaldony [Chaldons]. *Nash sovremennik*, no. 6, pp. 5–109.
- Fox K. (2013) *Nablyudaya za anglichanami. Skrytye pravila povedeniya* [Watching the English. The Hidden Rules of Behaviour]. Moscow: RIPOL Klassik.
- Fursova E.F. (1997) *Tradicionnaya odezhda russkih krest'yan-starozhilov Verhnego Priob'ya (konec XIX – nachalo HKH v.)*. [Traditional clothing of Russian old-timers of the Upper Ob region (late 20th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Institut arheologii i etnografii SO RAN.

- Fursova E.F. (2017) Znakovo-simvolicheskie funkicii russkoj tradicionnoj odezhdy v issledovaniyah kul'turologov, iskusstvovedov, psihologov, etnografov [Sign-symbolic functions of Russian traditional clothing in the studies of culturologists, art critics, psychologists, ethnographers]. In: *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, pp. 503–506.
- Fursova E.F. (2019) Vidy teploj odezhdy russkih starozhilov Sibiri v konce XIX – nachale HKH veka [Types of warm clothes of Russian old-timers of Siberia in the late 19th – early 20th century]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, vol. 47, no. 1, pp. 137–146.
- Fursova E.F. (2021) Rol' etnokul'turnoj pamyati v sozdanii lokal'nyh pravoslavnyh tradicii russkimi krest'yanami-pereselencami Sibiri [The Role of Ethnocultural Memory in the Creation of Local Orthodox Traditions by Russian Peasant Settlers of Siberia]. In: *XIV Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. Materialov* [XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: collection of materials]. Moscow; Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 297–298.
- Kobishchanov Yu.M. (1973) Etnos i informaciya [Ethnos and information]. In: *Materialy nauchnogo seminara «Semiotika sredstv massovoj kommunikacii»* [Materials of the scientific seminar "Semiotics of mass media"]. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj universitet, ch. 2, pp. 314–329.
- Kul'tura Vizantii vtoraya polovina VII–XII v. (1989) [Culture of Byzantium the second half of the VII – XII c.]. Moscow: Nauka.
- Lebedeva A.A. (1971) Don i Severnyj Kavkaz (oblast' vojska Donskogo, Terskaya i Kubanskaya oblasti, Stravropol'skaya guberniya) [Don and the North Caucasus (region of the Don army, Terek and Kuban regions, Stavropol province)]. In: *Krest'yanskaya odezhda naseleniya Evropejskoj Rossii (XIX – nachalo XX v.). Opredelitel'* [Peasant clothing of the population of European Russia (19th – the beginning of the 20th century). Index]. Moscow: «Sovetskaya Rossiya», pp. 232–259.
- Molchanova L.A. (1981) *Material'naya kul'tura belorusov XVI – XVIII vv.* [Material culture of the Belarusians in the 16th – 18th centuries]. Minsk: Izdatel'stvo «Nauka i tekhnika».
- Myl'nikov A.S. (1989) Yazyk kul'tury i voprosy izucheniya etnicheskoi specifiky sredstv znakovoj kommunikacii [The Language of Culture and Issues of Studying the Ethnic Specifics of Means of Sign Communication]. In: *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic study of symbolic means of culture]. Leningrad: Nauka, pp. 7–37.
- Nemirovskaya E.M. (1972) Teoriya prezentativnogo simbolizma. (K kriticheskomu analizu semanticheskoi koncepcii iskusstva S.K. Langer) [The theory of representational symbolism. (On a critical analysis of the semantic concept of art by S.K. Langer)]. *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 119–127.
- Nikolaeva T.A. (1988) *Ukrainskaya narodnaya odezhda. Srednee Podneprov'e* [Ukrainian folk clothes. Middle Dnieper]. Kiev: Naukova dumka, 1988.
- Polyakovskaya A., Chekalova A.A. *Vizantiya: byt i nry* [Byzantium: life and customs]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta.
- Semenenko I.S. (2017) Kul'turnaya, sociokul'turnaya, civilizatsionnaya identichnost' [Cultural, sociocultural, civilizational identity]. In: *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie* [Identity: personality, society, politics. Encyclopedic edition]. Moscow: Ves' Mir, pp. 312–317.
- Sibir' i sibir'yaki: etnokul'turnaya identichnost' russkogo i drugih vostochno-slavyanskikh narodov v Sibiri (XIX – nachalo XXI veka)* [Siberia and Siberians: Ethno-Cultural Identity of the Russian and Other East Slavic Peoples in Siberia (XIX – beginning of the XXI century)] / E.F. Fursova, R.Yu. Fedorov, N.I. Shitova, O.V. Golubkova, M.V. Vasekha (2022). Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN.
- Stepanov Yu.S. (2014) *Semiotika*. Izd. 2-e. [Semiotics. Ed. 2nd.]. Moscow: LENAND.

Cassirer E. (1979). *Symbol, myth, and culture: Essays and lectures of Ernst Cassirer, 1935–1945*. New Haven; London: Yale university press.

Cassirer E. (1946) *Language and Myth*. N.Y.: Harper and Brothers.

Hall Ed.T. (1990) *The Silent Language*. N.Y.: ANCHOR BOOKS DOUBLEDAY EDITIONS.

Сведения об авторе:

ФУРСОВА Елена Федоровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: mf11@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elena F. Fursova, Department of Ethnography of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mf11@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 1 августа 2023;
принята к публикации 29 августа 2023.*

*The article was submitted 01.08.2023;
accepted for publication 29.08.2023.*

СООБЩЕСТВА ОЛЕНЕВОДОВ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПРИРОДНЫМ, СОЦИАЛЬНЫМ И КУЛЬТУРНЫМ ЛАНДШАФТОМ

(отв. ред. специальной темы номера –
К.В. Истомин, К.Б. Клоков)

Научная статья
УДК 39
doi: 10.17223/2312461X/41/5

Ландшафтный подход в этнологическом и географическом изучении оленеводства: попытка нового синтеза. Введение к специальной теме номера

Кирилл Владимирович Истомин¹
Константин Борисович Клоков²

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹ kistomin@eu.spb.ru

² k.b.klovov@gmail.com

Аннотация. Вводная статья посвящена особенностям понимания и использования слова «ландшафт» в зарубежной и отечественной антропологии и географии, сначала в целом, а затем применительно к изучению ландшафтов оленеводства. Обсуждается двойственность этого термина, который может обозначать как участок территории, имеющий определенные границы, так и аспекты территории, воспринимаемые или ощущаемые человеком. Рассмотрен принцип ландшафтного холизма. Выделены характерные точки зрения о ландшафте, общие для представителей различных научных школ. При этом особое внимание уделено поиску тех общих аспектов, которые видят в ландшафте исследователи с радикально противоположными методологическими подходами. Обосновывается перспективность использования понятия «ландшафт» и сложившегося в отечественной культурной географии ландшафтного подхода в социальной антропологии. Предложены последовательные этапы антропологического изучения культурного ландшафта, в том числе для исследования ландшафтов оленеводства.

Ключевые слова: культурный ландшафт, северное оленеводство, коренные народы, методология, пространственность, локальность, историчность, уникальность

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00665) «Этнокультурные ландшафты оленеводческих народов России: структура и пространственные контексты» (рук. – К.Б. Клоков).

Для цитирования: Истомин К.В., Клоков К.Б. Ландшафтный подход в этнологическом и географическом изучении оленеводства: попытка нового синтеза. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 77–95. doi: 10.17223/2312461X/41/5

Original article

doi: 10.17223/2312461X/41/5

Landscape Approach in Ethnological and Geographic Studies of Reindeer Herding: An Attempt of New Synthesis. An Introduction to the Special Topic of this Issue

Kirill V. Istomin¹, Konstantin B. Klovov²

^{1, 2} *St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation*

¹ *kistomin@eu.spb.ru*

² *k.b.klovov@gmail.com*

Abstract. The introductory contribution analyzes how the notion of landscape has been understood and used in western and Russian anthropology and geography. This analysis is performed first on the general level and then specifically in application to reindeer herding studies. Particular attention is paid to the duality of the landscape concept, which can refer to a territory with particular borders as well as to those aspects of this territory that are perceived by people. The notion of landscape holism is discussed. The views on landscape that are common for different scientific schools are identified. Particular attention was paid to those aspects that are common for researchers using radically different, sometimes even opposed methodological approaches. The value of the concept of landscape as well as of the landscape approach as it has developed in the Russian cultural geography for anthropological research is revealed. Successive stages of an anthropological research of cultural landscapes, including reindeer herding landscapes, are charted.

Keywords: Cultural landscape, reindeer herding, aboriginal peoples, methodology, spatiality, locality, historicity, uniqueness

Acknowledgements: The research has been funded by the Russian Science Foundation project № 22-28-00665 “Ethnocultural landscapes of Russian reindeer-herding peoples: structure and spatial contexts” (PI – K.B. Klovov).

For citation: Istomin, K.V. & Klovov, K.B. (2023) Landscape Approach in Ethnological and Geographic Studies of Reindeer Herding: An Attempt of New Synthesis. An Introduction to the Special Topic of this Issue. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 77–95 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/5

Природные ландшафты Севера составляют природно-ресурсную основу северного оленеводства, суть которой хорошо выражается чукотской пословицей «Тундра кормит оленя, а олень кормит нас». Взаимная адаптация арктических культур, природной среды и популяций одомашненных оленей привела к формированию большого разнообразия типов оленеводства. Хотя традиционному оленеводству России посвящено

большое число работ отечественных и зарубежных ученых, этот интереснейший феномен северного пасторализма пока еще не получил научного осмысления в терминах ландшафтного подхода. Пожалуй, наиболее близким к такому подходу было «классическое» деление оленеводства на тундровое (северное) и таежное (южное), предложенное еще В.Г. Богоразом-Таном (1932). Впрочем, даже он сам не придерживался ландшафтного подхода строго: следующим шагом в его анализе оленеводства было деление как северного, так и южного оленеводства на западный и восточный варианты, различавшиеся по наличию или отсутствию пастушеской собаки, т.е. деление скорее технологическое, чем ландшафтное. Последующие попытки типологического анализа оленеводства, такие как известная классификация оленеводства Г.М. Василевич и М.Г. Левина (1951), также использовали подходы, основанные на его технологических (например, способы использования оленя под транспорт) или даже опосредованно связанных с оленеводством этнографических (тип переносного жилища, тип меховой одежды) особенностях. Примечательно, что противопоставление тундрового и лесного оленеводства оказалось гораздо более устойчивым и эвристически ценным, чем технологические классификации, по крайней мере для понимания таких основных характеристик отрасли, как размер стад, система миграций, характер адаптации к технологическим инновациям и т.д.

Вместе с тем методологический потенциал ландшафтного подхода во все не исчерпывается общим делением оленеводства по экологическим зонам. Потенциал этот определяется многозначностью самого концепта «ландшафт», который можно рассматривать как природную, социальную и культурную реальность в географическом пространстве. Это – область постоянного пересечения интересов и возможностей синтеза результатов общественных, гуманитарных и естественных наук. Культура, как активная социоформирующая сила, постоянно структурирует пространство обитания своих носителей, с одной стороны, заставляя их активно преобразовывать окружающий географический ландшафт, а с другой – формируя для них в этом ландшафте новые контексты и открывая в нем новые смыслы, которые, в свою очередь, активно влияют на культурогенез. В этом процессе, для обозначения которого известный британский антрополог Тим Ингольд предложил использовать термин *dwelling* – «заселение», водораздел между природными и социокультурными контекстами исчезает, ландшафт становится миром особых смыслов, не только ландшафтом природы, но и «ландшафтом задач», аренной и результатом совместного творчества природы и человека (Ingold 1993, 2000). Ландшафтная концепция превращается в мощный механизм географизации социальной антропологии с одной стороны, и гуманитаризации географии – с другой, а многозначность самого концепта ландшафт становится важным ресурсом ее дальнейшего развития (Калуцков 2008).

Ландшафтный подход в социальной антропологии и географии

В социальной антропологии попытки применения ландшафтного подхода – или по крайней мере адаптации в рамках этой науки понятия ландшафта – предпринимались в последние десятилетия неоднократно (Ingold 1993; Balée 2006; Hicks 2016). Некоторые из них были успешными или, по крайней мере, влиятельными¹, несмотря на то (а может и как раз благодаря тому), что понятие ландшафта, как продемонстрировал еще Ричард Хартсхорн в своем классическом труде 1939 г. (Hartshorne 1951: 149–174), было в западной науке неопределенным и полным противоречий. Ситуация в отечественной науке была иной: отечественные географы продвинулись гораздо дальше своих западных коллег в установлении единообразия в понимании и использовании термина «ландшафт». Однако хотя понятие ландшафта, снабженное различными классификаторами (культурным, этническим и т.д.), заняло центральное место в отечественной культурной географии, пересечь тонкую границу, отделяющую ее от этнографии и антропологии, это понятие так и не смогло. Исключением можно считать идеи о взаимодействии этноса и ландшафта Л.Н. Гумилёва (1989), который одновременно позиционировал себя и как этнолог, и как географ.

Причины этого, возможно, коренятся в разных семантических коннотациях термина в русском языке, с одной стороны, и основных языках западной науки (немецком, английском и французском) – с другой. Как отметил Ричард Хартсхорн, немецкое существительное *Landschaft*, как и его французский аналог *payage*, в обиходной речи может обозначать одновременно как участок территории сам по себе, так и аспекты территории воспринимаемые (*perceived*) или ощущаемые (*experienced*) человеком (1951: 150). Разница между этими двумя значениями обыденным сознанием обычно не воспринимается, поэтому указанная многозначность неизбежно сопровождает и научное циркулирование терминов, часто порождая нелогичность и противоречивость их определений. Это в любом случае отражается на их использовании даже теми исследователями, которым удалось избежать противоречий в их определениях, сосредоточившись лишь на одном из значений. «Поэтому нам следует считать одним из достоинств [в оригинале – “благословений” (*blesses*)] нашего языка то, что в его обыденной речи [слово] “ландшафт” (*landscape*) ясно признается имеющим отношение к территории, но не обозначающим территорию» – заявляет с гордостью Хартсхорн и добавляет – уничтожить относительную ясность этого обыденного английского использования [слова] просто для того, чтобы подражать немецким географам не имеющим нашего [языкового] преимущества было бы почти что научным преступлением» (151). Добавление, несомненно, – камень в огород Карла Зауэра, чье знаменитое определение ландшафта (*landscape*) как

«территории (sic!), образованной особым сочетанием форм как физических, так и культурных (an area made up of a distinct association of forms both physical and cultural)» (Sauer 1969: 321) положило начало исследованию ландшафтов в США. Двойственность понятия «ландшафт» (Daniels 1989; Калуцков 2008) привела к путанным и противоречивым определениям, а также к неистребимому стремлению западных теоретиков ландшафта преодолеть и отменить различия между объективным и субъективным, воспринимаемым и восприятием, в том числе через упор на феноменологию. Можно спорить о недостатках и достоинствах такой двойственности, однако нельзя сомневаться, что одним из ее следствий является легкость адаптации понятия «ландшафт» в современной антропологии, которая также стремится задействовать феноменологию для разрушения грани между объективным и субъективным.

В противоположность англо-, франко- и немецкоязычной науке, в отечественной географии для обозначения ландшафта используется иноязычный термин, что, согласно В.Н. Калуцкову (2008), делает ее уникальной. Использование иноязычного термина имеет как недостатки, так и достоинства. Среди последних – отсутствие вернакулярных коннотаций: в этом смысле у российского географа больше оснований рассуждать о «благословении родного языка», чем у Хартсхорна. Разумеется, тот факт, что слово «ландшафт» имеет в немецком языке различные значения, был хорошо известен и в России. Однако понимание ландшафта как территории возобладало, по крайней мере в географических текстах, в то время как в значении воспринимаемого аспекта территории более или менее регулярно начал использоваться французский аналог немецкого «ландшафта» – *paylage* (пейзаж). Пожалуй, единственным – или по крайней мере последним – российским географом, который регулярно использовал термин «ландшафт» в его втором немецком значении, причем попеременно с термином «пейзаж», был Семенов-Тянь-Шанский (1928).

В итоге в отечественной географии установилось относительное одностороннее изображение в использовании термина. Способствовала этому также дегуманизация понятия ландшафта, которая была проведена в советской науке по идеологическим соображениям: человек стал рассматриваться как внешний по отношению к ландшафту фактор, причем влияющий на него в основном в негативном ключе. Об этом «исключении» человека из ландшафта потом часто и много сокрушались отечественные культурные географы (см., напр., Рагулина 2004). Впрочем, и в 1990-е – начале 2000-х гг., когда отечественная география снова стала «гуманизироваться», понятие ландшафта у большинства культурных географов не стало двойственным. Они сохранили приверженность пониманию ландшафта как территории, а не как восприятия территории или территории-в-связи-с-ее-восприятием, как это распространено среди западных коллег. Там, где западные коллеги говорят о ландшафте как тексте и о

символике ландшафта, отечественные культурные географы предпочитают говорить о «восприятии ландшафта как текста» и о «символическом значении ландшафта», отделяя таким образом то, что «вовне» от того, что «внутри» субъекта. Следствием такого понимания ландшафта становится, однако, его достаточно малая сопряженность с антропологическими исследованиями.

По нашему мнению, сложившееся положение далеко от идеала: ландшафтный подход – это мощный инструмент, с помощью которого антропология может ставить и решать задачи, имеющие как большое теоретическое, так и важное практическое значение. Если российская географическая школа, благодаря более последовательной трактовке понятия ландшафта, уделяла меньше внимания теоретическим дебатам и в большей степени – по сравнению с западными коллегами – сосредоточилась на сборе и анализе эмпирического материала, то и отечественная антропология может продвинуть этот подход гораздо дальше, чем пока смогли Хигс и Ингольд. Для этого, однако, нужно найти новый «ключ» к пониманию и исследованию ландшафта, объединив сильные стороны обоих школ. Речь вовсе не идет о какой-то демонстрации квасного патриотизма в отношении российской школы. Наоборот, авторы исходят из убеждения, малопопулярного, к сожалению, в последнее время, что вместе мы можем гораздо больше, чем по отдельности.

Ландшафтный холизм как методологический принцип

Суть ландшафтного подхода состоит в холистическом, комплексном и структурном рассмотрении явлений и процессов, имеющих место на определенном участке земной поверхности. Концепт культурного ландшафта включает в число таких явлений также человека и его деятельность. Однако интегральный взгляд на системы «человек–природа» присутствует и в некоторых других подходах, которые тоже видят сферу взаимодействия между сообществами людей, популяциями оленей и окружающей природой как единое целое и тоже могут быть соотнесены с определенной территорией. Такова, например, концепция этноэкологической системы, предложенная И.И. Крупником (1989). В оленеводстве такая система включает три основных компонента: сообщество оленеводов, стадо оленей и природную экосистему – пастбища.

В англоязычной литературе широко представлено аналогичное понятие – социально-экологическая система (Berkes, Colding, Folke 2003). На его базе выполнен ряд работ по изучению оленеводства в Скандинавских странах (напр., Hausner, Fauchald, Jernsletten 2012 и др.). В России такой подход был применен в исследованиях устойчивости оленеводства на Ямале, где выпас вызывает сильные сукцессии растительного покрова (Forbes 2013; Skarin et al. 2020).

В этом же русле лежит и более широкое направление – ландшафтная экология. Начав с изучения биофизических систем для решения прикладных задач, она развивалась в холистический подход, где квинтэссенцией систем «человек – окружающая среда» стали ландшафты (Bastian 2001; Angelstam, Munoz-Rojas, Pinto-Correia 2019; Wu 2021). Д. Пирсон и Д. Горман (Pearson and Gorman 2010: 1176) предложили концепцию «человеческого экологического холизма», включившую наряду с биофизическими моделями и процессами также и общественные ценности, и знания, важные для устойчивого жизнеобеспечения. Ландшафтная экология помогла создать целостную концепцию для понимания систем скотоводства в различных регионах мира (Pearson and Gorman 2010; Wu, Zhang, Liang 2015; Li, Fassnacht, Burgi 2021), однако исследования по оленеводству с использованием ее парадигмы пока редки. Здесь термин «ландшафт», со ссылкой на высказывание Тима Ингольда (1980), что окружающая среда – это не только биофизический, но и культурный ландшафт, сформированный пастухами и их стадами, стал широко использоваться лишь недавно (Skarin et al. 2020; Reindeer husbandry... 2022).

Близка к ландшафтной экологии экология историческая. В ней ландшафт также признается центральным звеном, используемым «для определения места человеческого поведения и агентства в окружающей среде». Указывается, что понятие «ландшафт» происходит из исторической географии, в отличие от понятия «экосистема», которое возникло в системной экологии. При этом историческая экология соотносится также с теорией неравновесных динамических систем (Balée 2006: 75).

Наиболее последовательный ландшафтный холизм сформировался в общественной географии, чему способствовал ее хорологический взгляд на вещи. Пространственность в нем может органически сливаться с историчностью, что было особенно характерно для французской географической школы Видаля де ла Блаша (Blache 1926). История концепта культурного ландшафта в географии детально рассмотрена в ряде работ российских (Рагулина 2004; Калущков 2008; Кулешова, Стрелецкий 2017; Стрелецкий 2019) и, отчасти, зарубежных (Martin 2005; Cosgrove 2009) географов. Этот концепт стал многозначен, что до некоторой степени затрудняет его использование, но одновременно создает и широкое поле возможностей. В разных географических школах продолжают формироваться его различные трактовки. Отметим здесь некоторые важные для нашей темы положения.

В одной из классических трактовок, предложенной К.О. Зауэром, «культурный ландшафт создается из природного ландшафта культурной группой. Культура является агентом, природный ландшафт – средой, культурный ландшафт – результатом». Культурный ландшафт включают все произведения человека, которые его характеризуют: формы

населения, жилища, формы производства, типы использования земли и т.д. (Sauer 1963 [1925]: 342–343).

Близкий подход, в котором мир природы и мир человека не разделялись, сложился и в дореволюционной российской географии, его классиком был В.П. Семенов-Тянь-Шанский (1928). В советской географии эта традиция была утеряна, а идея рассматривать человека как часть ландшафта вызвала ожесточенную дискуссию о «единой географии», которая якобы противоречила основам марксизма. Это задержало развитие теории культурного ландшафта на несколько десятилетий (одновременно спровоцировав бурное развитие ландшафтной теории в физической географии). Возвращение к холистическим взглядам на культурный ландшафт связано с трудами целого ряда российских ученых – Ю.А. Веденина (2004), В.Н. Калуцкого (2008), М.В. Рагулиной (2004), М.Е. Кулешовой и В.Н. Стрелецкого (Кулешова, Стрелецкий 2017; Стрелецкий 2019), Р.Б. Туровского (1998) и ряда других, причем каждый автор предложил свой оригинальный подход или направление. Концепт ландшафта стал одним из мощных средств гуманитаризации отечественной географии, а сама его многозначность – ресурсом для дальнейшего развития направления. Практически как синоним культурного ландшафта стал использоваться термин «этнокультурный ландшафт», в случаях, когда нужно подчеркнуть этнический аспект культурного ландшафта, например, при исследовании традиционных северных сообществ (Калуцков 2008, 2009).

Применение ландшафтных методов оказалось продуктивным и в этнической экологии (Ямсков 2003). Этому способствовало учение о хозяйственно-культурных типах – специфических культурных комплексах, складывающихся у различных народов в сходных природных условиях (Левин, Чебоксаров 1955). Оно стало прочным «мостом», связавшим этническую экологию с ландшафтно-географической средой (Ямсков 2003), хотя в последнее время термин «хозяйственно-культурные типы» употребляется редко.

Оленеводство в единстве с природной и (или) культурной средой рассматривалось во многих локальных и региональных исследованиях. Кроме уже упомянутой монографии И.И. Крупника (1989), это работы по изучению культурных ландшафтов эвенков, тофаларов и тувинцев-тоджинцев (Рагулина 2000), этнохозяйственных ареалов народов Таймыра (Клоков 1997), сравнительный анализ представлений о ландшафте у коми-ижемцев и ненцев (Istomin and Dwyer 2021). Связаны с ландшафтным подходом также понятие о региональных системах оленеводства (Истомин, Лискевич, Уляшев 2017), микрорегиональный подход к изучению кочевого оленеводства на Ямале А.Н. Терехиной и А.И. Волковицкого (2020) и ряд других работ. Хотя сам концепт ландшафта был акцентирован не во всех этих работах, ландшафтный холизм выражен в них вполне очевидно.

Характерные черты ландшафта как предмета исследования в социальной антропологии и географии

Прежде, чем перейти к обсуждению возможностей изучения ландшафтов в оленеводстве, полезно обобщить те черты ландшафта как предмета изучения, которые присутствуют в большом числе работ по нему. При этом особый интерес представляет то общее, что видят в ландшафтах исследователи, пользующиеся радикально противоположными определениями и подходами. Такой анализ способен пролить свет на то, для чего собственно исследователи используют понятие «ландшафт», почему они предпочитают именно этот термин для обозначения объекта изучения. По нашему мнению, таких общих черт можно выделить четыре.

А. Ландшафт локален. Каждый ландшафт имеет определенное место на поверхности земли, причем только одно место. При этом, согласно распространенному в отечественной географии мнению, однозначно определить границы культурного ландшафта (как, впрочем, и природного) невозможно, поскольку территориальная структура его различных компонентов различна. В.Н. Калуцков (2008) нашел выход из этого затруднения, определив культурный ландшафт как природно-культурный комплекс, освоенный конкретным сообществом людей. Границы освоенных территорий могут быть подвижны во времени, но при этом четко фиксируются в пространстве.

В западной науке есть достаточно много исследователей, которые по уже изложенным нами выше причинам либо отрицают наличие у ландшафта границ в принципе (напр., Ingold 1993), либо утверждают, что вопрос о его границах не имеет смысла (напр., Balée 2006). Тем не менее даже эти исследователи настаивают на привязке ландшафта к определенному месту, т.е. признают локальность ландшафта.

Б. Ландшафт идиосинкратичен (единичен как объект описания/исследования). Каждый ландшафт уникален, отличен от других и может представлять собой отдельный объект исследования. Это, разумеется, не мешает категорировать ландшафты по объективным признакам и говорить о типах ландшафтов (напр., ландшафты тундровые, антропогенные, урбанистические или ландшафты оленеводства). Для западных исследователей, мыслящих ландшафт не только как территорию, но и как объект восприятия, его идиосинкратичность непосредственно следует из такого понимания.

В. Ландшафт образуется уникальным сочетанием нелокальных и неидеосинкретичных элементов (объектов и процессов). Как уже было отмечено, Карл Зауэр, один из основателей англоязычной теории ландшафта, считал, что в его основе лежит «уникальное сочетание форм, как физических, так и культурных» (1969: 321). Понимание ландшафта отечественными географами как территориального природного (позже не

только природного) комплекса отражает, в принципе, ту же мысль. Даже те западные специалисты, кто последовательно связывает ландшафт с восприятием, указывают, что уникальность этого восприятия (определяющая и уникальность ландшафта) задается особым комплексом воспринимаемых элементов или, как говорил Хартсхорн (1951: 162–165), поверхностей и текстур, отражающих физические объекты, явления и процессы (например, сезонность). Важно подчеркнуть, что элементы ландшафта, будь то физические объекты или процессы (давайте, вопреки советам философов, сохраним разницу между ними), не являются ни локальными, ни единичными, их можно встретить либо по всей земле (горы, озера, реки, ветра, осадки, процессы испарения и т.д.), либо по крайней мере в пределах территории, значительно превышающей по размерам ландшафт (растительность какого-то типа, определенный тип жилищ, человеческой деятельности и т.д.). Ландшафт создается как нечто местное и отличное от других ландшафтов именно сочетанием этих элементов. Более того, ландшафт как объект анализа определяется именно тем, какие элементы мы выбираем как его составляющие. Например, конкретный оленеводческий ландшафт определяется сочетанием трех основных элементов: оленеводов, оленей и пастбищ. Он отличается от других оленеводческих ландшафтов тем, как эти элементы, присущие всем ландшафтам оленеводства, сочетаются между собой.

Г. Ландшафт историчен. Этот аспект его изучения, характерный для ряда географических школ начала XX в., например, для школы Видаль де ля Блаша (1926), практически отсутствовал в отечественном ландшафтоведении. Лишь в конце 1970-х гг. человек и его деятельность были «допущены» в ландшафтные исследования как образующие ландшафт элементы. На Западе, однако, этот аспект во второй половине XX в. привлекал все больше и больше внимания, пока к началу нашего столетия не стал чуть ли не главным и наиболее обсуждаемым, особенно в антропологических исследованиях. Важнейшими вехами на этом пути стали работы Пирса Льюиса с его знаменитым замечанием, что «ландшафт – это наша невольная автобиография» (Lewis 1976: 6; 1979) и написанная под их влиянием Марвином Самуэльзом «Биография ландшафта» (Samuels 1979). Обе работы формализуют взгляд на «культурный» ландшафт как на кумулятивный продукт человеческой деятельности в окружающей среде, происходившей на протяжении долгого времени и неоднократно менявшей свой характер. Ландшафт может быть «прочитан» как документ, фиксирующий историю взаимоотношения человека со средой (отсюда и интерес к ландшафтам у западных археологов). Этот взгляд стал доминирующим и даже «общим местом», так что Ингольд, например, цитирует его без ссылок. Позже взгляд на ландшафт как на кумулятивный продукт истории взаимоотношения его элементов был расширен и на природные компоненты ландшафтов. Так, Анна Цин

утверждает, что существует целый класс феноменов, которые являются не проявлением природных или иных закономерностей, а следствием более или менее случайных встреч и взаимодействий (encounters and interactions) объектов, процессов и сил, имеющих кумулятивный эффект. Одним из таких феноменов как раз и является «локальный ландшафт», что и придает ему уникальность (Tsing 2015: 151–163). Тут надо особо подчеркнуть связь историчности с уникальностью. Посредством нее ландшафт предстает уже не просто уникальным сочетанием элементов, а продуктом уникальной локальной истории их взаимодействия, иногда краткой, но чаще всего достаточно долгой. Такое смещение взгляда объясняет, как сочетание даже небольшого числа элементов (например, трех элементов оленеводства) может породить большое количество уникальных ландшафтов.

Обобщая четыре рассмотренных аспекта, мы видим, что ландшафт понимается современными западными географами, археологами и антропологами как уникальный продукт, порожденный локальной историей взаимодействия между набором природных и (или) антропогенных элементов, включающих как материальные объекты, так и процессы, и силы. При этом не всегда ясно, соотносится ли этот уникальный продукт с территорией, имеющей границы, или же с какими-то ее аспектами, к которым понятие границ неприменимо.

Указанное понимание ландшафта позволяет связать ограниченные в пространстве, единичные, уникальные объекты с глобальными процессами и закономерностями. Ландшафт таким образом становится мостиком от частного к общему, от описания к пониманию и объяснению. Антропология испытывает потребность в таком мостике не в меньшей степени, чем география, и поскольку антропология обычно имеет дело с локальными, ограниченными в пространстве комплексами, объединяющими людей, материальные природные и произведенные людьми объекты, природные и институционализированные в человеческих коллективах процессы, то понятие ландшафта в указанном виде вполне может найти применение и в ней. Поэтому мы предлагаем взять это понимание в качестве определения ландшафта, уточнив, что – как принято в российской географии – соотноситься оно должно именно с территорией.

Последовательность изучения культурного ландшафта

Исходя из изложенного выше понимания ландшафта, наметим и последовательность исследовательских действий, соотносимую с ландшафтным подходом. Разумеется, начинаться она должна с определения интересующего нас типа ландшафта, который, в свою очередь, задается набором тех элементов, уникальные, исторически обусловленные

локальные сочетания которых мы надеемся выявить, описать и объяснить (в случае оленеводства – это люди, олени и пастбища).

Второй шаг – выявление ландшафтов, их описание, выяснение их границ и пространственных соотношений друг с другом. Наиболее точный и непосредственный путь осуществить этот шаг – полевая работа, в ходе которой различные типы связей и взаимовлияний между интересующими нас элементами устанавливаются «на месте» путем наблюдения, интервью или опроса. Однако для больших территорий этот путь может оказаться слишком трудоемким. В этом случае для выявления ландшафтов можно задействовать прокси-переменные, т.е. такие переменные, значения которых в различных географических местностях нам известны и которые, как мы можем предположить, принимают различные значения при различных сочетаниях и состояниях ландшафтообразующих элементов либо связаны с различиями в истории их взаимодействия. Так, в случае оленеводческих ландшафтов в качестве таких прокси-переменных могут использоваться природная зональность (очевидно, что характеристики пастбищ и их роль в связке человек–олень–пастбище зависят от того, в какой природной зоне они находятся), система кочевания, соотношение между численностью оленей и оленеводов, базовые технологические характеристики (размеры стад, наличие или отсутствие пастушеской собаки и др.).

Природная зональность и наличие собаки, как известно, легли в основу территориальной типологии оленеводства, предложенной В.Г. Богоразом-Таном (1932, 1933), ставшей, по нашему мнению, первой попыткой наметить оленеводческие ландшафты, пусть и грубой, но не утратившей своего значения до сих пор. В качестве прокси-переменных могут выступать и биологические характеристики оленей (их порода, экстерьер), влияющие на их взаимодействия с пастбищами и оленеводами, а также язык, культура и этническая идентификация оленеводов, поскольку территориальные различия между оленеводами по этим параметрам могут отражать историю их взаимодействия с оленями и пастбищами. В целом использование прокси-переменных, особенно если их несколько и они относятся к разным ландшафтообразующим элементам (например природная зона, система кочевания, технология выпаса, порода оленей, этническая принадлежность оленеводов), позволяет получить достаточно детальное представление о том, как искомые ландшафты могут распределяться по территории, и об их количестве. Отметим, что полученные таким образом результаты остаются предположением, которое требует проверки методами полевого исследования. Результатом второго шага применения ландшафтного подхода должна стать карта распределения ландшафтов данного типа в пределах выбранного региона исследования (см. статью К.Б. Клокова в этом номере журнала).

Наконец, третьим шагом ландшафтного исследования должно стать объяснение своеобразия выделенных на втором шаге индивидуальных ландшафтов. Оно вытекает из тезиса об историчности ландшафта как источнике его своеобразия. Это построение исторического нарратива с описанием особенностей локальной истории взаимодействия между ландшафтообразующими элементами, породившей наблюдающееся в настоящий момент особенное их сочетание. Построить такой нарратив несложно, если развитие ландшафта как-то задокументировано в исторических источниках. Однако для большинства ландшафтов, особенно в их «нечеловеческой» части, таких источников нет. Это заставляет исследователя опираться на сравнительный метод, устную историю, археологию ландшафтов и т.д. Безусловно, задача построения таких нарративов не проста, ее методологию еще предстоит разработать.

Если вторая задача выполняется географическими методами, то третья вполне может стать темой антропологического исследования. Его возможный результат – понимание того, как глобальные феномены предстают перед нами во множестве локальных форм и как эти формы связаны между собой – задача, безусловно, имеющая огромную теоретическую и практическую значимость. В следующих статьях сделана попытка проиллюстрировать применение описанного выше подхода на примере исследования оленеводческих ландшафтов Российской Арктики от Кольского полуострова до Чукотки.

* * *

К настоящему времени у антропологов-исследователей северного оленеводства накопился значительный объем «привязанных» к конкретным территориям полевых и архивных материалов, которые могут быть систематизированы и осмыслены с точки зрения ландшафтной концепции.

Задача предлагаемой нами тематической подборки статей – расширить и углубить теоретические и методологические знания о региональных аспектах оленеводства, показав связи сообществ оленеводов с обжитыми ими ландшафтами.

Тематическую подборку открывает статья К.Б. Клокова с выполненной в традициях российской ландшафтно-географической школы обзорной картой типологического районирования оленеводческих ландшафтов и анализом основных тенденций изменения поголовья оленей по единицам этого районирования. Затем К.В. Истомин в своей статье, написанной по материалам, собранным им в тундрах Западной Сибири и Европейской части России, показывает, как взаимодействие между оленеводами, оленями и пастбищами формирует оленеводческий ландшафт, изменяя в нем состав и распространение типов растительности и добавляя в него новые инфраструктурные элементы (миграционные

тропы – взрگی). Как такой измененный ландшафт оказывает обратное влияние на людей и оленей, вызывая и закрепляя у тех и других устойчивые модели поведения. В результате создается местный, неповторимый, «вписанный» в данный ландшафт тип оленеводства, отличающийся от оленеводства других регионов.

В статье А.И. Волковицкого и А.Н. Терёхиной проанализированы паттерны кочевого движения оленеводов полуострова Ямал. Авторы разработали собственный подход, названный ими микрорегиональным. По сути – это тот же ландшафтный подход, речь о котором шла выше. В их статье показано, как различные факторы региональной среды (качество сезонных пастбищ, последствия изменения климата, развитие промышленно-транспортной инфраструктуры, социальные сети кочевых хозяйств и др.), влияют на динамику летних и зимних участков меридиональных кочевых маршрутов.

Статья В.Н. Давыдова и В.В. Бобровой представляет собой сделанную на основе полевых материалов этнографическую «зарисовку» двух разделенных административной границей, но тесно связанных друг с другом оленеводческих ландшафтов. Один из них расположен в Красноярском крае на востоке Таймыра, а другой на северо-западе Якутии (Анабарский улус).

Статья А.А. Ярзуткиной фокусируется на изменении социального ландшафта оленеводов одного из совхозов на Чукотке в позднесоветское время. Основываясь на архивных материалах совхоза «Энмитагино», анализе текста дневниковых записей одного из оленеводов и интервью с другими, автор поднимает ряд вопросов, связанных с изменениями в повседневной жизни оленеводов, в первую очередь маршрутов кочевания, и понимания традиционности окружающего мира. Показано, что социальный ландшафт оленеводства начал меняться еще до начала глубоких трансформаций северного хозяйства, связанных с приватизацией и распадом совхозов.

Методологический принцип всех этих исследований – холистический взгляд на оленеводство и связанные с ним ландшафты как на пространственно-временной феномен, социальную, хозяйственную, культурную реальности, образ жизни населения, связывающие социум с конкретным участком географической среды.

Примечание

¹ Так, например, статья Тима Ингольда 1993 г. перепечатывалась несколько раз, в том числе в качестве главы его, как считается, основного труда «The Perception of Environment» (Ingold 2000) и нескольких сборников текстов по антропологической и археологической теории для студентов (Hicks 2016).

Список источников

Богораз-Тан В.Г. Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926–1927 гг. // Советская этнография. 1932. № 4. С. 26–62.

- Богораз-Тан В.Г. Оленеводство. Возникновение, Развитие и Перспективы // Проблемы происхождения домашних животных. Труды Лаборатории Генетики АН СССР. Л.: Изд. АН СССР, 1933. С. 219–251.
- Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. № 1. С. 63–87.
- Веденин Ю.А. Введение в проблему культурно-ландшафтного районирования // Культурный ландшафт как объект наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 335–337.
- Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
- Истомин К.В., Лискевич К.В., Уляшев О.И. Коми-ижемское оленеводство: этнические инварианты и локальные вариации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 114–125.
- Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.
- Калуцков В.Н. О ландшафтных перспективах этнической экологии (по работам В.И. Козлова) // Этнос и среда обитания. Т. 1: Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В. И. Козлова. М.: Старый сад, 2009. С. 32–44.
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989.
- Кулешова М.Е., Стрелецкий В.Н. Формирование и эволюция представлений о культурном ландшафте // В фокусе наследия. М.: Ин-т географии РАН, 2017. С. 313–329.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
- Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000.
- Рагулина М.В. Культурная география: теория, методы, региональный синтез. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.
- Стрелецкий В.Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1 (36). С. 48–78.
- Терехина А.Н., Волковицкий А.И. Паттерны использования ресурсов кочевниками Ямала: этнография микрорегионов // Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений / отв. ред. В.Н. Давыдов. М.: Восточная литература, 2020. С. 87–113.
- Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия, 1998.
- Ямсков А.Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М.: изд. МГУ, 2003. С. 62–77.
- Angelstam P., Munoz-Rojas J., Pinto-Correia T. Landscape concepts and approaches foster learning about ecosystem services // Landscape Ecology. 2019. № 34. P. 1445–1460.
- Balée W. The research program of historical ecology // Annual Review of Anthropology. 2006. № 35. P. 75–98. doi: 10.1146/annurev.anthro.35.081705.123231
- Bastian O. Landscape Ecology – towards a unified discipline? // Landscape Ecology. 2001. № 16. P. 757–766.
- Berkes F., Colding J., Folke C. (Eds.). Navigating social-ecological systems. Cambridge: Univ. Press, 2003.
- Blache P. Vidal de la. Principles of Human Geography. N.Y.: Henry Holt and Co, 1926.
- Cosgrove D.E. Cultural landscape // The Dictionary of Human Geography. 5th ed. Blackwell Publishing Ltd., 2009. P. 133–134.
- Daniels S. Marxism, Culture, and the Duplicity of Landscape // New Models in Geography. London: Unwin Hyman, 1989. Vol. 2. P. 196–220.
- Forbes B.C. Cultural resilience of social-ecological systems in the Nenets and Yamal-Nenets Autonomous Okrugs, Russia: a focus on reindeer nomads of the tundra // Ecology and Society. 2013. № 18 (4). P. 36.

- Hartshorne R. The Nature of Geography: A Critical Survey of Current Thought in the Light of the Past. Lancaster: The Science Press, 1951.
- Hausner V.H., Fauchald P., Jernsletten J.-L. Community-Based Management: Under What Conditions Do Sa'mi Pastoralists Manage Pastures Sustainably? // PLoS One. 2012. № 7 (12): e51187. doi: 10.1371/journal.pone.0051187
- Hicks D. The Temporality of the Landscape Revisited // Norwegian Archaeological Review. 2016. № 49 (1). P. 5–22. doi: 10.1080/00293652.2016.1151458
- Ingold T. Hunters, Pastoralists and Ranchers: Reindeer Economics and Their Transformations. New York: Cambridge University Press, 1980.
- Ingold T. The temporality of the landscape // World Archaeology. 1993. № 25 (2). P. 152–174.
- Ingold T. The perception of the environment: essays on livelihood, dwelling & skill. London: Routledge, 2000.
- Istomin K.V., Dwyer M.J. Reindeer herder's thinking: A comparative research of relations between economy, cognition and way of life. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2021.
- Klokov K.B. Northern reindeer of Taymyr Okrug as the focus of economic activity: Contemporary problems of reindeer husbandry and the wild reindeer hunt // Polar Geography. 1997. № 21 (4). P. 233–271.
- Lewis F.P. Axioms of the Landscape: Some Guides to the American Scene // Journal of Architectural Education. 1976. № 30 (1). P. 6. doi: 10.2307/1424390
- Lewis F.P. Axioms for Reading the Landscape // The Interpretation of Ordinary Landscapes / ed. by D.W. Meinig. Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 11–32.
- Li L., Fassnacht F.E., Burgi M. Using a landscape ecological perspective to analyze regime shifts in social–ecological systems: a case study on grassland degradation of the Tibetan Plateau // Landscape Ecology. 2021. № 36. P. 2277–2293. doi: 10.1007/s10980-021-01191-0
- Martin G.J. All possible worlds: a history of geographical ideas. 4th edn. Oxford University Press, 2005.
- Pearson D.M., Gorman J.T. Exploring the relevance of a landscape ecological paradigm for sustainable landscapes and livelihoods: A case application from the Northern Territory Australia // Landscape Ecology. 2010. № 25. P. 1169–1183.
- Reindeer husbandry and global environmental change pastoralism in Fennoscandia / eds. by Tim Horstkotte, Oystein Holand, Jouko Kumpula and Jon Moen. London; New York: Routledge, 2022.
- Samuels M.S. The Biography of Landscape. Cause and Culpability // The Interpretation of Ordinary Landscapes / ed. by D.W. Meinig. Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 51–88.
- Sauer C.O. The morphology of landscape. Reprinted in J. Leighly (Ed.): Land and life: selections from the writings of Carl Ortwin Sauer. Berkeley, CA: University of California Press, 1969 [1925]. P. 315–350.
- Skarin A., Verdonen M., Kumpula T., Macias-Fauria M., Alam M., Kerby J., Forbes B.C. Reindeer use of low Arctic tundra correlates with landscape structure // Environmental Research Letters. 2020. № 15, 115012.
- Tsing A.L. The mushroom at the end of the world: On the possibility of life in capitalist ruins. Princeton: Princeton University Press, 2015.
- Wu J., Zhang O., Liang A.L.C. Historical landscape dynamics of Inner Mongolia: patterns, drivers, and impacts // Online Landscape Ecology. 2015. doi: 10.1007/s10980-015-0209-1
- Wu J. Landscape sustainability science (II): core questions and key approaches // Online Landscape Ecology. 2021. doi: 10.1007/s10980-021-01245-3

References

- Angelstam P., Munoz-Rojas J., Pinto-Correia T. (2019) Landscape concepts and approaches foster learning about ecosystem services, *Landscape Ecology*, no. 34, pp. 1445–1460.

- Balée W. (2006) The research program of historical ecology, *Annual Review of Anthropology*, no. 35, pp. 75–98. doi: 10.1146/annurev.anthro.35.081705.123231
- Bastian O. (2001) Landscape Ecology – towards a unified discipline? *Landscape Ecology*, no. 16, pp. 757–766.
- Berkes F., Colding J., Folke C. (Eds.) (2003) *Navigating social-ecological systems*. Cambridge: Univ. Press.
- Blache P. Vidal de la (1926) *Principles of Human Geography*. N.Y.: Henry Holt and Co.
- Bogoraz-Tan V.G. (1932) Severnoye olenevodstvo po dannym khozyaystvennoy perepisi 1926–1927 gg. [Northern reindeer husbandry according to the economic census of 1926–1927], *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 26–62.
- Bogoraz-Tan V.G. (1933) Olenevodstvo. Vozniknovenie, Razvitie i Perspektivy [Reindeer husbandry. Origin, Development and Prospects]. In: *Problemy proiskhozhdeniya domashnih zhivotnyh. Trudy Laboratorii Genetiki AN SSSR* [Problems of the origin of domestic animals. Proceedings of the Laboratory of Genetics of the Academy of Sciences of the USSR]. Leningrad: Izd. AN SSSR, pp. 219–251.
- Cosgrove D.E. (2009) Cultural landscape. In: *The Dictionary of Human Geography*, 5th ed. Blackwell Publishing Ltd., pp. 133–134.
- Daniels S. (1989) Marxism, Culture, and the Duplicity of Landscape. In: *New Models in Geography*. Vol. 2. London: Unwin Hyman, pp. 196–220.
- Forbes B.C. (2013) Cultural resilience of social-ecological systems in the Nenets and Yamal-Nenets Autonomous Okrugs, Russia: a focus on reindeer nomads of the tundra, *Ecology and Society*, no. 18 (4): p. 36.
- Gumilev L.N. (1989) *Ethnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Biosphere of Earth]. Leningrad, Izd-vo LGU.
- Hartshorne R. (1951) *The Nature of Geography: A Critical Survey of Current Thought in the Light of the Past*. Lancaster: The Science Press.
- Hausner V.H., Fauchald P., Jernsletten J.-L. (2012) Community-Based Management: Under What Conditions Do Sa'ami Pastoralists Manage Pastures Sustainably? *PLoS One*, no. 7 (12): e51187. doi: 10.1371/journal.pone.0051187
- Hicks D. (2016) The Temporality of the Landscape Revisited, *Norwegian Archaeological Review*, no. 49 (1), pp. 5–22. doi: 10.1080/00293652.2016.1151458
- Ingold T. (1980) *Hunters, Pastoralists and Ranchers: Reindeer Economics and Their Transformations*. New York: Cambridge University Press.
- Ingold T. (1993) The temporality of the landscape, *World Archaeology*, no. 25 (2), pp. 152–174.
- Ingold T. (2000) *The perception of the environment: essays on livelihood, dwelling & skill*. London: Routledge.
- Istomin K.V., Dwyer M.J. (2021) *Reindeer herder's thinking: A comparative research of relations between economy, cognition and way of life*. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien.
- Istomin K.V., Liskevich K.V., Ulyashev O.I. (2017) Komi-izhenskoe olenevodstvo: etnicheskie invarianty i lokalnye variatsii [Izhma-Komi Reindeer Herding: Ethnic Invariants and Local Variations], *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (39), pp. 114–125.
- Kaluckov V.N. (2008) *Landshaft v kul'turnoy geografii* [Landscape in cultural geography]. Moscow: Novyj khronograf.
- Kaluckov V.N. (2009) O landshaftnykh perspektivakh etnicheskoy ekologii (po rabotam V.I. Kozlova) [On Landscape Perspectives of Ethnic Ecology (Based on the Works of V.I. Kozlov)]. In: *Etnos i sreda obitaniya. T. 1: Sbornik etnoekologicheskikh issledovaniy k 85-letiyu V.I. Kozlova* [Ethnos and habitat. Vol. 1: Collection of ethno-ecological studies dedicated to the 85th anniversary of V.I. Kozlov]. Moscow: Staryi sad, pp. 32–44.

- Klokov K.B. (1997) Northern reindeer of Taymyr Okrug as the focus of economic activity: Contemporary problems of reindeer husbandry and the wild reindeer hunt, *Polar Geography*, no. 21 (4), pp. 233–271.
- Klokov K.B. (1997) Northern reindeer of Taymyr Okrug as the focus of economic activity: Contemporary problems of reindeer husbandry and the wild reindeer hunt. *Polar Geography*, no. 21 (4), pp. 233–271.
- Krupnik I.I. (1989) *Arkticheskaya etnoekologiya* [Arctic Ethnoecology]. Moscow: Nauka.
- Kuleshova M.E., Streleckiy V.N. (2017) Formirovanie i evolyuciya predstavleniy o kulturnom landshafte [Formation and evolution of ideas about the cultural landscape]. In: *V fokuse naslediya* [Focus on heritage]. Moscow: In-t geografii RAN, pp. 313–329.
- Levin M.G., Chebokarov H.H. (1955) Hozyajstvenno-kulturnye tipy i istoriko-kulturnye oblasti [Economic types and Cultural areas], *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 3–17.
- Lewis F.P. (1976) Axioms of the Landscape: Some Guides to the American Scene, *Journal of Architectural Education*, no. 30 (1), p. 6. doi: 10.2307/1424390
- Lewis F.P. (1979) Axioms for Reading the Landscape. In: *The Interpretation of Ordinary Landscapes* / Ed. D.W. Meinig. Oxford: Oxford University Press, pp. 11–32.
- Li L., Fassnacht F.E., Burgi M. (2021) Using a landscape ecological perspective to analyze regime shifts in social–ecological systems: a case study on grassland degradation of the Tibetan Plateau, *Landscape Ecology*, no. 36, pp. 2277–2293.
- Martin G.J. (2005) *All possible worlds: a history of geographical ideas*. 4th ed. Oxford University Press.
- Pearson D.M., Gorman J.T. (2010) Exploring the relevance of a landscape ecological paradigm for sustainable landscapes and livelihoods: A case application from the Northern Territory Australia, *Landscape Ecology*, no. 25, pp. 1169–1183.
- Ragulina M.V. (2000) *Korennyye etnosy sibirskoy tajgi: motivaciya i struktura prirodopolzovaniya (na primere tofalarov i evenkov Irkutskoy oblasti)* [Indigenous ethnic groups of the Siberian taiga: motivation and structure of nature management (on the example of the Tofalars and Evenks of the Irkutsk region)]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.
- Ragulina M.V. (2004) *Kulturnaya geografiya: teoriya, metody, regionalnyy sintez* [Cultural Geography: Theory, Methods, Regional Synthesis]. Irkutsk: Izdatelstvo Instituta geografii SO RAN.
- Reindeer husbandry and global environmental change pastoralism in Fennoscandia* / Eds. Tim Horstkotte, Oystein Holand, Jouko Kumpula and Jon Moen. London and New York: Routledge, 2022.
- Samuels M.S. (1979) The Biography of Landscape. Cause and Culpability. In: *The Interpretation of Ordinary Landscapes* / Ed. D.W. Meinig. Oxford: Oxford University Press, pp. 51–88.
- Sauer C.O. (1969 [1925]) The morphology of landscape. Reprinted in J. Leighly (Ed.): *Land and life: selections from the writings of Carl Ortwin Sauer*. Berkeley, CA: University of California Press, pp. 315–350.
- Semenov-Tyan-Shanskiy V.P. (1928) *Rajon i strana* [Region and country]. Moscow-Leningrad: Gos. izdatelstvo.
- Skarin A., Verdonen M., Kumpula T., Macias-Fauria M., Alam M., Kerby J., Forbes B.C. (2020) Reindeer use of low Arctic tundra correlates with landscape structure, *Environmental Research Letters*, no. 15, 115012. doi: 10.1088/1748-9326/abbf15
- Streleckiy V.N. (2019) Koncept kulturnogo landshafta v mirovoy kulturnoy geografii: nauchnye istoki i sovremennye interpretacii [Concept of Cultural Landscape in Cultural Geography: Scientific Background and Contemporary Interpretations]. *Chelovek: obraz i sushchnost. Gumanitarnye aspekty*, no. 1 (36), pp. 48–78.
- Terekhina A.N., Volkovickiy A.I. (2020) Patterny ispolzovaniya resursov kochevnikami Yamala: etnografiya mikroregionov [Patterns of Resource Use by Nomads of Yamal: Ethnography of Micro-regions]. In: *Energiya Arktiki i Sibiri: ispolzovanie resursov v kontekste socialno-ekonomicheskikh izmeneniy* [Energy of the Arctic and Siberia: The Use

- of Resources in the Context of Socio-Economic Changes] / Ed. by V.N. Davydov. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 87–113.
- Tsing A.L. (2015) *The mushroom at the end of the world: On the possibility of life in capitalist ruins*. Princeton: Princeton University Press.
- Turovskiy R.F. (1998) *Kulturnye landshafty Rossii* [Cultural Landscapes of Russia]. Moscow: Institut Naslediya.
- Vasilevich G.M., Levin M.G. (1951) Tipy olenevodstva i ikh proiskhozhdeniye [Types of reindeer husbandry and their origin], *Sovetskaya etnografiya*, no. 1, pp. 63–87.
- Vedenin Yu.A. (2004) Vvedeniye v problemu kulturno-landshaftnogo rayonirovaniya [Introduction to the problem of cultural and landscape zoning]. In: *Kulturnyy landshaft kak ob'yekt naslediya* [Cultural landscape as a heritage site]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 335–337.
- Wu J. (2021) Landscape sustainability science (II): core questions and key approaches, *Online Landscape Ecology*. doi: 10.1007/s10980-021-01245-3
- Wu J., Zhang O., Liang A.L.C. (2015) Historical landscape dynamics of Inner Mongolia: patterns, drivers, and impacts, *Online Landscape Ecology*. doi: 10.1007/s10980-015-0209-1
- Yamskov A.N. (2003) Etnoekologicheskie issledovaniya kultury i koncepciya kulturnogo landshafta [Ethnoecological studies of culture and the concept of cultural landscape]. In: *Kulturnyj landshaft: teoreticheskie i regionalnye issledovaniya* [Cultural Landscape: Theoretical and Regional Studies]. Moscow: Izd. MGU, pp. 62–77.

Сведения об авторах:

ИСТОМИН Кирилл Владимирович – кандидат исторических наук, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kistomin@eu.spb.ru

КЛОКОВ Константин Борисович – доктор географических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: k.b.klokov@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kirill V. Istomin, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: kistomin@eu.spb.ru

Konstantin B. Klokov, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: k.b.klokov@gmail.com

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 11 июля 2023;
принята к публикации 29 августа 2023.*

*The article was submitted 11.07.2023;
accepted for publication 29.08.2023.*

Научная статья
УДК 39+911.6
doi: 10.17223/2312461X/41/6

Оленеводческие ландшафты России: ландшафтное районирование и траектории эволюции оленеводческого хозяйства в конце XX – начале XXI столетия

Константин Борисович Клоков

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
k.b.klovov@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается история изменения поголовья домашних оленей в России в контексте этноландшафтного подхода. Этнокультурное ландшафтоведение – относительно новое и активно разрабатываемое направление на стыке этнологии и гуманитарной географии, в котором человек и его деятельность рассматриваются в географическом и историческом контекстах. Традиционное северное оленеводство пока еще не получило осмысления в терминах парадигмы культурного ландшафта. В первой части статьи методология ландшафтного подхода рассмотрена с точки зрения ее применимости к изучению оленеводства. Дано краткое описание разработанной автором схемы типологического районирования этнокультурных ландшафтов оленеводства России, выполненной в традициях российской ландшафтно-географической школы. Завершает статью анализ изменений поголовья домашних оленей по единицам такого районирования. Для анализа использованы данные Росстата в разрезе муниципальных районов, материалы авторских исследований оленеводства в различных регионах России и литературные источники. Каждый оленеводческий ландшафтный район представляет собой своего рода географическую индивидуальность. Его хозяйственная история находит свое статистическое выражение в особенностях динамики поголовья оленей, которую нельзя объяснить только ссылкой на общие принципы и закономерности, но можно понять как своего рода нарратив – повествование о последовательности событий, сформировавших данный ландшафт. В практическом аспекте схема ландшафтного районирования представляет собой своего рода «инвентаризацию» различных форм традиционного оленеводства, которая нужна для формирования региональной политики по его поддержке и сохранению культурного наследия оленеводческих народов.

Ключевые слова: концепт ландшафта, районирование, этнокультурный ландшафт, социально-экологическая система, северное оленеводство, типы оленеводства, коренные народы Севера, Сибирь, Север

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00665) «Этнокультурные ландшафты оленеводческих народов России: структура и пространственные контексты» (рук. – К.Б. Клоков).

Для цитирования: Клоков К.Б. Оленеводческие ландшафты России: ландшафтное районирование и траектории эволюции оленеводческого хозяйства в конце XX – начале XXI столетия // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 96–112. doi: 10.17223/2312461X/41/6

Original article

doi: 10.17223/2312461X/41/6

Russian Reindeer Herding Landscapes: Landscape Zoning and Paths of Evolution of Reindeer Husbandry in the Late 20th and Early 21st Centuries

Konstantin B. Klovov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, k.b.klovov@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to examine the history of changes in the domesticated reindeer population in Russia in the context of the ethnolandscape approach. Ethnocultural landscape science is a relatively new and actively developed area at the intersection of ethnology and human geography, in which people and their activities are examined in geographical and historical contexts. Traditional reindeer husbandry has not yet been conceptualized in terms of a cultural landscape paradigm. In the first part of this article, the methodology of the landscape approach is examined in terms of its applicability to the study of reindeer husbandry. This is followed by a brief description of the author's scheme for the typological zoning of the ethnocultural landscapes of reindeer herding in Russia, which is carried out in the traditions of the Russian geographical school. The article concludes with an analysis of changes in the domesticized reindeer population according to the units of this zoning. The analysis uses the Federal State Statistics Service data in terms of municipal districts, the author's reindeer husbandry research materials in different regions of Russia and literary sources. Each landscape district represents a kind of geographical individuality. Its economic history finds its statistical expression in the peculiarities of reindeer population dynamics, which cannot be explained only by reference to general principles and regularities, but can be understood as a kind of narrative – a narrative of the sequence of events that shaped the given landscape. In practical terms, the landscape zoning scheme is a kind of 'inventory' of the various forms of traditional reindeer husbandry, which is needed for the development of regional policies to support it and preserve the cultural heritage of reindeer herding peoples.

Keywords: Landscape concept, zoning, ethno-cultural landscape, cultural landscape, socio-ecological system, reindeer husbandry, types of reindeer husbandry, indigenous peoples of the North, Siberia, the North

Acknowledgements: The research has been funded by the Russian Science Foundation project № 22-28-00665 "Ethnocultural landscapes of Russian reindeer-herding peoples: structure and spatial contexts" (PI – K.B. Klovov).

For citation: Klovov, K.B. (2023) Russian Reindeer Herding Landscapes: Landscape Zoning and Paths of Evolution of Reindeer Husbandry in the Late 20th and Early 21st Centuries. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 96–112. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/6

Введение

Изучение этнокультурных ландшафтов – относительно новое и активно разрабатываемое направление на стыке этнологии и гуманитарной

географии, в котором человек и его деятельность рассматриваются в единстве с региональной средой. Интересным полем для ландшафтных исследований может быть традиционное северное оленеводство, еще не получившее осмысления в терминах парадигмы культурного ландшафта. Сообщества оленеводов, многие из которых до сих пор сохраняют кочевой образ жизни, сумели приспособиться к самым разным природным ландшафтам – от плоских заболоченных равнин Западной Сибири до Саянских гор. Ареал оленеводства в России простирается сейчас более чем на 2 тыс. км с севера на юг, от полярной тундры до южной тайги, и примерно на 5 тыс. км с запада на восток. В одних регионах выпасаются сотни тысяч оленей, в других оленеводство прекратилось или сохранились лишь его отдельные очаги. Различия в состоянии и трендах связаны как с современными условиями, в которых ведется оленеводческое хозяйство, так и с событиями прошлого, т.е. они определяются совместно географическим и историческим региональным контекстом. Роль такого контекста особенно ярко проявлялась в периоды ломки установившихся рутинных стереотипов: в годы коллективизации, перевода на оседлость, рыночных реформ, когда изменялись не только объективные условия, но и весь стиль отношений между сообществами оленеводов, другими группами населения и властными структурами.

Рассматривая эволюцию оленеводческого хозяйства разных регионов, мы постоянно сталкиваемся с простыми, на первый взгляд, вопросами, ответить на которые тем не менее затруднительно. Например: «Почему частные оленеводческие хозяйства в одних местах процветают, а в других терпят одну неудачу за другой в попытках сделать оленеводство прибыльным?» или «Приведет ли продолжающееся много лет сокращение поголовья оленей в данном районе к полному исчезновению оленеводства или же траектория его эволюции в конце концов изменит свою направленность?». Ответить на них может помочь анализ исторического и географического контекста.

Одному из аспектов такого анализа и посвящено данное исследование. В ряде более ранних публикаций (Клоков, Хрушев 2004; Klovov 2011, 2012; Клоков 2020) предметом обсуждения были динамика и тренды поголовья домашних оленей в разных оленеводческих регионах России. Затем был проанализирован пространственный контекст оленеводства и составлены первые карты типологического районирования оленеводческих ландшафтов (Клоков, Антонов 2022; Klovov 2023). На данном этапе целесообразно совместить эти два аспекта. Цель этой статьи – рассмотреть историю изменения поголовья домашних оленей в России за несколько последних десятилетий в рамках ландшафтного подхода, другими словами, наложить тенденции изменения поголовья оленей в различных регионах на сетку районирования оленеводческих ландшафтов страны и таким образом индивидуализировать

региональный контекст. В практическом (прикладном) аспекте актуальность такого анализа очевидна: на поддержку оленеводства тратятся весьма значительные государственные средства, а понимание объективных тенденций его эволюции в разных регионах позволит расходовать их более целенаправленно и эффективно. Необходим он и для институциональных преобразований в оленеводческом хозяйстве, а также для обоснования мер по сохранению его традиций как части культурного наследия. В теоретическом плане он может помочь выявить типичные модели системной адаптации оленеводческого хозяйства и понять, какие из них имеют больше шансов выжить в тех или иных конкретных условиях.

В этой статье мы сначала рассмотрим типологическое районирование этнокультурных ландшафтов оленеводства, а завершим ее анализом траекторий изменения поголовья домашних оленей за последние десятилетия по единицам такого районирования.

Типологическое районирование этнокультурных ландшафтов оленеводства

Работ по типологическому районированию оленеводства России до последнего времени не было, хотя в ряде публикаций была проведена дифференциация типов оленеводства по географическому признаку. Так, В.Г. Богораз (Богораз-Тан 1932: 27) разделил его сначала на два типа: тип, где оленей запрягают в упряжки, распространенный в тундре, и тип, где на них ездят верхом, – в тайге. Далее эти типы были разделены на восточные, где оленеводческие собаки не использовались, и западные, где оленей пасли с помощью собак. Географической границей между ними была река Енисей.

Е.Е. Сыроечковский (1974: 314–317) предложил схему районирования традиционного хозяйственного комплекса сибирского Севера, включавшего кроме оленеводства охотничий промысел и рыболовство. Он выделил биолого-экономические зоны и географические типы хозяйственной деятельности, которые возникли из исторических традиций хозяйства в местных зонально-ландшафтных условиях. Из его схемы видно, что в различных географических зонах оленеводство может быть как основной, так и второстепенной частью хозяйственного комплекса. Соответственно, различается и его роль в ландшафте. С книгой Е.Е. Сыроечковского перекликается монография А.В. Головнева (1993), в ней дана типология и географическая привязка (по существу – районирование) хозяйственных комплексов коренных народов Западной Сибири, в которых оленеводство часто играет ведущую роль.

Г.М. Василевич и М.Г. Левин (1951) выделили пять типов оленеводства, которые могут служить основой типологического районирования.

В них была учтена вся совокупность этнографических признаков. Далее мы будем называть их этнокультурными типами оленеводства.

Указанные выше работы позволили сформировать методологию нашего подхода к районированию ландшафтов оленеводства (Клоков, Антонов 2022; Клоков 2023) в русле российской географической школы. Она основана на концепции культурного ландшафта, предложенной В.Н. Калущковым (2008), и принципах культурно-географического районирования А.Г. Манакова (2012) и А.А. Андреева (2012). Мы стремились к целостному восприятию ландшафта как социально-экологической системы, объединяющей сообщества оленеводов с конкретными участками географической среды.

В оленеводстве рутина, экономика и культура сплетены воедино и уходят корнями в окружающий ландшафт. Следуя идеям К.О. Зауэра (Sauer 1969 [1925]) и В.Н. Калущкова (2008), мы полагаем, что индивидуальный оленеводческий культурный ландшафт – это территория, заселенная и освоенная местным оленеводческим сообществом. Ландшафт осваивается сообществом оленеводов не только в экономическом, но и в культурном, семантическом и других аспектах, но мы ограничиваемся рассмотрением хозяйственного аспекта.

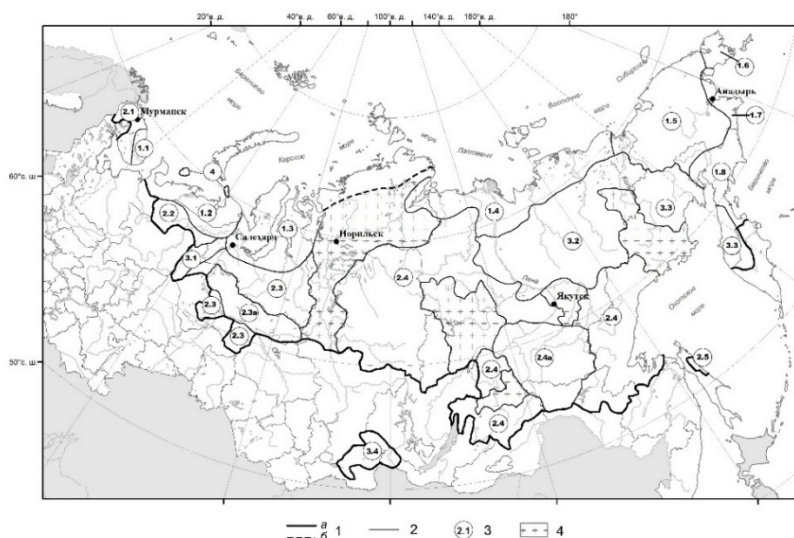
Районирование, как простейший способ типологической систематизации ландшафтов, должно, по возможности, учитывать все важные для оленеводства факторы: природно-географический, этнокультурный, географическое положение и др. С учетом этого наше типологическое районирование оленеводства включает несколько уровней. На верхнем весь ареал северного оленеводства в России был разделен на три ландшафтные зоны по преобладающей модели миграции оленеводов, поскольку такие модели хорошо отражают взаимодействие оленеводства с географической средой в целом. Были разграничены зоны крупностадного тундрового (с преобладанием меридиональных межзональных миграций), мелкостадного таежного (преимущественно транспортного) и горного оленеводства.

На втором уровне делимитация проведена по ареалам этнокультурных типов оленеводства: самодийского, тунгусского, чукотско-корякского и саянского, границы которых связаны с расселением соответствующих оленеводческих народов.

Далее полученные на втором уровне единицы районирования разделялись по местным особенностям оленеводства. Здесь применялся известный в общественной географии прием плавающего признака, когда общее основание для делимитации единиц районирования на данном уровне отсутствует, и различные районы могут быть выделены по разным критериям (Смирнягин, 2011).

Для проведения районирования были использованы эмпирические материалы, накопленные в ходе полевых исследований оленеводства в различных регионах России, литературные источники, сведения

Российского статистического агентства, отражающие численность оленей на уровне муниципальных районов (Базы данных...), а также полученные по специальному запросу данные Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. о численности представителей коренных малочисленных народов Севера по муниципальным образованиям. Составленная по этим материалам карта «Этнокультурно-ландшафтное районирование северного оленеводства» (Клоков, Антонов 2022) в несколько переработанном и уточненном виде была использована для анализа траекторий хозяйственной эволюции оленеводства по простейшему показателю, отражающему его состояние – величине поголовья оленей (рис. 1–4; таблица).

Типы и виды ландшафтов:

Тундровые материковые и межзональные равнинные: 1.1 – кольские самодийско-саамские; 1.2 – северо-европейские самодийские; 1.3 – западносибирские самодийские; 1.4 – восточносибирские тунгусские; 1.5 – центрально-чукотские; *Тундровые притихоокеанские:* 1.6 – северо-восточные чукотские; 1.7 – юго-восточные чукотские; 1.8 – корякские и чукотские с участием эвенского оленеводства; *Тажные с отдельными очагами оленеводства (в том числе с недавно утраченными):* 2.1 – кольские с саамским и поморским (утрачены) оленеводством; 2.2 – северо-европейские коми-ижемского оленеводства; 2.3 – преимущественно самодийского оленеводства: хантов, лесных ненцев, селькупов, манси (утрачены), местами с участием эвенков; 2.4 – тунгусского оленеводства (эвенков и эвенов с участием якутов); 2.5 – сахалинское оленеводство эвенков (утрачено) и ороков; *Тажные с наиболее развитым таежным оленеводством:* 2.3a – среднетаежные хантыйские; 2.4a – среднетаежные эвенкийские; *Горные (с вертикальными миграциями оленьих стад):* 3.1 – уральские коми-ижемского и хантыйского оленеводства; 3.2 – якутские преимущественно эвенского оленеводства; 3.3 – магаданские и камчатские эвенского оленеводства; 3.4 – южносибирские тувинского, тофаларского и сойотского оленеводства; 4 – *Островные ландшафты арктические ненецкого оленеводства*

Рис. 1. Области распространения отдельных типов и видов этнокультурных ландшафтов оленеводческих народов в России: 1 – границы распространения северного оленеводства в России: а – южная, б – северная (в пределах материка); 2 – границы областей распространения типов и видов ландшафтов; 3 – номера типов и видов ландшафтов; 4 – основные районы, где оленеводство было утрачено за последние 50 лет

**Систематизация ландшафтных районов оленеводства
по зональным и региональным типам**

Зональные типы	Преобладающие этнокультурные типы оленеводства								
	Самодийский			Тунгусский			Чукотско-корякский		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Тундровый	1.1	53,7	−0,4%	1.4	51,6	+2,5%	1.5 *	187,5	−61,6%
	1.2	259,4	+3,9%				1.6	13,2	−63,0%
	1.3	905,0	+13,5%				1.7	6,46	−7,7%
							1.8*	27,2	+1,1%
Таежный	2.3, 2.3а	61,1	+0,2%	2.4, 2.4а, 2.5	51,4	−10,2%	X		
Горный	3.1	11,9	+23,2%	3.2	58,2	−75,5%	X		
				3.3	30,3	−30,8%			
				3.4**	2,4	−1,9%			

Примечания. 1 – индекс ландшафтного района на карте (рис. 1); 2 – поголовье оленей в ландшафтном районе в среднем за 2010–2020 гг., тыс. гол.; 3 – индекс роста/уменьшения поголовья оленей: (2020 г. минус 2010 г.) / (среднее за 2010–2020), %.

* С участием оленеводства эвенов; ** оленеводство саянского типа.

**Эволюция оленеводческого хозяйства России в конце XX –
начале XXI в. в регионально-ландшафтном контексте**

По словам Тима Ингольда, ландшафт никогда не бывает завершенным: ни «построенным», ни «непостроенным», он постоянно находится в процессе строительства. Его создает человек, а он создает человека (Ingold 1993: 162). Поэтому изучение этнокультурных ландшафтов всегда связано с историей, ретроспективным анализом. Схема ландшафтного районирования (см. рис. 1) отражает как синхронность, так и диахронность ландшафтов оленеводства. Каждый из обозначенных на ней ландшафтных районов специфичен, причем не только географически, но и с точки зрения истории оленеводческих сообществ. Для ретроспективного анализа на данном этапе мы использовали простейший показатель, отражающий изменения состояния оленеводства во времени: динамику поголовья оленей за последние десятилетия.

В хозяйственной истории оленеводства в России в советские и последующие годы очевидным образом выделяются два периода относительной стабильности – советский колхозно-совхозный (1940–1990 гг.) и современный (с 2010 г. по настоящее время). Их разделили кризисные годы рыночных преобразований – своего рода переходный этап, когда в оленеводстве, как и во всем хозяйстве страны, наблюдался резкий спад, а затем постепенное оживление хозяйственной жизни. Однако взгляд на оленеводство через призму регионально-ландшафтного подхода говорит, что эта общая схема «сработала» не везде и что каждый ландшафт проявил себя в эти годы как индивидуальный хозяйственный организм.

Именно в годы кризиса регионально-ландшафтные различия наиболее сильно сказались на путях эволюции оленеводческого хозяйства.

Всего в этот переходный период выявились три отчетливые тенденции.

1. Резкое (так называемое обвальное) сокращение поголовья оленей на северо-востоке страны, в областях крупнотадного чукотско-корякского и тунгусского оленеводства, вызванное кризисом оленеводства в общественном секторе (см. рис. 1, 1.5–1.8, 3.2, 3.3; рис. 2, 2).

2. Значительный рост крупнотадного оленеводства в четырех муниципальных районах на севере Западной Сибири – в одной из областей самодийского тундрового оленеводства, который был связан с укреплением частно-семейных кочевых хозяйств (рис. 1, 1.3; рис. 3).

3. Ускорение темпов сокращения поголовья в мелкотадном таежном оленеводстве, которое было связано со снижением роли оленей как средства транспорта (рис. 1, 2.1–2.5, 3.4; рис. 2, 3).

Каждая из указанных тенденций была довольно четко локализована в одной из обозначенных выше географических областей, но проявлялась с разной интенсивностью в разных ее частях.

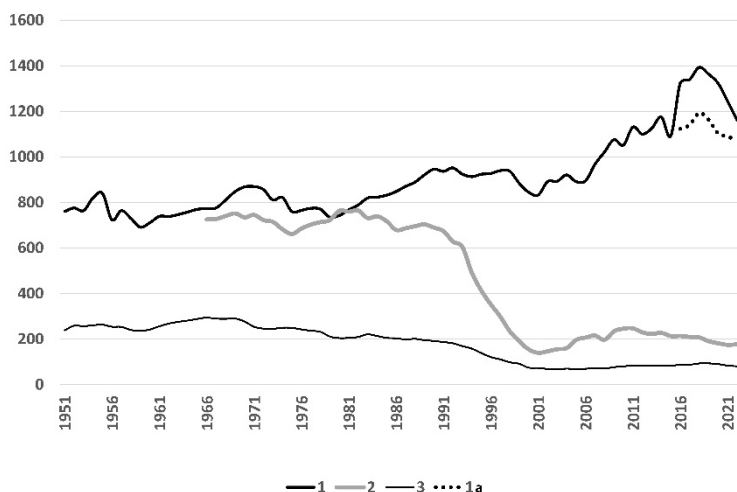

Рис. 2. Динамика поголовья оленей (тыс. гол.) как показатель состояния оленеводства на верхних уровнях районирования: 1 – этнокультурная область самодийского тундрового оленеводства; 2 – этнокультурная область чукотско-корякского тундрового оленеводства; 3 – эколого-хозяйственная зона таежного оленеводства; 1a – поправка к данным Росстата

Рассмотрим первую тенденцию. В годы рыночных реформ и в последующие десятилетия разные институциональные формы оленеводства по-разному реагировали на изменения экономической и социальной политики в России в целом и в отдельных ее регионах (Клоков 2020).

Соответственно, и тренды поголовья в регионах зависели от соотношения количества оленей в разных институциональных формах хозяйства. Быстрый рост поголовья имел место только в незарегистрированных частных (семейных) хозяйствах в тундрах Западной Сибири, которые находились за рамками государственного контроля в сфере неформальной экономики. В силу исторических причин на всех остальных оленеводческих территориях России получила развитие другая институциональная форма – оленеводческие предприятия. Здесь судьба оленеводства определялась и сейчас определяется в основном его государственной поддержкой (Клоков 2020).

Обвальное сокращение поголовья оленей произошло в районах, где почти все олени были сосредоточены в государственных предприятиях – совхозах. Крах совхозной системы был особенно драматичным там, где совхозы намеренно разваливали с целью приватизации, что вело к массовому забою оленей и уходу оленеводов из тундры и тайги в поселки (Клоков, Хрущев 2004: 112–113, 160–161). Там, где приватизация совхозов свелась к простой смене вывески – переименованию их в кооперативы, общины, или муниципальные предприятия, урон, нанесенный оленеводству, был значительно меньше (Клоков, Хрущев 2004: 161). А частно-семейного оленеводства, там, где оно сложилось в советские годы в недрах совхозной системы, как ее неформальная часть, этот «обвал» не коснулся вообще.

Обвальное сокращение поголовья охватило, во-первых, ландшафтные области чукотско-корякского и тунгусского тундрового оленеводства (рис. 1, 1.5–1.8; рис 2, 2). Сильнее всего – вплоть до полного прекращения оленеводства в некоторых поселках – оно было выражено в притихоокеанских тундрах (рис. 1, 1.6, 1.7), где в зимнее время высок риск образования на снегу ледяных корок, за что они получили местное название «зоны рискованного оленеводства». В прошлом – до советских преобразований – оленеводы вообще не пасли здесь оленей зимой, а откочевывали в более безопасные места (Клоков, Хрущев 2004: 165). Поэтому «ядро» чукотского оленеводства сохранилось в материковых ландшафтах вдали от побережья (рис. 1, 1.5).

Во-вторых, сильное снижение поголовья имело место и в области горного эвенского оленеводства в Якутии и в Магаданской области (рис. 1, 3.2, 3.3). Негативный тренд сохранялся и в постсоветское время и продолжался до 2018 г. (рис. 4, в). К сожалению, у нас мало данных об этом регионе, чтобы провести детальный анализ.

Еще более интересна вторая тенденция – неожиданный, противоположный общероссийской тенденции в кризисные годы рост поголовья оленей в тундрах между Уральскими горами и рекой Енисей. Его трудно соотнести с какими-либо экологическими факторами. Он был четко локализован в географическом пространстве (см. рис. 1, 1.3) и, по-

видимому, обусловлен институциональным фактором и культурно-хозяйственными традициями, которые по историческим причинам сложились только на этой территории. Этот рост начался в Ямальском районе Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) в 1950–1960-е гг. и ускорился после рыночных реформ 1990-х гг. (рис. 3). Вскоре зона этого роста распространилась на соседний с востока Тазовский район, а со временем – в середине 2000-х гг. – и на соседний с запада Приуральский. Затем она расширилась до правого берега Енисея, охватив часть Таймырского района Красноярского края. При этом в расположенных южнее районах ЯНАО (Красноселькупском, Пуровском, Надымском и Шурышкарском), а также в области ненецкого тундрового оленеводства на Европейском Севере подобного роста не было. поголовье оленей там в основном колебалось примерно на одном уровне или имело отрицательным тренд.

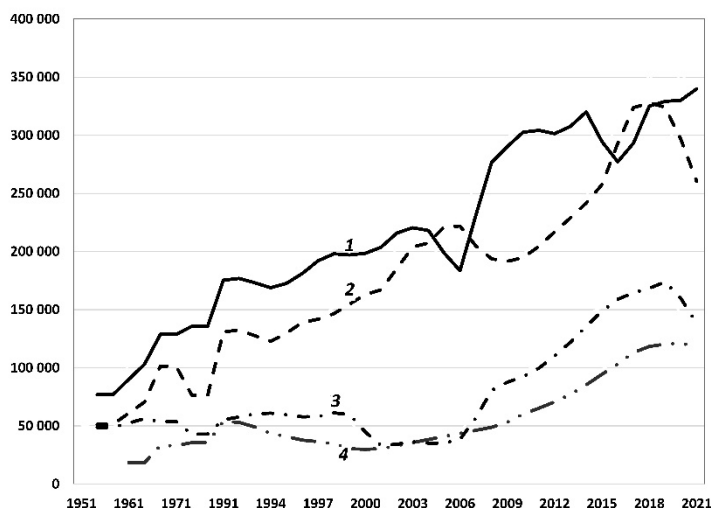

Рис. 3. Рост поголовья оленей (гол.) в четырех муниципальных районах в области тундрового самодийского оленеводства на севере Западной Сибири:
1 – Ямальский район ЯНАО; 2 – Тазовский район ЯНАО; 3 – Приуральский район ЯНАО; 4 – Таймырский район Красноярского края (левобережная часть)

Ключ к разгадке этого феномена, вероятно, лежит в этнокультурных особенностях менталитета местного сообщества оленеводов (Клоков 2020). Как показали специальные исследования (Мартынова 2014), размер собственного стада оленей – здесь основной критерий социального статуса и материального богатства. У других групп коренного населения района, например у ненцев-рыбаков, материальное благополучие измеряется деньгами. В контексте политической истории ЯНАО (менее жесткий, по сравнению с северо-востоком страны, стиль командной

экономики) и на фоне благоприятной экономической обстановки (хорошие рынки сбыта продукции оленеводства) такая нацеленность на рост собственных стад, иногда даже в ущерб экономической выгоде, привела к перетеканию поголовья из общественного в частный сектор и его выходу из-под контроля местных властей. Обратной стороной роста стал надвигающийся кризис истощения пастбищных ресурсов, усугубляемый изъятием пастбищ для промышленного освоения, на первый взгляд, напоминающий классический случай «трагедии общего пула ресурсов» (Пилясов, Кибенко 2020).

Третью тенденцию рассмотрим на примере таежного оленеводства Восточной Сибири. Спад поголовья здесь начался еще в 1960-е гг., что можно хорошо объяснить снижением спроса на ездовых оленей по мере развития механического транспорта (см. рис. 2, 3). До этого спрос на олений транспорт стимулировал рост оленьего поголовья. В 1950–1960-е гг. важнейшей статьей доходов многих эвенкийских колхозов были поступления от сдачи транспортных оленей в аренду многочисленным геологическим и другим экспедициям, работавшим тогда в сибирской тайге (Клоков, Хрущев 2004: 111). Попытка переориентировать таежное оленеводство на производство мяса не дала результата. Потребность в транспортных оленях еще сохраняется у частных владельцев, которым ездовые олени нужны во время охоты на соболя, если передвижение на снегоходах затруднено. Сократившийся ареал таежного оленеводства раскололся на отдельные очаги, во многих местах (например, на большей части Эвенкии) оно вообще исчезло. Однако «ядро» эвенкийского таежного оленеводства на юге Якутии (в Алданском, Олекминском и Нерюнгринском районах) сохраняется. К настоящему времени поголовье оленей здесь вернулось к уровню 1930–1940-х гг. (рис. 4, з).

С окончанием вызванного рыночными реформами переходного периода (с 2010 г.) ситуация в оленеводстве в основном стабилизировалась, резкие колебания поголовья оленей сгладились (см. рис. 2). Однако динамика поголовья продолжает сохранять регионально-ландшафтную специфику.

В период 2010–2020 гг. можно проследить следующие тренды (рис. 4):

- рост поголовья оленей в районах тундрового и горного самодийского оленеводства продолжался, но темпы его замедлились (рис. 4, а). Резервы этого роста в тундрах Западной Сибири к настоящему времени практически исчерпаны (см. выше), но на других территориях он может продолжаться;

- негативный тренд в тундровом тунгусском оленеводстве сменился на положительный (рис. 4, б, 1.4);

- возобновилось после небольшого подъема в начале 2000-х гг. снижение поголовья в области чукотско-корякского оленеводства, весьма значительное на Чукотке и слабо выраженное в Корякии (см. рис. 2, 2; рис. 4, б);

– снижение поголовья оленей в районах горного эвенского оленеводства с 2018 г. все же прекратилось (рис. 4, в).

– сильные колебания поголовья оленей отмечаются в таежном оленеводстве как в Восточной, так и в Западной Сибири (рис. 4, з). Возможно, они объясняются несовершенным статистическим учетом. В целом по стране и в таежном, и в горном оленеводстве наблюдались негативные тренды: в таежном – слабый, а в горном – сильный (рис. 4, е).

Отдельно можно прокомментировать ситуацию со статистическим учетом поголовья оленей в тундровых районах ЯНАО, с которыми связаны колебания на графике поголовья в самодийских тундровых ландшафтах (см. рис. 2, 1).

Есть основания предположить, что они в значительной степени являются статистическим артефактом. Сведения о поголовье оленей в округе собираются не только органами статистики, но и департаментом агропромышленного комплекса, причем их данные сильно расходятся. Так, в 2009 г. оценка статистическими органами всего поголовья по ЯНАО была на 32 тыс. голов выше оценки департамента, к 2020 г. разница достигла 220 тыс. голов, а к 2022 г. сократилась до 90 тыс. По мнению работающих на Ямале этнографов, основанному на опросе многих оленеводов этого полуострова, оценки департамента там заслуживают доверия и близки к действительности (А.Н. Терехина, личное сообщение). Можно предположить, что сильное снижение поголовья оленей, по данным Росстата, объясняется тем, что его учет стал более точным. Так, по данным Росстата, поголовье в округе с 2020 по 2022 г. снизилось на 156 тыс. гол., а по данным департамента – всего на 27 тыс. гол., в результате оценки существенно сблизились (рис. 2, 1а).

Выше мы рассмотрели хозяйственную историю оленеводства нескольких ландшафтных районов. Хозяйственная история других районов не менее интересна, но нет возможности рассказать обо всех в рамках одной статьи. История ландшафтов оленеводства Кольского полуострова и Большеземельской тундры раскрыта К.В. Истоминым (Istomin 2023).

Рассмотрев различные формы оленеводства Европейского Севера с точки зрения ландшафтного подхода, он пришел к выводу, что оленеводство с его особыми методами выпаса и способами взаимодействия между людьми и оленями трансформирует природную среду, делая природный ландшафт «одомашненным», т.е. превращая его в часть социально-экологической системы аналогично тому, как когда-то частью культурного ландшафта стали дикие олени (Istomin 2023: 8).

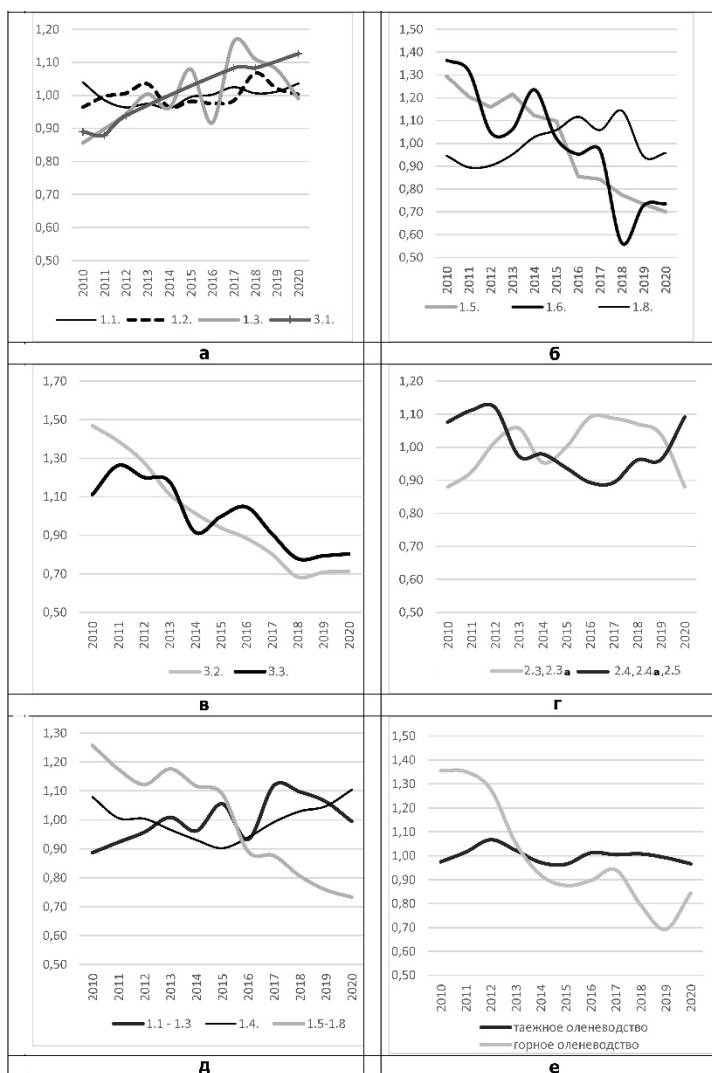

Рис. 4. Изменения уровня поголовья оленей в ландшафтных районах за 2010–2020 гг. (% к среднему уровню за указанный период). Индексы на графиках соответствуют индексам районов на карте (см. рис. 1): *а* – районы тундрового и горного самодийского оленеводства; *б* – районы тундрового чукотско-корякского оленеводства; *в* – районы горного звенного оленеводства; *г* – районы таежного оленеводства; *д* – сопоставление трех областей тундрового оленеводства; *е* – сопоставление таежного и горного оленеводства в целом

Заключение

Несмотря на значительные методологические отличия, все работы, основанные на концепции ландшафта, объединяет очень широкое

целостное видение, которое является их сильной, а в некоторых случаях в то же время и слабой стороной. Каждая единица ландшафтного районирования представляет собой своего рода географическую индивидуальность (Sauer 1963 [1925]: 321–322). Единицы ландшафтного районирования оленеводства имеют свои характерные индивидуальные черты, связанные с географическим и историческим контекстом жизни оленеводов и оленей. Хозяйственная история находит свое статистическое выражение в особенностях динамики поголовья оленей, которая во многом определяет современное состояние и будущее оленеводства.

Ландшафтный подход не позволяет открыть универсальные закономерности эволюции оленеводства. Как отмечает А. Цинг (Tsing 2015: 167–176), ландшафт – это совокупный результат множества случайных встреч. Его нельзя объяснить только ссылкой на общие принципы и закономерности, но можно понять как своего рода нарратив – повествование о последовательности встреч и событий, сформировавших данный ландшафт (Istomin 2023: 2). В этой статье были рассмотрены только динамические ряды одного показателя (поголовья оленей), отражающего изменения в оленеводстве. Это первый этап, за которым могут следовать содержательные описания событий, с которыми были связаны указанные изменения.

Схема ландшафтного районирования представляет собой своего рода «инвентаризацию» различных форм традиционного оленеводства. Это важно как для его дальнейших исследований, так и для определения приоритетов региональной политики по его поддержке, сохранения традиций оленеводов как нематериального культурного наследия и ресурса для туристического бизнеса.

Конечно, ландшафтный подход не заменяет углубленного изучения оленеводства в разных регионах России, но может хорошо дополнять его. Он позволяет связать результаты таких исследований с конкретными местами – ландшафтами и их историей. С помощью районирования они могут быть нанесены на карту, а карта «вставлена» в исторический контекст. Такая карта становится не только результатом, но и инструментом для дальнейших исследований.

Список источников

- Андреев А.А. Опыт культурно-ландшафтного районирования России // Псковский региональный журнал. 2012. № 13. С. 12–25.
- База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm>
- Богораз-Тан В.Г. Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926–1927 гг. // Советская этнография. 1932. № 4. С. 26–62.
- Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. № 1. С. 63–87.
- Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Севера Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1993.

- Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.
- Клоков К.Б. Разнонаправленность трендов в традиционном оленеводстве народов Сибири и Арктики // Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений / отв. ред. В.Н. Давыдов. М.: Вост. лит., 2020. С. 49–86.
- Клоков К.Б., Антонов Е.В. Этнокультурно-ландшафтное районирование традиционного северного оленеводства в разрезе муниципальных образований Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2022. Т. 67, № 4. С. 696–713.
- Клоков К.Б., Хрущев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера. Информационно-аналитический обзор. СПб.: ВВМ, 2004.
- Манаков А.Г. Структура геокультурного пространства России: подходы к делимитации // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 22–35.
- Мартынова Е.П. Представления о богатстве у ненцев Ямала // Сибирский сборник – 4 / отв. ред. В.Н. Давыдов, Д.В. Арзютов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 161–170.
- Пилясов А.Н., Кибенко В.А. Феномен предпринимательства в оленеводстве Ямало-Ненецкого автономного округа: оценка ситуации, парадоксы и противоречия, выбор будущего // Арктика: экология и экономика. 2020. № 1 (37). С. 122–137.
- Смирнягин Л.В. Методические подходы к районированию в общественной географии // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2011. № 6. С. 13–19.
- Сыроечковский Е.Е. Биологические ресурсы Сибирского Севера. Проблемы освоения. М.: Наука, 1974.
- Ingold T. The temporality of the landscape // World Archaeology. 1993. № 25 (2). P. 152–174.
- Istomin K.V. Cultured reindeer, domesticated land, and (self)-cultivated herders: Histories and structures of reindeer herding landscapes in the European part of Russia // Pastoralism. 2023. № 13, 11.
- Klokov K.B. National fluctuations and regional variation in domesticated reindeer numbers in the Russian North: Possible explanations // Sibirica. 2011. № 10 (1). P. 23–47.
- Klokov K.B. Changes in reindeer population numbers in Russia: An effect of the political context or of climate? // Rangifer. 2012. № 32 (1). P. 19–33.
- Klokov K.B. Geographical variability and cultural diversity of reindeer pastoralism in northern Russia: delimitation of areas with different types of reindeer husbandry // Pastoralism. 2023. № 13, 15. Preprint. doi.: 10.1186/s13570-023-00279-3
- Sauer C.O. The morphology of landscape. Reprinted in J. Leighly (Ed.): Land and life: selections from the writings of Carl Ortwin Sauer. Berkeley, CA: University of California Press, 1969 [1925]. P. 315–350.
- Tsing A.L. The mushroom at the end of the world: On the possibility of life in capitalist ruins. Princeton: Princeton University Press, 2015.

References

- Andreyev A.A. (2012) Opyt kulturno-landshaftnogo rayonirovaniya Rossii [Experience of Cultural Landscape Zoning of Russia], *Pskovskiy regionologicheskii zhurnal*, no. 13, pp. 12–25.
- Baza dannykh pokazateley munitsipalnykh obrazovaniy Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki Rossiyskoy Federatsii [Database of indicators of municipalities of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm>
- Bogoraz-Tan V.G. (1932) Severnoye olenevodstvo po dannym khozyaystvennoy perepisi 1926–1927 gg. [Northern reindeer husbandry according to the economic census of 1926–1927], *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 26–62.
- Golovnev A.V. (1993) *Istoricheskaya tipologiya khozyaystva narodov Severa Zapadnoy Sibiri* [Historical typology of the economy of the peoples of the North of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka.

- Ingold T. (1993) The temporality of the landscape, *World Archaeology*, no. 25 (2), pp. 152–174.
- Istomin K.V. (2023) Cultured reindeer, domesticated land, and (self)-cultivated herders: Histories and structures of reindeer herding landscapes in the European part of Russia, *Pastoralism*, no. 13: 11.
- Kaluckov V.N. (2008) *Landshaft v kul'turnoy geografii* [Landscape in cultural geography]. Moscow: Novyj hronograf.
- Klovov K.B. (2012) Changes in reindeer population numbers in Russia: An effect of the political context or of climate? *Rangifer*, no. 32 (1), pp. 19–33.
- Klovov K.B. (2011) National fluctuations and regional variation in domesticated reindeer numbers in the Russian North: Possible explanations, *Sibirica*, no. 10 (1), pp. 23–47.
- Klovov K.B. (2020) Raznonapravlennost trendov v traditsionnom olenevodstve narodov Sibiri i Arktiki [Multidirectional Trends in Traditional Reindeer Husbandry of the Peoples of Siberia and the Arctic]. In: *Energiya Arktiki i Sibiri: ispolzovanie resursov v kontekste sotsialno-ekonomicheskikh izmeneniy* [Energy of the Arctic and Siberia: The Use of Resources in the Context of Socio-Economic Changes] / Ed. V.N. Davydov. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 49–86.
- Klovov K.B., Hrushchev, S.A. (2004) *Olenevodcheskoe hozyajstvo korennykh narodov Severa* [Reindeer husbandry of the indigenous peoples of the North]. Informacionno-analiticheskiy obzor. St. Petersburg: VVM.
- Klovov K.B. (2023) Geographical variability and cultural diversity of reindeer pastoralism in northern Russia: delimitation of areas with different types of reindeer husbandry, *Pastoralism*, no. 13, 15. Preprint. <https://doi.org/10.1186/s13570-023-00279-3>
- Klovov K.B., Antonov E.V. (2022) Etnokulturno-landshaftnoe rajonirovanie traditsionnogo severnogo olenevodstva v razreze municipalnykh obrazovaniy Rossiyskoy Federatsii [Ethnocultural Landscapes Zoning of Traditional Reindeer Husbandry in The Context of Municipalities of The Russian Federation], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*. Vol. 67, no. 4, pp. 696–713.
- Manakov A.G. (2012) Struktura geokulturnogo prostranstva Rossii: podhody k delimitatsii [Structure of Geocultural Space of Russia: Approaches to Its Delimitation], *Pskovskiy regionologicheskii zhurnal*, no. 14, pp. 22–35.
- Martynova E.P. (2014) Predstavleniya o bogatstve u nencev Yamala [Concepts of wealth among the Nenets of Yamal]. In: *Sibirskiy sbornik – 4* [Siberian Collection, 4th volume] / Ed. V.N. Davydov, D.V. Arzyutov. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 161–170.
- Pilyasov A.N., Kibenko V.A. (2020) Fenomen predprinimatelstva v olenevodstve Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: ocenka situatsii, paradoksy i protivorechiya, vybor budushchego [The Entrepreneurship Phenomenon in The Yamal Reindeer Farming: Assessment of The Situation, Paradoxes and Contradictions, Choice of The Future], *Arktika: ekologiya i ekonomika*, no. 1 (37), pp. 122–137.
- Sauer C.O. (1969 [1925]) The morphology of landscape. Reprinted in J. Leighly (Ed.): *Land and life: selections from the writings of Carl Ortwin Sauer*. Berkeley, CA: University of California Press, pp. 315–350.
- Smirnyagin, L.V. (2011) Metodicheskie podhody k rajonirovaniyu v obshchestvennoy geografii [Methodical Approaches to Regionalization in Social Geography], *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 5. Geografiya, no. 6, pp. 13–19.
- Syroechkovskiy E.E. (1974) *Biologicheskie resursy Sibirskogo Severa* [Biological resources of the Siberian North]. Problemy osvoeniya. Moscow: Nauka.
- Tsing A.L. (2015) *The mushroom at the end of the world: On the possibility of life in capitalist ruins*. Princeton: Princeton University Press.
- Vasilevich G.M., Levin M.G. (1951) Tipy olenevodstva i ikh proiskhozhdeniye [Types of reindeer husbandry and their origin], *Sovetskaya etnografiya*, no. 1, pp. 63–87.

Сведения об авторе:

КЛОКОВ Константин Борисович – доктор географических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: k.b.klokov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Konstantin B. Klokov, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: k.b.klokov@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 11 июля 2023;
принята к публикации 29 августа 2023.*

*The article was submitted 11.07.2023;
accepted for publication 29.08.2023.*

Научная статья

УДК 39

doi: 10.17223/2312461X/41/7

Оленеводы Хатанги и Анабара: меняющийся образ жизни тундровиков

Владимир Николаевич Давыдов^{1, 2}
Василиса Васильевна Боброва^{3, 4}

^{1, 3} Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

² Чукотский филиал СВФУ, Анадырь, Россия

⁴ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2} davydov.kunstkamera@gmail.com

^{3, 4} bobrovva.vasilek@yandex.ru

Аннотация. Опираясь на полевые материалы, собранные в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе Красноярского края и Анабарском национальном долгано-эвенкийском улусе (районе) Республики Саха (Якутия) с 2014 по 2023 г., рассматриваются изменения, произошедшие в жизни и быту оленеводов-долган. Основным фокусом исследования являлось изучение материальной базы оленеводства, использование новых технических средств, изменение стратегий и маршрутов перекочевки и их непосредственное взаимодействие с природным, социальным и культурным ландшафтом, а также актуальные проблемы. В статье сравниваются два региона со схожими климатическими и ландшафтными особенностями, но относящихся к двум разным субъектам Российской Федерации. Акцент ставится не столько на статичных характеристиках, сколько на анализе динамических процессов и трансформации повседневных практик.

Ключевые слова: Арктика, Таймыр, Республика Саха (Якутия), оленеводство, долганы, кочевники, тундровики, ландшафт, материальность

Благодарности: 0,5 статьи написано В.Н. Давыдовым за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00637) «Меняющаяся материальность Арктики и Сибири: технологии, инновации, инфраструктура» (рук. В.Н. Давыдов). Источник финансирования – МАЭ РАН. 0,5 статьи написано В.В. Бобровой за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00665) «Этнокультурные ландшафты оленеводческих народов России: структура и пространственные контексты» (рук. К.Б. Клоков). Источник финансирования – СПбГУ.

Для цитирования: Давыдов В.Н., Боброва В.В. Оленеводы Хатанги и Анабара: меняющийся образ жизни тундровиков // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 113–133. doi: 10.17223/2312461X/41/7

Original article

doi: 10.17223/2312461X/41/7

Khatanga and Anabar Reindeer Herders: The Changing Tundra Dwellers' Way of Life

Vladimir N. Davydov^{1, 2}, Vasilisa V. Bobrova^{3, 4}

^{1, 3} Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, St. Petersburg, Russian Federation

² Chukotka Branch of the Northern Federal University, Anadyr, Russian Federation

⁴ St. Petersburg State University St. Petersburg, Russian Federation

^{1, 2} davydov.kunstkamera@gmail.com

^{3, 4} bobrovva.vasilek@yandex.ru

Abstract. In this article, the authors, based on field materials collected in the Taymyr Dolgano-Nenetsky municipal district of the Krasnoyarsk Territory and the Anabarsky national Dolgan-Evenk ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia) from 2014 to 2023, examined the changes that have occurred in the ways of life of Dolgan reindeer herders. The main focus of the research was the study of the material base of reindeer herding, the use of new technical means, the changing of strategies and routes of migration and their direct interaction with the natural, social and cultural landscape, as well as current problems. The article compares two regions with similar climatic and landscape features, but belonging to two different subjects of the Russian Federation. The emphasis is not so much on static characteristics, but on the analysis of dynamic processes and the transformation of everyday practices.

Keywords: Arctic, Taymyr, Republic of Sakha (Yakutia), reindeer herding, Dolgans, nomads, tundra dwellers, landscape, materiality

Acknowledgements: 0.5 article written by V.N. Davydov is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00637) "Changing materiality of the Arctic and Siberia: technologies, innovations, infrastructure" (PI – V.N. Davydov). Funding source – MAE RAS; 0.5 articles written by V.V. Bobrova is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project No. 22-28-00665) "Reindeer husbandry peoples' ethno-cultural landscapes in Russia: structure and spatial contexts" (PI – K.B. Klovov). Funding source – St. Petersburg State University.

For citation: Davydov, V.N. & Bobrova, V.V. (2023) Khatanga and Anabar Reindeer Herders: The Changing Tundra Dwellers' Way of Life *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 113–133. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/7

Введение

В данной статье авторы опирались на полевые материалы, собранные в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе Красноярского края и Анабарском национальном долгано-эвенкийском улусе (районе) Республики Саха (Якутия) с 2014 по 2023 г. В рамках исследования было проведено семь экспедиционных выездов общей продолжительностью около 7 месяцев. Полевая работа проводилась в разные

сезоны, наблюдались различные аспекты ведения оленеводческого хозяйства в двух исследуемых регионах. Были взяты интервью у долган-оленеводов севера Красноярского края и Республики Саха (Якутия), проживающих в национальных поселках Новорыбное, Попигай, Сындаско, селах Юрюнг-Хая, Саскылах (рис. 1) и Хатанга, а также на временных оленеводческих стоянках и охотничьих точках в тундре. Авторы участвовали в коральных и зоотехнических работах в августе–сентябре и ноябре–декабре. Основной фокус исследования – изучение материальной базы оленеводства, инновации, изменение стратегий и маршрутов перекочевок.

Задача статьи – сравнить ситуацию в двух соседних регионах Российской Арктики, для которых единой первоосновой является традиционное природопользование (оленеводство, охота, рыболовство), имеются схожие климатические и ландшафтные особенности, традиции и важную роль играют родственные связи.

Рис. 1. Саскылах. Анабарский улус, Республика Саха (Якутия).
Фото В.В. Бобровой. Декабрь 2022 г.

В последнее десятилетие в исследуемых регионах наблюдаются значительные различия в тенденциях развития оленеводческих хозяйств. Количество стад и численность общего поголовья домашних оленей, несмотря на относительно близость рассматриваемых населенных пунктов друг к другу, существенно разнятся: на Таймыре наблюдается сокращение поголовья, в то время как в Якутии прирост. У долган на северо-востоке Таймыра оленеводство сохраняется, хотя оно полностью

исчезло в большинстве других поселков. Например, в Хантайском Озере оленеводством прекратили заниматься в 2006–2007 гг.

Поголовье стад и его изменения

Местные жители восточной и западной части Таймыра по-разному воспринимают численность поголовья в стадах. Например, богатством у современных долган на восточном Таймыре считается стадо в 200 оленей. В то же время в ненецких стадах в западной части Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края такое количество оленей считается небольшим, так же как и в пограничном Анабарском районе Якутии. В целом на восточном Таймыре в последние годы произошло сокращение количества оленеводческих бригад (Давыдов 2015; 2016; Клоков 2022: 272). Так, летом 2014 г. в п. Попигай (называемом местными жителями Сопочное) работали три бригады, а в 2015 г. их было уже две. По словам информантов, раньше бригад было четыре, потом их объединили. Во всех бригадах поселка в эти годы насчитывалось чуть более 3 тыс. голов, а в стаде первой бригады было примерно 600 оленей. В Новорыбном сейчас работают две бригады. В Сындасско – официально одна бригада, но еще одна выпасает оленей на территории Якутии. При этом стоит отметить, что часть животных продавалась оленеводам Анабара. В 2001 г., по словам местных жителей, перегнали стадо в 600 голов из Сындасско в Юрюнг-Хая. Таймырские оленеводы нанимаются работать в соседние МУПы Якутии: «Стада наши, оленеводы – наемники из Красноярского края» (ПМА Боброва 2022).

По данным Хатангской ветеринарной станции (с. Хатанга), в конце 2014 г. в Попиге было 3 483, в Сындасско – 1 725, в Новорыбном – 1 630 голов оленей. В 2021 г. общее количество оленей в этих трех населенных пунктах сократилось до 3,5 тыс. (ПМА Давыдов, Боброва 2021). Предоставленные начальником ветеринарной станции данные по состоянию на начало 2023 г. показывают уменьшение количества поголовья более чем на тысячу – общее количество в трех поселках – 2 299 оленей. Следует заметить, что представленные в официальных документах цифры часто несколько завышены, поскольку оленеводы получают от государства субсидии на содержание каждого оленя.

В соседней Якутии ситуация с поголовьем существенно отличается. На территории Анабарского улуса сейчас выпасают более 10 стад, и основное поголовье сосредоточенно в Юрюнг-Хаинской тундре (9 стад). На ноябрь 2022 г. на территории улуса, согласно официальным данным, содержалось 23 873 оленя, из которых муниципальных оленей – 17 257 голов в двух основных совхозах улуса: МУОПП им. Ильи Спиридонова, базирующегося в Юрюнг-Хае, – 14 654 головы и 3 072 частных оленя и МУП Арктика в Саскылахе – 2 603 головы и 164 частных. Также родовые общины,

всего 3 380 голов: РО КМНС-Д «Балыксыт» – 1 354 головы, КРО КМНС-Д «Сэдэмэ» – 653, КРО КМНС – долганов «Большой Бегичев» – 1 373 головы и личное поголовье 3 236 оленей. Отмечается большой прирост поголовья. Так, в 2019 г. в районе было около 18 000 оленей, за три года поголовье увеличилось практически на 6 тыс. Оленеводы отмечали, что такой прирост произошел в том числе из-за пандемии COVID-19, когда село Юрюнг-Хая было закрыто на карантин и забой пришлось проводить на оленеводческих стоянках. Необходимо отметить, что из двух населенных пунктов Анабарского района село Юрюнг-Хая является оленеводческим: большая часть населения занята в оленеводческой сфере; в то время как Саскылах – районный центр, на него возложены представительские обязательства, не в последнюю очередь связанные с поддержкой оленеводства в Юрюнг-Хаяе. Как отмечает Е.В. Кадук, «в современной политике администрации Анабарского р-на и конкретно с. Юрюнг-Хая одно из центральных мест занимает поддержка оленеводства, при этом она имеет черты опеки и патернализма» (Кадук 2021: 37). Одни из примеров такого подхода можно было наблюдать в декабре 2022 г., когда в улус приехали специалисты из Минсельхоза Якутии по вопросу организации оленеводческих артелей.

Одним из важнейших факторов развития оленеводства является региональная поддержка традиционных видов природопользования местными властями. Ситуация в Красноярском крае и в Якутии несколько отличается. Если в последней достаточно сильно развита поддержка оленеводческих хозяйств, прописана сильная законодательная региональная база, есть трансформирующиеся субсидии, выделяют средства, при том, что законодательство и иные меры поддержки не всегда успевают за изменениями в оленеводстве, то таймырцам приходится сталкиваться с несоответствующими современным требованиям нормативно-правовыми актами, которые часто не учитывают традиционный образ жизни населения, проживающего на севере Красноярского края (Боброва 2022: 617).

Занятие оленеводством местные жители часто совмещают с охотой и рыбалкой. Олень используется как транспортное животное при перекочевках и на охоте. Долганы на оленях ездят верхом, перевозят грузы, запрягают в нарты (Охотники-олeneводы... 2020: 33). В Анабарском улусе верховое оленеводство не распространено, однако местные любят устраивать гонки на оленей упряжке – это традиционное состязание на День оленевода, который обычно проводят в апреле. Летом женщины доят приученных важенок, молоко добавляют в чай. Информанты отмечали, что с важенок особо много молока не надоишь, поэтому оленье молоко употребляется в основном детьми.

Взаимодействие с ландшафтом: стратегия кочевания и использование ресурсов

Оленеводы предпочитают на лето отводить стада подальше от населенных пунктов, на север. Летом кочевье проходит вдоль побережья, зимой – на юге, притом юрюнг-хаинские оленеводы доходят до верховья реки Анабар. В летнее время долганы выпасают стада относительно далеко от населенных пунктов, и до стоянок оленеводов можно добраться как на моторной лодке, так и на «Буране».

Зимой оленеводы могут жить в деревне и периодически ездить в стадо на «Буранах» (примерно раз в две недели). Летом стараются перекочевывать на новое место через каждые два дня: «Олени быстро землю истаптывают, поэтому аргишить нужно часто» (ПМА Давыдов 2017) (рис. 2).

Рис. 2. Во время аргиша. Перемещение палатки на полозьях.
Попигайская тундра. Таймыр. Фото В.Н. Давыдова. Август 2017 г.

Летом оленеводы стараются «полегче аргишить», т.е. не брать лишних вещей с собой. При ежедневных перемещениях в нарту могут запрягать по 3 оленя. Нарты используются во все сезоны, летом нарту волокут по траве. При перемещениях летом нарты постоянно нуждаются в ремонте. Нарты используются в летнее и зимнее время. При перекочевках за нарту могут запрягать по 4 оленя и 8 оленей для транспортировки балка, при этом постельные принадлежности остаются внутри. Раньше, когда одеяла были ватные, использовали 10 оленей. Но когда обзавелись облегченными из синтепона и общий вес балка стал меньше, стали использовать 8 оленей (ПМА Давыдов 2017).

В течение года на восточном Таймыре перекочевки осуществляются по кругу. Маршрут кочевания меняется из года в год, сохраняется лишь общий принцип – кочевание по кругу и перемещение вдоль рек. Основными ориентирами при перекочевках служат реки и озера. Перемещение по рекам имеет также и другое прагматическое основание: «Аргишат по рекам – ищут бивни мамонта. Кто-нибудь добудет обязательно за сезон. В прошлом году (один бивень, 2017 г. – В.Д., В.В.) за 800 тыс. продали».

Многие оленеводы стали активно заниматься поиском бивней мамонта (местные жители даже используют сочетание «бивневая лихорадка»). Появление бивней на поверхности земли местные жители связывают с изменением климата. По берегам рек сползает земля, происходят оползни, в этих местах иногда находят бивни. Некоторые даже проводят в поисках бивней все лето. Бивни обычно ищут небольшими группами. Иногда на поиски отправляются всей семьей. Раньше можно было заработать на продаже песцовых шкур, считались белым золотом. Сейчас они относительно обесценились. В тундре еще есть старые пасти для охоты на песца, но многие были разобраны на дрова.

Поиск и продажа бивней мамонта стали для многих жителей района новым источником дополнительного заработка. Каждое лето местные жители отправляются небольшими группами искать бивни. Обычно их отыскивают по берегам рек, перемещаясь на лодке. Поиски часто бывают долгими и безрезультатными. Находки продают в основном якутским коммерсантам, а также скупщикам из Хатанги. Летом 2014 г. 1 кг бивня продавали за 12–20 тыс. руб. Собирают также кости и зубы мамонта, но ценятся они меньше бивней. Наиболее дорогими являются крупные хорошо сохранившиеся образцы.

В 2015 г. закупочная цена выросла. В Новорыбном бивни скупали от 35 тыс. за 1 кг. В Сындасско максимальная цена продажи составляла 50 тыс. руб. Бивни скупал молодой коммерсант из Юрюнг-Хая, который расплачивался наличными деньгами. В Хатанге цена была немного ниже, чем у коммерсантов из Якутии. В 2016–2017 гг. цена на бивни несколько упала. В 2022 г. предприниматели, занимающиеся бивнями, столкнулись с проблемой вывоза и сбыта материала. Информанты из Якутии отмечали снижение цены.

Большинство заработанных на охоте на дикого оленя, а также от продажи бивней денег уходит на покупку транспортных средств, техники, патронов (которые покупаются тысячами), бочек с бензином. Местные жители также инвестируют вырученные средства в покупку квартир в Дудинке и Хатанге.

Жители восточного Таймыра нередко самостоятельно вырезают сувениры из бивня мамонта и рога. В Попигае, Сындасско и Новорыбном есть искусные резчики по кости. Свои изделия они обычно продают в Хатанге и Дудинке. По словам информантов, в советское время бивни

оленоводами сильно не ценились. Из них изготавливали блоки для нарт. Некоторые попигайские оленоводы занимаются резьбой на местах стоянок. Получили распространение декоративные фигурки мамонта.

Жизнь тундровиков

Работающих в тундре оленоводо-в местных жители называют тундровиками. В зимнее время в качестве жилищ оленоводами используются утепленные балки, летом – каркасные палатки на полозьях. Зимние балки отапливаются углем, который завозят на снегоходах. В летнее время оленоводы кочуют семьями (местные жители используют слово *аргишиить*), обычно по три самодельных каркасных палатки на полозьях (долг. *чарай*) на бригаду. В каждой палатке обычно есть по две широкие двуспальные нары, стол, полки для хранения кухонной утвари. Стены и потолок внутри обычно покрывают клеенкой, зашивают коврами. Полы в таких палатках ничем не устилают, используют естественные материалы – мох и другую растительность. В зимнее время используются балки. Современный зимний балок или «нартенный чум» (долг. *сырга дыэ*) (Попов 1952; Попова 2002; Дьяченко 2005: 240) мало чем отличается от своего предка: все те же широкие двуспальные нары, стол, полки, деревянные полы, а также печь-буржуйка, 1–2 низенькие табуретки, окно из оргстекла. Каркас обтягивают тканью и покрывками из оленьих шкур. Обычным элементом стало наличие жидкокристаллического телевизора с плоским экраном, прикрепленного прямо к каркасу балка, телевизионной спутниковой «тарелки» у входа над сенями и модема Wi-Fi, хотя он и не всегда ловит сигнал. Зимой на Таймыре практически в каждом балке используется электрогенератор: во время отдыха оленоводы смотрят фильмы или телевизор, играют в компьютерные игры на ноутбуках.

В юрюнг-хаинских бригадах обычно используется по 4–6 балка, один балок на одну семью. Сейчас используются балки с элементами декора: в январе 2023 г. администрация Анабарского района приняла решение на местах основных стоянок поставить бытовки, украшенные национальными узорами долган и эвенков. Раньше, при совхозе, в бригадах было по 5–6 палаток и до 2 тыс. оленей.

Передвижные жилища долган-оленоводо-в отапливаются с помощью самодельных печей, часто сделанных из тазов из оцинкованного железа, дровами – сухими ветками, которые собирают по берегам рек. Подобные печи нетяжелые, они легко транспортируются и быстро устанавливаются прямо на земле, но из-за того, что жечь быстро прогорает и ржавеет, их можно использовать только в течение одного года. Электрогенератором пользуются только весной и зимой для освещения во время

полярной ночи. Летом его используют редко, экономят бензин, который стоит очень дорого и его сложно доставить.

Для связи с поселком и другими бригадами используются переносные радиации, работающие от аккумуляторов. Ежедневные разговоры и обмен новостями с родственниками в поселке и с оленеводами из соседней бригады из Юрюнг-Хая в Якутии превратились у попигайских и новорыбинских оленеводов в своеобразный ритуал. В настоящее время большинство оленеводов перешли на спутниковую связь, радиацию также используют, но не часто. Если места стоянок (в случае Якутии) располагаются в зоне покрытия сети сотовых операторов, то переписываются в WhatsApp, оттуда из чатов и узнают новости района.

Оленеводы редко видят своих соседей лично, но в то же время хорошо знают их голоса. На связь по радиации традиционно выходят 4 раза в сутки: в 11.00, 13.00, 16.00 и 20.00.

В августе, когда ветеринары прилетают на место стоянки оленеводов на вертолете из Хатанги, в стадах проводятся коральные работы. Во время коральных работ делают прививки против овода, сибирской язвы. В это же время оленям пилят рога, производят кастрацию. Во время летних каникул в бригадах находятся не только мужчины, но и женщины с детьми. На лето в стадо приезжают также студенты и остаются там до момента проведения коральных работ (Давыдов 2015).

На Таймыре мобильный кораль используется один на все бригады (на три поселка), поэтому важно рассчитать маршрут перемещений на вертолете во время коральных работ (Давыдов 2018). Обычно оплачивают 14–16 летных часов в августе – начале сентября.

Во время коральных работ стадо разделяют на небольшие группы и затем пасут их отдельно. Весной стада снова объединяют. Как заметили участники коральных работ, чем больше стадо, тем его проще удержать, если стадо небольшое – сделать это сложнее. Например, удержать в корале 500–600 голов на одном месте несложно. Если в стаде 200 и менее оленей – они разбегаются (ПМА Давыдов 2014).

Взаимодействие человека и оленя

Оленеводы Таймыра обычно меняются животными с другими бригадами. Подобный обмен происходит также с оленеводами из соседнего региона – Якутии. Обычно это происходит зимой и летом, когда стадо держат близко со стадом из Якутии.

В постсоветский период произошел ряд изменений в способах обучения оленей, ухода за животными, а также практиках перекочевков. Например, современные оленеводы редко подкармливают оленей солью, хотя это было распространено в советское время. Объясняют они это дефицитом и относительно дорогой стоимостью соли. По этой же причине в

постсоветский период оленеводам пришлось отказаться от комбикорма. Раньше важенок отделяли от стада во время отела. Сейчас, по словам оленеводов, этого не делают.

Местные жители применяют определенные способы «усмирения» оленей. Раньше информанты, для того чтобы олени становились смиренными, привязывали их к колышкам в возрасте от 3 до 4 лет. Сейчас молодых оленей уже не привязывают, а вместо этого тащат за узду и заставляют ходить за собой. По словам местных оленеводов, если это делать постоянно, олени становятся смиренными.

Чтобы олени далеко не уходили от места стоянки, на шею им могут привязывать небольшую колодку – полено, называемое *чангеи* (долг.). Такое полено обычно привязывают не ко всем оленям, а к «лидерам», которые могут уводить стадо. Колодка больно ударяет оленя по коленям и не дает ему далеко убежать (Попов 1935: 186). Похожую стратегию используют таежные оленеводы-эвенки на юге Якутии.

В последнее время оленям, которые могут уходить далеко и уводить стадо, а также слишком быстрым оленям стали привязывать повязки из ткани на глаза. С такими приспособлениями эти олени далеко не уходят и их легко ловить. Иногда завязывают только один глаз: «Сейчас тряпки на глаза слишком шустрых оленей вешаем. Можно один глаз завязать. Чтобы тряпка болталась. Легче ловить, далеко не уходят» (ПМА Давыдов 2014). Завязывать оленям глаза, как говорят оленеводы, стали с 2010–2011 гг. Оленеводы 1-й попигайской бригады утверждают, что придумали и опробовали подобный способ сами. В то же время оленевод Татьяна Спиридоновна Большакова уверена, что он существовал ранее: «Важенке завязывают глаза. Она постоянно впереди. Важенка стадо уводит – она как “женщина легкого поведения”, буйная, поэтому ей глаз завязали. Раньше так делали, а наши вспомнили это. Муж говорит, помогает это средство. Так старики делали».

Оленеводы различают оленей по степени одомашнивания. В стадах есть «дикие» и «полудикие» животные. Наиболее одомашненных оленей, которые не боятся человека, называют *оку*. По наблюдению оленеводов, особенно смиренными становятся те олени, которых выхаживают люди. Например, когда телится годовалая важенка, она может бросить теленка. Иногда гибнет важенка, а теленок остается. Без помощи людей такие животные погибают. Телят, которых выходили люди, называют *итияк* (долг.), что информанты перевели как «другая семья его берет». Точно так же можно назвать усыновленного другой семьей ребенка. Таких брошенных важенками телят выходить очень сложно: «Их, как младенцев, нужно кормить каждые 4–5 часов» (ПМА Давыдов 2014).

Обучение оленя – долгий процесс, который требует терпения. Не все олени годятся для этого, выбирают наиболее смиренных и спокойных животных. Поскольку все перекочевки, а также повседневные перемещения

осуществляются на оленях, их специально обучают для использования в верховой езде и упряжке. Для обучения верхового оленя выбирают молодого быка-кастрата со спокойным нравом, делается это обычно на 4-й год (Дьяченко 2005: 207). Кастрируют быков осенью с помощью ножа. В качестве верховых могут использовать также яловых важенок (Попов 1935: 188). В стаде было несколько яловых важенок, которые использовались в качестве транспортных. Обучение нартенных оленей осуществляют с помощью посредников – смиренных обученных оленей. Обученный и привыкший к человеку олень обычно идет за человеком, а необученный следует за ним (Дьяченко 2005: 211).

По словам местных жителей, способность к обучению зависит от масти животного. Например, оленеводы заметили, что черные как уголь олени трудно поддаются обучению. В то же время, по их словам, сероватых оленей обучить проще. Также просто обучать оленей, которые привыкли лежать недалеко от костра.

В 2014 г. большинство оленей в попигайских стадах составлял молодежь, который требовал обучения. Информанты из 1-й бригады насчитали в своем стаде около 40 обученных оленей на три семьи. По их словам, для ежедневных задач и перекочевов это очень небольшое число, поэтому они планировали заняться в будущем обучением молодых оленей. Всего для перекочевки ими использовалось 30 оленей, но по одному оленю всегда держат про запас. В последующие годы количество обученных оленей постепенно сокращалось.

Все обученные олени имеют клички. Клички получают также наиболее заметные олени (Попов 1935: 203). Обычно их называют в честь кого-то, либо именем человека, у которого его выменяли, или по названию реки, озера или места, где оленя приучили возить груз или человека. Часто клички являются производными от масти оленя или подчеркивают его характер, возраст или физическое состояние (Попов 1935: 203).

Например, летом 2014 г. в попигайском стаде были олени со следующими кличками: Бугдиска – пятнистый олень; Каргын – черный; Чалька – белый; Боронг – сероватый; Кытай или Кытаёза – белый олень с красными рогами; Чопёко – однорогий олень; Куртымак – безрогий олень; Чорог – олень с прямыми рогами; Окуй – олень, которого выкормили сами, который был одомашнен как собака, приучен есть хлеб и грибы с рук; Нерожавшая – яловая важенка, которую использовали в качестве транспортного животного; Тайсон – бык с буйным характером, любит драться, его называли в честь чемпиона мира по боксу в тяжелой весовой категории Майка Тайсона. Иногда у одного оленя может быть несколько кличек. Например, в стаде был олень Ванька – его называли по имени оленевода из Якутии (Анабарский район, Юрюнг-Хая), когда выменяли. Но потом олень получил растяжение сухожилий, у него

испортилась походка и его стали называть Хромой. Поскольку этому животному было 16 лет, иногда его также называли Стариком.

Олени в стаде имеют специальные метки – разрез на ухе, причем у каждой семьи своя метка. Однако при большом количестве оленей бывает трудно найти своих рабочих оленей. Для того чтобы их было легче искать, таким оленям на рога специально привязывают ленточки разных цветов, ассоциируемые с определенным хозяином.

Таймырские и анабарские оленеводы используют специально обученных оленегонных собак. Собака является неотъемлемым участником перемещения и сбора стад (Naraway 2003; Davydov, Klovov 2018). Оленегонные собаки всегда ценились северной группой долган-олленеводов и содержались во всех хозяйствах (Попов 1935: 186). Информанты отметили разницу между поселковыми и тундровыми собаками. По их словам, тундровые собаки, если их привозят в поселок, помои в деревне не собирают. Поселковые же «питаются помоями и могут воровать продукты». Тундровые меньше по росту, а в поселке собаки обычно крупные. Во время нашего приезда в стаде было три собаки, еще одну мы привезли с собой на моторной лодке. Обучение собаки, как и оленя, осуществляется при помощи собаки-посредника: «Собаку надо с малых лет обучать. Смотрит на старшего и учится» (ПМА Давыдов 2015).

Летом днем и ночью со стадом постоянно должен находиться пастух. Дежурят по очереди, подобная практика сохранилась с советского времени, когда график дежурства фиксировался в специальной тетради.

В 1-й бригаде в Попигае в качестве дежурных выступали четверо мужчин. Они постоянно менялись между собой. Остальные же занимались рыбалкой, ставили и проверяли сети. Обычно один человек дежурил с часу ночи до девяти утра, а потом кто-то другой выходил на дежурство днем. Ночью нужно следить, чтобы олени не ушли далеко от стоянки. Днем их отпускали чуть подальше. В холодную погоду за оленями следить сложнее, поскольку они разбредаются группами. Если становится жарко, животные обычно собираются в стадо.

В летнее время для того, чтобы отогнать кровососущих насекомых, устраивают дымокуры из мха (Попов 1935: 185). Такие дымокуры называют *оту* (долг.). Топливо для дымокуров собирают в мешки заранее. При этом специальных конструкций в виде конуса вокруг дымокура не устанавливают, кто-нибудь обязательно следит за костром. Обычно устраивают до трех дымокуров три раза в сутки, когда приходят олени. Вечером оленеводы поддерживали тлеющий костер в дымокурах примерно с одиннадцати вечера до часа ночи.

Верховых оленей обрабатывают специальным средством от комаров, чтобы было меньше укусов. Чтобы комары не кусали людей и оленей, можно растирать траву, которая называется *октала*. Эта трава имеет резкий запах и отпугивает комаров: «Детей этим мажут. Раньше мазей не

было. Если аргишишь, комары чтоб не ели, быстренько натираешься» (ПМА Давыдов 2014).

Домашних оленей специально летом не забивают: «В этом году домашнего оленя не забивали» (ПМА Давыдов 2014). На забой идут только больные и слабые животные. Тем не менее в последние годы на восточном Таймыре количество домашних оленей постепенно сокращается.

Некоторые оленеводы из Сындасско и Попигая подрабатывали пастухами в соседнем регионе – Якутии. Жители Сындасско в 2015 г. выпасали два стада оленей (официально к поселку относилось только одно). Одно стадо располагалось летом примерно в 40 км от поселка. Туда в случае необходимости можно попасть на «Буране». Второе стадо выпасалось на территории Якутии. Сейчас с этим стадом аргишили 10 человек взрослых и 7 детей. Там есть частные олени, а также олени, которые принадлежали жителям поселка Юрюнг-Хая. Поскольку в Якутии оленеводам платили больше, жители Сындасско нанимались пастухами в Якутии.

Основные дестабилизирующие факторы в оленеводстве

Одними из самых важных преград в развитии оленеводческих хозяйств являются социальные факторы. Первое, что отмечают информанты и можно наблюдать на местах, – нежелание молодежи работать в сфере оленеводства и нехватка квалифицированных специалистов в сфере сельского хозяйства. Это является одной из основных трудностей. Постепенно для молодого поколения традиционное оленеводство перестает быть образом жизни (Zamarayeva et al. 2015).

Информант-олeneвод из Попигая (опрошенный в Хатанге) считает, что оленеводство как род занятий на севере Красноярского края сейчас находится под серьезной угрозой. Он жаловался, что мало кто из молодежи хочет работать оленеводом в тундре, а общее количество оленей в районе с каждым годом уменьшается.

Подобная проблема с нехваткой квалифицированных кадров существует и в Юрюнг-Хая. Многие информанты отмечали отсутствие энтузиазма у молодежи в занятии оленеводством, нежелание кочевать, незаинтересованность в забое с точки зрения традиции. В период коральных работ в основном старшее поколение занимается забоем и разделкой туш оленя (рис. 3), так как молодежь считает эту работу сложной или малооплачиваемой: «...умеют более-менее разделявать, но вопрос денег всегда на первом месте. В основном на забое старое поколение» (ПМА Боброва 2022). Однако с сентября 2022 г. отмечен большой интерес молодых людей в занятии традиционным оленеводством, некоторые впервые ушли на длительное кочевание.

В последние годы в хозяйстве оленеводов появились альтернативные виды транспорта. Жители активно используют современные снегоходы,

четырёхколесные вездеходы – квадроциклы. Недостаток использования квадроциклов в тундре – они оставляют после себя след, происходит эрозия верхнего слоя. Как говорили информанты, «сейчас “Бураны” оленей заменили». Летом 2015 г. в Сындасско было два квадроцикла: один используется в поселке, второй – в тундре у оленеводов. Первый квадроцикл был куплен жителями в 2014 г. В Новорыбном квадроциклов в несколько раз больше.

Рис. 3. Кораль. с. Юрюнг-Хая. Анабарский (долгано-эвенкийский) национальный улус (район). Республика Саха (Якутия). Фото В.В. Бобровой. Декабрь 2022 г.

Снегоходы делятся на две категории – зимние и летние. Летом ездят на конденсате на «Буранах» российского производства, которые местное население называет «советскими». Зимой те, кто обзавелся снегоходами иностранного производства, ездят на «Ямахах» и «Полярисах». Последние несколько быстрее российских, но требуют более качественного топлива и дорогих запчастей, которые приходится заказывать через знакомых в крупных городах. В настоящее время многие местные жители стали отказываться от «Ямах» в пользу российских снегоходов, в первую очередь из-за нехватки запчастей.

Результат появления новых средств передвижения – сейчас в стадах мало обученных оленей, утрачивается связь человека с животными, человека и ландшафта, их отношения трансформируются.

«Революция снегоходов», произошедшая в 1990-е гг., внесла существенные изменения в традиционное кочевье (Ventsel 2006). На оленях

сейчас кочуют (*аргишат*) только в летнее время, чаще всего по уже проложенному пути и на небольшие расстояния (Васильева 2021). Зимой – основным средством передвижения является снегоход, а олени лишь участвуют весной в гонках на День оленевода (обычно проводится в апреле). Выигравшим в гонках на оленях вручают ценные призы. Например, если в 2014 г. в Новорыбном был разыгран один снегоход, то в 2023 г. в Сындасско было разыграно несколько снегоходов и денежные сертификаты. Праздник обычно проходит в селах в разные дни, поэтому местные жители успевают съездить к своим родственникам и друзьям в Сындасско, Попигай, Хатангу, Саскылах и Юрюнг-Хаю, где обычно и проходят главные торжества в улусе (ПМА Боброва 2022).

В оленеводческом хозяйстве наблюдаются изменения экологического характера. Местные жители говорят об изменении климата в последние годы. Например, они замечают появление новых видов птиц в тундре. Информанты рассказывали, что видели журавлей. Также видели маленькую птицу, похожую на воробья. Также говорят об увеличении числа лебедей неподалеку от Сындасско. Рассказывают о появлении медуз в Хатангском заливе. Некоторые информанты подметили изменение вкуса рыбы (ПМА Давыдов 2017).

По словам местных жителей, в тундре стали появляться насекомые, которых раньше в этих местах не было. Юрюнг-Хаинские информанты отмечали, что еще несколько лет назад на побережье было мало мошкар, сейчас стало очень много. Помимо обильного лета гнуса, отмечают аномальную жару в летнее время. В свою очередь, это может негативно сказываться на телятах, которые только к июлю становятся приспособленными для первой перекочевки (Решетников, Барашкова, Туприн 2018).

Урон оленеводческому хозяйству наносят хищники. В борьбе с ними необходимо усилить специальные меры государственной поддержки. В последнее время увеличилось количество хищных зверей на территории Таймыра и Анабара. Раньше они встречались только в лесотундре. В настоящее время количество росомх значительно увеличилось в тундре. Оленеводы называют данную ситуацию «нашествием». Урон оленеводству наносят волки (в основном Новорыбное). Администрация, тем не менее, специальных облав-отстрелов волков не организует. Шкуру волка в 2017 г. на Таймыре принимали по 25 тыс. руб. В Республике Саха (Якутия) в начале 2023 г. за убитого волка выплачивали 20 тыс. руб. из государственного бюджета и еще 10 тыс. руб. из муниципального. Старожилы отмечают, что раньше сумма выплаты варьировалась: за волчицу денежное вознаграждение было больше.

В Попигае оленеводы, которые пасут оленей на месте, называемом Камень, рассказывали, что в этом месте сейчас стали нередкостью бурые медведи. По словам информантов из Попигая, случаев нападения

медведей на людей зафиксировано не было (ПМА Давыдов 2017). В Анабарском улусе за 2022 г. наблюдали пять бурых медведей на побережье. По словам местных жителей, их количество увеличивается с каждым годом, в первую очередь, за счет пожароопасной ситуации на юге Якутии. По мнению местных жителей, медведи, спасаясь, уходят на север. К примеру, некоторые информанты отмечали произошедшее в последние годы увеличение количества песцов и соболей (ПМА Боброва 2022).

На Таймыре часты случаи увода домашних оленей дикими, местные жители стараются следить, чтобы дикие олени не подходили к стаду. Как заметил информант-оленовод, «часто бывает, что домашние с дикими уходят. Иногда дикие с домашними ходят, но недолго». Тем не менее, по словам информанта, при советской власти потери были значительно больше. Оленеводы легко отличат домашних оленей от диких по внешним признакам и поведению: «Дикого по глазам можно отличить. Он дерганный, суется, паникует, туда-сюда скачет» (ПМА Давыдов 2014).

Рис. 4. Юный оленевод. Новорыбинская тундра. Таймыр.
Фото В.Н. Давыдова. Май 2016 г.

Большой урон пастбищам наносит увеличение поголовья. По словам оленеводов, на территории Анабарского района может пастись не более 16 тыс. голов, так как пастбища «устают» и не успевают восстанавливаться. Это при том, что в Саскылахской тундре стад намного меньше, чем в Юрюнг-Хаинской, но немногие идут на восток, так как хаинская тундра им знакома с детства, в отличие от саскылахской. Сезонность пастбищ и циклический характер кормовых территорий вынуждали оленеводов совершать перекочевки с территории одного района в другой (Друри 1955: 113).

Негативно на качестве пастбищ сказывается разведение овцебыков: «Нельзя разводить овцебыка там, где олень. Нужно запретить» (ПМА Боброва 2022). Ярким примером этого утверждения служит остров Большой Бегичев. Его делят овцебыки и стадо № 5. Оленеводы говорят, что оленям там нечего есть, ягель вытаптывается быстрее, чем съедается. На декабрь 2022 г. там насчитывалось не более 800 оленей и ожидалось, по мнению информантов, что в связи с недостатком корма поголовье может уменьшиться. Олени на острове на свободном выпасе, оленеводы приезжают несколько раз в год. Информанты отмечали, что последние несколько лет море вообще не замерзает у о. Большой Бегичев.

Появление новых возможностей заработка также подталкивает многих оленеводов менять сферу деятельности. Возможности сезонной подработки в поселках Сындасско и Новорыбной – охота и лов рыбы (чир, муксун, омуль, ряпушка, налим, нельма, зубатка). Развит бартерный обмен с Якутией: камус, рыбу и мясо меняют на конденсат и масло для снегоходов. Иногда меняют большое количество рыбы сразу на снегоходы или лодочные моторы. Коммерсанты из Якутии также покупают у местных жителей рога северного оленя на вес, перепродают их китайцам.

Охота на дикого оленя

В последние годы произошли изменения путей миграции диких северных оленей. Многие оленеводы п. Новорыбное, Попигай и Сындасско переориентировались на охоту. Так, в 2014–2022 гг. некоторые из них стали добывать диких оленей, продавать мясо, приобретать снегоходы.

Во время сезона охоты на дикого северного оленя местные жители зарабатывают на продаже мяса, рогов, шкур и камусов. Например, стоимость одного камуса в 2013–2014 гг. составляла 450–500 руб. Камусы используются в основном для пошива зимней обуви. В основном камусы скупают коммерсанты из Якутии и Бурятии.

Выручка от продажи продуктов охоты в бюджете местных жителей играет важную роль. На вырученные деньги некоторые сельские жители Таймыра стали приобретать квартиры в Хатанге. В 2014 г. миграция диких оленей проходила неподалеку от Новорыбной. Информанты из с. Хатанга уверены, что пути миграции оленей изменились из-за строительства газопровода – раньше они шли через Дудинку.

Последние три года, отмечают анабарские информанты, дикий северный олень к ним не заходит. Иногда забредают одиночки. Изменение миграционных путей Лено-Оленекской популяции стали замечать еще в 2009 г., с каждым годом он уходил с территории улуса южнее. Местные связывают это с изменениями климата, ухудшением экологической обстановки, геологической разведкой в тундре и горнодобывающей

промышленностью. Туши дикого оленя привозят с Таймыра. В 2019 г. в Саскылахе некоторые информанты, в основном приезжие из других улусов и регионов, отмечали, что для них мясо дикого северного оленя деликатес.

Заключение

Сохранять культурное наследие оленеводов Арктики нужно в комплексе. Сохранение оленеводства и традиционных видов деятельности позволит сберечь как традиционный образ жизни, так и национальные языки северян. По результатам экспедиций на Таймыре и в северной Якутии, проведенных за последние 8 лет, можно сделать вывод, что в исследуемых регионах происходят сильные изменения как в сфере материальности, так и в сфере отношений человека и оленей. В последние годы уменьшилось количество таймырских оленеводческих бригад, в то время как в Якутии вслед за увеличением поголовья формируются новые бригады.

Однако, несмотря на границу между регионами и разный подход в управлении в субъектах, объединяющий природный ландшафт «подпитывает» оба региона, позволяя сохранять основополагающие традиционные, культурные и социальные элементы. Трансформировались технологии domestikации оленя (животных не подкармливают солью, не привязывают телят к колышкам, используют повязки на глаза). Из-за изменения путей миграции дикого оленя многие местные жители стали ориентироваться на охоту. Оленеводство сохраняется в наиболее отдаленных от центра поселках, где оно имеет также важное транспортное значение. Таймырские оленеводы поддерживают родственные и экономические связи со своими соседями из Якутии, обмениваются оленями. Из-за удаленности оленеводческих стоянок от центра данные связи с соседями являются очень важными для поддержания пищевой и энергетической автономности. Исследуя взаимодействие местных оленеводов с природным, социальным и культурным ландшафтом, полученный материал позволил увидеть, как происходят изменения отношений между представителями традиционного природопользования и окружающего их ландшафта.

Список источников

- Боброва В.В.* Полевые материалы автора (ПМА). 2022.
Боброва В.В. Политический ландшафт оленеводческих народов Таймыра // Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность. 2022. С. 612–619.
Васильева В.В. Мобильность и структурирование пространства у долган Таймыро-якутского приграничья: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021.
Давыдов В.Н., Боброва В.В. ПМА. 2021.
Давыдов В.Н. ПМА. 2014; 2015; 2017.

- Давыдов В.Н. Современные оленеводы, охотники и рыболовы Крайнего Севера: заметки о полевом исследовании на Таймыре в июле–августе 2014 г. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН / отв. ред. Е.Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2015. № 15. С. 44–65.
- Давыдов В.Н. Долганы Восточного Таймыра: опыт полевых исследований в поселках Новорыбное и Сындасско в 2015 г. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН / отв. ред. Е.Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2016. № 16. С. 67–80.
- Давыдов В.Н. Эмоции в отношениях человека, животного и ландшафта: исследование коральных работ на Таймыре // Кунсткамера. 2018. № 2. С. 81–87.
- Друри И.В. Оленеводство. М.; Л.: Сельхозгиз, 1955.
- Дьяченко В.И. Охотники высоких широт: долганы и северные якуты. СПб.: Европейский Дом, 2005.
- Кадук Е.В. Экономика оленеводческих хозяйств на северо-западе Республики Саха (Якутия) в XXI веке: патернализм и самостоятельность // Вестник антропологии. 2021. С. 36–54.
- Клоков К.Б. Ретроспективная география оленеводства как формы традиционного использования ресурсов тундры и тайги Севера Красноярского края // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 265–279.
- Охотники-олениководы Хатанги и Анабара. Коллекция П.В. Слепцова в собрании МАЭ РАН / В.А. Беляева-Сачук, С.В. Березницкий, В.В. Боброва, Н.С. Гончаров, В.Н. Давыдов, В.И. Дьяченко, Н.П. Копанева, Н.Н. Слепцова, О.Б. Степанова, Е.Г. Федорова; отв. ред. В.Н. Давыдов, Н.П. Копанева. СПб.: МАЭ РАН, 2020.
- Попов А.А. Оленеводство у долган // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 184–205.
- Попов А.А. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган (По материалам командировки от АН СССР в 1930–1931 гг.) // Сибирский этнографический сборник. Вып. I. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 142–172. (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 18).
- Попова М.И. Долганы. СПб.: Дрофа, 2002.
- Решетников А.Д., Барашкова А.И., Туприн Р.Д. Долганское оленеводство Анабарской тундры Якутии на примере стада № 7. Сообщение 1 // Вестник АПК Ставрополя. 2018. № 2 (30). С. 91–96.
- Davydov V., Klovok K. Dogs, reindeer and humans in Siberia: threefold synergetic in the northern landscape // Dogs in the North. Routledge, 2018. P. 45–60.
- Ventsel A. Hunter–herder continuum in Anabarski district, NW Sakha, Siberia, Russian Federation // Nomadic Peoples. 2006. Vol. 10, № 2. P. 68–86.
- Haraway D. The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness. Chicago: Prickly Paradigm Press, 2003.
- Zamarayeva Y., Kistova A., Pimenova N., Seredkina N. Taymyr reindeer herding as a branch of the economy and a fundamental social identification practice for indigenous peoples of the Siberian Arctic // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6, № 3. P. 225–232.

References

- Bobrova V. Author's Field Materials (AFM). 2022.
- Bobrova V. (2022) Politicheskii landshaft olenevodcheskikh narodov Taymyra [The political landscape of the reindeer peoples of Taimyr]. In: *Regional policy, political geography and geopolitics: history and modernity*, pp. 612–619.
- Vasilyeva V. (2021) *Mobil'nost' i strukturirovaniye prostranstva u dolgan Taymyro-yakutskogo prigranich'ya* [Mobility and structuring of space in the Dolgan Taimyr–Yakut borderlands]. PhD dissertation. St. Petersburg.
- Ventsel A. (2006) Hunter–herder continuum in Anabarski district, NW Sakha, Siberia, Russian Federation, *Nomadic Peoples*, Vol. 10. no. 2. pp. 68–86.
- Davydov V. Authors' Field Materials (AFM). 2014; 2015; 2017.
- Davydov V., Bobrova V. Authors' Field Materials (AFM). 2021.

- Davydov V. (2015) Sovremennyye olenevody, okhotniki i rybolovy Kraynego Severa: zametki o polevom issledovanii na Taymyre v iyule–avguste 2014 g. [Modern reindeer herders, hunters and fishermen of the Far North: notes on a field study in Taimyr in July–August 2014]. In: *MAE RAS Field Research Materials* / ed. E.G. Fedorova. St. Petersburg: MAE RAN, no. 15, pp. 44–65.
- Davydov V. (2016) Dolgany Vostochnogo Taymyra: opyt polevykh issledovaniy v poselkakh Novorybnoye i Syndassko v 2015 g. [Dolgans of Eastern Taimyr: experience of field research in Novorybnoye and Syndassko settlements in 2015]. In: *MAE RAS Field Research Materials* / Ed. by E.G. Fedorova. St. Petersburg: MAE RAN, no. 16, pp. 67–80.
- Davydov V. (2018) Emotsii v otnosheniyakh cheloveka, zhivotnogo i landshafta: issledovaniye koral'nykh rabot na Taymyre [Emotions in the relationship of man, animal and landscape: a study of coral works in Taimyr], *Kunstkamera*, no. 2, pp. 81–87.
- Davydov V., Klovov K. (2018) Dogs, reindeer and humans in Siberia: threefold synergetic in the northern landscape. In: *Dogs in the North*. Routledge, pp. 45–60.
- Drury I. (1955) *Olenevodstvo* [Reindeer breeding]. Moscow; Leningrad: Selkhozgiz.
- Dyachenko V. (2005) *Okhotniki vysokikh shirot: dolgany i severnyye yakuty* [Hunters of high latitudes: Dolgans and Northern Yakuts]. Limited Liability Company European House Publishing House.
- Haraway D. (2003) *The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness*. Chicago: Prickly Paradigm Press.
- Kaduk E. (2021) Ekonomika olenevodcheskikh khozyaystv na severo-zapade Respubliki Sakha (Yakutiya) v XXI veke: paternalizm i samostoyatel'nost' [Economy of reindeer farms in the north-west of the Republic of Sakha (Yakutia) in the 21st century: paternalism and independence]. *Bulletin of Anthropology*, pp. 36–54.
- Klovov K. (2022) Retrospektivnaya geografiya olenevodstva kak formy traditsionnogo ispol'zovaniya resursov tundry i taygi Severa Krasnoyarskogo kraya [Retrospective geography of reindeer breeding as a form of traditional use of tundra and taiga resources in the North of the Krasnoyarsk Territory]. *Journal of the Siberian Federal University. Humanitarian sciences*, Vol. 15, no. 2, pp. 265–279.
- Okhotniki-olenevody Khatangi i Anabara. Kolleksiya P.V. Sleptsova v sobranii MAE RAN* [Hunter-herders of Khatanga and Anabar. Collection of P. V. Sleptsov in the collection of the MAE RAS]. Authors: V.A. Belyaeva-Sachuk, S.V. Bereznitsky, V.V. Bobrova, N.S. Goncharov, V.N. Davydov, V.I. Dyachenko, N.P. Kopaneva, N.N. Sleptsova, O.B. Stepanova, E.G. Fedorova, ed. V.N. Davydov, N.P. Kopaneva, St. Petersburg: MAE RAN, 2020.
- Popov A. (1935) Olenevodstvo u dolgan [Reindeer breeding among the Dolgans]. *Soviet ethnography*, no. 4–5, pp. 184–205.
- Popov A. (1952) Kochevaya zhizn' i tipy zhilishch u dolgan (Po materialam komandirovki ot AN SSSR v 1930–1931 gg.) [Nomadic life and types of dwellings among the Dolgans (According to the materials of a business trip from the USSR Academy of Sciences in 1930–1931)]. In: *Siberian ethnographic collection*. Issue. I. Moscow, Leningrad: AN SSSR. Vol. 18, pp. 142–172.
- Popova M. (2002) *Dolgany* [Dolgans]. St. Petersburg: Drofa.
- Reshetnikov A., Barashkova A., Tuprin R. (2018) Dolganskoye olenevodstvo Anabarskoy tundry Yakutii na primere stada № 7. Soobshcheniye 1 [Dolgan reindeer breeding in the Anabar tundra of Yakutia on the example of herd no. 7. Message 1]. *Bulletin of the APK of Stavropol*, no. 2 (30), pp. 91–96.
- Zamarayeva Y., Kistova A., Pimenova N., Seredkina N (2015). Taymyr reindeer herding as a branch of the economy and a fundamental social identification practice for indigenous peoples of the Siberian Arctic, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, Vol. 6, no. 3, pp. 225–232.

Сведения об авторах:

ДАВЫДОВ Владимир Николаевич – кандидат социологических наук, заместитель директора по научной работе, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия); научный сотрудник, Чукотский филиал СВФУ (Анадырь, Россия). E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

БОБРОВА Василиса Васильевна – старший хранитель фонда «Сибирь», стажер-исследователь отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия); инженер-исследователь Научно-исследовательской части Института Наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: bobrova.vasilek@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vladimir N. Davydov, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (St. Petersburg, Russian Federation), Chukotka Branch of the Northern Federal University (Anadyr, Russian Federation). E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

Vasilisa V. Bobrova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (St. Petersburg, Russian Federation); St. Petersburg State University. E-mail: bobrova.vasilek@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11 июля 2023;
принята к публикации 29 августа 2023.*

*The article was submitted 11.07.2023;
accepted for publication 29.08.2023.*

Научная статья

УДК 39

doi: 10.17223/2312461X/41/8

Динамика кочевых маршрутов на Ямале: пастбища, границы, идентичности

Александр Игоревич Волковицкий¹

Александра Николаевна Терёхина²

^{1, 2} Арктический научно-исследовательский стационар Институт экологии растений
и животных УрО РАН, Лабытнанги, Россия

¹ alvolkovitskiy@gmail.com

² terekhina.yamal@gmail.com

Аннотация. Рассматривается специфика современного кочевого движения оленеводов Ямала. Авторы используют микрорегиональный подход как метод исследования культурных и хозяйственных особенностей сообществ коренных народов Севера в крупном масштабе. Ненецкие домохозяйства микрорегиона «Мордыяха» на северо-западе полуострова Ямал за последние 15–20 лет несколько раз изменили участки зимних пастбищ, при этом сохраняя летнюю часть маршрута устойчивой. На основе многолетней полевой работы среди ямальских оленеводов оцениваются экологические и неэкологические факторы, влияющие на динамику летних и зимних частей меридиональных кочевых маршрутов. Показано, что долгосрочные (или стратегические) изменения зимней части маршрута преимущественно связаны с качеством пастбищ, тогда как смена территории летних пастбищ, как правило, происходит под давлением неэкологических факторов.

Ключевые слова: оленеводство, Арктика, ненцы, Ямал, маршруты кочевания, микрорегион, пасторализм

Благодарности: статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект No 18-18-00309, а также в рамках государственного задания Института экологии растений и животных УрО РАН № 122021000089-9.

Для цитирования: Волковицкий А.И., Терёхина А.Н. Динамика кочевых маршрутов на Ямале: пастбища, границы, идентичности // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 134–153. doi: 10.17223/2312461X/41/8

Original article

doi: 10.17223/2312461X/41/8

Dynamics of Nomadic Routes in Yamal: Pastures, Borders, Identities

Alexander I. Volkovitskiy¹, Alexandra N. Terekhina²

^{1, 2} Arctic Research Station of Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences, Labytnangi, Russian Federation

¹ alvolkovitskiy@gmail.com

² terekhina.yamal@gmail.com

Abstract. The article considers the specifics of the modern nomadic movement of Yamal reindeer herders. The micro-regional approach is used as a method of studying the cultural and economic characteristics of indigenous communities of the North on a large scale. Nenets households of the “Mordyyakha” microregion in the north-west of the Yamal Peninsula have changed their winter pasture areas several times over the last 15-20 years, while maintaining a stable summer part of the route. Based on the field-work among Yamal reindeer herders, this paper assesses ecological and non-ecological factors that influence the dynamics of summer and winter parts of meridional nomadic routes. Our study shows that long-term (or strategic) changes in the winter part of the route are predominantly related to the quality of pastures. At the same time, the change of the summer areas, as a rule, occurs under the impact of developing industry and, thus, relates to non-ecological factors.

Keywords: reindeer herding, Arctic, Nenets, Yamal, nomadic routes, microregion, pastoralism

Acknowledgements: The article was written with the support of the Russian Science Foundation, project no. 18-18-00309, as well as under the framework of the state assignment of the Institute of Plant and Animal Ecology (Ural Branch, Russian Academy of Sciences), project no. 122021000089-9.

For citation: Volkovitskiy, A.I. & Terekhina, A.N. (2023) Dynamics of Nomadic Routes in Yamal: Pastures, Borders, Identities. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 134–153 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/8

Одной из общих характеристик пасторалистских сообществ по всему миру является мобильность, которая может рассматриваться в нескольких контекстах: как тип адаптации, способ реализации конкретных хозяйственных практик, форма менеджмента природных ресурсов и т.д. (Dyson-Hudson and Dyson-Hudson 1980; Behnke, Scoones 1993; Adriansen 2005). Различные проекции мобильности в культуре северных оленеводов, в первую очередь, ямальских ненцев, неоднократно анализировал А.В. Головнёв, демонстрируя образец эстетизации кочевого движения и номадизма (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018). Ниже мы рассматриваем мобильность в теоретической рамке и концептах, разработанных К.В. Истоминым и его соавторами, предложившими основу для

компаративистских исследований пасторализма и номадизма как в отдельных областях Арктики, так и в других регионах планеты (Dwyer, Istomin 2008; Istomin, Dwyer 2010; Istomin, Popov, Kim 2017; Istomin, Dwyer 2021). Движение разных оленеводческих коллективов, с их точки зрения, в конечном счете определяется локальными вариантами взаимодействия пастухов и животных, направленными на достижение необходимого контроля над стадом. Этот контроль достигается через использование минимального набора ресурсов (человеческих/животных усилий) для манипуляции с оленями. На мобильность оказывают влияние экологические факторы, обуславливающие поведение животных и реакции людей, которые следует понимать как постоянный обучающий процесс людей и оленей – динамическую взаимную адаптацию. Неэкологические факторы влияют на движение, ограничивая его в пространстве и во времени. Перемещения кочевников следует также отдельно охарактеризовать терминами «макромобильность» и «микромобильность» (Niamir-Fuller, Turner 1999). Первое из понятий определяет передвижения людей и стад по маршруту кочевания (сезонные, между стоянками), второе – движение животных по определенным пастбищам как часть процесса выпаса. Взаимосвязь между этими типами передвижений является основой «реализации адаптивной функции кочевой мобильности» (Dwyer, Istomin 2008).

В этой статье мы попытались представить некоторые результаты наших полевых исследований ненецкого пасторализма в описанной выше теоретической рамке, задавшись целью проверить, как экологические и неэкологические факторы влияют на динамику летних и зимних частей меридиональных кочевых маршрутов на полуострове Ямал. Этот комплекс вопросов рассмотрен на примере локальной группы ненцев с использованием увеличенной исследовательской оптики через микрорегиональный подход (Терёхина, Волковицкий 2020а).

Территория исследования и микрорегиональный подход

Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) можно по праву назвать важнейшей лабораторией исследования современного пасторализма и кочевых практик. Оленеводство – ключевая сфера занятий значительной доли представителей коренных малочисленных народов региона, ведущих традиционный образ жизни, – ненцев, хантов, селькупов, а также формально не имеющих статус «малочисленные» коми-ижемцев. По официальной статистике за 2023 г., кочевое население ЯНАО насчитывает 19 007 человек¹ (большинство составляют ненцы).

В постсоветское время ЯНАО стал лидером среди других оленеводческих регионов России: по последним данным, здесь выпасается 619 тыс. животных² – до трети мирового поголовья домашних северных

оленей. На огромной территории ЯНАО (770 тыс. км²) оленеводство распространено крайне неравномерно, и наибольшие по численности стада сосредоточены в тундровых (включая горные тундры) районах – Приуральском (70 тыс. км²/91 тыс. оленей), Тазовском (133,8 тыс. км²/252 тыс.) и Ямальском (148,7 тыс. км²/194 тыс.). Рост ямальского поголовья на фоне катастрофического падения численности домашних стад по всей арктической зоне РФ после распада СССР – явление, до сих не получившее единого концептуального объяснения. По мнению части авторов, устойчивое развитие местных, в первую очередь, ненецких оленеводческих хозяйств, объясняется исключительно внутренними качествами культурной традиции (Головнёв 2004). Другие исследователи подчеркивают внешние по отношению к культуре факторы, по-разному проявившиеся в оленеводческих регионах: особенности местного законодательства, логистика и доступ к рынкам, развитие инфраструктуры и промышленная рента (Klokov 2013; Клоков 2020).

В центре нашего исследования Ямальский район Ямало-Ненецкого автономного округа (рис. 1), располагающийся на полуострове Ямал, который в литературе нередко предстает как регион, наиболее репрезентативный для изучения самых разнообразных проблем современного оленеводства – от социально-экономических и хозяйственных до экологических (Forbes et al. 2009; Degteva, Nellman 2013; Головнёв и др. 2014; Волковицкий, Терёхина 2020 и др.). На территории Ямальского района в настоящий момент действует одно муниципальное оленеводческое предприятие (бывший совхоз), тогда как подавляющее число оленей находится в собственности частных домохозяйств (независимых, оформленных как крестьянско-фермерские хозяйства или входящих в общины коренных малочисленных народов Севера). Согласно статистике, «традиционный образ жизни» на полуострове Ямал ведут 6050 человек.

Обращаясь к маршрутам календарного (кочевания) ненецких кочевников, мы используем микрорегиональный подход. Мы называем микрорегионами отдельные части (или тундры) Ямала со специфическими характеристиками: географическими условиями и доступом к природным ресурсам, особенностями локальных групп населения и историей их формирования на конкретной территории, различными паттернами кочевого движения, экономическими стратегиями оленеводства и рыболовства, инфраструктурными возможностями (Терёхина, Волковицкий 2020а, 2020б; Terekhina, Volkovitskiy 2023). Перечисленные критерии, безусловно, довольно нечеткие, однако для себя мы определили, что этот подход помогает взглянуть на жизнь и хозяйство ямальских тундровиков в более крупном масштабе. Многолетний опыт полевой работы в коллективах кочевников убедил нас в том, что кажущаяся со стороны хозяйственная гомогенность тундрового оленеводства на полуострове Ямал таковой не является.

Выделение конкретных микрорегионов может быть несколько субъективно, в то же время одним из базовых критериев их определения является общая локальная идентичность проживающих в них тундровиков. Административно Ямал делится на несколько тундр (с юга на север): салемальскую, панаевскую, ярсалинскую, новопортовскую, мыскаменскую, сеяхинскую. Названия тундр связаны с поселками, к которым относится кочевое население той или иной местности: Салемал, Панаевск, Яр-Сале, Новый Порт, Мыс Каменный, Сеяха соответственно (см. рис. 1).

Рис. 1. Микрорегион «Мордыяха», Ямальский район Ямало-Ненецкого автономного округа

Выделение этих тундр сложилось в советское время в период колхозного и совхозного строительства частично на основе исторических родовых кочевых маршрутов. Часто ненцы, говоря о жителях другого административного региона, используют именно административную идентичность (это панаевские/ярсалинские/сеяхинские). Когда же речь идет о людях внутри своего административного региона, они идентифицируют друг друга с помощью локальных наименований. В ярсалинской тундре, рассматриваемой в нашей статье, локальная или микрорегиональная идентичность кочевников связана с летними пастбищами, расположенными рядом с крупными гидронимами: например, яратинские (по группе озер Ярато), юрибейские (по реке Юрибей), мордыяхинские (по реке Мордыяха), харасавэйские (по реке Харасавэй).

Тундровики, проживающие в одном микрорегионе, составляют социальную сеть домохозяйств, кочующих в условных границах одного коридора и взаимодействующих в течение всего года или отдельных сезонов. Большинство из них являются близкими и дальними родственниками друг другу. Вместе с тем другую, *не-человеческую* сеть, дополняющую и расширяющую рамки социальных связей, формируют олени. В ямальском оленеводстве животные из одних стад регулярно «откалываются» и смешиваются с другими, после чего хозяева приезжают их разделять и забирать своих оленей. В любом стаде присутствует хотя бы несколько чужих оленей. Как правило, эти смешения происходят со стадами соседей по микрорегиону, поэтому и олени в конце концов также образуют множественные родственные связи.

В фокусе внимания статьи – микрорегион, названный нами «Мордыяха», расположенный на северо-западе ярсалинской тундры Ямальского района ЯНАО (см. рис. 1). Наша полевая работа на полуострове Ямал во многом связана именно с данным микрорегионом: мы базируемся на многолетнем общении и совместном кочевом опыте с мордыяхинскими тундровиками, поэтому нам хорошо известна динамика их оленеводческих маршрутов за 10–20 лет. В 2015–2016 гг. мы провели годичную полевую работу в частном домохозяйстве семьи Константина Сэротэтто, после чего в 2017, 2018–2019 и 2019–2020 гг. зимовали с мордыяхинскими ненцами на разных участках в пределах пастбищного коридора, который они считают «своим». Таким образом, мы много обсуждали с тундровиками причины этой вариативности, а также делали совместное картирование (*participant mapping*) маршрутов касланий (см.: Risvoll et al. 2022). Помимо этого, с несколькими семьями из микрорегиона «Мордыяха» мы регулярно на связи по телефону и встречаемся, когда они приезжают по делам в город.

Микрорегион «Мордыха»

Определить четкие территориальные границы, ассоциированные с кочующим населением, тем более в длительной перспективе, может быть затруднительно и априори невозможно. В то же время, на протяжении нескольких поколений существует конкретная группа ненцев, идентифицирующих себя как *морды'тер* (жители реки Морды), по летним пастбищам, расположенным на левом берегу этой реки (Терёхина, Волковицкий 2020а). В настоящий момент к ним себя относят более 25 семей, среди которых две бригады (около 10 семей) оленеводческого предприятия «Ярсалинское» и частные домохозяйства. В бригадных стадах выпасается 2–4 тысячи голов, частные оленеводы представляют собой широкий диапазон достатка: от крупных стад (до 2,5 тыс. оленей) до небольших в 50–100 голов.

Пути касланий большинства мордыхинских семей, на первый взгляд, представляются классическими для ненецкого оленеводства меридиональными маршрутами. Однако это только внешнее сходство, так как лишь единицы из мордыхинских частников уходят из тундры на зиму на лесные пастбища Надымского района – в другую природную зону. Напротив, основная масса семей в течение года кочует в пределах тундровой зоны (в границах одной природной подзоны – типичной тундры (см.: Walker et al. 2005)). Таким образом, если летние пастбища мордыхинцев находятся в районе Мордыхи, то зимние варьируются от лесной зоны Надымского района (Хэнская сторона) на юге до устья Мордыхи на севере. Весь этот довольно вытянутый коридор (примерно 600 км) ограничен по ширине (20–30 км) другими группами семей. В бесснежное время «Мордыха» граничит с другими «северными» оленеводами ярсалинской тундры на востоке и с панаевскими хозяйствами на западе.

Другое название микрорегиона «Мордыха», бытующее в среде ямальских ненцев, – «Левый Север». Именно так именуется северо-западный участок ярсалинской и панаевской тундр, ограниченных течениями рек Юрибея и Мордыхи. В досоветское время эта территория использовалась ненцами исключительно для летнего выпаса. Богатые зеленые корма, выход к байдарацкому побережью с его благоприятными факторами (холодные ветра, соль) повышали ценность междуречья как одной из наиболее привлекательных летовок полуострова (Головнёв и др. 2014: 53). В советское время «Левый Север» сохранил свои функции транзитного участка, где весной–осенью каслали совхозные оленеводческие бригады, уходившие зимой на Хэнскую сторону, переправляясь через Обскую губу в лесную зону Надымского района. Какое-то количество охотников (совхозников, оформленных охотниками-заготовителями песцовых шкур в охотничьи бригады) с небольшими частными стадами проживали здесь круглогодично, но число их было относительно невелико.

Инфраструктурная карта любого микрорегиона состоит из населенных пунктов, факторий, забойных комплексов, просчетных коралей, ключевых магистралей, с которыми непосредственно связана каждая семья. Мордыхинцы административно относятся к ярсалинской тундре и зарегистрированы в районном центре Ямальского района с. Яр-Сале, где некоторые имеют квартиры или останавливаются у родственников, а их дети учатся в школе-интернате. В летнее время расстояние между Яр-Сале и данной группой семей достигает 400 км. В города (Салехард, Лабытнанги, реже в Надым) ямальские оленеводы приезжают за покупками, для посещения больницы, встречи с родственниками или по другим нуждам (Liarskaya 2017). Характер доступа тундровиков к инфраструктуре и объем затраченных усилий для обеспечения мобильности определяют энергетические режимы: скорость и частоту перемещений, обретения товаров, взаимодействий с государственными институтами, характер контактов с жителями поселков, варьирование практик выпаса и кочевания, способ реализации мяса, рогов, пантов и рыбы.

В западной части Ямала почти через весь полуостров, в том числе сквозь микрорегион «Мордыха», проходит важная промышленная магистраль – железная дорога Обская–Бованенково, по которой доставляют грузы и вахтовых рабочих к одному из крупнейших газовых месторождений в Арктике – Бованенково. Дорога протяженностью 572 км была введена в эксплуатацию в 2011 г. По договору между окружными и муниципальными властями ЯНАО и компанией «Газпромтранс» кочевое население Ямальского и Приуральского районов получило право бесплатного проезда. Несмотря на привычный негативный дискурс как оленеводов, так и ученых вокруг индустриальных объектов, изымающих оленьи пастбища и усложняющих движение людей и стад (Kumpula et al. 2012; Яптик 2021; Povozyuk et al. 2023), для тундровиков железная дорога стала ценным инфраструктурным ресурсом (Головнёв и др. 2014; Терёхина, Волковицкий 2020б). С появлением возможности ездить и перевозить грузы по Обской–Бованенково ненецкие семьи освоили новую более дешевую схему снабжения продуктами – закупку крупными партиями на оптовых базах г. Лабытнанги, рядом с которым находится стартовая точка дороги – станция Обская. Железная дорога принципиально увеличила количество челночных перемещений жителей тундры, но не менее важным изменением, как нам кажется, стало расширение женской мобильности, не свойственной для ненецкой повседневности. Наряду с этим железная дорога также часто выступает связующим звеном между семьями в рамках кочевого коридора и родственниками из поселков. Именно на железную дорогу «нанизаны» основные пункты притяжения мордыхинских семей: промышленный поселок Бованенково, забойный комплекс и фактория рядом со станцией Юрибей, фактория Лидино рядом со станцией Хралово.

Летние пастбища

На просьбу уточнить границы своих коллективных «владений» сами оленеводы отвечают очерчиванием в первую очередь летних пастбищ: район вокруг озера Халэвто и далее на запад вдоль левого берега Мордяхи до двух мысов на побережье Карского моря – Парнэ-Сале и Матюй-Сале. Домохозяйства считают участки летнего выпаса своими традиционными местами, обычно апеллируя к предкам (Stammlier 2005: 235; Головнёв и др. 2014: 54). Самые пожилые мордыхинцы также связывают свой современный маршрут калаша с территорией выпаса совхозных бригад, где они работали пастухами (а некоторые даже были бригадирами). Среди них есть и те, кто в советское время были устроены в совхозе охотниками. Летом оленеводы-частники обычно объединяются по несколько семей на одном стойбище для совместного выпаса в период прессинга насекомых. Среди мордыхинцев есть как постоянные сезонные «союзы», так и ситуативные для каждого года. Объединение семей позволяет сделать сменный график круглосуточного дежурства со стадом, а также параллельно график дежурства «по рыбе». В летнее время из-за линьки и потери веса ненцы стараются меньше забивать оленей в пищу, переходя преимущественно на рыбную диету. В связи с этим наличие рядом рыбного озера – один из факторов, влияющий на выбор места стоянки.

Оказавшись близко к берегу Мордыхи, оленеводы интенсифицируют регулярные контакты с оседлой группой рыбаков, проживающих на мысе Марра-Сале (рядом с одноименной метеостанцией) на берегу Байдарацкой губы. Летом Мордыха является традиционной магистралью мобильности людей и товаров. В прошлом здесь работало две фабрики – Мордыха (в устье реки) и Нерута, которые уже давно не функционируют. Сейчас же индустриальный поселок Бованенково стал для местных оленеводов и рыбаков своего рода экономическим центром всего «Левого Севера». Промышляющие рядом рыбаки и даже оленеводы (в свободное от дежурства время) приезжают в Бованенково продавать вахтовикам рыбу, могут купить продукты и достать (нелегально) бензин – важнейший ресурс современной тундры (Арзютов 2017). Несколько малооленных хозяйств даже перестали кочевать, начали полностью специализироваться на вылове ценной рыбы на продажу, отдав своих оленей на выпас родственникам.

Рассматривая сезонную динамику передвижений мордыхинцев, можно заключить, что летняя часть их кочевого маршрута на протяжении лет не меняется. Незначительное варьирование может происходить в границах летних пастбищ. Исключением были сложные годы после гололеда 2013–2014 гг. и массового падежа оленей на центральном и южном Ямале. Из-за ослабленности тягловых животных мордыхинские совхозные бригады (как и другие северные) в первое после гололеда лето

2014 г. дошли только до Юрибея, что на 100–150 км южнее планового маршрута. В последующие годы режим кочевания бригад восстановился.

Зимние пастбища

В отличие от летних угодий, в течение последних пятнадцати лет ротация зимних пастбищ мордьяхинских ненцев проходила несколько раз. В данном случае мы рассматриваем только частные хозяйства, которые имеют определенную свободу в графике и территории своих перемещений, насколько это позволяет индигенное право. Напротив, бригады оленеводческих предприятий имеют жесткий пространственно-временной режим передвижений, на который могут повлиять только самые критические погодные явления (или производственные факторы).

Судя по семейным историям и нашим наблюдениям, разные мордьяхинские семьи использовали в качестве зимних пастбищ места по всему протяженному меридиональному коридору – от устья Мордыяхи до леса Надымского района. Можно разделить эту полосу тундры на несколько ключевых «рубелей» зимовок. Самый северный образуют пастбища в межозерье Ямбута и Ясавэйто, центральный – ягельники между рекой Юрибей и 13-м разъездом железной дороги Обская–Бованенково, и южный – на Хэнской стороне в Надымском районе, южнее реки Ярудей, куда уходят отдельные крупные частники и бригады МОП «Ярсалинское». Если территория с севера до реки Юрибей не используется очень плотно, то путь от Юрибея до переходов через Обскую губу в районе поселков Яр-Сале и Панаевск – это транзитная зона для большого количества домохозяйств: всех совхозных бригад западной части полуострова и частников, летующих от Харасавэя и южнее. Для каких-то семей это всего лишь проходные участки перед уходом в лес, в то время как другие остаются зимовать на полуострове.

Мы выделили некоторое «ядро» мордьяхинских семей (примерно половина от всех домохозяйств этого микрорегиона), которые практически синхронно меняли места зимовок в последние десятилетия. В начале 2000-х гг. они зимовали от фактории Порц-Яха до станции Паюта, в 2007–2012 гг. сконцентрировались по течению р. Танловыха, в 2012–2016 гг. – переместились севернее, в «13 район» (недалеко от 13-го железнодорожного разъезда), а с 2017 г. совершили еще один «прыжок» на север, в бассейн р. Сэбаяха между озерами Ямбута и Ясавэйто. Расстояние до каждого следующего, более северного, участка составляло от 50 до 150 км. При этом остальные мордьяхинские домохозяйства значительно не меняли зимнюю часть маршрута или ежегодно уходили за Обь.

Близкое расположение стойбищ этого ядра хозяйств вынудило их в итоге перейти к иной модели выпаса, которая представляет собой определенный компромисс между состоянием пастбищ, рисками,

связанными с погодными явлениями, высокой концентрацией оленей и возможностями современной техники. Обычно в зимнее время ненцы предпочитают стоять отдельными стойбищами по одной-две семьи, сохраняя контроль над стадом. Со времен гололеда 2013 г. мордыхинцы нередко идут на сознательное смешение оленей сравнительно большой группы хозяйств – так называемый вольный выпас. На территории во-круг 13-го разъезда мы наблюдали более 6 тыс. оленей, принадлежавших девяти хозяйствам, свободно передвигавшихся между чумами, стоявшими на расстоянии примерно 5 км друг от друга. Пастухи по очереди на снегоходах периодически «скручивали» стадо, не допуская откола оленей. Такой способ выпаса оказывается более экологичным, не допускающим последовательного стравливания пастбищ, так как олени рас-средоточиваются на большой территории. В то же время он требует наличия техники в рабочем состоянии и доступа к бензину. Среди недо-статков вольного выпаса – необходимость разделения смешавшегося стада в корале весной, что предполагает большие трудовые усилия, а также сокращение числа транспортных оленей (кастрированных быков), так как их не успевают «приучить» до начала движения к летним паст-бищам. Тем не менее модель вольного выпаса на Ямале в настоящее время широко распространена и является единственной мерой реагиро-вания ненцев в условиях сильного гололеда (Волковицкий, Терёхина 2021).

Зимняя часть кочевого маршрута гораздо больше связана с инфра-структурными объектами. По кочевому коридору есть сеть факторий с ма-газинами и пекарнями, наиболее крупные из них (Усть-Юрибей и Лидино) принимают зимой костяные рога. Разъезды железной дороги Обская–Бо-ваненково могут становиться точками неформального обмена (например, рыбы на солярку). Домохозяйства севера ярсалинской тундры, в том числе мордыхинцы, сдают оленей в забой на убойный комплекс Юрибей, рас-положенный рядом с одноименной станцией железной дороги. В настоя-щее время «ядро» мордыхинцев зимует между озерами Ямбута и Ясавэйто, поэтому ближайшими к ним точками притяжения стали вахто-вый поселок Бованенково и поселок Сеяха на берегу Обской губы.

Анализируя динамику использования зимних пастбищ, следует также упомянуть наиболее серьезные изменения в маршрутах отдельных мор-дыхинских семей. Одно домохозяйство, опасаясь возможного гололеда зимой 2020–2021 гг., осталось в пределах своего летнего участка на по-бережье Карского моря. Фактически эта семья сократила свой маршрут до небольшого кругового движения. Рискованный выбор зимовки на без-лишайниковых летних пастбищах оказался удачным и позволил полу-чить новые эмпирические данные об адаптационном потенциале север-ного оленя и составе его зимнего рациона.

Другой пример, который следует оценить как изменение жизненной стратегии, связан с полным уходом из микрорегиона, когда семья решила принять участие в государственном эксперименте по переходу к изгородному оленеводству (Зуев 2022). Оленевод, который до 2017 г. радовался низкой плотности соседей на северных пастбищах р. Себаяха, забеспокоился, когда туда перекаслало ядро мордыхинцев. По его оценке, через несколько лет хорошие лишайники в этом районе будут уничтожены, и он принял довольно неординарное решение перейти на круглогодичный выпас на юге Надымского района (в районе с. Лонгъюган). С этим переходом он изменил и свою идентичность: теперь, шутя, этот ненец называет себя то бывшим мордыхинским, то лонгъюганским, а некоторые тундровики зовут его лесным.

Обсуждение и выводы

Несмотря на то что мы сфокусировались лишь на одном микрорегионе из десятков возможных на всем полуострове, существуют общие особенности для всех оленеводческих домохозяйств центрального и южного Ямала: погодные и пастбищные условия, характер и сроки касланий, соотношение между личными хозяйствами и бригадами предприятий, длинные, но узкие коридоры для сезонных перемещений. Мы сознательно оставили в стороне большую группу северных семей, административно относящихся к сеяхинской тундре, поскольку их кочевые маршруты значительно отличаются от меридиональных треков тундровиков среднего и южного Ямала (Stammler 2005; Терёхина, Волковицкий 2020а). Сеяхинские оленеводы в основном используют короткие круговые или восьмеркообразные маршруты, которые отчасти напоминают описанные К.В. Истоминым и Б. Донахо кочевые паттерны тазовских ненцев (Донахо, Истомин 2007; Istomin, Dwyer 2021). Столетие назад сеяхинцы также имели меридиональные маршруты и уходили на зиму в лесную зону. Переход к более коротким путям касланий постепенно произошёл в советское время, к 1960-м гг., когда были установлены более строгие административные границы между северными и южными тундрами полуострова Ямал (Stammler 2005).

Анализируя маршруты мордыхинцев с применением концепции макромобильности, стоит отметить, что оленеводы-частники движутся по своим маршрутам, ориентируясь в мелком (региональном) масштабе на административные границы тундр, а в крупном (локальном) – на традиционное пасторалистское «право» (Экономика и население... 2014: 36). Приоритет в коллективном использовании пастбищных ресурсов обычно сохраняют наследники совхозов – бригады муниципальных оленеводческих предприятий – важный актор, исчезнувший в самой северной тундре после ликвидации последнего оленеводческого предприятия в

Сеяхе. Видимое доминирование бригад не мешает большинству частных декларировать права личной собственности на ту или иную территорию. То есть, не имея формальных прав на землю, они выделяют территории, которые считают «своими» для определенной группы домохозяйств. Как правило, это относится именно к летним участкам, с которыми связана идентичность семей. На летние пастбища не заходят случайные люди со стадами, по крайней мере, без специальных неформальных договоренностей.

Мордындеры внутри своей группы формулируют право коллективного выпаса оленей – любой из них может занимать те или иные участки. Если оленевод хочет сохранить свой независимый статус, он должен избегать смешивания своих оленей с большими стадами. В противном случае после смешения стад он будет вынужден следовать распорядку макро- и микромобильности более богатого оленевода вплоть до момента разделения стад. Таким образом, предотвращение конфликтных ситуаций требует постоянного согласования с соседями. Кроме того, понятие «своя земля» отчасти является временной категорией. Вполне законно занимать чужое место до или после прихода «хозяина». Стоит также отметить, что любая тундра – это не только территория для оленеводческой деятельности, но и пространство со сложной иерархией священных мест и кладбищ, создающих дополнительные связи между людьми и землей или указывающих на чужеродный статус домохозяйства (Stammler 2005: 236).

Рассматривая проблему изменения сезонных участков кочевых маршрутов, мы разделяем их на тактические и стратегические. Отчасти эти типы соотносятся с макро- и микромобильностью, но не равнозначны этим понятиям. К тактическим относятся разовые решения, связанные, как правило, с непредвиденными погодными условиями (Terekhina, Volkovitskiy 2023). Стратегические трансформации маршрута – это долгосрочные (как минимум на несколько лет), заранее запланированные изменения, обусловленные какими-то протяженными во времени неизбежными факторами. Как мы можем видеть на примере микрорегиона «Мордыха», летние участки остаются неизменными, и только последствия гололеда не позволили бригадам оленеводческого предприятия однажды дойти до своих летовок. По опыту соседних с мордыхинцами коллективов ненцев можно заключить, что стратегическая смена летних участков была обусловлена строительством промышленных объектов, изымающих землю из сельскохозяйственного оборота. Мы ни разу не слышали от пастухов об ухудшении качества летних пастбищ, из-за чего необходима их ротация (по их словам, зеленых кормов на Ямале хватает).

Относительно зимнего выпаса мы наблюдаем две тенденции в стратегических изменениях зимней части маршрута. Первая, более массовая

для мордыхинцев, – сокращение маршрута за счет продвижения на север, ближе к территориям летних пастбищ. Другая, противоположная, – увеличение пути калаша для ухода на зиму в лесную зону на другой берег Обской губы. В обоих сценариях главной причиной изменений мобильности оленеводы называют истощение лишайников и переход хозяйств на более хорошие пастбища. Более северные ягельные места сохранялись благодаря меньшему количеству семей, которые оказывались там зимой из-за дальности от поселка и скудности дров. В итоге качество пастбищ, т.е. экологический фактор, оказалось ведущим при выборе зимних стоянок, несмотря на менее комфортные условия для людей. В то же время удаленность от административного поселка частично компенсируется оказавшейся теперь ближе индустриальной инфраструктурой Бованенково или другого поселка – административного центра сеяхинской тундры – Сеяхи. Переход на новые удаленные зимние пастбища вызвал необходимость адаптации хозяйств к новой для них локальной инфраструктуре.

Лесные ягельники Надымского района остаются стратегическим ресурсом для солидной части хозяйств (чтобы не сказать – для большинства), зарегистрированных в Яр-Сале и в Панаевске. Вместе с тем для преодоления маршрута в 500 км в одну сторону, в первую очередь в непростых условиях поздней осени – ранней зимы, необходимо достаточное количество ездовых оленей и умение реализовать частые перекочевки в динамичном режиме, как это свойственно совхозным бригадам и частным хозяйствам опытных оленеводов. Некоторые ненцы называют людей, остающихся зимовать на полуострове, просто ленивыми, «им лень далеко калаш». Однако остающиеся на полуострове семьи, объясняя особенности своей сезонной мобильности, часто выражают опасения связанные с риском попасть на гололед, блокирующий доступ к пастбищам в раннюю зиму или начале весны. Южная часть полуострова вплоть до берегов Обской губы уже оказывалась в зоне сильного обледенения на фоне более стравленных пастбищ в местах массового сезонного прохода домохозяйств осенью 2013 г. и весной 2018 г., в результате чего погибли десятки тысяч оленей (Перевалова 2015; Forbes et al. 2016). Эта дилемма может иметь экологическое объяснение в рамках теории оптимального кормодобывания (*optimal foraging theory*) (Pyke 1984). Домохозяйства предпочитают сохранять текущее энергетическое состояние, избегая дополнительных усилий и энергетических затрат на поиск лучшего ресурса, но это актуально только применительно к оленям. Как мы уже описывали, энергетические затраты человека, связанные с пребыванием в более тяжелых условиях на протяжении всего снежного периода, становятся выше.

Тактические вариации режима и пути зимних перекочевков могут определяться множеством временных событий: от смещения с другим

стадом до задержки пастухов в поселке. Иными словами, такие точечные решения ненцев больше сказываются на темпоральности движения домохозяйств. Наряду с этим разовые, но резкие изменения зимнего маршрута могут происходить из-за начавшегося гололеда, как это было с отдельными хозяйствами в 2013 г., когда они быстро отреагировали на сильный дождь ранней зимой и не стали уходить за Обь, оставшись на полуострове (Golovnev 2017).

На примерах микрорегиона «Мордыха» мы определили, что долгосрочные изменения зимних пастбищ всегда обуславливаются экологическими факторами (в основном качеством лишайниковых пастбищ, в некоторых случаях – боязнью попасть на территорию обледенения). Летние маршруты мордыхинцев остаются неизменны. В то же время на примере других групп кочевников мы знаем, что стратегические трансформации летних участков могут быть связаны с неэкологическими причинами. Заметим, что сделанные выводы не могут охватывать большой исторический период развития оленеводства. Мы не рассматриваем изменения кочевых движений на всех уровнях, вызванные внешними социальными причинами, такими как советская коллективизация или установление жестких административных границ между тундрами. Вместе с тем мы предполагаем, что наши наблюдения могут быть актуальны для всех хозяйств, мигрирующих по протяженным меридиональным коридорам полуострова Ямал.

Использование микрорегионального подхода при изучении пасторалистской мобильности меняет разрешение исследовательской оптики и способствует более глубокому пониманию динамики локального оленеводства. Оленеводы, живущие в границах меридиональных коридоров, имеют гораздо большую свободу для ситуативной или долгосрочной релокации. Кочевание в широтном градиенте позволяет более эффективно реагировать на критические погодные условия, такие как оледенение, ухудшающееся состояние зимних пастбищ и на возросший негативный эффект от промышленного освоения. Можно говорить о трех составляющих ненецкой мотильности (потенциала мобильности) на центральном и южном Ямале. Первая определяется пространственными характеристиками – длинным коридором с возможностью лавирования среди других хозяйств; вторая – размером стада и количеством ездовых оленей для динамичных перекочевов. Достаток семьи, выражающийся в размере поголовья, также обуславливает наличие хороших снегоходов для большей эффективности работы со стадом. Наконец, это трудовой ресурс домохозяйства (желание и навыки кочевать, например, около 1000 км в год для зимовки на лесных ягельниках). В конечном счете, для большинства ненцев главным принципом остается «лишь бы оленю было хорошо», из-за чего сами люди готовы испытывать дополнительные трудности в зависимости от выбранного сценария. В случае сокращения маршрута происходит минимизация трудовых усилий на

фоне менее «комфортной» зимовки. Когда же пастухи увеличивают маршруты до лесной зоны, им необходимо, наоборот, интенсифицировать свои усилия во время частых зимних перекочевков.

Примечания

¹ Данные о населении на 01.01.2023 предоставлены департаментом по делам коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа по запросу. Документ «Сведения органов местного самоуправления в местах традиционной хозяйственной деятельности и традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера ЯНАО». Далее статистика по кочевому населению приводится из этого источника.

² Данные о поголовье оленей предоставлены департаментом агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа по запросу. Документ «Информация о численности поголовья домашних северных оленей Ямало-Ненецкого автономного округа по состоянию на 01.01.2023 годы (по данным муниципальных образований ЯНАО)». Далее статистика по поголовью приводится из этого источника.

Список источников

- Арзютов Д.В. Олени и(ли) бензин: эссе об обменах в ямальской тундре // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири: сб. науч. статей / отв. ред. В.Н. Давыдов. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 314–348.
- Волковицкий А.И., Терёхина А.Н. Современные проблемы ямальского оленеводства // Этнография. 2020. № 2 (8). С. 152–169. doi: 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-152-169
- Волковицкий А.И., Терёхина А.Н. «Раньше по льду переваливали»: изменения климата в восприятии тундровиков Ямала // Человек и природа в Сибири – Экологические знания и устойчивые природные отношения во времена изменения климата / под ред. Э. Кастена. СПб., 2021. С. 39–66.
- Головинёв А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004.
- Головинёв А.В., Лёзова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.В., Бабенкова Н.А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: АМБ, 2014.
- Головинёв А.В., Куканов Д.А., Первалова Е.В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018.
- Донахо Б., Истомин К.В. Изменения практики регулирования доступа к природным ресурсам у некоторых оленеводческих народов Сибири. Попытка теоретического обобщения // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. 2007. № 33. С. 128–163.
- Зуев С.М. О перспективах полуволевого и изгородного содержания домашних северных оленей в Ямало-Ненецком автономном округе. Омск: Типография «Золотой тираж», 2022.
- Клоков К.Б. Разнонаправленность трендов в традиционном оленеводстве народов Сибири и Арктики // Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений / отв. ред. В.Н. Давыдов. М.: Изд-во вост. лит. 2020. С. 49–86.
- Первалова Е.В. Интервью с оленеводами Ямала о падеже оленей и перспективах ненецкого оленеводства // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 39–49.
- Терёхина А.Н., Волковицкий А.И. Паттерны использования ресурсов кочевниками Ямала: этнография микрорегионов // Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений / отв. ред. В.Н. Давыдов. М.: Изд-во вост. лит., 2020а. С. 87–113.
- Терёхина А.Н., Волковицкий А.И. Железная дорога сквозь тундру: оленеводы Ямала и инфраструктура // Сибирские исторические исследования. 2020б. № 3. С. 48–61. <https://doi.org/10.17223/2312461X/29/4>

- Экономика и население Ямала в первой трети XX века / отв. ред. А.В. Головнёв, Е.А. Волжанина. Новосибирск: GEO, 2014.
- Яптик Е.С. «Свои» и «чужие» на железной дороге Обская–Бованенково // Кунсткамера. 2021. № 2 (12). С. 138–147. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-2\(12\)-138-147](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-2(12)-138-147)
- Adriansen H.K. Pastoral Mobility: A Review // Nomadic Peoples. 2005. Vol. 9 (1–2). P. 207–214. <https://doi.org/10.3167/082279405781826182>
- Behnke R.H., Scoones I. Rethinking range ecology: implications for rangeland management in Africa // Range Ecology at Disequilibrium: New Models of Natural Variability and Pastoral Adaptation in African Savannas. London: Overseas Development Institute, 1993. P. 1–30.
- Degteva A., Nellemann Ch. Nenets Migration in the Landscape: Impacts of Industrial Development in Yamal Peninsula, Russia // Pastoralism: Research, Policy and Practice. 2013. Vol. 3 (15). P. 1–21. <https://doi.org/10.1186/2041-7136-3-15>
- Dwyer M.J., Istomin K.V. Theories of Nomadic Movement: A New Theoretical Approach for Understanding the Movement Decisions of Nenets and Komi Reindeer Herders // Human Ecology. 2008. Vol. 36 (4). P. 521–533. <https://doi.org/10.1007/s10745-008-9169-2>
- Dyson-Hudson R., Dyson-Hudson N. Nomadic Pastoralism // Annual Review of Anthropology. 1980. Vol. 9. P. 15–61. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199235810.013.0010>
- Forbes B.C., Kumpula T., Meschtyb N., Laptander R., Macias-Fauria M., Zetterberg P., Verdonen M. et al. Sea Ice, Rain-on-Snow and Tundra Reindeer Nomadism in Arctic Russia // Biology Letters. 2016. Vol. 12 (11): 20160466. <https://doi.org/10.1098/rsbl.2016.0466>
- Forbes B.C., Stammer F., Kumpula T., Meschtyb N., Pajunen A., Kaarlejärvi E. High Resilience in the Yamal-Nenets Social-Ecological System, West Siberian Arctic, Russia // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2009. Vol. 106 (52). P. 22041–22048. <https://doi.org/10.1073/pnas.0908286106>
- Golovnev A.V. The Arctic Nomads: Strategies of Mobility // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2016. Vol. 44 (4). P. 131–140. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2016.44.4.131-140>
- Golovnev A.V. Challenges to Arctic Nomadism: Yamal Nenets Facing Climate Change Era Calamities // Arctic Anthropology. 2017. Vol. 54 (2). P. 40–51. <https://doi.org/10.3368/AA.54.2.40>
- Istomin K.V., Dwyer M.J. Dynamic Mutual Adaptation: Human-Animal Interaction in Reindeer Herding Pastoralism // Human Ecology. 2010. Vol. 38 (5). P. 613–623. <https://doi.org/10.1007/s10745-010-9341-3>
- Istomin K.V., Popov A.A., Kim H.-J. Snowmobile Revolution, Market Restoration, and Ecological Sustainability of Reindeer Herding: Changing Patterns of Micro- vs. Macromobility among Komi Reindeer Herders of Bol'shezemel'skaia Tundra // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2017. Vol. 6 (2). P. 225–250. <https://doi.org/10.1353/reg.2017.0015>
- Istomin K.V., Dwyer M.J. Reindeer Herders' Thinking. A Comparative Research of Relations between Economy, Cognition and Way of Life. Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2021.
- Klokov K.B. Changes in Reindeer Population Numbers in Russia: An Effect of the Political Context or of Climate? // Rangifer. 2013. Vol. 32 (1). P. 19–33. <https://doi.org/10.7557/2.32.1.2234>
- Kumpula T., Forbes B.C., Stammer F., Meschtyb N. Dynamics of a Coupled System: Multi-Resolution Remote Sensing in Assessing Social-Ecological Responses during 25 Years of Gas Field Development in Arctic Russia // Remote Sensing. 2012. Vol. 4 (4). P. 1046–1068. <https://doi.org/10.3390/rs4041046>
- Liarskaya E.V. "Where Do You Get Fish?": Practices of Individual Supplies in Yamal as an Indicator of Social Processes // Sibirica. 2017. Vol. 16 (3). P. 125–149. <https://doi.org/10.3167/sib.2017.160306>
- Niamir-Fuller M., Turner M.D. A review on recent literature on pastoralism and transhumance in Africa, in M. Niamir-Fuller (ed.), Managing Mobility in African Rangelands: The Legitimization of Transhumance. London: IT Publications, 1999. P. 18–46.

- Povoroznyuk O., Vincent W.F., Schweitzer P., Laptander R., Bennett M., Calmels F., Sergeev D. et al. Arctic Roads and Railways: Social and Environmental Consequences of Transport Infrastructure in the Circumpolar North // *Arctic Science*. 2023. Vol. 9, no. 2. P. 297–330. <https://doi.org/10.1139/as-2021-0033>
- Pyke G.H. Optimal Foraging Theory: A Critical Review // *Annual Review of Ecology and Systematics*. 1984. Vol. 15. P. 523–575. <https://doi.org/10.1146/annurev.ecolsys.15.1.523>
- Risvoll C., Galafassi D., Veland S., Pavall M., Liffell T., Lundberg A.K., Eilertsen S.M. Maps and Stories in the Creation of Richer Accounts of Change in Pastoral Landscapes in Nordland, Northern Norway // *Pastoralism*. 2022. Vol. 12. P. 45. <https://doi.org/10.1186/s13570-022-00255-3>
- Stammler F. Reindeer Nomads Meet the Market. Culture, Property and Globalisation at the “End of the Land.” Münster: Lit Verlag. 2005.
- Terekhina A., Volkovitskiy A. Climate change through the eye of Yamal reindeer herders // *The Siberian World* / ed. by J.P. Ziker, J. Ferguson, V. Davydov. Routledge. 2023.
- Walker D.A., Reynolds M.K., Daniëls F. J.A., Einarsson E., Elvebakk A., Gould W.A., Katenin A.E. et al. The Circumpolar Arctic Vegetation Map // *Journal of Vegetation Science*. 2005. Vol. 16. P. 267–282. <https://doi.org/10.1111/j.1654-1103.2005.tb02365.x>

References

- Arziutov D.V. (2017) Oleni i(li) benzin: esse ob obmenakh v iamal'skoi tundre [Reindeer and/or petrol: an essay on exchanges in the North Yamal tundra]. In: *Sotsial'nye otnosheniia v istoriko-kul'turnom landshafte Sibiri: sb. nauch. statei* [Social relations in the historical and cultural landscape of Siberia: a collection of scientific articles] / Ed. by V.N. Davydov. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 314–348.
- Volkovitskii A.I., Terekhina A.N. (2020) The contemporary issues of Yamal reindeer herding: discussions and perspectives. *Etnografika*. 2 (8): 152–169. DOI 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-152-169
- Volkovitskii A.I., Terekhina A.N. (2021) «Ran'she po l'du perevalivali»: izmeneniia klimata v vospriiatii tundrovikov Iamala [“We used to cross over the ice”: climate change in the perception of tundra dwellers of Yamal]. In: *Chelovek i priroda v Sibiri – Ekologicheskie znaniia i ustoichivye prirodnye otnosheniia vo vremena izmeneniia klimata* [Man and nature in Siberia – Ecological knowledge and sustainable natural relations in times of climate change]. Ed. by E. Kasten. pp. 39–66.
- Golovnev A.V. (2004) *Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor* [Tundra nomads: the Nenets and their folklore]. Ekaterinburg: UrO RAN.
- Golovnev A.V., Lezova S.V., Abramov I.V., Belorussova S.V., Babenkova N.A. (2014) *Etnoekspertiza na Iamale: nenetskie kochev'ia i gazovye mestorozhdeniia* [Ethnoexpertise on Yamal: Nenets nomad camps and gas fields]. Ekaterinburg: AMB.
- Golovnev A.V., Kukanov D.A., Perevalova E.V. (2018) *Arktika: atlas kochevykh tekhnologii* [Arctic: Atlas of Nomadic Technologies]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Donahoe B., Istomin K.V. (2007) Izmeneniia praktiki regulirovaniia dostupa k prirodnym resursam u nekotorykh olenevodcheskikh narodov Sibiri. Popytka teoreticheskogo obobshcheniia [Changes in the practice of regulating access to natural resources among reindeer-herding peoples of Siberia]. In: *Rasy i narody: sovremennye etnicheskie i rasovye problemy*. № 33 [Races and Peoples #33: Contemporary Ethnic and Racial Problems], pp. 128–163.
- Klovov K.B. (2020) Raznonapravlennost' trendov v traditsionnom olenevodstve narodov Sibiri i Arktiki [Multidirectional Trends in Traditional Reindeer Husbandry of the Peoples of Siberia and the Arctic]. In: *Energiia Arktiki i Sibiri: ispol'zovanie resursov v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii* [Energy of the Arctic and Siberia: the use of resources in the context of socio-economic changes] / Ed. by V.N. Davydov. Moscow: Izdvo vost. lit., pp. 49–86.

- Perevalova E.V. (2015) Interv'iu s olenevodami lamala o padezhe olenei i perspektivakh nenetskogo olenevodstva [], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2 (47), pp. 39–49.
- Terekhina A.N., Volkovitskii A.I. (2020a) Patterny ispol'zovaniia resursov kochevnikami lamala: etnografiia mikroregionov [Patterns of Resource Use by Nomads of Yamal: Ethnography of Micro-regions]. In: *Energiia Arktiki i Sibiri: ispol'zovanie resursov v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii* [Energy of the Arctic and Siberia: the use of resources in the context of socio-economic changes] / Ed. by V.N. Davydov. Moscow: Izd-vo vost. lit., pp. 87–113.
- Terekhina A.N., Volkovitskii A.I. (2020b) Zheleznaia doroga skvoz' tundru: olenevody lamala i infrastruktura [The Railway Across the Tundra: Yamal Reindeer Herders and Infrastructure]. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 48–61. <https://doi.org/10.17223/2312461X/29/4>
- Ekonomika i naselenie lamala v pervoi treti XX veka* [Economy and population of Yamal in the first third of the 20th century]. ed. by Golovnev A.V., Volzhanina E.A. Novosibirsk: GEO, 2014.
- Iaptik E.S. (2021) «Svoi» i «chuzhie» na zheleznoi doroge Obskaia–Bovanenkovo [“Insiders” And “Outsiders” On the Obskaya-Bovanenkovo Railway], *Kunstkamera*, no. 2(12), pp. 138–147. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-2\(12\)-138-147](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-2(12)-138-147).
- Adriansen H.K. (2005) Pastoral Mobility: A Review, *Nomadic Peoples*, Vol. 9 (1–2), pp. 207–214. <https://doi.org/10.3167/082279405781826182>
- Degteva A., Nellemann Ch. (2013) Nenets Migration in the Landscape: Impacts of Industrial Development in Yamal Peninsula, Russia, *Pastoralism: Research, Policy and Practice*, Vol. 3 (15), pp. 1–21. <https://doi.org/10.1186/2041-7136-3-15>
- Dwyer M.J., Istomin K.V. (2008) Theories of Nomadic Movement: A New Theoretical Approach for Understanding the Movement Decisions of Nenets and Komi Reindeer Herders, *Human Ecology*, Vol. 36 (4), pp. 521–33. <https://doi.org/10.1007/s10745-008-9169-2>
- Dyson-Hudson R., Dyson-Hudson N. (1980) Nomadic Pastoralism, *Annual Review of Anthropology*, Vol. 9, pp. 15–61. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199235810.013.0010>
- Forbes B.C., Kumpula T., Meschytyb N., Laptander R., Macias-Fauria M., Zetterberg P., Verdonen, M., et al. (2016) Sea Ice, Rain-on-Snow and Tundra Reindeer Nomadism in Arctic Russia, *Biology Letters*, Vol. 12 (11): 20160466. <https://doi.org/10.1098/rsbl.2016.0466>
- Forbes B.C., Stammer F., Kumpula T., Meschytyb N., Pajunen A., Kaarlejärvi E. (2009) High Resilience in the Yamal-Nenets Social-Ecological System, West Siberian Arctic, Russia, *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, Vol. 106 (52), pp. 22041–48. <https://doi.org/10.1073/pnas.0908286106>
- Golovnev A.V. (2016) The Arctic Nomads: Strategies of Mobility, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, Vol. 44 (4), pp. 131–140. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2016.44.4.131-140>
- Golovnev A.V. (2017) Challenges to Arctic Nomadism: Yamal Nenets Facing Climate Change Era Calamities, *Arctic Anthropology*, Vol. 54 (2), pp. 40–51. <https://doi.org/10.3368/AA.54.2.40>
- Istomin K.V., Dwyer M.J. (2010) Dynamic Mutual Adaptation: Human-Animal Interaction in Reindeer Herding Pastoralism, *Human Ecology*, Vol. 38 (5), pp. 613–623. <https://doi.org/10.1007/s10745-010-9341-3>.
- Istomin K.V., Popov A.A., Kim H.-J. (2017) Snowmobile Revolution, Market Restoration, and Ecological Sustainability of Reindeer Herding: Changing Patterns of Micro- vs. Macromobility among Komi Reindeer Herders of Bol'shezemel'skaia Tundra. *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, Vol. 6 (2), pp. 225–250. <https://doi.org/10.1353/reg.2017.0015>
- Istomin K.V., Dwyer M.J. (2021) *Reindeer Herders' Thinking. A Comparative Research of Relations between Economy, Cognition and Way of Life*. Verlag der Kulturstiftung Sibirien.

- Klokov K.B. (2013) Changes in Reindeer Population Numbers in Russia: An Effect of the Political Context or of Climate? *Rangifer*, Vol. 32 (1), pp. 19–33. <https://doi.org/10.7557/2.32.1.2234>
- Kumpula T., Forbes B.C., Stammer F., Meschytyb N. (2012) Dynamics of a Coupled System: Multi-Resolution Remote Sensing in Assessing Social-Ecological Responses during 25 Years of Gas Field Development in Arctic Russia, *Remote Sensing*, Vol. 4 (4), pp. 1046–1068. <https://doi.org/10.3390/rs4041046>
- Liarskaya E.V. (2017) "Where Do You Get Fish?": Practices of Individual Supplies in Yamal as an Indicator of Social Processes, *Sibirica*. Vol. 16 (3), pp. 125–149. <https://doi.org/10.3167/sib.2017.160306>
- Povoroznyuk O., Vincent W.F., Schweitzer P., Laptander R., Bennett M., Calmels F., Sergeev D., et al. (2023) Arctic Roads and Railways: Social and Environmental Consequences of Transport Infrastructure in the Circumpolar North, *Arctic Science*, Vol. 9, no. 2, pp. 297–330. <https://doi.org/10.1139/as-2021-0033>
- Pyke G.H. (1984) Optimal Foraging Theory: A Critical Review, *Annual Review of Ecology and Systematics*, Vol. 15, pp. 523–575. <https://doi.org/10.1146/annurev.ecolsys.15.1.523>
- Risvoll C., Galafassi D., Veland S., Pavall M., Lifjell T., Lundberg A.K., Eilertsen S.M. (2022) Maps and Stories in the Creation of Richer Accounts of Change in Pastoral Landscapes in Nordland, Northern Norway, *Pastoralism*, Vol. 12: 45. <https://doi.org/10.1186/s13570-022-00255-3>
- Stammer F. (2005) *Reindeer Nomads Meet the Market. Culture, Property and Globalisation at the "End of the Land."* Münster: Lit Verlag.
- Terekhina A., Volkovitskiy A. (2023) Climate change through the eye of Yamal reindeer herders. In: *The Siberian World*. Ed. by J.P. Ziker, J. Ferguson, V. Davydov. Routledge.
- Walker D.A., Reynolds M.K., Daniëls F. J.A., Einarsson E., Elvebakk A., Gould W.A., Katenin A.E., et al. (2005) The Circumpolar Arctic Vegetation Map, *Journal of Vegetation Science*, Vol. 16, pp. 267–282. <https://doi.org/10.1111/j.1654-1103.2005.tb02365.x>
- Zuev S. (2020) The "Success Story" of Private Reindeer Husbandry in Iamal? A Look at Herders' Budgets 30 Years After, *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, Vol. 9 (1), pp. 83–115. <https://doi.org/10.1353/reg.2020.0003>

Сведения об авторах:

ВОЛКОВИЦКИЙ Александр Игоревич – младший научный сотрудник Арктического научно-исследовательского стационара, Институт экологии растений и животных УрО РАН (Лабытнанги, Россия). E-mail: alvolkovitskiy@gmail.com

ТЕРЁХИНА Александра Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Арктического научно-исследовательского стационара, Институт экологии растений и животных УрО РАН (Лабытнанги, Россия). E-mail: terekhina.yamal@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Alexander I. Volkovitskiy, Arctic Research Station of Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (Labytnangi, Russian Federation). E-mail: alvolkovitskiy@gmail.com

Alexandra N. Terekhina, Arctic Research Station of Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (Labytnangi, Russian Federation). E-mail: terekhina.yamal@gmail.com

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 11 июля 2023;
принята к публикации 29 августа 2023.*

*The article was submitted 11.07.2023;
accepted for publication 29.08.2023.*

Научная статья
УДК 397.4
doi: 10.17223/2312461X/41/9

Ландшафтный подход в антропологическом исследовании оленеводства Европейского Севера России и Западной Сибири

Кирилл Владимирович Истомин

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
kistomin@eu.spb.ru*

Аннотация. С целью протестировать возможности применения ландшафтного подхода в антропологическом изучении традиционного хозяйства анализируются три локальных варианта тундрового оленеводства – оленеводство Тазовской тундры, Надымской тундры и Кольской тундры – как примеры оленеводческих ландшафтов, где в результате особой локальной истории взаимодействия между людьми, оленями и пастбищами сложилось уникальное сочетание этих ландшафтообразующих элементов. Показывается, что взаимодействие людей и оленей ведет к формированию новых поведенческих моделей с обеих сторон: новых приемов выпаса у людей и новых поведенческих традиций у оленей. Более того, процесс формирования таких моделей цикличен: появление и закрепление новых приемов выпаса ведет к формированию новых поведенческих традиций у оленей, которые открывают дорогу к появлению новых, более эффективных моделей выпаса, и т.д. Точно так же кочевание оленеводов с оленями и их выпас модифицируют природную среду, создают в ней новые элементы (например кочевые тропы) и перераспределяют уже существующие (например растительные сообщества), что имеет обратное влияние на поведение человека и оленя в ландшафте. В результате люди, олени и пастбища все более «приспосабливаются» друг к другу, создавая уникальный оленеводческий ландшафт. Понимание описанных процессов и их кумулятивного результата имеет как теоретическое, так и большое практическое значение.

Ключевые слова: оленеводство, культурный ландшафт, традиционное хозяйство, взаимная динамическая адаптация, этология северного оленя

Благодарности: Настоящее исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22–28–00665 «Этнокультурные ландшафты оленеводческих народов России: структура и пространственные контексты».

Для цитирования: Истомин К.В. Ландшафтный подход в антропологическом исследовании оленеводства Европейского Севера России и Западной Сибири // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 154–175. doi: 10.17223/2312461X/41/9

Original article

doi: 10.17223/2312461X/41/9

Landscape Approach to the Anthropological Study of Reindeer Herding in the North of European Russia and Western Siberia

Kirill V. Istomin

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, kistomin@eu.spb.ru

Abstract. In order to test the utility of the landscape approach in anthropological studies of traditional economies, this study analyzes three local variants of tundra reindeer herding – that of Taz Tundra, Nadym Tundra and Kola Tundra – as reindeer herding landscapes. The latter are understood as territories where a unique constellation of three basic elements – people, reindeer and natural environment – emerged as a result of the unique local history of their interplay and mutual influence. The analysis demonstrates how the interaction between people and reindeer produces new behavioral models both in the herders (new herding techniques) and in the reindeer (behavioral traditions). Furthermore, these models are formed in a cyclical manner: new herding techniques of herders produce new behavioral traditions of reindeer, which in their turn open the way for further modification of herding techniques to make them more effective, etc. Similarly, migrations of the herders with reindeer and reindeer grazing modify the environment by producing new (e.g. migration paths) and modifying old (e.g. vegetation distribution) elements of it. These changes also impact back on the behavior of people and reindeer. As a result, people, reindeer and environment “adapt” to each other more and more creating a unique reindeer herding landscape. Understanding this process as well as its cumulative result is of both theoretical and significant practical importance.

Keywords: reindeer herding, cultural landscape, traditional economy, mutual dynamic adaptation, reindeer ethology

Acknowledgements: This research has been done for the research project # 22–28-00665 “Ethnocultural landscapes of Russian reindeer-herding peoples: structure and spatial contexts”.

For citation: Istomin, K.V. (2023) Landscape Approach to the Anthropological Study of Reindeer Herding in the North of European Russia and Western Siberia. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 154–175 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/9

Введение

Во введении к настоящей подборке статей мною и Константином Борисовичем Клоковым был предложен новый синтез ландшафтного подхода, ориентированный на междисциплинарные, географо-антропологические исследования. Однако поскольку отвлеченное теоретизирование является, на наш взгляд, занятием хотя и приятным, но весьма опасным, нашей целью при подготовке этой подборки было не просто заявить о новом варианте подхода и дать его теоретическое обоснование, но и продемонстрировать его возможности на примере конкретных

исследований. В качестве объекта для этих исследований мы выбрали оленеводческие ландшафты, под которыми, в соответствии с нашим подходом, мы понимаем территорию, где сложилось уникальное сочетание трех ландшафтообразующих элементов: коллектива оленеводов, оленьей популяции и пастбищ. Исследование таких ландшафтов, с нашей точки зрения, предполагает два этапа. Первый этап – описательный, базирующийся в основном на методах географии, имеет целью выделение оленеводческих ландшафтов, установление их территориальных границ и связей на основе набора прокси-переменных, которые с одной стороны относительно неплохо известны, а с другой – напрямую определяются либо зависят от взаимодействия ландшафтообразующих элементов. Второй этап предполагает объяснение различий между выделенными ландшафтами, которые могут иметь две причины: особенности самих ландшафтообразующих элементов (например, особенности лесных пастбищ по сравнению с тундровыми, особенности пород оленей, особенности этнических культур оленеводов) и взаимодействие/взаимовлияние этих элементов, которое может быть различным на разных территориях благодаря специфической локальной истории. При этом ландшафтный подход обладает уникальной способностью вскрывать и объяснять посредством антропологического нарратива особенности ландшафтов, обусловленные второй причиной.

Первый этап исследования оленеводческих ландшафтов – их выделение и описание для территории нашей страны – детально отражает опубликованная в настоящей подборке статья К.Б. Клокова. Цель настоящей работы – продемонстрировать второй этап применения ландшафтного подхода, объяснив особенности выявленных ландшафтов как результат особой локальной истории взаимосвязей и взаимовлияний ландшафтообразующих элементов. Разумеется, провести такой анализ для всех выделенных К.Б. Клоковым оленеводческих ландшафтов в рамках одной статьи невозможно как по причине ограниченного объема работы, так и за отсутствием для многих ландшафтов эмпирического материала для такого анализа. Поэтому в рамках настоящей работы мы ограничимся анализом трех ландшафтов: Тазовской тундры (южная часть Тазовского района ЯНАО), Надымской тундры (Надымский район ЯНАО) и Кольского полуострова. Кроме того, для сравнения будет привлечен материал по оленеводству Большеземельской тундры.

Основная часть использованного эмпирического материала, задействованного в настоящей статье, была собрана ее автором в ходе этнографических полевых работ среди оленеводов Республики Коми, Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов и Мурманской области. Большинство этих материалов уже было опубликовано автором, хотя часть из них впервые представлена здесь на русском языке. Новыми являются лишь материалы по оленеводству Надымского района ЯНАО,

собранные автором в ходе полевой работы непосредственно по проекту Российского научного фонда № 22-28-0065 «Этнокультурные ландшафты оленеводческих народов России: структура и пространственные контексты» в июле–августе 2022 г. Новым и проведенным целиком в рамках этого проекта, разумеется, является анализ всех этих материалов в рамках ландшафтного подхода. Поскольку подход мыслится нами прежде всего как аналитический, его применение в том числе к уже опубликованным данным кажется вполне оправданным.

1. Оленеводческий ландшафт Тазовской тундры

Тазовская тундра является, по-видимому, достаточно типичным примером тундрового оленеводческого ландшафта с круговым типом кочевания. Ее оленеводческое население – тазовские ненцы – живет кочевыми группами (стойбищами, околodkaми), состоящими из от трех до шести семей, большинство из которых обычно связаны узами родства. Каждая кочевая группа проживает на отдельной территории размером примерно 50×50 км, внутри которой происходят ее годовые перекочевки.

Несмотря на название «круговой тип кочевания», годовой цикл кочевания крайне редко представляет собой простой круг. Гораздо чаще оленеводы описывают в течение года минимум два круга – летний и зимний, причем местом соединения этих кругов является точка, где оленеводы оставляют весной зимние вещи. Маршрут годового кочевания при этом напоминает по форме цифру «8». Не менее распространенным, впрочем, является годовой цикл кочевания, состоящий из трех кругов – зимнего, раннелетнего (олениводы иногда называют его «комариным») и летне-осеннего. Как и в предыдущем случае, все три круга соединяются в месте, где стоят зимние нарты и куда оленеводы в этом случае возвращаются два раза – в середине лета и осенью. Кроме того, кочевание тазовских ненцев отличает пластичность и изменчивость: постоянные кочевые тропы отсутствуют, местоположение описываемых оленеводами кругов может меняться из года в год, как, впрочем, и их количество.

Так, бригада СПК «Совхоз Тазовский», в которой мы проводили исследование, в течение двух лет совершала кочевание из трех кругов, причем зимний круг делался вдоль берега реки Таз и его притока – реки Русская (Луця-Яха), где рос лес и было легко заготовить дрова; «комариный» круг охватывал систему сливающихся рек, образующих вершину реки Русская (по мнению оленеводов, там оленям было легче переносить комаров); летне-осенний круг проходил по участку ровной тундры, где олени могли разойтись широким фронтом и набрать вес. На третий год, однако, бригада решила дать «отдохнуть» этим местам кочевки и уйти от реки Русской на противоположный конец своего

пастбищного участка, который они не посещали несколько лет. Там не было удобного места для «комариного» круга, и бригада решила кочевать простой «восьмеркой», сделав зимний круг по облесенному участку возле Таза, а летний – по открытой тундре к северу от него.

Выпас оленей у тазовских ненцев отличается большой «либеральностью»: постоянный надзор за оленьим стадом осуществляется лишь на пике «комариного периода» (обычно в течение двух первых недель июля). Кроме того, на период отела в мае стадо разделяется на маточную и непродуктивную части, над которыми устанавливается круглосуточный надзор. В остальное время олени тазовских ненцев пасутся большую часть времени самостоятельно. Оленеводы лишь собирают стадо один или два раза в сутки (зимой и ранним летом – еще реже) и пригоняют его к месту стоянки, чтобы поменять подсаночных (оленей, запряженных в упряжки), осуществить необходимые зоотехнические процедуры (например, попробовать полечить животных, заболевших копыткой) и иногда – выбрать животное для забоя. После этого животным дают некоторое время полежать возле стоянки и затем «выталкивают» от нее в направлении, где, по подсчетам оленеводов, должно быть больше корма. Владея информацией, в каком направлении ушли олени, используя свое обширное знание территории и поведения оленей (о том, с какой скоростью движется стадо при различной погоде в зависимости от рельефа, растительности и количества корма) и делая поправку на направление ветра (еще один фактор, влияющий на движение оленей), оленеводы чаще всего могут достаточно точно «вычислить», где отдельные части (куски) стада окажутся к моменту следующего сбора. По мере того, как пастбищные ресурсы вблизи стоянки исчерпываются, стадо начинает уходить все дальше и дальше от нее после каждого сбора. Когда расстояние, на которое уходит стадо, перестает удовлетворять оленеводов (что случается примерно каждые 3–5 дней летом и раз в месяц или даже реже зимой, когда олени движутся мало и стадо можно собирать на снегоходах), стоянка перекочевывает на новое место.

Как автор настоящей статьи и его коллега показали в предыдущих работах (Dwyer and Istomin 2008; Istomin and Dwyer 2010), эффективность такой техники выпаса обеспечивается, помимо прочего, моделями поведения оленей в стадах тазовских ненцев, которые достаточно резко отличаются их, например, от животных в стадах оленеводов – коми-ижемцев Большеземельской тундры. По сравнению с последними, олени тазовских ненцев гораздо менее пугливы: к лежащему возле стоянки стаду можно подойти вплотную и даже погладить животных, не вызвав при этом цепную реакцию испуга, характерную для ижемских оленей. У тазовских оленей также слабее стадный инстинкт, что делает управление ими более сложным: например, чтобы «повернуть» движущееся стадо в другом направлении, в случае Тазовской тундры требуются совместные

усилия двух оленеводов – один из них «крутит голову» стада, т.е. направляет движение передних оленей, а другой «держит хвост» стада, заставляя его следовать за «головой». Без такой совместной работы поворот стада может привести к его расколу на несколько групп. У коми-ижеских оленей для управления стадом достаточно в большинстве случаев одного оленевода с собаками, поскольку «хвост» стада сам следует за «головой». Однако главным свойством оленей Тазовской тундры является умение самостоятельно приходить к стоянке в случае откола от стада или опасности. Потерявшиеся из стада олени, если только они не приблизились к чужому стаду (что при описанной модели кочевания по пастбищным участкам маловероятно) и не стали жертвой хищников, самостоятельно приходят к стойбищу, куда стадо пригоняли в дни, предшествующие их отколу. Если даже стойбище с тех пор откочевало, то оленеводы, возвратившись на место прежней стоянки в поисках ушедших из стада оленей, чаще всего находят их там. Если оленей там нет, то, как говорят оленеводы, имеет смысл проверить предпоследнее место стоянки, поскольку иногда оленей требуется пригнать к перекочевавшему стойбищу несколько раз, чтобы они «запомнили новое место». Олени тазовских ненцев также самостоятельно бегут к стойбищу при нападении хищников или даже появлении большого количества комаров, «чтобы лечь под дым чумов», как объясняют это поведение их хозяева. Примечательно, что ни олени Большеземельской тундры, ни олени надымских оленеводов так себя не ведут. Однако вполне вероятно, что именно эти черты оленьего поведения как раз и дают возможность оленеводам применять «либеральную» технику выпаса без роста потерь и, таким образом, ущерба для эффективности.

Чтобы объяснить происхождение указанных поведенческих черт оленей, следует, прежде всего, вспомнить, что господствовавшая до относительно недавнего времени среди биологов вера в то, что поведение животных вообще и поведение северных оленей в частности является по большей части генетически запрограммированным (см. например. (Помишин 1990)), сейчас практически полностью отброшено. Особенно в случае животных, обитающих в экстремальных условиях быстро меняющейся среды, каковой является Арктика, генетические программы поведения не могут играть существенную роль, поскольку не могут быть быстро адаптированы к изменениям среды. Этот теоретический вывод подтверждается эмпирически: Леонид Миронович Баскин, один из крупнейших мировых специалистов по этологии северного оленя, еще в конце 1960-х гг. утверждал, что врожденных поведенческих комплексов у оленя очень мало, и даже те, которые есть, быстро «обрастают» поведенческими моделями, усвоенными оленями в течение жизни (Баскин 1968, 1970). Поведение северного оленя является, таким образом, в основном продуктом научения, как индивидуального, путем проб и ошибок, так и

так называемого социального, т.е. через копирование поведения других особей. О существовании и широкой распространенности социального научения в животном мире (особенно копировании потомством поведения матерей) было известно давно (Heyes 1994), однако только относительно недавно этологи осознали все возможности и последствия этого научения (Laland, Richerson, Boyd 1996). Так, было показано, что копирование животными поведения других особей, в частности копирование потомством поведения родителей, может служить основой для распространения в популяции определенных поведенческих комплексов и их передачи из поколения в поколение – феномен, обычно называемый биологами «поведенческой традицией» и имеющий явные параллели с человеческой культурой (Laland and Hoppitt 2003). В настоящее время существование таких поведенческих традиций было продемонстрировано у многих животных – от обезьян острова Кошима (Kawai 1965) до черных крыс (Aisner and Terkel 1992; Terkel 1996). Хотя северные олени пока не становились объектом подобных исследований, предположить существование у них поведенческих традиций достаточно легко, учитывая условия их жизни и доказано малую роль биологически наследуемого поведения. Существование подобных традиций объясняет как особенности поведения оленей Тазовской тундры, так и особенности поведения оленей других оленеводческих ландшафтов, которые будут описаны ниже.

Если описанные особенности поведения оленей Тазовской тундры являются поведенческой традицией местной оленьей популяции, то несложно заметить, что сформировалась эта традиция в результате взаимодействия оленей с оленеводами. Действительно, чтобы способность реагировать на потерю контакта со стадом движением к стойбищу оленеводов могла возникнуть и закрепиться в оленьей популяции, нужно чтобы эти стойбища, во-первых, существовали, и, во-вторых, чтобы оленеводы регулярно собирали и приводили туда стадо. В предыдущей публикации по этому вопросу (Istomin and Dwyer 2010) мы предположили, что в этом и других описываемых случаях подобные традиции формируются во взаимодействии с поведением оленеводов через процесс, который мы называли «динамической обоюдной адаптацией». В ходе этого процесса определенное поведение оленеводов (например, ежедневный сбор стада и подгон его к стоянке) вызывает формирование определенной поведенческой традиции у оленей (например, самостоятельный приход к стоянке в случае потери стада), которая сначала «открывается» через индивидуальное научение (путем проб и ошибок) и затем распространяется в популяции и передается следующему поколению через копирование. Формирование такой традиции, в свою очередь, дает возможность оленеводам изменить свое поведение так, чтобы эффективнее задействовать новые черты поведения оленей в своем взаимодействии с ними (например,

отказ от постоянного наблюдения за стадом, переход к более «либеральной» технике выпаса). Это изменение поведения оленеводов может спровоцировать дальнейшее изменение поведения оленей через формирование новых традиций, что может привести к новым изменениям техники выпаса оленеводами и т.д. Работа этого цикла, в котором олени и оленеводы реагируют на поведение друг друга, формируя устойчивый поведенческий ответ, ведет к тому, что поведение оленей и оленеводов начинает подходить друг к другу «как ключ к замку». Однако, поскольку существенным условием для работы этого цикла является распространение новых моделей поведения как среди оленеводов, так и среди оленей, в него может быть вовлечены человеческие коллективы и популяции животных, объединенные устойчивыми социальными связями, а значит проживающие на единой и ограниченной территории. Иными словами, динамическая обоюдная адаптация – это как раз тот механизм, посредством которого история взаимовлияния человеческого коллектива и популяции оленей творит отдельный оленеводческий ландшафт.

Изучение оленеводческого ландшафта Тазовской тундры позволяет, к сожалению, гораздо меньше сказать о взаимосвязях оленей и людей с одной стороны, и экосистемы пастбищ – с другой. В отличие от Большеземельской и Надымской тундр, которая будет описана ниже, Тазовская тундра достаточно гомогенна в том смысле, что в ней отсутствуют обширные участки сильно «нарушенных» экосистем, где под влиянием оленеводства ягель бы совсем исчез и заместился другой растительностью. Оленеводство, разумеется, оказывает влияние на экосистемы и здесь, но это влияние распределяется по территории достаточно равномерно, вызывая повсеместное уменьшение пастбищных запасов, но не их полное исчезновение на одних при сохранении на других участках. По нашему мнению, таким положением вещей Тазовская тундра обязана круговой системе миграций, основной функцией которой, судя по всему, как раз и является перераспределение пастбищной нагрузки по территории (Истомин 2023). Если это и правда так, то история взаимодействия оленей и людей с пастбищами нашла все-таки свое отражение в состоянии и структуре последних, хотя увидеть это можно лишь в сравнении с другими оленеводческими ландшафтами.

2. Оленеводческий ландшафт надымской тундры

В отличие от ненцев Тазовской тундры, коми-ненецкое кочевое население Надымской тундры имеет смешанную систему кочевания. В этом типе кочевания годовой цикл делится на две части. После выхода с зимних пастбищ, расположенных в таежной зоне, оленеводы делают несколько длинных и относительно быстрых линейных перекочевков с таким расчетом, чтобы к моменту стаивания снега прибыть на свои

тундровые летние пастбищные участки. Надымские оленеводы используют для этих линейных перекочек две кочевые тропы, начинающиеся от двух участков зимних пастбищ, принадлежащих оленеводческому предприятию «Ныдинское» и идущих к северной оконечности полуострова Малый Ямал на расстоянии нескольких десятков километров от его западного побережья (в середине пути эти тропы соединяются в одну). Оленеводческие кочевые группы (бригады) следуют по тропам, одна за другой сворачивая с них к побережью на свои летние пастбищные участки, которые располагаются цепочкой с юга на север. Прибыв на летний участок, оленеводы устраивают основную стоянку, на которой на лето остаются не только зимние вещи и жилища оленеводов, но и также их жены и дети. Мужчины же с облегченным чумом или палаткой уходят вместе со стадом на летнюю кочевку по пастбищному участку, осуществляемую по круговому типу. Обычно летняя кочевка состоит из двух кругов с однократным возвращением к месту стоянки зимних вещей в середине лета. Кроме того, в течение всей летней кочевки мужчины по очереди совершают поездки на эту стоянку, чтобы навестить свои семьи. В октябре, после первого снега, оленеводы покидают летний пастбищный участок и совершают линейные перекочки к зимним пастбищам, которых достигают в декабре.

Как можно видеть из этого описания, в отличие от оленеводов Тазовской тундры, у надымских оленеводов есть устойчивые пути миграции с зимних пастбищ к местам летнего выпаса и обратно. Места основных летних стоянок также устойчивы: на одном из таких мест автор даже увидел стационарный балок, сооруженный оленеводом для проживания своей семьи. При этом маршруты летнего кочевания мужчин со стадом гораздо менее устойчивы. Обычно они состоят из двух кругов – «комарино», совершаемого вблизи побережья Обской губы, и «нагульного», совершаемого вглубь полуострова Малый Ямал. Однако размеры кругов, их расположение, а иногда и их число могут меняться в силу самых разных причин – от переноса сроков и места летнего прививочного косяка до желания оленеводов-мужчин порыбачить на удаленном озере, которое они давно не посещали. Карта землепользования ныдинского предприятия показывает зимние пастбища в южной части земли и цепочку летних бригадных пастбищных участков в ее северной части.

Используемая надымскими оленеводами техника выпаса стад гораздо менее «либеральна», чем у тазовских оленеводов. В период отела и в беснежный период года при стаде, по крайней мере в светлый период суток, постоянно находится 1 или 2 пастуха на упряжках и с оленегонными собаками. Кроме того, отдельно от основного стада выпасаются транспортные олени, которых оленеводы запрягают в свои упряжки. Это небольшое стадо транспортных оленей содержится рядом со стоянкой пастухов также под надзором (наблюдение за ним обычно поручают мальчикам-

подросткам, приехавшим в тундру на каникулы и получающим таким образом опыт выпаса оленей) и ежедневно пригоняется на стоянку, чтобы оленеводы могли взять или поменять подсаночных. Основное стадо оленей к стойбищу не подгоняют. Однако, несмотря на постоянное присутствие в стаде пастухов в летнее время, они все-таки не «водят» стадо по пастбищу, постоянно «пакуя» оленей вместе и направляя их движение, чтобы заставить оленей пройти несколько раз через один и тот же участок пастбища (и таким образом достичь его более полного стравливания), предотвратить их заход на землю, предназначенную для прохода соседних стад, либо сдержать их движение и избежать таким образом частых перекочевок, как это свойственно оленеводам-коми Большеземельской тундры. У Надымских оленеводов принято давать животным разойтись по пастбищу и пастись «широким фронтом», в то время как дежурные пастухи, расположившись на какой-нибудь близлежащей возвышенности, наблюдают за тем, чтобы от стада не откололись и не ушли «куски» и чтобы животные не направились к стоянке, где с основным стадом могут смешаться транспортные олени. Больше работы у пастухов бывает в теплые «комариные» дни, когда олени, атакуемые насекомыми, бегут на ветер и их приходится постоянно останавливать и направлять вдоль побережья моря или озер, чтобы облегчить их страдания. Совершение «комариного круга» вблизи побережья сводит количество таких дней к минимуму и облегчает выпас в случае, если они все-таки приходят. Кроме того, у надымских оленеводов принято все-таки «запаковать» стадо (т.е. собрать животных вместе) перед тем, как сдать дежурство следующей смене пастухов, чтобы те могли направить движение стада и дать ему разойтись «так, как им надо»). Судя по рассказам оленеводов¹, техника выпаса оленей больше напоминает большеземельскую во время движения по общей кочевой тропе с зимних пастбищ к летним пастбищным участкам и особенно от летних участков к зимним пастбищам. В эти периоды на тропе и вблизи ее постоянно «толпится» (собственное определение оленеводов) много стад, ждущих своей очереди занять место в общем потоке. Поскольку пастбищные ресурсы вокруг тропы быстро выбиваются (об этом чуть ниже), заставляя оленей быстро двигаться в поисках корма, а ночи во время осенней кочевки на зимние пастбища уже длинные, стада отдельных бригад часто смешиваются. Чтобы избежать этого, дежурным оленеводам приходится совсем по-большеземельски искусно водить оленей по пастбищам, оставляя менее выбитые участки на ночь, когда возможность наблюдать за стадом и вмешиваться в его движение ограничена.

Олени Надымской тундры, в отличие от тазовских оленей, не приходят самостоятельно на стоянки оленеводов в случае откола от стада. Это вряд ли удивительно, учитывая, что оленеводы здесь пригоняют на стоянку только транспортных оленей, но не основное стадо. Однако

надымские олени гораздо более «управляемы» по сравнению с тазовскими: они сильнее и с большего расстояния реагируют на оленеводов и собак, более охотно собираются вместе, если оленевод начинает объезжать стадо по краю, и, главное, более слаженно реагируют на действия оленевода и его собак. Так, если стаду надымских оленей повернуть «голову», то вероятность того, что «хвост» стада последует за «головой» в желаемом оленеводом направлении, гораздо выше, чем у тазовских оленей. По всем этим параметрам надымские олени напоминают большеземельских, относительно которых автор настоящей работы и его коллега предположили (Istomin and Dwyer 2010, 2021), что их поведение является закрепленной в виде поведенческой традиции стратегией минимизации раздражающих факторов: собраться вместе и двигаться развернувшись так, чтобы оставить оленевода позади себя – это наиболее эффективный способ избежать дальнейших воздействий со стороны оленевода и его собаки. Как и в случае оленей тазовской тундры, существование такой поведенческой традиции повышает эффективность приемов выпаса, в то время как тактика и стратегия выпаса опираются на существование у оленей этой традиции – явный признак работы обоюдной динамической адаптации как ландшафтообразующего процесса.

В случае надымских оленеводов, однако, гораздо лучше, чем в случае тазовских, можно увидеть кумулятивные результаты длительного взаимодействия между оленями и оленеводами, с одной стороны, и пастбищами – с другой. Хотя круговой характер кочевания в летний период ведет здесь, как и в случае Тазовской тундры, к распределению летней пастбищной нагрузки по большой территории, в результате чего на побережье губы, несмотря на выпас там большого количества оленей, сохраняются небольшие ягельные запасы, специфическая история взаимодействия оленеводов и оленей с пастбищами в рамках смешенной системы кочевания и описанной выше техники выпаса привела здесь к формированию нового элемента ландшафта – общей взрги (кочевой тропы). Сама эта тропа, впечатанная в грунт полозьями бесчисленных нарт, проходящих по ней дважды в год, отлично видна, например, с вертолета, да и с земли ее трудно не заметить. Видимая тропа с ее удобными съездами к ручьям, оставленными оленеводами вдоль нее кучками дров – ольхи и ивы – на местах стоянок и небольшими сильно потоптанными оленями местами – тандарами, оставшимися там где животных ловили арканами или загоняли в юрок (передвижной караль из нарт) для последующей запряжки в нарты, представляет собой, однако, лишь вершину созданного взаимодействием айсберга: ежегодный прогон и выпас вдоль тропы большого количества животных, пусть и продолжающийся не слишком длительное время, оказал существенное влияние на растительность территории. Так, ягель оказался там в основном уничтоженным – не столько из-за поедания его оленями, сколько из-за

вытаптывания, и замещенным травянистой растительностью (процесс хорошо известный эколгам тундры) (Kumpula et al. 2012; Verdonen et al. 2020). Судя по всему, выпас большого количества оленей вдоль тропы также оказал негативное воздействие на кустарнички, например карликовую березу, и поэтому пейзаж вдоль тропы сильно напоминает луг средней полосы России с обилием трав, осок (на увлажненных участках) и осенью, как говорят оленеводы, грибов. С точки зрения классического советского ландшафтоведения, пространство это следует характеризовать как сильно нарушенный ландшафт, да и специалисты по оленеводству посчитали бы трансформацию ягельника в травянистый ландшафт существенным падением качества пастбищ.

Действительно, такие пастбища не имеют никакой ценности, например, в зимний период, поэтому оленеводы и стараются осенью как можно скорее перейти по тропе на зимние пастбища. Однако если брать летний и раннеосенний период, до полного увядания травы, то пастбища такого типа оказываются превосходящими ягельники как по объему съедобной для оленя биомассы, так и по ее качеству: богатая белком зеленая трава и грибы обеспечивают оленю хороший нагул перед трудным зимним периодом. Возможно, именно поэтому надымские оленеводы и делают второй, нагульный круг своей летней кочевки вглубь полуострова Малый Ямал по направлению к общей взрге. Если это предположение верно, то получается, что специфическая местная история взаимодействия между тремя элементами оленеводческого ландшафта не только породила новый, антропогенный по своей сути элемент, но и структурировала пастбища так, чтобы повысить их качество для оленя в определенный, пусть и короткий, но достаточно критичный в плане общего выживания стада период года. Оговоримся сразу – это утверждение вовсе не противоречит взгляду на общую взргу как на нарушенный ландшафт. Скорее, мы просто рассматриваем ландшафт с несколько другой стороны – не как природный, исключаящий из себя человека и его сельскохозяйственных животных, а как на оленеводческий, элементами которого – причем ландшафтообразующими элементами – люди и олени как раз и являются. С точки зрения этого ландшафта, общая взрга и пространство, прилегающее к ней, стали частью ландшафта как раз тогда, когда были «нарушены». Мы надеемся, что третий пример оленеводческого ландшафта, который мы собираемся рассмотреть, сделает эту мысль еще яснее.

3. Оленеводческий ландшафт Кольского полуострова

Кольский полуостров представляет особый интерес для нашего исследования прежде всего потому, что история оленеводства здесь документирована лучше, чем где-либо еще на Русском Севере и, поэтому,

рассматривая историю взаимодействия между оленеводами, оленями и пастбищами, мы здесь можем опираться на источники, а не только на спекулятивные реконструкции, как в случаях, описанных выше. Исторически Кольский полуостров входил в ареал саамского оленеводства, зародившегося не менее тысячи лет назад (Salmi et al. 2021), причем, судя по генетическим исследованиям, в результате независимой доместикиции северного оленя на севере Скандинавии (Røed et al. 2008). Скандинавия также стала одним из первых, если не самым первым регионом, где оленеводство, по-видимому, уже в конце XVI–XVII вв. перешло из транспортной в производящую (крупностадную) форму (Крупник 1989; Larsson and Sjanuja 2022). Вместе с тем собственно Кольский полуостров всегда оставался окраиной саамского мира (Sampi), довольно рано ставшей отрезанной от его основной части государственной границей. Вплоть до второй половины XIX в. оленеводство кольских саамов оставалось в основном транспортным и играло, таким образом, подсобную роль в хозяйстве, основанном на рыболовстве и охоте (Чарнолуский 1930; Киселев, Киселева 1987). Малочисленные олени стада, насчитывающие один-два десятка голов на семью, использовались в качестве транспортных животных во время зимней охоты и при ежегодных миграциях с зимнего «погоста» на места летних поселений и обратно, обусловленных в основном нуждами рыболовства (Киселев, Киселева 1987). О собственно оленеводческом кочевании среди кольских саами того времени сведения в литературе отсутствуют. Судя по имеющимся отрывочным сведениям, в летний период олени содержались полностью на свободном выпасе, в то время как на период миграций и зимний период какой-то контроль над ними со стороны оленеводов устанавливался (Чарнолуский 1930; Конаков, Котов, Рочев 1982; Киселев, Киселева 1987; Конаков, Котов 1989), хотя сколь-либо детальная реконструкция техники выпаса того времени по имеющимся источникам невозможна.

Характер кольского оленеводческого ландшафта коренным образом изменился после переселения на полуостров оленеводов коми и ненцев из Архангельских тундр в конце XIX в. (Конаков и др. 1982; Конаков, Котов 1991). Судя по всему, первая группа оленеводов перекочевала на полуостров в 1884 г., спасаясь от разразившейся в Архангельских тундрах эпидемии сибирской язвы (Конаков 1986; Конаков, Котов 1989), но группы оленеводов продолжали прибывать и после окончания эпидемии, вплоть до середины 1920-х гг. (Конаков, Котов 1991; Took 2004). К этому времени количество оленеводов-переселенцев, живущих на полуострове, сравнялось с количеством местных саамов (Киселев, Киселева 1987), но благодаря своему более развитому производящему оленеводческому хозяйству, пришлые оленеводы доминировали над местными в экономическом плане (Конаков 1986; Конаков, Котов 1991). На полуострове стала распространяться характерная для большей части

Архангельских тундр система оленеводства с линейным меридиональным кочеванием и интенсивным надзором за стадом, в настоящее время представленная уже неоднократно упоминавшимся в данной работе оленеводством Большеземельской тундры. Такая система оленеводства вместе с характерным для Архангельских тундр связанным с ним материальным комплексом (глухой мужской меховой одеждой – малицей, коническим переносным жилищем – чумом, нартами самодийского типа и т.д.) была заимствована у пришлых оленеводов не только местными саами, но и частью проживающего вдоль побережья полуострова русского поморского населения (Киселев и Киселева 1987), в то время как немногочисленные олени саамской породы оказались полностью вытесненными приведенными переселенцами с собой оленями ненецкой породы (Южаков, Мухачев, Лайшев 2023). После того, как новая система, как более продуктивная, была принята за основу в колхозном хозяйстве, традиционное транспортное оленеводство саамов оказалось полностью вытесненным (Konstantinov 2015).

Установившаяся на полуострове система оленеводства, впрочем, не была однородной. Хотя на западе и в центральной части полуострова, судя по опубликованным хозяйственным картам и историческим описаниям, преобладали линейные меридиональные миграции по неизменным миграционным тропам – вэргам, в северо-восточной и восточной частях полуострова оленеводы осуществляли круговые миграции, а в юго-восточной судя по всему – смешанные (см. за подробной реконструкцией и разбором: (Истомин 2023)). Во всех частях полуострова, однако, оленеводы кочевали со стадами и осуществляли за ними надзор в течение большей части года. Впрочем, по полевым данным, уже к середине XX в. в кольском оленеводстве начали появляться признаки экстенсификации: стада начали все чаще оставлять без присмотра на все более продолжительные промежутки времени (Истомин 2017). С этим, возможно, была связана все шире распространявшаяся опора на оленеводческие изгороди, появившиеся в Кольском оленеводстве рано и использовавшиеся там более интенсивно, чем где-либо еще в тундровой зоне Российской Арктики.

Со второй половины 1970-х – начала 1980-х гг. оленеводство Кольского полуострова вступило в новую стадию трансформации (Konstantinov 2015). Ее непосредственной причиной стали реформы, инициированные государством и имевшие целью улучшить быт и условия труда оленеводов-совхозников. С этой целью вдоль кочевых троп и в пределах пастбищных территорий каждой оленеводческой бригады были построены стационарные оленеводческие базы с жилыми и хозяйственными помещениями, куда ежегодно зимой осуществлялся завоз продуктов и оборудования для оленеводов. По мысли реформаторов, оленеводческие бригады отныне должны были перемещаться от одной

базы к другой (что позволит отказаться от «архаичных» чумов), причем перекочевки должны были совершаться на совхозных вездеходах (что позволит отказаться от архаичных нарт и большого стада непродуктивных ездовых оленей). В начале 1980-х гг. строительство баз было в целом завершено и большая часть ездовых оленей отправлена на забой. Вскоре выяснилось, однако, что новая система работает совсем не так хорошо, как ожидалось: вездеходы, на которых оленеводческие бригады должны были кочевать, часто ломались, застревали и не могли пробиться к отдельным группам оленеводов, что нарушало календарь кочевков. Кроме того, серьезные проблемы обнаружились с завозом товаров на базы. Проблемы накапливались на протяжении всего последнего советского десятилетия, пока в начале 1990-х гг. техника просто не встала из-за отсутствия горючего и запчастей (Konstantinov 2015; Истомин 2017). Все эти проблемы сделали кочевание оленеводов со стадами невозможным, что наложились на уже существовавшую тенденцию к ослаблению контроля над оленями со стороны оленеводов и значительно усилило ее.

Современное оленеводство Кольского полуострова, за исключением небольших, в несколько десятков голов, стад оленей, содержащихся для использования в туристической сфере (например, в так называемой самской деревне), может быть описано следующим образом. Примерно с мая или начала июня и до октября олени находятся на вольном безнадзорном выпасе. Оленеводы их не контролируют и только в самых общих чертах знают, где они находятся. В конце октября – начале ноября, с установлением снежного покрова, оленеводы начинают собирать оленей по тундре. Для этого они выезжают на промежуточные базы, находящиеся на границе тундровой и лесотундровой экологических зон рядом с изгородью, которая в оленеводческой зоне региона отделяет летние пастбища от зимних. Оттуда часть оленеводов, обычно наиболее опытные, выезжают на снегоходах дальше на север, до самого побережья Баренцева моря, и начинают сгонять оттуда небольшие группы оленей к югу. Остальные оленеводы встречают оленей у изгороди и сбивают их в стада, которые держат под контролем до окончания сбора. Когда, по мнению оленеводов, основная часть оленей собрана, получившиеся стада загоняют в стационарные корали, где производится их просчет, клеймление молодняка, выбраковка оленей на забой. Кроме того, просчитанные олени разбиваются на бригадные стада согласно ушным клеймам. Окончательно бригадные стада формируются после обмена оленями, найденными на различных коралях. По окончании основного сбора оленей (группы «забытых» в тундре оленей могут приходить к изгороди в течение почти всей зимы; их собирают и проводят через кораль) бригадные стада переводятся через изгородь на зимние пастбища. Там они пасутся большую часть времени также без надзора. Однако оленеводы регулярно (обычно несколько раз в месяц) ездят на снегоходах их

проверять. Подобные поездки могут продолжаться несколько дней и часто совмещаются с охотой и иногда подледным ловом рыбы; оленеводы в этом случае ночуют на ближайших промежуточных базах. Во время проверки стадо собирают и «подправляют» направление его движения с таким расчетом, чтобы к весне, описав круг, оно оказалось на отелных пастбищах с южной стороны изгороди. В некоторых бригадах оленеводы наблюдают за отелом, в других отел проводится безнадзорно. В обоих случаях после окончания отела стадо, растянувшееся из-за более быстрого движения неплодовой части по сравнению с отелившимися важеньками, вновь «скапливается» у изгороди с южной стороны. Некоторые бригады пользуются этим, чтобы загнать стадо в кораль и провести клеймение телят (что должно помешать другим оленеводам их присвоить, если они после осеннего сбора окажутся в их карале), другие не делают этого, опасаясь возможных потерь среди телят и их «отбивания» от матерей. В обоих случаях к началу июня стадо переводят через изгородь на «летнюю» сторону и отпускают пастись самостоятельно до следующего сбора.

Как видно из этого описания, центральной оленеводческой операцией в современном кольском оленеводстве является осенний поиск и сбор оленей. Учитывая площадь кольской тундры, задача эта и правда весьма нетривиальная, и, согласно сообщениям самих Кольских оленеводов, справиться с ней им очень помогает тот факт, что особенно в западной и центральной частях Ловозерского района, где сейчас содержится большая часть оленей, животные до сих пор в основном мигрируют вдоль кочевых троп – вэрга, по которым с ними кочевали оленеводы до трансформации оленеводства конца прошлого века (Истомин 2017). Эти тропы до сих пор видны кое-где на поверхности тундры, хотя для того, чтобы проехать по такой тропе, особенно после выпадения снега, нужно знать, где она в свое время проходила. Именно таким знанием и обладают оленеводы, собирающие осенью оленей: достигнув побережья, они начинают ехать по бывшей кочевой тропе, обычно той самой, по которой некогда кочевала их оленеводческая бригада, проверяя находящиеся вдоль нее «карманы» – места, где, по опыту оленеводов, животные склонны задерживаться и пастись – на наличие в них «кусков», т.е. групп оленей². Обнаружив в «кармане» «кусок», оленевод выгоняет его на кочевую тропу и «толкает» в южном направлении, а сам едет проверять следующий «карман». Выгнанные из «карманов» куски сами движутся на юг, иногда задерживаясь в новых «карманах» (откуда оленеводы их также выгоняют, как только дойдет их очередь), пока не достигнут изгороди.

Описанная тактика поиска и сбора оленей оказывается достаточно эффективной: там, где она применяется, показатели оленеводства, вообще достаточно низкие на полуострове, оказываются гораздо лучше, по сравнению с местами, где ее применение невозможно. К последним относится восток полуострова, где линейные кочевые тропы либо

отсутствуют (там исторически применялись другие системы кочевания), либо олени по каким-то причинам утратили поведенческую традицию мигрировать по ним (см. описание таких случаев: (Истомин 2017)). Несмотря на то, что в силу географических особенностей полуострова длина летних миграций безнадзорных оленей на востоке меньше и оленеводам приходится обыскивать гораздо более скромную территорию, количество потерянных и «забытых» в тундре оленей здесь заметно выше. Однако особенно поражает даже не эффективность использования оленеводами поведенческой традиции животных, а устойчивость самой этой традиции, пусть даже только и на части полуострова. Действительно, как минимум семь поколений кольских оленей сменило друг друга с тех пор, как оленеводы последний раз прокочевали по вэрга. Сами кочевые тропы пусть и не исчезли совсем, но в значительной мере стерлись из видимого ландшафта. Тем не менее потомки до сих пор следуют некогда усвоенным их предками маршрутам и оленеводы до сих пор могут опереться на их поведенческие традиции в своей деятельности.

Пример оленеводческого ландшафта Кольского полуострова, таким образом, дает нам уже знакомую по другим примерам картину динамичного взаимодействия между тремя элементами оленеводческого ландшафта, особая история которого специфическим образом меняет каждый из элементов. Эта история оставила следы как на оленях, в форме уже знакомых нам поведенческих традиций, так и на пастбищной территории, в форме кочевых троп – вэрга, изгородей, отделяющих зимние и летние пастбища, и промежуточных оленеводческих баз. Разумеется, техники выпаса и обращения с оленями, применяемые кольскими оленеводами, также являются продуктом специфического местного развития отрасли. Чем, однако, особенно ценен кольский пример – это демонстрацией сложной динамики этого взаимодействия. Как нынешнее состояние пастбищной территории (особенно наличие на ней кочевых троп), так и нынешнее поведение оленей обусловлены не современной конфигурацией трех элементов оленеводческого ландшафта, а их прошлыми конфигурациями, канувшими в лету несколько десятилетий назад. Однако именно эти исторически обусловленные состояние территории и комплексы поведения делают нынешнюю конфигурацию возможной или по крайней мере хоть сколько-то эффективной. Нет сомнения, что обладая мы возможностью реконструировать историю других оленеводческих ландшафтов настолько же детально, подобные поразительные примеры обусловленности настоящего прошлым нашлись бы и там. Остается надеяться, что такая реконструкция когда-нибудь будет достигнута.

Заключение

В настоящей работе мы протестировали предложенный нами во введении ландшафтный подход на примере оленеводческих ландшафтов

севера европейской части нашей страны и Западной Сибири. На наш взгляд, результаты исследования достаточно убедительно показали целый ряд преимуществ заявленного подхода. Действительно, он не только помог сформулировать новый взгляд на оленеводство в проанализированных районах. Фокусируя внимание исследователя на местной истории и результатах взаимодействия между элементами оленеводческого ландшафта, он показал, как и почему местное оленеводство отличается от других, позволил увидеть его специфические проблемы и перспективы. В этом, т.е. в возможности установить баланс между частным и общим, увидеть сложные отношения между ними, на наш взгляд, и заключается главная сила и смысл ландшафтного подхода.

Следует особенно подчеркнуть, что у такого исследования есть не только теоретические, но и практические стороны. Приведем только один пример: в 1980-е гг. в тогда еще советском оленеводстве была развернута работа по улучшению породы оленей. В рамках этой работы был организован обмен животными между различными регионами. В частности, большое количество чукотских оленей (харгинов) было доставлено в Ямало-Ненецкий автономный округ и распределено там между оленеводческими бригадами. Современные оленеводы старшего возраста до сих пор помнят эти события и в состоянии сообщить множество подробностей о них. По их словам, привезенные олени «были совершенно дикими», вели себя не так, как домашние олени. На них не действовали принятые в этих местах приемы выпаса, они часто уходили из стада и уводили с собой группы местных оленей, «разбивали стадо», как говорили оленеводы. Поэтому – сейчас в этом, пожалуй, уже можно признаться – ямальские оленеводы предпочли застрелить (и впоследствии объявить пропавшими или потерянными) большую часть привезенных оленей. Понятие оленеводческого ландшафта и представление об исторически обусловленной связи между его элементами позволяют не только увидеть причину описанных проблем, но и направить поиск путей ее решения. Это важно, учитывая, что призывы и даже конкретные планы перемещения оленей из ландшафта в ландшафт, в том числе в целях возрождения традиционных экономик и образа жизни, продолжают строиться и сейчас.

Мы, таким образом, можем лишь выразить пожелания, чтобы исследования оленеводческих и прочих культурно-хозяйственных ландшафтов были бы продолжены.

Примечания

¹ Период движения оленеводов по вэрге (общей кочевой тропе) оказался за границами периода полевой работы автора статьи и таким образом не наблюдался им непосредственно.

² Отсюда распространенное среди кольских оленеводов описание осеннего сбора оленей как «поиск кусков по карманам».

Список источников

- Баскин Л.М. Экологические основы северного оленеводства: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.: МГУ, 1968.
- Баскин Л.М. Северный олень: экология и поведение. М.: Наука, 1970.
- Истомин К.В. О динамике культуры оленей на Кольском полуострове // Уральский исторический вестник. 2017. № 2. С. 16–24.
- Истомин К.В. Между свободой и необходимостью движения: типы оленеводческих миграций в крупнотадном оленеводстве севера европейской части России и Западной Сибири // Этнография. 2023. № 1. С. 139–163. doi: 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-139-163
- Киселев А.А., Киселева Т.А. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1987.
- Конаков Н.Д. Становление крупнотабунного оленеводства на Кольском полуострове // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР / отв. ред. Л.Н. Жеребцов. Сыктывкар: Коми филиал УрО АН СССР, 1986. С. 42–56.
- Конаков Н.Д., Котов О.В. Ижемцы в Мурманском Заполярье // Родники Пармы. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1989. С. 51–79.
- Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991.
- Конаков Н.Д., Котов О.В., Рочев Ю.В. Ижемские коми на Кольском полуострове. Научные доклады Коми филиала УрО АН СССР. Сыктывкар: Коми филиал УрО АН СССР, 1982.
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989.
- Помишин С.Б. Происхождение оленеводства и domestикация северного оленя. М.: Наука, 1990.
- Чарнолуский В.В. Материалы по быту лопарей: опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л.: Издание Государственного русского географического общества, 1930.
- Южаков А.А., Мухачев А.Д., Лайшев К.А. Породы и проблемы селекции северных оленей России. М.: Наука, 2023.
- Aisner R., Terke, J. Ontogeny of Pine Cone Opening Behaviour in the Black Rat, *Rattus Rattus* // *Animal Behaviour*. 1992. Vol. 44 (2). P. 327–336.
- Dwyer M.J., Istomin K.V. Theories of Nomadic Movement: A New Theoretical Approach for Understanding the Movement Decisions of Nenets and Komi Reindeer Herders // *Human Ecology*. 2008. Vol. 36 (4). P. 521–533.
- Heyes C.M. Social Learning in Animals – Categories and Mechanisms // *Biological Reviews of the Cambridge Philosophical Society*. 1994. Vol. 69 (2). P. 207–231.
- Istomin K.V., Dwyer M.J.. Dynamic Mutual Adaptation: Human-Animal Interaction in Reindeer Herding Pastoralism // *Human Ecology*. 2010. Vol 38 (5). P. 613–23.
- Istomin K.V., Dwyer M.J. Reindeer Herders ' Thinking: A Comparative Research of Relations between Economy, Cognition and Way of Life. Fuerstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2021.
- Kawai M. Newly-Acquired Pre-Cultural Behavior of the Natural Troop of Japanese Monkeys on Koshima Islet // *Primates*. 1965. Vol. 6 (1). P. 1–30.
- Konstantinov Y. Conversations with Power: Soviet and Post-Soviet Developments in Thereindeer Husbandry Part of the Kola Peninsula. Uppsala: Uppsala Universitet, 2015.
- Kumpula T., Forbes B.C., Stammler F., Meschtyb N. Dynamics of a Coupled System: Multi-Resolution Remote Sensing in Assessing Social-Ecological Responses during 25 Years of Gas Field Development in Arctic Russia // *Remote Sensing*. 2012. Vol. 4 (4). P. 1046–1068.
- Laland K.N., Hoppitt W. Do Animals Have Culture? // *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*. 2003. Vol. 12 (3). P. 150–159.

- Laland K.N., Richerson P.J., Boyd R. Developing a Theory of Animal Social Learning // Social Learning in Animals: The Roots of Culture / ed. by Cecilia M. Heyes and Bennett G. Galef. San Diego: Academic Press, 1996. P. 129–154.
- Larsson J., Päiviö Sjanuja E.-L. Self-Governance and Sami Communities: Transitions in Early Modern Natural Resource Management. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.
- Røed K.H., Flagstad Ø., Nieminen M., Holand Ø., Dwyer M.J., Røv N., Vilà C. Genetic Analyses Reveal Independent Domestication Origins of Eurasian Reindeer // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2008. Vol. 275 (1645). P. 1849–1855.
- Salmi A.K., van den Berg M., Niinimäki S., Pelletier M. Earliest Archaeological Evidence for Domesticated Reindeer Economy among the Sámi of Northeastern Fennoscandia AD 1300 Onwards // Journal of Anthropological Archaeology. 2021. Vol. 62: 101303. doi: 10.1016/J.JAA.2021.101303
- Terkel J. Cultural Transmission of Feeding Behavior in the Black Rat (*Rattus Rattus*) // Social Learning in Animals: The Roots of Culture / ed. by Cecilia M. Heyes and Bennett G. Galef. San Diego: Academic Press, 1996. P. 17–47.
- Took R. Running with Reindeer: Encounters in Russian Lapland. Oxford: Westview Press, 2004.
- Verdonen M., Berner L.T., Forbes B.C., Kumpula T. Periglacial Vegetation Dynamics in Arctic Russia: Decadal Analysis of Tundra Regeneration on Landslides with Time Series Satellite Imagery // Environmental Research Letters. 2020. Vol. 15 (10): 105020. doi: 10.1088/1748-9326/abb500

References

- Baskin L.M. (1968) *Ekologicheskie osnovy severnogo olenevodstva*. Avtoreferat na soiskanie uchenoi stepeni kandidata biologicheskikh nauk [Ecological bases of reindeer breeding. Cand.Sc. (Biology) Thesis]. Moscow: MGU.
- Baskin L.M. (1970) *Severnyi Olen': Ekologiya i Povedenie* [Reindeer: ecology and behavior]. Moscow: Nauka.
- Istomin K.V. (2017) O Dinamike Kul'tury Olenei Na Kol'skom Poluostrove [The Dynamics of Reindeer Culture on The Kola Penninsula], *Ural'skii Istoricheskii Vesnik*, no. 2, pp. 16–24.
- Istomin K.V. (2023) Between Freedom and Necessity of Movement: Types of Reindeer Migration in Large-Scale Reindeer Herding of Northern European Russia and Western Siberia, *Etnografiia*, no. 1, pp. 139–163. doi: 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-139-163
- Kiselev A.A., Kiseleva T.A. (1987) *Sovetskie Saamy: Istoriia, Ekonomika, Kul'tura* [Soviet Sami: history, economy, culture]. Murmansk: Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Konakov N.D., Kotov O.V. (1989) *Izhemtsy v Murmanskom Zapoliar'e* [The Izhma Komi in Murmansk Arctic]. In: *Rodniki Parmy* [Springs of Parma]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, pp. 51–79.
- Konakov N.D., Kotov O.V. (1991) *Etnoareal'nye Gruppy Komi: Formirovanie i Sovremennoe Etnokul'turnoe Sostoianie* [Ethnoareal Komi Groups: Formation and Current Ethno-cultural State]. Moscow: Nauka.
- Konakov N.D. (1986) Stanovlenie Krupnotabunnogo Olenevodstva Na Kol'skom Poluostrove [The formation of large-herd reindeer husbandry on the Kola Peninsula]. In: *Traditsii i Sovremennost' v Kul'ture Sel'skogo Naseleniia Komi ASSR* [Traditions and Modernity in the Culture of the Rural Population of the Komi ASSR] / ed. by L.N. Zherebtsov. Syktyvkar: Komi filial UrO AN SSSR, pp. 42–56.
- Konakov N.D., Kotov O.V., Rochev Iu.V. (1982) *Izhemskie Komi Na Kol'skom Poluostrove. Nauchnye Doklady Komi Filiala UrO AN SSSR* [Izhma Komi on the Kola Peninsula. Scientific reports of the Komi Branch of the Ural Branch of the USSR Academy of Sciences]. Syktyvkar: Komi filial UrO AN SSSR.
- Krupnik I.I. (1989) *Arkticheskaia Etnoekologiya* [Arctic Ethnoecology]. Moscow: Nauka.
- Pomishin S.B. (1990) *Proiskhozhdenie Olenevodstva i Domestikatsiia Severnogo Olenia* [Origin of reindeer husbandry and reindeer domestication]. Moscow: Nauka.

- Charnoluskii V.V. (1930) *Materialy Po Bytu Loparei: Opyt Opredeleniia Kochevogo Sostoianii Loparei Vostochnoi Chasti Kol'skogo Poluostrova* [Materials on the life of the Lapps: the experience of determining the nomadic state of the Lapps in the eastern part of the Kola Peninsula]. Leningrad: Izdanie Gosudarstvennogo russkogo geograficheskogo obshchestva.
- Iuzhakov A.A., Mukhachev A.D., Laishev K.A. (2023) *Porody i Problemy Seleksii Severnykh Olenei Rossii* [Breeds and problems of selection of reindeer in Russia]. Moscow: Nauka.
- Aisner R., Terkel J. (1992) Ontogeny of Pine Cone Opening Behaviour in the Black Rat, *Rattus Rattus*. *Animal Behaviour*, Vol. 44 (2), pp. 327–336.
- Dwyer M.J., Istomin K.V. (2008) Theories of Nomadic Movement: A New Theoretical Approach for Understanding the Movement Decisions of Nenets and Komi Reindeer Herders. *Human Ecology*, Vol. 36 (4), pp. 521–533.
- Heyes C.M. (1994) Social Learning in Animals – Categories and Mechanisms. *Biological Reviews of the Cambridge Philosophical Society*, Vol. 69 (2), pp. 207–231.
- Istomin K.V., Dwyer M.J. (2010) Dynamic Mutual Adaptation: Human-Animal Interaction in Reindeer Herding Pastoralism. *Human Ecology*, Vol. 38 (5), pp. 613–23.
- Istomin K.V., Dwyer M.J. (2021) *Reindeer Herders' Thinking: A Comparative Research of Relations between Economy, Cognition and Way of Life*. Fuerstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien.
- Kawai M. (1965) Newly-Acquired Pre-Cultural Behavior of the Natural Troop of Japanese Monkeys on Koshima Islet. *Primates*, Vol. 6 (1), pp. 1–30.
- Konstantinov Y. (2015) *Conversations with Power: Soviet and Post-Soviet Developments in Thereindeer Husbandry Part of the Kola Peninsula*. Uppsala: Uppsala Universitet.
- Kumpula T., Forbes B.C., Stammler F., Meschtyb N. (2012) Dynamics of a Coupled System: Multi-Resolution Remote Sensing in Assessing Social-Ecological Responses during 25 Years of Gas Field Development in Arctic Russia. *Remote Sensing*, Vol. 4 (4), pp. 1046–1068.
- Laland K.N., Hoppitt, W. (2003) Do Animals Have Culture? *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*, Vol. 12 (3), pp. 150–159.
- Laland K.N., Richerson P.J., Boyd R. (1996) *Developing a Theory of Animal Social Learning. // Social Learning in Animals: The Roots of Culture* / ed. by Cecilia M. Heyes and Bennett G. Galef. San Diego: Academic Press, pp. 129–154.
- Larsson J., Päiviö Sjanuja E.-L. (2022) *Self-Governance and Sami Communities: Transitions in Early Modern Natural Resource Management*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Røed K.H., Flagstad Ø., Nieminen M., Holand Ø., Dwyer M.J., Røv N., Vilà C. (2008). Genetic Analyses Reveal Independent Domestication Origins of Eurasian Reindeer. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, Vol. 275 (1645), pp. 1849–1855.
- Salmi A.K., van den Berg M., Niinimäki S., Pelletier M. (2021) Earliest Archaeological Evidence for Domesticated Reindeer Economy among the Sámi of Northeastern Fennoscandia AD 1300 Onwards. *Journal of Anthropological Archaeology*, Vol. 62: 101303. doi: 10.1016/J.JAA.2021.101303
- Terkel J. (1996) Cultural Transmission of Feeding Behavior in the Black Rat (*Rattus Rattus*). In: *Social Learning in Animals: The Roots of Culture* / ed. by Cecilia M. Heyes and Bennett G. Galef. San Diego: Academic Press, pp. 17–47.
- Took R. (2004) *Running with Reindeer: Encounters in Russian Lapland*. Oxford: Westview Press.
- Verdonen M., Berner L.T., Forbes B.C., Kumpula T. (2020) Periglacial Vegetation Dynamics in Arctic Russia: Decadal Analysis of Tundra Regeneration on Landslides with Time Series Satellite Imagery. *Environmental Research Letters*, Vol. 15 (10): 105020. doi: 10.1088/1748-9326/abb500

Сведения об авторе:

ИСТОМИН Кирилл Владимирович – кандидат исторических наук, Институт наук о земле, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kistomin@eu.spb.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kirill V. Istomin, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: kistomin@eu.spb.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 11 июля 2023;
принята к публикации 29 августа 2023.*

*The article was submitted 11.07.2023;
accepted for publication 29.08.2023.*

Научная статья

УДК 39

doi: 10.17223/2312461X/41/10

Социальный ландшафт оленеводов позднесоветской Чукотки (на примере чукчей села Айон)

Анастасия Алексеевна Ярзуткина

*Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова, Анадырь, Россия, jarzut@mail.ru*

Аннотация. Описывается социальный ландшафт оленеводов одного конкретного совхоза на Чукотке в позднесоветское время (конец 80-х – начало 90-х гг. XX в.). На основании архивных материалов совхоза «Энмигаино» (с. Айон), с опорой на анализ текста дневниковых записей одного из оленеводов этого совхоза и интервью с другими пастухами, в том числе его коллегами, полученными автором в трех селах Чукотки, поднимается ряд вопросов, связанных с влиянием институциональных форм позднесоветского общества на повседневную жизнь оленеводов и их дополнительными передвижениями в рамках установленных маршрутов кочевания. Сделана попытка показать, что оленеводы умело инкорпорировали новые элементы в свою жизнь и постоянно гармонизировали свой социальный ландшафт. В связи с этим он начал меняться еще до начала глубоких трансформаций северного хозяйства, связанных с приватизацией, распадом совхозов и отсутствием государственного финансирования.

Ключевые слова: оленеводство, коренные жители, позднесоветский период, алкоголь, Чукотка, Арктика

Благодарности: Исследование частично выполнено в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616), гранта НОЦ «Север: территория устойчивого развития» в рамках реализации технологического проекта 9 «Технологическое обеспечение социальной стабильности полиэтнических сообществ на Северо-Востоке России». Также выражаю благодарность Кулику Николаю Ивановичу за реконструкцию маршрутов кочевания и подготовку карт.

Для цитирования: Ярзуткина А.А. Социальный ландшафт оленеводов позднесоветской Чукотки (на примере чукчей села Айон) // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 176–195. doi: 10.17223/2312461X/41/10

Original article

doi: 10.17223/2312461X/41/10

Social Landscape of Late Soviet Chukotka Reindeer Herdsmen (Using the Example of Chukchi from Ayon Settlement)

Anastasiia A. Yarzutkina

*Chukotka branch of North-Eastern Federal University,
Anadyr, Russian Federation, jarzut@mail.ru*

Abstract. This article focuses on the description of social landscape of reindeer herdsman from one specific kolkhoz in the Chukotka region at the late Soviet period (from the end of the 80s to the beginning of the 90s of the 20th century). Based on archived materials of the 'Enmitaghino' Cooperative (settlement Ayon), diary text analysis of one of the herdsman from the kolkhoz, and interviews with other herdsman, his colleagues included, as obtained by the author from three other Chukotka settlements, a number of issues is raised pertaining to the influence of institutional forms of late Soviet society on the daily routines of the reindeer herdsman and their additional travels within the established nomadic routes. An attempt is made to show that reindeer herdsman have skillfully adapted to the new elements in their life, and have kept harmonizing their social landscape accordingly. Therefore, it began changing prior to the later deeper transformations of the economy in the North related to privatization, the dissolution of kolkhozes, and lack of state financing.

Keywords: reindeer breeding, native residents, late Soviet period, alcohol, Chukotka, the Arctic

Acknowledgements: The research is partially performed within the framework of 'Preservation of lingual and cultural diversity and sustainable development of the Arctic and Sub-Arctic regions of the Russian Federation' science project (grants by the Government of the Russian Federation by Agreement No. 075-15-2021-616, by REC 'The North as Sustainable Development Territory'), as part of the implementation of Technology Project 9 'Technological facilitation of social stability of multi-ethnic communities in the North-East of the Russian Federation'. The author also thanks Nikolay Ivanovich Kulik for the reconstruction of nomadic routes and preparation of maps.

For citation: Yarzutkina, A.A. (2023) Social Landscape of Late Soviet Chukotka Reindeer Herdsmen (Using the Example of Chukchi from Ayon Settlement). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 176–195 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/10

Введение

Чукотка является одной из территорий, где сохраняется северное оленеводство. Этот традиционный для ее коренных народов вид хозяйства претерпевал взлеты и падения, подвергался организационным и инфраструктурным трансформациям. 80-е гг. XX в. пожилые жители Чукотки вспоминают как расцвет оленеводства и наиболее благоприятный период в плане организации труда и обеспечения жизни в тундре. Около 1 800 штатных оленеводов выпасали 500 тысяч оленей и обеспечивали

мясом население региона в 157 тысяч человек. Сейчас в Чукотском автономном округе насчитывается 123 тысячи оленей, которые выпасаются силами 600 человек при численности населения региона 47 тысяч человек. В целом численное соотношение современных оленеводов к числу трудоспособных жителей округа соответствует уровню позднесоветского времени и составляет 1,8%. Организация оленеводческого хозяйства на Чукотке в настоящее время во многом повторяет институциональную систему совхозов и практики трудовых отношений советского времени. За исключением трех крестьянско-фермерских хозяйств, в Чукотском автономном округе работают 14 муниципальных сельхозпредприятий (МУП СХП), финансируемых за счет субсидий государства¹. Как и в позднесоветское время, МУП СХП тесно связаны с решениями региональных и муниципальных властей и отраслевых органов управления.

На фоне обилия различных статистических отчетов и публицистики (Пасенюк 1984 и др.) позднесоветский период в истории оленеводства Чукотки, в отличие от последующих кризисных 1990-х гг. (Gray 2000; Нувано 2001 и др.), имеет очень мало антропологических описаний. К 1989 г. достигло зрелости поколение оленеводов, обученных и воспитанных в рамках советской системы. Их мир был тесно связан не только с тундрой и оленями, но и с планами, соцсоревнованием, трудовыми и регламентацией работы. Как институциональные формы позднесоветского времени вплетались в повседневную жизнь оленеводов? Каким был их социальный ландшафт? Как устойчивое снабжение, административное внимание и соседи по тундре влияли на передвижения и организационную рутину оленеводов? Основываясь на архивных материалах, дневниковых записях и серии интервью с оленеводами, я постараюсь ответить на эти вопросы в предлагаемой статье.

Источники

В одной из экспедиционных поездок в село Айон Чаунского района Чукотского автономного округа ко мне попал дневник, который в течение нескольких лет (1988, 1989, 1990, 1991, 1993 гг.) вел чукча-олeneвод – Сергей Григорьевич Аренков (1955 г. р.). Этот человек делал в тетради ежедневные записи о своих передвижениях, кочевках, действиях, ощущениях, окружающих людях и вещах. Дочь Сергея Аренкова передала мне 280 сохранившихся страниц дневниковых записей. Кроме описания повседневности в дневнике содержатся размышления автора, стихи и заметки. Родители Сергея (мать – Айнэнэ и отец – Григорий Аренкау) переехали с ним и двумя его младшими братьями в село Айон из села Кепервеем. Автор дневника после седьмого класса поехал на каникулы в оленеводческую бригаду и с тех пор до конца своей жизни

работал в оленеводстве. Он закончил Ольский сельхозтехникум по специальности «веттехника» и курсы бригадира в оленеводстве (ПГГА 1971–1973: 117). На момент начала написания дневника он был женат на уроженке села Айон – Раисе, которая была младше его на одиннадцать лет, имел годовалую дочь (ПГГА 1986–1989: 40; ПМА 2015а). С. Аренков работал оленеводом 5-го разряда, затем – старшим оленеводом в бригадах № 4-5 и 6-7 совхоза «Энмитагино», центральная усадьба которого располагалась в селе Айон (рис. 1).

Рис. 1. Автор дневника Аренков Сергей, оленевод бригады № 4-5 совхоза «Энмитагино», с женой Раисой и дочерью. Фотокопия автора

Кроме реалистичных дневниковых записей, которые дают представление о повседневной жизни оленевода, я использовала архивные источники для уточнения деталей, восполнения пробелов в записях и подтверждения информации, представленной в дневнике. В частности, это документы, хранящиеся в Певекском городском государственном архиве: протоколы заседаний, решения исполнительного комитета Эльвунейского сельского Совета народных депутатов (с. Айон) с 1941 по 1991 г., похозяйственные книги этого же сельского совета (1970–1989 гг.), документы колхоза «Энмитагино» (1955–1967 гг.) и совхоза «Энмитагино» (1968–1991 гг.).

Важными для воссоздания истории и понимания прошлой и современной жизни оленеводов оказались интервью. Мне удалось побеседовать с коллегой Сергея Аренкова, которого он упоминал в дневнике,

дочерью автора дневника, тремя бывшими оленеводами и бригадиром бригады № 1 совхоза «Энмитагино», бывшим веттехником оленеводом бригады № 6-7 этого же совхоза, действующим оленеводом МУП СХП «Чаунское» и двумя бригадирами других МУП СХП, кочующими летом к побережью Восточно-Сибирского моря. Благодаря интервью, публикациям из районных газет и сборника «Магаданский оленевод» были воссозданы история совхоза «Энмитагино» и маршруты бригад.

Совхоз «Энмитагино»: история, структура, природно-производственный район

В позднесоветский период в Чаунском районе было три крупных оленеводческих совхоза: «Певек», «Большевик» и «Энмитагино» (Клоков 2004: 161). По сведениям И.С. Архинчеева, до коллективизации по территории будущего совхоза «Энмитагино» кочевала эльвунейская территориальная группа чукчей, распадающаяся на ряд стойбищ, каждое из которых состояло из нескольких семей-хозяйств (Архинчеев 1957: 53–54). Бассейн Чаунской губы, по наблюдениям исследователя, являлся естественно-географическим и общественно-экономическим целым – единым комплексом определенных земельно-водных угодий, служащих географическим (впадение рек) и экономическим (место летовок) центром тяготения для оленеводов (Архинчеев 1957: 87).

Коллективизация сельского хозяйства чаунской территории началась в 1932 г. с простейшей формы коллективного хозяйствования – товариществ, которых уже в 1934 г. насчитывалось семь. В 1933 г. образовано товарищество «Энмитагино», выпасающее оленей летом на острове Айон, а зимой – в лесной материковой зоне. Например, раскулаченный оленевод Тоно-Вальгыргын (1911 г. р.), дети которого и он сам в последующем стали бригадирами совхоза «Энмитагино», до коллективизации использовал остров Айон в качестве летних пастбищ, а зимой откочевывал для выпаса на территории за современным городом Билибино (ПМА 2015а).

Остров Айон – самое малоснежное место в Арктической зоне, которое изобилует богатыми летними пастбищами и служит местом отдыха и нагула оленей, пригнанных с зимних пастбищ таежной зоны, где много гнуса и овода. Языковед П.И. Инэнликей предположил, что название острова произошло от основы *эйу-/айо-* – «оживать», т.е. место оживления оленей (Леонтьев, Новикова 1989: 58). В 1934 г. беднейшим группам мэльвунейских чукчей по постановлению Президиума Чаунского районного исполкома предоставили остров в пользование (Архинчеев 1957: 88). Однако на момент начала строительства на острове Айон полярной станции в 1941 г. он был обитаем только летом, зимой же лишь отдельные оленеводы оставались там поохотиться.

Товарищество «Энмитагино» росло и укреплялось медленно: в 1944 г. в нем числилось 23 хозяйства с общим населением 103 человека. Центральной усадьбой было стойбище «Энмитагино», а местонахождение в отчетах было обозначено как «кочующее». В 1950 г. товарищество на острове Айон было преобразовано в колхоз. В колхозе было около 10 тысяч оленей (ПГГА 1950–1958). Работы по устройству пастбищной и промысловой территории были завершены в 1951–1955 гг., и для каждого района были выделены природно-производственные комплексы. Оленеводство, как правило, выступало в качестве основной отрасли и сочеталось с другими традиционными промыслами и производствами. Чаунский природно-производственный комплекс, развивая типично тундровое крупнотабунное оленеводство, сочетал его с морским зверобойным промыслом и добычей проходного лосося (Комоедов 1983: 35). В колхозе, а затем и в совхозе «Энмитагино» работали штатные охотники. Кроме того, оленеводы помимо пастушества занимались морзверобойным и пушным промыслом. Продукция морзверя шла на приманку пушного зверя, на питание и одежду оленеводов. В 1954 г. были утверждены маршруты движения стад (ПГГА 1950–1958: 43–44).

В 1968 г. колхоз реорганизовали в совхоз с 22 667 оленями общественного поголовья и 1 393 головами личных оленей. Совхоз владел 1 344 996 га пастбищ (ПГГА 1968–1969). В 1970–1980-е гг. совхоз «Энмитагино» являлся передовым хозяйством на Чукотке, получал различные награды (Диков 1974: 337 и др.). Административно совхоз входил в Эльвунейский сельский совет. Хозяйство имело два отделения: Алискеровское и Айонское – всего восемь оленеводческих бригад и четыре охотучастка.

Во второй половине 1980-х гг. в совхозе работали уже шесть бригад, две из них укрупнили – бригады № 6-7 и № 5-8. Традиционно бригады совхоза делились на «айонских» и «лесных» в соответствии с организацией миграций. «Айонские» бригады на лето перегоняли стада на остров, где они могли свободно выпасаться и не требовали круглосуточного окарауливания, что позволяло оленеводам заниматься периодически охотой на нерпу. Осенью пастухи вместе с оленями откочевывали на зимние пастбища в материковую часть. «Лесные» бригады имели более длинный маршрут: зимой они кочевали в верховьях реки Раучуа и ее притоков. В этих гористых местах была хорошая кормовая база для оленей, при этом они были защищены естественными заслонами в виде сопков и зимой не требовали круглосуточного окарауливания. Оленеводы этих бригад в зимнее время занимались охотой на пушного зверя и на горных баранов. Летом стада подгоняли к побережью Восточно-Сибирского моря, и именно этот период для пастухов «лесных» бригад был самым напряженным (ПИМА 2015а). Так, в 1960-е гг. у оленеводов «лесной» бригады № 4 возникли претензии к бригадиру Коравье. Причиной

недовольства они называли нежелание Коровье выходить на летовку к морю, из-за чего «телята становятся мелкими, а олени худыми». Оленеводы предложили директору совхоза заменить Коровье на другого человека – Краля (сына вышеупомянутого Тоно-Вальгыргына). После назначения Краля бригадиром бригада стала одной из передовых. В нее вошли оленеводы, которые в последующем, в 1980-х гг., стали бригадирами других «лесных» бригад (Кухаренко 1975: 6).

У «айонских» и «лесных» бригад различались не только маршруты выпаса оленей, но и система управления. Например, в айонской зоне, в связи с постоянными перемещениями и отпусками стад, в октябре формировалось одно на две бригады забойное стадо, в то время как в лесной зоне каждая бригада должна была проводить забой отдельно (ПГТА 1990а: 86).

В 1984 г. бригады № 4 и № 5-8 слились. Соответственно, работали уже пять бригад: две из них (№ 1 и № 2) – на айонском направлении и три (№ 3, № 4–5, № 6–7) – «лесные». В хозяйстве совхоза «Энмитагино» числилось две перевалбазы: на реке Наглейнываам (для «айонских» бригад) и на реке Волчьей (для «лесных» бригад), а также два убойных пункта: недалеко от села Айон и в поселении Бараниха. В 1960-х гг. в поселениях Бараниха и Алискерово совхозом были куплены дома для перевалочных баз, где оленеводы могли отдохнуть во время длительной кочевки. Однако вопрос об укреплении баз, строительстве дополнительных домиков и коралей поднимался почти на всех итоговых заседаниях сельского совета.

Несмотря на отмечаемый в целом по оленеводству Северо-Востока спад в годы перестройки (Бацаев 2001: 137), к 1990 г. финансово-хозяйственная деятельность совхоза «Энмитагино» улучшилась. В 1989 г. совхоз выполнил план по сдаче мяса на 112% (ПГТА 1990б: 71). Дестабилизация и реальные проблемы у совхоза начались в середине 1990-х гг. В 1996 г. за прогулы уволили 10 оленеводов, 10 оленеводов были сокращены, еще 17 человек ушли на пенсию (ПГТА 1996: 23). Численность бригад была пересмотрена. Вместо 90 человек в 1989 г. в середине 1990-х гг. осталось 40 оленеводов и 4 бригады (2 «айонские» и 2 «лесные»). От 25-тысячного стада совхоза «Энмитагино» осталось 1 200 голов оленей. В 2003 г. совхоз «Энмитагино» был расформирован, всё сохранившееся имущество, включая технику, производственные постройки, поголовье оленей, перешло в более крупное хозяйство – муниципальное предприятие сельскохозяйственных товаропроизводителей «Чаунское» (Клоков 2004: 161). На базе бывшего совхоза образовано отделение с одной бригадой. В 2007 г. в стаде выпасалось 5 тысяч оленей, и оно было разделено на две бригады – «айонскую» и «лесную» (ПИМА 2015а). Такое положение сохраняется в настоящее время. По сведениям авторов книги «Арктика: атлас кочевых технологий», в 2017 г. две

бригады отделения «Айон» МУП СХП «Чаунское» – 5-я (бригадир – Вячеслав Рультын) и 6-я (бригадир – Андрей Люлькаль) – выпасали 3,7 и 3,2 тысячи оленей соответственно. Весенняя корализация в бригадах Айона проводится сейчас на ручье возле пос. Бараниха, а осенняя – в 30 км от села Айон (Головнев, Куканов, Перевалова 2018: 40–43).

Оленеводческая бригада: освоенное пространство и люди

Сергей Аренков большую часть своей оленеводческой карьеры проработал в «лесной» бригаде № 4-5. В совхозе «Энмитагино» эта бригада считалась самой успешной и многочисленной. В 1990 г. в ней числились 28 человек, в то время как в других четырех бригадах работали от 15 до 20 человек (ПГГА 1990в: 2). Несмотря на периодическое изменение личного и численного состава бригады Сергея Аренкова, в ней было около 40% женщин, несколько семей с детьми и 3–4 одиноких пожилых оленевода. Согласно дневниковым записям, в бригаде было шесть палаток, в одной из которой жили старики, а вторую делили две семьи с детьми (Дневник 1989: 41). Стадо этой бригады в 1990 г. насчитывало 5 665 оленей (Дневник 1990: 136). За бригадой был закреплен вездеход ГТТ. В летнее время в помощь направлялись вездеход ГАЗ-71 и трактор Т-130Б. Также у трех оленеводов имелись личные снегоходы «Буран», однако для перекочевов в зимнее время чаще всего использовались олени упряжки.

Согласно похозяйственным книгам, за оленеводами числились личные олени. Так, у семьи Сергея Аренкова было 22 личных оленя, у его одинокого младшего брата Федора – 8 самцов-трехлеток. У самого пожилого члена бригады Куттегина (1926 г. р.) в 1987 г. было 8 оленей, а к 1989 г. стало 26. Бригадир Михаил Вительгин (1942 г. р.) за два года нарастил свое личное стадо с 17 до 57 голов (ПГГА 1986–1989). В совхозе практиковался выкуп личных оленей для бригад, например, в случае, если оленевод переезжал в другое село или менял место работы. Так, у веттехника Ф. в 1990 г. совхоз выкупил 5 нетелей и 7 бычков весом 875 кг за 883 рубля (ПГГА 1990в: 29).

Маршрут движения стада бригады Сергея Аренкова в течение года был достаточно длинным – больше 250 км в одну сторону – и тянулся от верховьев реки Раучуа и ее притоков до побережья Восточно-Сибирского моря (рис. 2). Реки не являлись преградой для движения оленьих стад, так как большую часть года покрыты льдом. Когда же они освобождались ото льда, олени уже были на побережье. Далее, с наступлением холодов, когда реки покрывались льдом и появлялся снежный путь, оленеводы снимались с летовок и двигались по речным долинам по реке Раучуа и ее левому притоку Номнуквеему обратно – в места, закрытые от ветра высотами, богатые кормом для оленей и древостоем. Горы,

служащие водоразделом речных систем – р. Рауча на востоке и р. М. Анюй на западе, являются лучшими местами для отела оленей (Архинчиев 1957: 87), и именно в этих местах проходили зимние и весенние кочевки бригады.

Рис. 2. Маршрут кочевания оленеводов бригады № 4-5 совхоза «Энмитагино»

Иногда маршруты бригад и решения оленеводов в выборе лучших мест для выпаса корректировались администрацией совхоза. В дневнике имеются неоднократные свидетельства этого, например: «26 сентября 1988. Все стадо на [р.]² Номнуквееме... Будем двигаться со стадом с сторону [поселок] Алискерово, так как в этом году администрация совхоза решила провести корализацию первыми в 6-7 бригаде» (Дневник 1988: 153).

Бригада Сергея Аренкова, как и другие бригады Чаунского района, сформировала свой зимний внутритундровый круговой маршрут с удобной сетью внутренних коммуникаций и облегченным контролем движения стад (Головнев и др. 2018: 32). В соответствии с записями в дневнике, в 1989 г. это зимне-весеннее круговое пространство охватывало с севера правый приток р. М. Анюй – р. Кайпауктуваам, с востока –

р. Росомашью, с юга – предгорья г. Пыркакай, с запада – р. М. Анюй и ее приток – р. Волчья, на которой размещалась перевалбаза «лесных» бригад (рис. 3). Вверх по р. М. Анюй на север располагался ныне закрытый поселок горняков Алискерово, с населением 1 300 человек.

12 марта 1989. Сегодня кочевка... кочевали шестью караванами. Первыми кочевали Л. с шестью нартами, потом Рая [жена] с пятью. Следом за Раей Валя с четырьмя нартами. За Валею с двумя, на которых был погружен «Буран». За мной Д. Кочевка длинноватая. Вначале двигались вниз по реке Росомашьей, потом по Анюйской долине до Волчьего. Встали в полукилометре от перевалбазы [на р. Волчьей]... Одну палатку поставили под гараж для «Бурана».

13 марта 1989. Решили сегодня забивать оленей для Тяжелых [яранг]... Забили двух оленей: одну ванкашор [ванкашор]³ для старух, и реквут [рэквут]⁴ для бригадира... Вначале отвезли мясо в Тяжелые [яранги], где и попили чай. В Тяжелые [яранги] прикочевала палатка с основного [стада]. После чая мы поехали дальше вверх по Волчьему, где проверили капканы. Оттуда через перевал по чукотской просеке на Анюй. Когда ехали вдоль Анюя к палаткам видели основное стадо (Дневник 1989: 36–37).

Рис. 3. Места зимнего выпаса оленей бригады № 4-5 совхоза «Энмитагино» в 1989 г.

Эта местность хорошо укрывала стадо от ветров и обеспечивала оленеводов топливом. Здесь же располагались так называемые тяжелые яранги, т.е. промежуточная база бригады, где были установлены яранги и в зимнее время проживали пожилые женщины и старики, а также нередко находился бригадир. Пастухи с семьями кочевали за стадом с палатками, но периодически приезжали/приходили к месту размещения «тяжелых яранг».

Начиная с июня пастухи двигались с оленями к морскому побережью. На побережье постоянно дуют северные ветры, а средняя температура не превышает 11°C, при этом снег сходит уже в конце мая. Спасаясь от овода и гнуса, в июле оленеводы со стадом подходили к реке Уртыкууль на северо-западе полуострова Кыттык. В устье этой реки совхозом был обустроен охотничий домик (ПГТА 1989: 53), и в этой же реке с июля по октябрь проводился основной вылов гольца и ряпушки. Устья рек этого района являлись традиционно угодьями для промысла рыбы, нерпы, песка, для сбора поделочного материала, плавника, а также представляли удобный водный путь для товарообмена (Архинчеев 1957: 88). В период летовок Сергея Аренкова в эти места подъезжал вездеход из села Айон с продуктами, и на нем пастухи периодически ездили в село.

В середине июля основное стадо бригады № 4-5 выпасалось на озере Инымчун, в 40 км от острова Айон. В целом пути годичного движения этой бригады повторяли движение эльвунейских оленеводов, традиционные маршруты которых застал и описал в 1930-х гг. И.С. Архинчеев.

Соседство в тундре: коммуникативное пространство и новые ресурсы

В процессе кочевания по маршруту бригада Сергея Аренкова постоянно пересекалась и контактировала с двумя другими «лесными» бригадами своего совхоза. Судя по записям в дневнике, между тремя бригадами были установлены тесные взаимоотношения. Они делили одну перевалочную базу на р. Волчьей, ездили друг к другу в гости и совместно отмечали оленеводческие праздники: *«17 марта 1989. Сегодня чукотский праздник Ульвев⁵. Праздником его можно назвать с натяжкой, так как в этот день очень много работы. Особенно женщинам. Да и вставать приходится очень рано. Утром пригнали основное стадо к палаткам. Помогли и гости с тройки [бригады № 3], приехавшие вчера... Приезжали на "Буране" К-ки. Приехали К-гын с женой. И так всего людей сейчас много... Бригада № 4-5 – 22 человека, с 3-ей [бригады] – 7 человек, с 6-7 [бригады] – 2 человека и айонская старуха. Оказалось 32 человека»* (Дневник 1989: 39–42).

Административное разграничение бригад не было помехой для активных коммуникаций с коллегами в процессе выпаса оленей (рис. 4).

Части («куски») стада одной бригады смешивались со стадом другой, затем отбивались пастухами; в случае необходимости бригады использовали технику друг друга, палатки (Дневник 1991; ПМА 2015a).

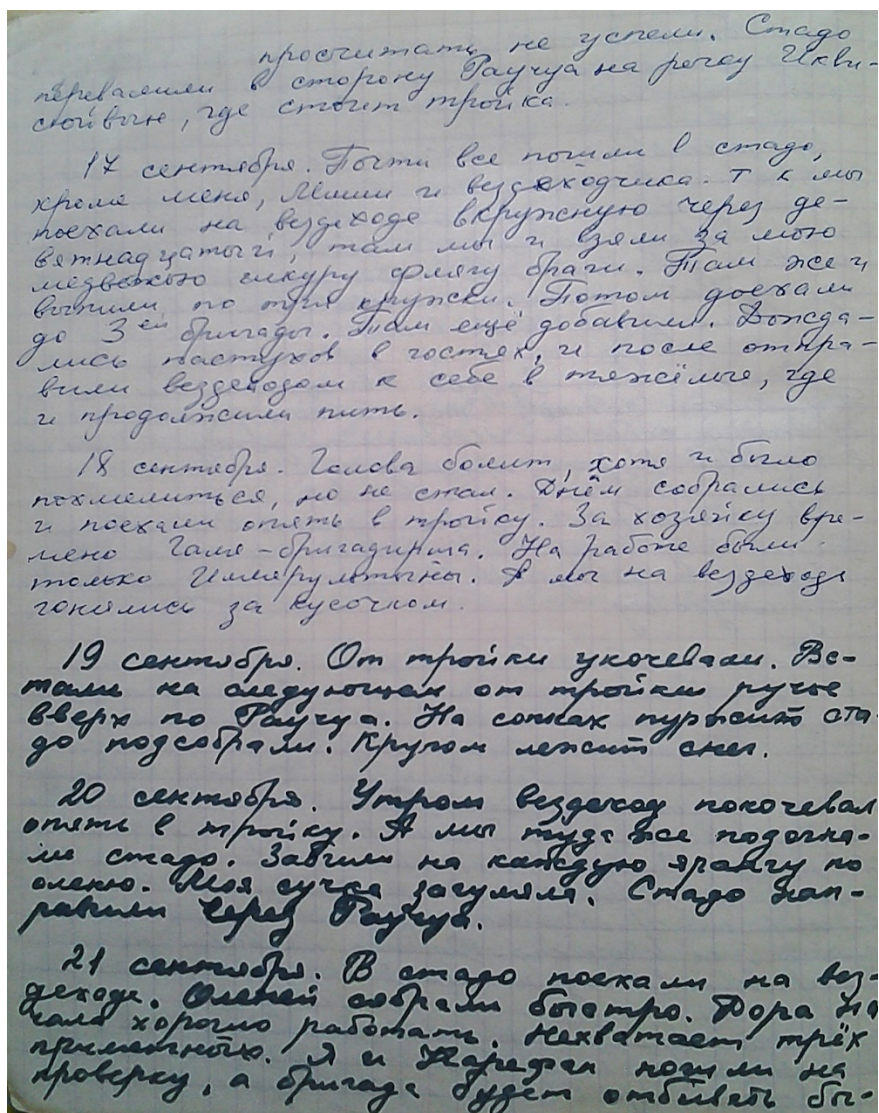

Рис. 4. Страница из дневника Сергея Аренкова, запись 1988 г. Фото автора

По всему маршруту три бригады работали как единый механизм. Этому во многом способствовала территория, по которой кочевали «лесные» бригады. Есть сведения, что в начале 1930-х гг. на зимних пастбищах, расположенных в верховьях рек бассейна Чаунской губы, половина

стад насчитывала не более 500 оленей каждое, что позволяло использовать малые контуры ягельников. На летних пастбищах побережья с богатой растительностью происходило укрупнение стад. Например, ичуньские оленеводы летовали на береговой полосе Восточно-Сибирского моря, где на расстоянии 40-километровой полосы скапливалось до 12 тысяч голов. Объединение стад было вызвано также необходимостью высвобождения части трудоспособного населения для ведения морского зверобойного промысла (Комоедов 1983: 35). Такая практика ситуационного разъединения/объединения стад способствовала гармонизации пространства кочевания, людей, техники и оленей. При этом администрации совхоза такое положение не нравилось: *«В укрупненных бригадах 4-5 и 6-7... Часто наблюдается и такое, что маршруты движения стад двух бригад пересекаются, в результате чего происходит смешение стад, то есть оленеводы не имеют четких графиков движения стад по маршруту и постоянной радиосвязи друг с другом»* (ПГГА 1984: 31). Гармония оленеводов оказывалась дисгармонией для руководства совхоза и администрации.

На зимне-весеннем участке миграций (р. Номнуквеем, р. М. Анюй, р. Кайпауктуваам) бригада Сергея Аренкова выходила за пределы границ своего административного района и кочевала в границах соседнего Билибинского района. Здесь происходил совместный выпас оленей и использование пастбищ совхозами «Вперед», «им. 40 лет Октября» и «Энмитагино» (Комоедов 1983: 35; ПМА 2015а; ПМА 2020). В дневнике Сергей Аренков неоднократно писал о встречах с кепервеевскими и илирнейскими бригадами (Дневник 1989: 77 и др.). Судя по записям, у бригады складывались с пастухами других совхозов хорошие отношения, и конфликтов из-за пастбищ не возникало. Например, однажды илирнейцы подарили одному из членов бригады оленя (Дневник 1990: 111). На одном из заседаний сельсовета руководство даже поставило в пример бригаду № 4-5 за налаживание связей и взаимодействие с близкими бригадами соседних совхозов (ПГГА 1989: 84).

Чаунский и Билибинский районы были территориями активного развития промышленности на протяжении всего советского периода. Еще в 1941 г. в Чаунской зоне работали 7 геологических партий. С 1984 по 1992 г. добыча золота в Чаунском районе составляла больше 1000 кг за один промсезон. Кроме развития горнодобывающей отрасли в районе велось строительство, прокладывались высоковольтные линии электропередач, проводились разведывательные работы (Чукотка... 1995). Следы промышленного освоения тундровой зоны чаще всего негативно влияли на оленей пастбища и выпас. Однако в интервью и дневниковых записях имеются свидетельства использования бывших артельных стоянок в качестве ресурса: дров, запчастей, инструментов и т.д. (ПМА 2015а; ПМА 2015б). У Сергея Аренкова есть рассуждения о том, что благодаря

промышленному изменению ландшафта учить пастушеству молодых людей стало легче⁶: *«11 апреля 1989. [Старший оленевод объясняет молодому, как найти петлю речки, куда необходимо пригнать откол стада] ...слушай меня внимательно. Вот речка перед твоими глазами. Вдоль неё идёт старая дорога. Ты её не потеряешь. Видишь бочки как в линию выстроились? Так вот эта дорога. А на третьей речке старая стоянка геологов. Там ты увидишь много бочек. И ещё приметы стоянки. Стоянку это видно далеко из-за навороченной земли, видать бульдозерами работали. И теперь главное оленей на эту стоянку ни в коем случае не пускай... Ну теперь Женя не заблудится. Мимо стоянки не пройдёт, обязательно посмотрит, поковыряется, как никак цивилизация, вернее её следы, которые десятилетия будут ориентирами... не то что раньше, когда я начинал пастушить. Ни этой дороги, ни бочек, ни стоянок геологических не было. Как со мной мучился брат, стараясь научить ориентироваться. Ведь для меня тогда все речки, сопки были близнецами и, поневоле, иногда терялся или не туда угонял оленей»* (Дневник 1989: 58–59).

Оленеводы не были одиноки в тундре: недалеко от маршрутов бригад совхоза «Эгмитагино», сменяя друг друга, работали геологические партии, старательские артели, строители и прокладчики дорог. Наряду с официальным государственным регулированием экономических отношений между совхозами и промышленниками у оленеводов складывались и свои социальные и обменные связи со старателями и буровиками (Головнев и др. 2018: 24). Например, бригадир оленеводческой бригады № 4-5 периодически брал у одной из старательских артелей трактор для помощи при перекочевках и для поиска отколов. За это бригада отдавала артели две туши оленей (Дневник 1990: 178).

Стоянки старателей и буровиков использовали также в качестве мест отдыха на маршруте: *«29 августа 1988. Должен был быть праздник, но так как стадо не собрано, его нет. Утром я пошел на работу. Вначале вниз по Раучуа, туда, где впадает ручей Мутный. Передние олени были там. Их оказалось голов тридцать. Чай решил попить у буровиков, там и встретил Хохла [Евгения Инанто], у которого тоже был кусок [стада]... Я пошел проверять по ручью Мутному и не зря. Там оказался большой кусок, который уже заворачивала гостья нашей бригады Валя [олeneвод бригады № 3]... Погнали дальше на перевал. Здесь забил буровикам пенвеля [оленья-самца]. 2 сентября 1988. Собирали оленей в сторону Раучуа... Перегнал поздно. Ночевать пошел к буровикам, где встретил всех пастухов. 3 сентября 1988. Со стадом справились быстро... Ночевал опять у буровиков»* (Дневник 1988: 145–147).

Подобное соседство воспринималось как ресурс и включалось в социальный ландшафт бригады Сергея Аренкова. Взаимодействие строилось на принципах реципрокности: буровики, геологи, строители получали мясо, оленеводы – место отдыха, чай и алкоголь.

Алкоголь в социальном ландшафте оленеводческой бригады

В середине 1980-х гг., после выхода Постановления Совета Министров СССР от 7 мая 1985 г. «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения» на реализацию спиртных напитков был установлен лимит и введены талоны на алкоголь, которые нередко были средством поощрения за хорошую работу. В условиях ограничений распространилась продажа самогона и браги (Исаков 1999: 13–14). В селах Чукотки кроме талонов в магазинах вводилось ограничение по времени и дням продажи спиртных напитков. Оленеводы, работающие в тундре, могли получить талоны и отovarить их только во время пребывания в селе.

В 1990 г. исполнительный комитет Эльвунейского сельского совета, ссылаясь на «неоднократные просьбы оленеводов» и «руководствуясь социальной справедливостью», принял решение «организовать вывоз и продажу спиртных напитков согласно талонам в оленеводческие бригады в праздники при наличии транспорта» (ПГГА 1990а: 62). Однако прокурор Чаунского района это решение отменил и постановил администрации совхоза самим отovarивать в магазине талоны оленеводов и доставлять спиртное по необходимости в оленеводческие бригады (ПГГА 1990б: 85). Подобная забота была скорее мерой противодействия частым отлучкам оленеводов для поиска спиртного и оставления стада без присмотра. Так, в одном из отчетов депутаты Эльвунейского сельского совета указывали, что имеют место уходы оленеводов на Бараниху, в п. Алискерово и с. Айон без разрешения администрации совхоза «Энми-тагино» и бригадиров. *«И всем понятно, чем там занимаются пастухи. Бросают стадо и самовольно уходят «отдыхать»»* (ПГГА 1984: 29).

Новые ритмы кочевой жизни – сменно-звеньевая форма организации труда оленеводов, увеличение количества транспортных средств в бригадах, строительство вблизи маршрутов трасс и появление дополнительных вариантов передвижения – внесли изменения в организацию повседневной жизни пастухов. К охоте на баранов и пушного зверя в позднесоветское время добавилась охота за алкоголем. При этом, как и все новые элементы, эта охота была органично вписана в процесс выпаса: *«11 августа 1989. Переваливаем в Билибинский район. На вездеходе поехали за перевал я, Эт-тын и Слава. На перевале стрелял в барана. Мимо, далеко. Передних [оленей] арестовали быстро. Перевалили после чая на Крутой. Там и собрали стадо. Забили хромого теленка и поехали в Алискерово. Не вовремя. Нашли только брагу у Т-вых, хоть и ходили с Ваней долго. Ночью были в палатке»* (Дневник 1989: 70).

Бригада Сергея Аренкова нередко кочевала вблизи горняцких поселков, старательских артелей и трасс. Эта близость использовалась в качестве возможности для приобретения спиртного (ПМА 2015а). Как сказал

один из моих собеседников, бывший оленевод, «Бараниха была нашим рестораном. Мы ездили туда пить» (ПМА 2020).

Сменный график работы предполагал один день отдыха раз в пять дней у оленеводов и пересменку звеньев, т.е. более длительный отдых после 15–30 дней работы в тундре (Сменно-звеньевая... 1985). К.В. Истомин, описывая сменный выпас, отметил деление оленеводов на две группы: одна группа находится со стадом, другая – в поселке, затем они меняются (Истомин 2015: 21). Вот как описывал Сергей Аренков один из своих выходных, который в итоге затянулся более чем на неделю: «4 марта 1991. Решил идти в [поселок] Алискерово. Информировал бригадира и в 11 часов покинул дом [стойбище]. Шел 4 часа до самого поселка. Как назло ни одной машины. Зашел сразу к Р-ым. Говорят, пришел зря, так как на прииске не дают денег, но я решил все-таки найти покупателя на тушу, которую забил в основном для себя. Еле нашел, обойдя несколько точек, да и то, за литр спирта. Пил у Р-ных на один с Крючком и ст. маркшейдером. Спал там же. 5 марта 1991. Похмелился. Вдруг объявился на “Буране” И. Я сразу упросил отвезти меня в бригаду... снегоход забарахлил... вернулся к Р-им» (Дневник 1991: 173).

Судя по ежедневным описаниям, поиск и распитие спиртного происходили без какого-либо плана и системы: в процессе устанавливались новые социальные связи и поддерживались старые, параллельно шел поиск ресурса для приобретения алкоголя, траектории передвижения варьировали (олeneводы могли из поселка поехать в соседнюю бригаду, оттуда к буровикам и потом обратно в поселок). Такой непредсказуемый ритм был схож с поиском отколовшихся «кусков» стада: задача вернуть оленей и присоединить их к основному стаду заставляла оленеводов двигаться в заранее неизвестном направлении и по дороге искать не только оленей, но и дрова, возможности для отдыха, полезные контакты. Зачастую две эти практики – поиск откола стада и алкоголя – перемежались.

Заключение

Позднесоветское время для оленеводов Чукотки стало апогеем инкорпорирования самых разных элементов в организацию жизни в тундре и вне ее. Ресурсы (высокие зарплаты, транспортная и продуктовая обеспеченность по всему маршруту, квартиры в селе и обустроенные базы), время (работа и отдых по графику, отпуска, укомплектованность бригад пастухами), знания (опыт досовхозного поколения оленеводов и научные достижения советского оленеводства), связи (с оленями, со знакомыми и новыми людьми) – все в совокупности увязывалось с освоенным географическим пространством. Социальный ландшафт позднесоветских оленеводов Чукотки был пестрым и многообразным.

В настоящее время нет устоявшегося определения понятия «социальный ландшафт», что, на мой взгляд, вполне объяснимо. Его содержание не может быть устойчивым и зависит от конкретных условий, контекста и самого представления о ландшафте. Социальное поле оленеводов оказалось неотделимым от довольно обширной территории их кочевания и оседлости. Множество действий в этом природно-географическом пространстве было завязано на коммуникации (с людьми, животными, советскими институциями) и поиске (дров, алкоголя, отколов стада, запчастей для техники, лучшего корма для оленей).

Каждая локация по маршруту кочевания была не только «петлей» реки, где хороший корм для оленей, но и, например, стоянкой буровиков, у которых можно попить чаю или выменять алкоголь; не просто перевалом, через который гонят оленей на следующее пастбище, но и местом встречи с коллегами-олeneводами из других бригад. В ландшафте каждый компонент включает в себе всю совокупность отношений с другими компонентами. Ландшафт становится частью людей, как и люди – его частью (Ingold 2000: 191). Гармонизация социального поля и любых новых элементов с природным пространством была, на мой взгляд, основной стратегией жизни чукотских оленеводов.

Примечания

¹ Поддержка оленеводства осуществляется в рамках государственной программы «Развитие агропромышленного комплекса Чукотского автономного округа», утвержденной Постановлением Правительства Чукотского автономного округа от 21 октября 2013 года № 411.

² В цитатах из дневника в квадратных скобках приводятся уточнения автора статьи.

³ *Ваңқасқор* – чук. двухлетняя важенка оленя, нетель (Венстен 2018: 233).

⁴ *Рэквыт* – чук. важенка трех лет и старше (Венстен 2018: 735).

⁵ В соответствии с хозяйственным календарем праздник был приурочен к весенней корализации и сопровождался бегом на оленьих упряжках. В разных источниках оленеводческий праздник под названием «Ульвэв» относят к зимнему времени (декабрь-январь) и, наоборот, к летнему (май-июнь).

⁶ В 1980-х гг. советские этнографы, проводившие этнологическую экспертизу на Чукотке, отмечали, что молодые оленеводы-бригадиры умеют руководить стадом («держат стадо»), но не знают в достаточной мере оленеводческих угодий, не представляют в необходимой мере тонкостей пастбищеоборота. Это было связано, согласно выводам исследователей, с особенностями воспитания и образования коренного населения Севера вообще – воспитания в поселковых условиях и интернатах (Этнологическая экспертиза... 2006: 64).

Список источников

Архинцев И.С. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства // Сибирский этнографический сборник. II. Труды института этнографии АН СССР. Т. 35. М.; Л., 1957.

Бацаев И.Д. Агропромышленный комплекс Северо-Востока России 1954–1991 гг. (этапы развития, особенности, эффективность). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001.

- Венстен Ш. Чукотско-французско-англо-русский словарь. Т. 1. СПб.: Лема, 2018.
- Головнев А.В., Куканов Д.А., Первалова Е.В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018.
- Диков Н.Н. Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск: Наука, 1974.
- Дневник Аренкова Сергея Григорьевича (1988, 1989, 1990, 1991, 1993 гг.). Рукопись. 280 с.
- Исаков А.Н. Северо-Восток России в годы перестройки и перехода к рыночным отношениям (1985–1995). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999.
- Истомин К.В. Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: снегоходная революция и рыночная реставрация // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 17–25.
- Клоков К.Б. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России: информационно-аналитический обзор. Т. 1. СПб.: ВВМ, 2004.
- Комоедов А.И. О пространственной организации оленеводства Чукотского автономного округа // Магаданский оленевод. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. Вып. 35. С. 34–36.
- Кухаренко Т. Родные берега // Полярная звезда. 1975. Вып. 18. С. 6.
- Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан: Кн. изд-во, 1989.
- Нувано В.Н. Влияние рыночных реформ на оленеводство Чукотского автономного округа: социальные последствия, способы оптимизации // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 4. Новосибирск: Новосиб. национ. исслед. гос. ун-т, 2001. С. 114–118.
- Пасенюк Л.М. По Чаун-Чукотке: Очерки. М.: Современник, 1984.
- Полевые материалы автора (ПМА). Айон, сентябрь 2015а.
- ПМА. Рыткучи, октябрь 2015б.
- ПМА. Илirней, август-сентябрь 2020 г.
- Сменно-звеньевая форма организации труда в оленеводстве Магаданской области: метод. рекомендации. Новосибирск: Сиб. отд-е ВАСХНИЛ, 1985.
- Певекский городской государственный архив (ПГГА). Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 133. Протоколы сессий сельского Совета, решения, принятые сессиями, за 1989 г.
- ПГГА. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 139. Протоколы сессий сельского Совета и материалы к ним за 1990а г.
- ПГГА. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 143. Протоколы сессий сельского Совета и материалы к ним за 1990б г.
- ПГГА. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 4. Протоколы сессий сельского Совета, решения, принятые сессиями, за 1950–1958 гг.
- ПГГА. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 94. Протоколы сессий сельского Совета и материалы к ним за 1984 год.
- ПГГА. Ф. Р-16. Оп. 4. Д. 13. Похозяйственные книги. 1971–1973 гг.
- ПГГА. Ф. Р-16. Оп. 4. Д. 38. Похозяйственные книги. 1986–1989 гг.
- ПГГА. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 224. Приказы директора по основной деятельности за 1990в г.
- ПГГА. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 257. Приказы директора по основной деятельности за 1996 г.
- ПГГА. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 4. Итоговые производственно-экономические показатели деятельности совхоза за 1968–1969 гг.
- Чукотка: Природно-экономический очерк. М.: Арт-Литекс, 1995.
- Этнологическая экспертиза: Народы Севера России, 1981–1984 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭАРАН, 2006.
- Gray Patty A. Chukotkan reindeer husbandry in the post-socialist transition // Polar Research. 2000. № 19(1). P. 31–37.
- Ingold T. The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. London: Routledge, 2000.

References

Arenkov Sergei Grigor'evich's Diary (1988, 1989, 1990, 1991, 1993 gg.). Manuscript. 280 s.

- Arkhincheev I.S. (1957) Materialy dlia kharakteristiki sotsialnykh otnoshenii chukchei v sviazi s sotsialisticheskoi rekonstruktsiei khoziaistva [Materials for Characterizing the Social Relations of the Chukchi in Connection with the Socialist Reconstruction of the Economy]. In: *Sibirskii etnograficheskii sbornik* [Siberian ethnographic collection]. Vol. II. Trudy Instituta Etnografii AN SSSR, no. 35. Moscow; Leningrad.
- Author's Field Materials (PMA). Aion, September 2015a; Rytkuchi, October 2015b; Ilirnei, August–September 2020.
- Batsaev I.D. (2001) *Agropromyshlennyi kompleks Severo-Vostoka Rossii 1954–1991 (etapy razvitiia, osobennosti, effektivnost)* [Agro-Industrial Complex of the North-East of Russia 1954–1991 (Stages of Development, Features, Effectiveness)]. Magadan.
- Chukotka: Prirodno-ekonomicheskii ocherk* (1995) [Chukotka: Natural and economic essay]. Moscow.
- Dikov N.N. (1974) *Ocherki istorii Chukotki s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [Essays on the History of Chukotka from Ancient Times to the Present Day]. Novosibirsk.
- Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii, 1981–1984 gody* (2006) [Ethnological Expertise: Peoples of the North of Russia, 1981–1984], red. Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow.
- Pevekskii gorodskoi gosudarstvennyi arkhiv [Pevek City State Archive] (PGGA). Fund R-16. List 1. File 133. Protokoly sessii sel'skogo Soveta, resheniia, priniatie sessiiami, za 1989 g. [Minutes of the Village Council sessions, decisions taken by the sessions, 1989].
- PGGA. Fund R-16. List 1. File 139. Protokoly sessii sel'skogo Soveta i materialy k nim za 1990a g. [Minutes of sessions of the Village Council and materials for them for 1990a].
- PGGA. Fund R-16. List 1. File 143. Protokoly sessii sel'skogo Soveta i materialy k nim za 1990b g. [Minutes of sessions of the Village Council and materials for them for 1990b].
- PGGA. Fund R-16. List 1. File 4. Protokoly sessii sel'skogo Soveta, resheniia, priniatie sessiiami, za 1950–1958 gg. [Minutes of the Village Council sessions, decisions taken by the sessions, 1950–1958].
- PGGA. Fund R-16. List 1. File 94. Protokoly sessii sel'skogo Soveta i materialy k nim za 1984 god [Minutes of sessions of the Village Council and materials for them for 1984].
- PGGA. Fund R-16. List 4. File 13. Pokhoziaistvennye knigi [Rural Household Register]. 1971–1973 gg.
- PGGA. Fund R-16. List 4. File 38. Pokhoziaistvennye knigi [Rural Household Register]. 1986–1989 gg.
- PGGA. Fund R-56. List 1. File 224. Prikazy direktora po osnovnoi deiatel'nosti za 1990v g. [Director's Orders for the mail activity, 1990v].
- PGGA. Fund R-56. List 1. File 257. Prikazy direktora po osnovnoi deiatel'nosti za 1996 g. [Director's Orders for the main activity, 1996].
- PGGA. Fund R-56. List 1. File 4. Itogovye proizvodstvenno-ekonomicheskie pokazateli deiatel'nosti sovkhoza za 1968–1969 gg. [The final production and economic indicators of the activity of the state farm for 1968–1969].
- Golovnev A.V., Kukanov D.A., Perevalova E.V. (2018) *Arktika: atlas kochevykh tekhnologii* [The Arctic: Atlas of Nomadic Technologies]. St. Petersburg.
- Gray Patty A. (2000) Chukotkan reindeer husbandry in the post-socialist transition, *Polar Research*, no. 19(1), pp. 31–37.
- Ingold T. (2000) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London.
- Isakov A.N. (1999) *Severo-Vostok Rossii v gody perestroiki i perekhoda k rynochnym otnosheniiam (1985–1995)* [North-East of Russia during the years of Perestroika and Transition to Market Relations (1985–1995)]. Magadan.
- Istomin K.V. (2015) Kochevaia mobilnost komi-izhemsikh olenevodov: snegokhodnaia revoliutsiia i rynochnaia restavratsiia [Nomadic Mobility of Komi-Izhma Reindeer Breeders: Snowmobile Revolution and Market Restoration], *Uralskii istoricheskii vestnik*, no. 2(47), pp. 17–25.

- Klovov K.B. (2004) *Olenevodcheskoe hoziaistvo korennykh narodov Severa Rossii: informatsionno-analiticheskii obzor* [Reindeer Herding Economy of the Indigenous Peoples of the North of Russia: Informational and Analytical Review]. Vol. 1. St. Petersburg.
- Komoedov A.I. (1983) O prostranstvennoi organizatsii olenevodstva Chukotskogo avtonomnogo okruga [On the Spatial Organization of Reindeer Husbandry in the Chukotka Autonomous Okrug]. In: *Magadanskii olenevod* [Magadan Reindeer Breeder]. Vol. 35. Magadan, pp. 34–36.
- Kukhareno T. (1975) Rodnye berega [Native Shores], *Poljarnaja zvezda*, no. 18, p. 6.
- Nuvano V.N. (2001) Vliianie rynochnykh reform na olenevodstvo Chukotskogo avtonomnogo okruga: sotsialnye posledstviia, sposoby optimizatsii [The Impact of Market Reforms on Reindeer Husbandry in the Chukotka Autonomous Okrug: Social Consequences, Ways of Optimization]. In: *Etnosotsialnye protsessy v Sibiri*. Vol. 4. Novosibirsk, pp. 114–118.
- Paseniuk L.M. (1984) *Po Chaun-Chukotke: Ocherki* [On Chaun-Chukotka: Essays]. Moscow.
- Smenno-zvenievaia forma organizatsii truda v olenevodstve Magadanskoi oblasti: Metodicheskie rekomendatsii* (1985) [Shift-link form of labor organization in reindeer husbandry of the Magadan region: Guidelines]. Novosibirsk.
- Vensten Sh. (2018) *Chukotsko-francuzsko-anglo-russkij slovar* [Chukchi-French-English-Russian Dictionary]. Vol. 1. St. Petersburg.

Сведения об авторе:

ЯРЗУТКИНА Анастасия Алексеевна – кандидат исторических наук, начальник научно-образовательного центра, Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, старший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» СВФУ (Анадырь, Россия). E-mail: jarzut@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Anastasiia A. Yarzutkina, Chukotka branch of North-Eastern Federal University (Anadyr, Russian Federation). E-mail: jarzut@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 11 июля 2023;
принята к публикации 29 августа 2023.*

*The article was submitted 11.07.2023;
accepted for publication 29.08.2023.*

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОГЛАХТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА: ХРОНОЛОГИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ (отв. ред. специальной темы номера – О.В. Зайцева)

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/2312461X/41/11

В поисках пустоты: проблемы и перспективы обнаружения погребений с сохранный органикой на Оглахтинском могильнике. Введение к специальной теме

Ольга Викторовна Зайцева

*Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева,
Усть-Каменогорск, Казахстан
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия
snori76@mail.ru*

Аннотация. Обсуждаются современные проблемы и перспективы исследования Оглахтинского могильника, известного экстраординарной сохранностью органических материалов. Описаны природные и антропогенные факторы, сочетание которых позволило сохраниться в части погребений Оглахтинского могильника предметам из дерева, кожи и тканей.

Ключевые слова: Оглахтинский могильник, таштыкская культура, причины сохранности органических находок

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 22-18-00478) «Феномен Оглахтинского могильника».

Для цитирования: Зайцева О.В. В поисках пустоты: проблемы и перспективы обнаружения погребений с сохранный органикой на Оглахтинском могильнике. Введение к специальной теме // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 196–203. doi: 10.17223/2312461X/41/11

Original article

doi: 10.17223/2312461X/41/11

Searching for the Emptiness: Problems and Prospects for Discovering Burials with Preserved Organic Matter at the Oglakhty Burial Ground. An Introduction to the Special Topic of this Issue

Olga V. Zaitceva

*D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan;
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
snori76@mail.ru*

Abstract. Current problems and prospects for the study of the Oglakhty burial ground, known for the extraordinary preservation of organic matters, are discussed. Natural and anthropogenic factors are described, the combination of which made it possible to preserve objects made of wood, leather and fabrics in part of the burials of the Oglakhty burial ground.

Keywords: Oglakhty burial ground, Tashtyk culture, reasons for the preservation of organic finds

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00478) “The phenomenon of the Oglakhty burial ground”.

For citation: Zaitceva, O.V. (2023) Searching for the Emptiness: Problems and Prospects for Discovering Burials with Preserved Organic Matter at the Oglakhty Burial Ground. An Introduction to the Special Topic of this Issue. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 196–203 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/11

Приходилось идти ощупью, ходить взад и вперед по ровному склону, выстукивать землю – не будет ли слышно где пустот...

А.В. Адрианов (1903б)

Мы рады представить читателям вторую подборку статей, посвященную разносторонним проблемам изучения знакового для сибирской археологии Оглахтинского могильника (2–4 вв. н.э., таштыкская культура). Первая вышла в № 3 «Сибирских исторических исследований» за 2021 г. и вызвала достаточно большой отклик. Последовавшие резонансные открытия, сделанные в ходе новых раскопок двух последних лет, широко освещались в СМИ. Наш научный коллектив старался также сразу делать результаты исследований доступными для самой широкой общественности – мы выкладывали трехмерные модели исследованных погребений и артефактов в открытый доступ еще до их полноценной

«бумажной» публикации, запустив специальный интернет-проект <https://oglakhty.ru/>.

Новый срез актуальных исследований в настоящей подборке – это редкая возможность познакомиться с новейшими открытиями практически в режиме реального времени их совершения. Во введении к специальной теме этого номера мы решили отойти от традиционного представления статей и порассуждать о самом интригующем вопросе в изучении Оглахтинского могильника: почему в некоторых погребениях удивительным образом сохраняются органические находки?

Известность Оглахтинскому могильнику принесли именно великолепно сохранившиеся предметы и одежда из органических материалов, в настоящее время экспонирующиеся в Государственном Эрмитаже. Экстраординарная сохранность стала важнейшим ключом к интерпретации сложных и оригинальных погребальных практик таштыкской культуры. Так, если бы в могилах не были обнаружены человекоподобные куклы, сделанные из кожи и набитые травой, с защитными внутри них кремированными останками, то интерпретация кучек кальцинированных костей в других таштыкских могильниках оставалась бы как минимум спорной.

К настоящему времени исследованы десятки грунтовых могильников таштыкской культуры, но нигде не встречена сопоставимая сохранность. Именно феноменальная сохранность органических материалов Оглахтинского могильника позволяет нам формулировать научные задачи, которые невозможно было бы решить на материалах других некрополей. Так, прекрасная сохранность бревен делает возможным применение дендрохронологического метода. Исследование приемов и способов мумификации возможно только благодаря обнаруженным на Оглахтах мумифицированным останкам, не сохранившимся ни в каких других могильниках таштыкской культуры, и т.д.

Но как же стало возможным то, что в некоторых оглахтинских могилах мы обнаруживаем исключительную сохранность, при этом в других погребениях этого же некрополя наблюдается совершенно «обычная» сохранность?

Для ответа на этот вопрос необходимо обобщить мысли предшественников, работавших на могильнике, и изложить наши новые наблюдения, полученные в ходе последних лет. Но начнем мы с повторения неординарных обстоятельств открытия памятника.

Поздней осенью 1902 г. местный житель провалился в могилу, не заметную на поверхности земли. А.В. Адрианов описывает это событие так: «...инородец из улуса Саргова, проезжая верхом по склону одного лога, неожиданно провалился в какую-то яму; потолок из толстых листовенных бревен, закрывавших камеру-могилу, выдерживавший тяжесть слоя земли, не выдержал тяжести всадника на коне и обрушился.

Выбравшись из глубокой – около сажени – ямы и оправившись от испуга, инородец произвел первое расследование, но испугался еще более и умчался в улус без оглядки: “как живых”, он увидел двух мертвецов, из которых один скалил зубы, а лицо другого было сплошь закрыто красивой, расписанной яркой краской, гипсовой маской...» (Адрианов 1903а).

После этого незаурядного события, насколько нам известно, никто и никогда больше не проваливался в таштыкские могилы. Провалиться можно только в могилу, в которой погребальная камера по каким-то причинам осталась незаполненной грунтом. В «обычных» таштыкских захоронениях верхнее перекрытие сруба постепенно прогнивает, затем обрушивается под толщей земли – и погребальная камера заполняется грунтом. Над погребением при этом образовывается небольшая впадина. Именно по таким впадинам и можно обычно выявить в современном рельефе таштыкские грунтовые могилы.

В следующем 1903 г. А.В. Адриановым были предприняты первые научные раскопки на Оглахтах. Он описал сложности выявления могил на поверхности земли, «которые приходилось искать в косых лучах солнца», «ходить взад и вперед по ровному склону, выстукивать землю – не будет ли слышно где пустот, разглядывать характер неровностей и состав самой земли» (Адрианов 1903б). Он разделил могилы на три группы: «...первая группа была обнаружена, как уже рассказано, случайно; вторая – при помощи бинокля и на основании приобретенного в этих розысках опыта. Главнейшим приемом при отыскании могил было выстукивание, обнаруживавшее заложенную на небольшой глубине камеру, но и этот прием не всегда приводил к желанной цели; по крайней мере, сделав 33 выемки, я нашел 17 могил, а из них всего три хорошо сохранившихся...» (Адрианов 1903а).

Получается, что, применяя на Оглахтах для обнаружения не выраженных в рельефе грунтовых могил «выстукивание», А.В. Адрианов в некотором роде предвосхитил методы сейсморазведки. Он также указывал, что могилы превосходной сохранности «с полной в них обстановкою, точно погребение совершалось только недавно» встречены на участке Оглахты I. Захоронения участка Оглахты II отличаются от первых «сильной разрушенностью... все до одного погребения – беспорядочные. Деревянных предметов... не было. Вообще группа II не дала интересного материала... Между восточным (I) и западным (II) склонами лога, так сказать на дне его, были густо рассеяны многочисленные ямы... я раскопал 4 из них на довольно большую глубину, но не нашел в них буквально ничего...» (Адрианов 1903б).

Таким образом, А.В. Адрианов в 1903 г. заложил на Оглахтах 33 раскопа, исследовал 17 погребений. Только в трех из них наблюдалась

экстраординарная сохранность. И все эти три погребения располагались на одном участке, обозначенным им как Оглахты I.

После более чем полувекового перерыва исследования Оглахтинского могильника были возобновлены в 1969 г. Л.Р. Кызласовым. Он столкнулся с теми же трудностями, что и А.В. Адрианов – необходимо было найти погребения, никак не выраженные в рельефе. Подробно описаны в отчете обстоятельства открытия могилы № 4 с самой выдающейся сохранностью: «На поверхности склона не было никаких внешних примет – ни насыпи, ни камней. Среди низкорослой травы виднелись сусличьи норки, обрамленные кусочками свежесброшенной травы. В одной из таких кусочек были замечены обрывки бересты. В сусличьей норке на глубине 0,39 см было видно хорошо сохранившееся бревно крыши сруба с берестяным покрытием. Так была обнаружена надежная скрытая погребальная камера» (Кызласов 1970а: 37). О причинах такой сохранности Л.Р. Кызласовым написано достаточно скупое: «Герметическая берестяная изоляция, при полуметровой земляной засыпке сверху, создали особый почвенный режим, хорошо сохранивший предметы из дерева, кожи, меха, а также ткани и сухую траву» (Кызласов 1969б: 198). Всего в 1969–1971 гг. и в 1973 г. Л.Р. Кызласовым было исследовано девять могил, из которых по сохранности резко выделялась могила № 4, исследованная в 1969 г. (Кызласов 1970а, 1971, 1974).

Стоит также прислушаться к мнению Э.Б. Вадецкой, которая скрупулезно обобщила все имеющиеся в архивах данные о раскопках А.В. Адрианова и самостоятельно раскопала в 1969 г. одно погребение на центральной части могильника. По интересующему нас вопросу она отметила, что «геологические условия на одном из участков древнего кладбища способствуют полному сохранению органики», а также что «главное открытие произошло на склоне, где по геологическим условиям трупы превращаются в мумии» (Вадецкая 1999: 8, 13).

Когда мы возобновили в 2019 г. работы на Оглахтинском могильнике, стало понятно, что без идентификации исследованных ранее могил на местности невозможно продвинуться в понимании причин того, почему в отдельных захоронениях великолепно сохранялись все органические материалы, а в других ничего подобного не наблюдалось.

Распутыванию историографического ребуса о локализации раскопок А.В. Адрианова и Л.Р. Кызласова мы уже уделили достаточное внимание в отдельной статье (Водясов и др. 2021). При этом наш вывод оказался достаточно неожиданным – могилы с сохранной органикой, исследованные А.В. Адриановым и Л.Р. Кызласовым, располагались не на одном, а на двух разных участках могильника. Три такие могилы были исследованы А.В. Адриановым на Восточном участке и одна Л.Р. Кызласовым – на Западном.

Общая топография могильника интересна тем, что два участка со скоплениями могил (Западный и Восточный) расположены на склонах гор, а третье – самое крупное Центральное скопление, расположено на равнине между ними. Могилы с хорошей сохранностью располагались исключительно на склонах. На «ровном» Центральном участке ни одной подобной могилы за все годы исследований выявлено не было. Устройство части могил на склонах – особенность Оглахтинского могильника, отличающая его от других известных нам таштыкских грунтовых могильников.

Таким образом, перед нами стояла задача поиска могил на склонах, причем, в первую очередь, могил, никак не выраженных в современном рельефе. Наши предшественники с помощью «выстукивания», шурфовки и прочих доступных им методов также целенаправленно пытались обнаружить именно такие погребения с необрушившимися перекрытиями. Нам же на помощь пришли современные геофизические методы, которые, несмотря на всю их трудозатратность с учетом огромной площади могильника (более 20 га), прекрасно себя проявили.

Магнитная съемка позволяет выявлять не фиксируемые в современном рельефе грунтовые погребения с сохранившимися полостями – они маркируются аномалиями, имеющими четкую форму с высокими отрицательными значениями градиента намагниченности. Дополнительные сведения о наличии полостей в погребениях дает нам еще более трудоемкая георадарная съемка. Подробное описание геофизических методик будет дано в будущем в специальной статье.

В итоге на настоящий момент в ходе наших работ было исследовано два погребения с сохранной органикой на Западном участке могильника. В погребении, исследованном в 2021 г., несмотря на обрушение верхнего перекрытия сруба, часть камеры оставалась незаполненной грунтом. В погребении, открытом в 2023 г., перекрытие оставалось полностью целым, а погребальный сруб практически не был заполнен землей. Исследование этих объектов позволило нам сделать ряд ценных наблюдений, которые проливают свет на поставленный в начале статьи вопрос о причинах экстраординарной сохранности органики в ряде погребений Оглахтинского могильника.

1. Все погребения с сохранной органикой располагались в могилах, устроенных на склонах. На этих склонах на глубине около полуметра начинается выход скальной породы. При рытье могил приходилось буквально «выдалбливать» погребальную камеру в этой твердой породе. Погребения же без сохранной органики на Центральном ровном участке были вырыты в обычном супесчаном грунте.

2. В могилах, вырытых на склоне в скальной породе, устанавливался особый сухой микроклимат, при этом наши измерения показали, что даже в самые жаркие дни температура в таких погребальных камерах не

поднималась выше 10°C. В каждой исследованной нами могиле на Западном участке фиксировались холодные потоки воздуха, дующие из расщелин и обеспечивающие естественную вентиляцию.

3. Погребальные срубы, устанавливаемые в могилы, были практически герметичны, что обеспечивалось хорошо подогнанными друг к другу бревнами и оборачиванием срубов несколькими слоями бересты.

Эти сочетания условий, обеспечивающих сохранность органики на протяжении более чем полутора тысяч лет, оказались уникальными и неповторимыми.

К сожалению, проведенные нами масштабные геофизические исследования показали, что вероятнее всего, могил с целыми перекрытиями на Оглахтах больше нет. Но еще могут быть обнаружены погребения, в которых перекрытия хотя и обрушились, но произошло это относительно недавно и есть вероятность сохранения в отдельных полостях погребальной камеры микроклимата, препятствующего разложению. Важно также учитывать тот факт, что могильник находится в прибрежной зоне Красноярского водохранилища – одного из крупнейших искусственных водоемов в мире. Его затопление в 1970-х гг. привело к необратимым природно-климатическим изменениям. Увлажнение климата нарушило создавшийся в могилах микроклимат и запустило естественный процесс разложения органики. Всё это актуализирует продолжение раскопок на Оглахтинском могильнике, так как полная утрата изделий из органики, к сожалению, – не более чем вопрос времени.

Список источников

- Адрианов А.В. Оглахтинский могильник // XXIX Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь» № 249 от 16 ноября 1903 г. 1903а.
- Адрианов А.В. Предварительный отчет о раскопках могильника и курганов в горной группе Оглахты, произведенных в 1903 г. Адриановым // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 33. 1903б.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение» (Archaeologica Petropolitana, VII), 1999.
- Водясов Е.В., Панкова С.В., Зайцева О.В., Вавулин М.В. Оглахтинский могильник: история открытий, планиграфия и современное состояние // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 6–23. doi: 10.17223/2312461X/33/1
- Кызласов Л.Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 4010. 56 л.; Д. 4010а (альбом). М., 1970а.
- Кызласов Л.Р. Раскопки в Оглах-Тих // Археологические открытия 1969 года. М.: Наука, 1970б. С. 197–199.
- Кызласов Л.Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1970 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 4242. 121 л.; Д. 4242а (альбом), Д. 4242б (альбом). М., 1971.
- Кызласов Л.Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1973 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 5096. 42 л.; Д. 5096а (альбом). М., 1974.

References

- Adrianov A.V. (1903a) *Oglakhtinskii mogil'nik*. XXIX Illiustrirovannoe prilozhenie k gazete «Sibirskaia zhizn'» № 249 ot 16 noiabria 1903 g. [Oglakhty Burial Ground. XXIX appendix to the newspaper "Sibirskaia zhizn'". No. 249, November 16, 1903].
- Adrianov A.V. (1903b) Predvaritel'nyi otchet o raskopkakh mogil'nika i kurganov v gornoi gruppe Oglakhty, proizvedennykh v 1903 g. Adrianovym [Preliminary report on the excavations of the burial ground and burial mounds in the Oglakhty mountain group, carried out in 1903 by Adrianov]. Scientific archive of the Institute of History of Material Culture RAS (NA IIMK RAN). Fund 1. List 33.
- Vadetskaia E.B. (1999) *Tashtyk'skaia epokha v drevnei istorii Sibiri* [Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg.: Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie» (Archaeologica Petropolitana, VII).
- Vodyasov E.V., Pankova S.V., Zaitseva O.V., Vavulin M.V. (2021) Oglakhtinskii mogil'nik: istoriya otkrytiia, planigrafiya i sovremennoe sostoyanie [The Oglakhty burial ground: History of discovery, planigraphy, and current state], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian historical research*, no. 3, pp. 6–23. <https://doi.org/10.17223/2312461X/33/1>
- Kyzlasov L.R. (1970a) Otchet o rabote Khakasskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii MGU v 1969 g. [Report on the work of the Khakassian Archaeological expedition by Moscow State University in 1969]. *Scientific Archive of the Institute of Archaeology*. F-1. R-1. D. 4010. 56 l.; D. 4010a (al'bom). Moscow.
- Kyzlasov L.R. (1970b) Raskopki v Oglakh-Takh [Excavations in Oglakh-Ty]. In: *Arkheologicheskie otkrytiia 1969 goda* [Archeological Findings in 1969]. Moscow: Nauka, pp. 197-199.
- Kyzlasov L.R. (1971) Otchet o rabote Khakasskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii MGU v 1970 g. [Report on the work of the Khakassian Archaeological expedition by Moscow State University in 1970]. *Scientific Archive of the Institute of Archaeology*. F-1. R-1. D. 4242. 121 l.; D. 4242a (al'bom), D. 4242b (al'bom). Moscow.
- Kyzlasov L.R. (1974) Otchet o rabote Khakasskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii MGU v 1973 g. [Report on the work of the Khakassian Archaeological expedition by Moscow State University in 1973]. *Scientific Archive of the Institute of Archaeology*. F-1. R-1. D. 5096. 42 l.; D. 5096a (al'bom). Moscow.

Сведения об авторе:

ЗАЙЦЕВА Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, руководитель музея Алтын-Алтай, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева (Усть-Каменогорск, Казахстан); доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: snori76@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Olga V. Zaitceva, D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: snori76@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 30 августа 2023;
принята к публикации 29 сентября 2023.*

*The article was submitted 30.08.2023;
accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/2312461X/41/12

Дендрохронологическое исследование древесины из Оглахтинского могильника: первые результаты

Игорь Юрьевич Слюсаренко^{1, 2}
Юрий Николаевич Гаркуша³

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

^{2, 3} *Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*
^{1, 2} *slig1963@yandex.ru*

³ *yunga1971@ngs.ru*

Аннотация. Представлены первые результаты дендрохронологического датирования древесины из погребений Оглахтинского могильника. Являясь одним из наиболее выдающихся памятников таштыкской культуры, могильник проходит третий этап в истории его исследования, который характеризуется реализацией комплексного междисциплинарного подхода. Благодаря сохранности в погребениях предметов из органических материалов, в том числе деревянных погребальных срубов, актуальные вопросы хронологии решаются с применением дендрохронологического анализа. Источниковую базу составила коллекция из 40 дендрообразцов, происходящих из пяти (возможно шести) могил, исследованных в 1903 г. А.В. Адриановым (мог. 1, 2), в 1969–1970 гг. Л.Р. Кызласовым (мог. 4, 8), в 2021 г. Е.В. Водясовым (мог. 2021/1, 2021/2).

Для получения хронологической информации использовался метод перекрестного датирования, по результатам применения которого сформированы две обобщенные древесно-кольцевые хронологии: по лиственнице – протяженностью 228 лет, по сосне – 178 лет. Из 40 образцов 80% были относительно датированы по этим шкалам, кроме того, ДКХ лиственницы и сосны достаточно надежно датировались друг с другом. По результатам исследования предложена примерная последовательность могил в пределах интервала 50–55 лет: самой ранней выступает могила 2021/2, наиболее поздняя – могила 4. При этом заполнение Восточного и Западного участков Оглахтинского могильника погребениями шло одновременно. Все полученные даты являются относительными, т.е. установленными в рамках «плавающей» древесно-кольцевой хронологии. В плоскость абсолютных они перейдут в ближайшей перспективе путем радиоуглеродного датирования дендрообразцов с использованием методики «wiggle-matching».

Таким образом, в результате исследования древесины от погребальных сооружений Оглахтинского могильника была установлена принципиальная возможность древесно-кольцевого датирования могил и получены первые итоги относительной хронологии.

Ключевые слова: таштыкская культура, Оглахтинский могильник, погребальная древесина, дендрохронологическое датирование, древесно-кольцевая шкала, относительная хронология

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00478 «Феномен Оглахтинского могильника».

Для цитирования: Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н. Дендрохронологическое исследование древесины из Оглахтинского могильника: первые результаты // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 204–235. doi: 10.17223/2312461X/41/12

Original article

doi: 10.17223/2312461X/41/12

Dendrochronological Study of Wood from the Oglakhty Burial Ground of the Tashtyk Culture (Republic of Khakassia): First Results

Igor Y. Slyusarenko^{1,2}
Yuriy N. Garkusha³

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

^{2,3} *Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation*

^{1,2} *slig1963@yandex.ru*

³ *yunga1971@ngs.ru*

Abstract. The article presents the first results of dendrochronological dating of wood from the graves of the Oglakhty burial ground. Being one of the most outstanding sites of the Tashtyk culture, the burial ground is going through the third stage in the history of its research, which is characterized by the implementation of an integrated interdisciplinary approach. Due to the preservation of objects made of organic materials in the burials, including wooden burial log cabins, topical issues of chronology are resolved using tree-ring analysis. The material for the study is a collection of 40 wood-samples originating from five (possibly six) graves, investigated in 1903 by A.V. Adrianov (graves 1-2), in 1969-1970 by L.R. Kyzlasov (graves 4, 8), in 2021 by E.V. Vodyasov (graves 2021/1, 2021/2).

To obtain chronological information, the cross-dating method was used, as a result of which two generalized tree-ring width (TRW) chronologies were formed: for larch trees – 228 years long, for pine trees – 178 years long. Of the 40 samples, 80% were relatively dated according to these two TRW-chronologies. Besides, the TRW larch and pine chronologies were cross-dated with each other quite reliably. Based on the results of the study, an approximate chronological order of the graves within the interval of 50–55 years was proposed: the earliest is grave 2021/2, the latest is grave 4. At the same time, the construction of burials in the Eastern and Western plots of the Oglakhty burial ground proceeded simultaneously. All dates obtained are relative, that is, established within the framework of a "floating" tree-ring chronology. They will move into the absolute category in the near future by radiocarbon dating of wood samples using the "wiggles-matching" technique.

Thus, as a result of the study of wood from the burial structures of the Oglakhty burial ground, the fundamental possibility of tree-ring dating of graves was established and the first results of relative chronology were obtained.

Keywords: Tashtyk culture, Oglakhty burial ground, burial wood, dendrochronological dating, tree-ring chronology, relative chronology

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project No. 22-18-00478 “The phenomenon of the Oglakhty burial ground”.

For citation: Slyusarenko, I.Y. & Garkusha, Y.N. (2023) Dendrochronological Study of Wood from the Oglakhty Burial Ground of the Tashtyk Culture (Republic of Khakassia): First Results. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 204–235 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/12

Введение

Оглахтинский грунтовый могильник, являясь одним из наиболее выдающихся памятников таштыкской культуры, имеет непростую судьбу с точки зрения истории его исследования. В этом году исполнилось 120 лет с момента обнаружения могильника и первых работ на нем, произведенных А.В. Адриановым в 1903 г., и 55 лет с повторного открытия памятника в 1968 г. Хакасской археологической экспедицией МГУ под руководством Л.Р. Кызласова, который провел здесь раскопки в 1969–1971 и 1973 гг. (Водясов и др. 2021: 8–9). Несмотря на достаточно длительное существование в поле зрения научного сообщества и яркие находки, Оглахтинский могильник до сих пор не удостоился полноценной публикации открытых на нем материалов. Сами находки оказались «распылены» между несколькими музеями Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, что также не способствовало созданию целостной картины. Наконец, после третьего и последнего открытия памятника в 2018 г. и проведенных на нем работ по картографированию с использованием современных методик могильник впервые был задокументирован и поставлен на государственную охрану как выявленный объект археологического наследия (Водясов и др. 2021: 9–10). С 2020 г. здесь проводятся археологические и геофизические исследования совместными усилиями Томского государственного университета и Государственного Эрмитажа (Зайцева и др. 2021).

Современный этап исследования Оглахтинского могильника (рис. 1) характеризуется реализацией комплексного междисциплинарного подхода. Одним из первых при исследовании любого памятника встает вопрос о его хронологии. В данном случае замечательной особенностью могильника является удивительная сохранность в ряде погребений предметов из органических материалов, в том числе деревянных погребальных срубов, что, в свою очередь, позволяет применить для датирования бревен из них дендрохронологический анализ, основанный на изучении погодичной изменчивости древесных колец. Древесина из погребений могильника в силу своей хорошей сохранности уже привлекала внимание предшественников исследователей: А.В. Адрианов среди различных

предметов инвентаря передал в Красноярский краеведческий музей несколько фрагментов бревен из могил 1 и 2, а Л.Р. Кызласов доставил в Государственный Эрмитаж целиком сруб из мог. 4, экспонируемый сегодня в открытом хранении Реставрационно-хранительского центра (РХЦ) «Старая Деревня».

Рис. 1. Оглахтинский могильник. Общий вид с северо-запада. Фото С.В. Панковой

Дендрохронологический (древесно-кольцевой) анализ позволяет датировать древесину с точностью до года и, при хорошей сохранности, даже сезона, получая в первую очередь относительные даты, а при наличии «местной» длительной абсолютной дендрошкалы – и календарные. В настоящее время этот метод является наиболее точным из всех существующих естественно-научных методов датирования. Погребальный обряд, практикуемый таштыкским населением, оставившим Оглахтинский могильник, предполагал практически в каждой могиле сооружение бревенчатого сруба. Соответственно, располагая древесиной из исследованных погребений, мы имеем возможность выстроить достоверную хронологию не только всего памятника, но и проверить хронологическое соотношение его отдельных участков (Западного, Восточного и Центрального). С учетом возможностей данного метода в настоящем исследовании ставились следующие задачи:

- формирование коллекции образцов древесины, представляющих, по возможности, наибольшее количество исследованных погребений могильника;
- построение относительной («плавающей») древесно-кольцевой хронологии по древесине могильника;

- установление относительной хронологии погребений в рамках всего могильника и его отдельных участков;
- выявление последовательности сооружения могил и длительности функционирования могильника в целом;
- получение абсолютных дат для погребений могильника при помощи сочетания дендрохронологического и радиоуглеродного анализов.

Материалы

Первое упоминание об оглахтинской древесине встречается в литературе еще в начале 1970-х гг.: в статье Б.А. Колчина и Т.Т. Битвинскаса приводится короткая информация об относительной дендрошкале, составленной «по образцам от бревен погребальной камеры Оглахтинского могильника». Никаких деталей не сообщается за исключением того, что «древесина (сибирская лиственница) очень хорошей сохранности», а протяженность шкалы 185 лет (1972: 85). Повторно эта же информация приведена в известной работе Н.Б. Черных «Дендрохронология и археология» (1996) с пояснением о том, что указанных материалов «в лаборатории не имеется и по этой причине высказать свои соображения по поводу обоснованности данных шкал не представляется возможным» (1996: 29–30). Сегодня с учетом всей собранной нами информации можно высказать предположение, что речь, скорее всего, шла о древесине из мог. 8, раскопанной Л.Р. Кызласовым в 1970 г. В полевом отчете при описании мог. 8 сообщается, что «четыре бревна сруба взяты в коллекцию» (Кызласов 1971: 113). Два фрагмента от одного из этих бревен были впоследствии обнаружены в хранилище Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН. С тех пор и до настоящего момента оглахтинская древесина в поле зрения исследователей как материал для дендрохронологического анализа не попадала.

Более определенные результаты датирования по древесине из Оглахтинского могильника были получены, когда два бревна (лиственница и сосна) из сруба мог. 4 (раскопки Л.Р. Кызласова 1969 г.) использовались как материал для высокоточного радиоуглеродного датирования методом «wiggle-matching» (Панкова и др. 2010). Метод основывается на анализе серий образцов, представляющих группы годовичных колец, хронологическое соотношение которых известно, благодаря чему точность радиоуглеродного датирования существенно повышается. В связи с особенностями калибровочной кривой для периода II–IV вв. были получены два возможных хронологических интервала, а применение методов математической статистики позволило признать более вероятным поздний интервал – 372–402 гг. (2010: 51–56). Еще раз подчеркнем, что в данном исследовании древесина из погребения послужила только материалом для радиоуглеродного датирования, хотя и наиболее благоприятным из

всех возможных. В отношении же применения собственно дендрохронологического метода потенциал Оглахтинского могильника до сих пор не был раскрыт.

С учетом поставленной цели – древесно-кольцевое датирование Оглахтинского могильника – первой задачей нам представлялось формирование коллекции образцов древесины, максимально отражающей состав исследованных на сегодня погребений. Как уже упоминалось выше, работы на памятнике проходили в три этапа: 1903 г. – А.В. Адрианов; 1968–1973 гг. – Л.Р. Кызласов; 2019–2023 гг. – С.В. Панкова, Е.В. Водясов, О.В. Зайцева. На каждом из этих этапов были раскопаны захоронения, содержавшие бревенчатые срубы, но судьба найденной древесины складывалась по-разному. Соответственно, существовало несколько потенциальных возможностей пополнения коллекции образцов: 1) музейные и архивные собрания; 2) современные ведущиеся раскопки; 3) повторные раскопки ранее исследованных могил, где была оставлена найденная в них древесина. Каждый из этих путей дал свои результаты. Так, из собрания Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ) удалось получить 5 образцов от фрагментов бревен, переданных в музей в 1903 г. А.В. Адриановым. Несмотря на некоторую неясность, связанную с точной атрибуцией материалов по конкретным могилам, известно, что эти фрагменты происходят из могил 1 и 2, которые содержали наиболее многочисленные и лучше сохранившиеся находки (Pankova et al. 2021). Из фондов Государственного Эрмитажа были получены образцы в виде кернов от 13 бревен сруба из мог. 4, исследованной Л.Р. Кызласовым в 1969 г.¹ Из его же раскопок 1970 г. (мог. 8) происходит единственный образец великолепной сохранности, переданный нам из Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

Из раскопок последних лет, в которых один из авторов принимал непосредственное участие, срубы присутствовали в целом виде в могилах 2020/1, 2021/1, 2023/1 и в виде остатков в могиле 2021/2². Поскольку получение древесины для дендрохронологического исследования было одной из целей проводимых раскопок, при отборе образцов делалась ставка на их максимально возможное количество и по возможности представленность образцами всех элементов погребальной конструкции (стены сруба, перекрытие, пол и пр.). Результатом работы с вновь раскопанными объектами стала следующая выборка дендрообразцов: мог. 2020/1 – от 16 бревен, мог. 2021/1 – от 21 элемента, мог. 2021/2 – от 2, мог. 2023/1 – двухвенцовый сруб с перекрытием взят целиком и доставлен в ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск), но образцы еще не отбирались.

Параллельно с исследованием новых погребений на Оглахтинском могильнике с целью пополнения дендрохронологической коллекции производились повторные раскопки ранее исследованных могил: в 2020 г. – могилы 7 и 9, раскопанные Л.Р. Кызласовым в 1970 и 1973 гг.

соответственно; в 2023 г. – три могилы, раскопанные А.В. Адриановым в 1903 г. В мог. 7 сруб был оставлен почти целиком, за исключением бревен перекрытия; часть найденных бревен была перемещена со своих первоначальных мест, и их оригинальный контекст остался неясен. Из сруба мог. 7 взято 16 образцов. В мог. 9 обнаружены отдельные фрагменты бревен очень плохой сохранности, в большинстве своем перемещенные с первоначальных мест, назначение которых в конструкции не всегда понятно. Всего из мог. 9 взято 5 образцов. Из трех могил, исследованных А.В. Адриановым, сруб был обнаружен только в одной, сохранившийся на высоту двух венцов. Образцы брались от бревен трех стен – северной, западной и восточной. В настоящее время образцы из этих объектов пока в работу не поступили.

Таким образом, с учетом всех возможных источников поступления древесины, мы располагаем коллекцией из 79 образцов, представляющих 8–9 погребений Оглахтинского могильника. Количество образцов по отдельным погребениям распределено неравномерно: от 1 (мог. 8) до 21 (мог. 2021/1), но большинство погребений представлено сериями от 5 и более образцов. Сохранность древесины также различна: наряду с отлично сохранившимися срубами, которые достойны занять место в музейных экспозициях (мог. 4, мог. 8 – раскопки Л.Р. Кызласова; мог. 1–2 – раскопки А.В. Адрианова), имеются срубы весьма хорошего (мог. 2021/1 (рис. 2)) и достаточно плохого (мог. 2020/1) состояния. Но в целом, с учетом всех обстоятельств, степень сохранности древесины в погребениях Оглахтинского могильника можно признать уникальной для Минусинской котловины и памятников такого возраста.

подавляющее большинство имеющихся дендрообразцов представляют собой полные поперечные спилы. Образцы в виде кернов были отобраны с помощью возрастного бура лишь в одном случае – от 13 бревен сруба из мог. 4, экспонируемого в РХЦ Государственного Эрмитажа (рис. 3), что накладывает понятные ограничения на возможность отбора проб. Учитывая характер археологической древесины, спилы являются гораздо более предпочтительным материалом для исследования по сравнению с кернами. Поперечный спил от бревна позволяет выбрать оптимальную траекторию измерения ширины годовичных колец даже при наличии обычных для древесины из раскопок трещин, гнили, отсутствующих участков и прочих дефектах. Но в случае музейных собраний зачастую керны являются единственной возможностью получения необходимого материала.

Все оглахтинские срубы отвечают определенной конструктивной схеме изготовления и сборки, но в каждом случае имеются свои строительные и технологические нюансы. Соответственно, внешние параметры изделий отличаются: среди имеющихся образцов представлены круглые бревна, полубревна, полубрус (двусторонне отесанные бревна).

Рис. 2. Оглахтинский могильник. Могила 2021/1: 1 – общий вид сруба после демонтажа перекрытия; 2 – угловое сопряжение сруба, вид с юго-запада. Фото И.Ю. Слюсаренко

Рис. 3. Оглахтинский могильник. Могила 4: 1 – общий вид сруба, находящегося в экспозиции Государственного Эрмитажа (РХЦ «Старая Деревня»); 2 – перекрытие сруба. Фото И.Ю. Слюсаренко

В зависимости от профиля древесины, а также степени сохранности на ней фиксируется наличие или отсутствие таких важных признаков, как сердцевина и подкоровое кольцо. Сердцевина имеет значение для более точного установления собственного возраста дерева и отнесения его в зависимости от возраста к той или иной возрастной группе. Наличие подкорового кольца, т.е. последнего, образовавшегося при жизни дерева, важно для фиксации года гибели дерева, который, так или иначе проецируется на год сооружения археологического объекта. В данном случае наличие последних колец в большей степени зависело от сохранности древесины, чем от степени ее строительной обработки, так как даже при большой площади отески бревен на них, как правило, остаются участки подкоровой поверхности. Лишь в единичных случаях сплошная отеска бревна не оставляла шанса найти необработанный участок. Более критическое значение имела степень деградации поверхностного слоя в результате его залегания в грунте, поскольку внешний слой колец, так называемая заболонь, отличается меньшей плотностью и большей склонностью к гниению. Из всего массива образцов подкоровое кольцо уверенно отмечено лишь в 12 и под вопросом еще в 9. Именно в силу отличной сохранности древесины последние кольца имелись у 11 из 13 образцов из сруба мог. 4. Хорошее состояние позволило также в нескольких случаях определить сезон гибели деревьев, при этом зафиксированы промежутки: осень–зима, что является более типичным, и весна–лето, что встречается гораздо реже в традиционной практике заготовки древесины. Однако даже при отсутствии подкорового кольца, возможно было судить о его близости по такому признаку, как наличие колец заболони, которые у лиственницы отличаются цветом и текстурой и количество которых обычно ограничено 25–30. У еще нескольких образцов таким образом можно было диагностировать близость подкорового кольца при отсутствии последних 5–20 колец.

Видовой состав деревьев представлен двумя хвойными породами: 75% – лиственница сибирская (*Larix sibirica* Ledeb.), 25% – сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris* L.). Древесина сосны присутствует в конструкциях погребальных срубов могил 4, 7, 8, раскопанных Л.Р. Кызласовым; в материалах из раскопок Адрианова, а также в могиле 2021/1.

Отнесение древесины погребальных срубов к лиственнице давно уже стало общим местом в различных публикациях (Кызласов 1970: 34, 39; 1971: 104, 112; Вадецкая 1999: 232). Однако уже А.В. Адрианов в своем обобщенном описании оглаhtинских срубов отметил, скорее интуитивно, что они сложены из бревен лиственницы или сосны (Вадецкая 1999: 232). Первый же детальный специализированный анализ, основанный на анатомических особенностях древесины, позволил дать более обоснованную картину ее породового состава из сруба мог. 4. Из 19 бревен, составляющих стенки и перекрытие, 12 являются лиственничными,

7 – сосновыми (Панкова и др. 2010: 51). Таким образом, стало понятно, что для идентификации вида древесины, что важно при последующем дендрохронологическом исследовании, необходим специальный анализ каждого бревна. Такой анализ, с определением анатомических диагностирующих признаков (Бенькова, Швейнгрубер 2004), был проделан авторами для всех образцов, которые получили отражение в данной публикации. Кроме того, анатомический анализ бревен сруба из мог. 2021/1 был также проведен в Отделе научно-технической экспертизы Эрмитажа. Оказалось, что в составе сруба мог. 2021/1 также присутствуют лиственница и сосна: из 14 бревен стенок 12 – лиственничные, 2 – сосновые. Все 11 бревен перекрытия – лиственничные. При этом наблюдается общая для мог. 4 и 2021/1 картина: стенки срубов сделаны в основном из лиственницы, а сосна больше представлена в бревнах перекрытия. Даже, когда сосновые бревна использованы в стенках, из них в обоих случаях сделаны только нижние венцы западной и восточной стенок. Эти бревна не связаны жестко в угловых соединениях, а просто вложены между длинными северным и южным бревнами. Анатомический анализ бревен из других могил также позволил отметить использование сосны для сооружения стенок срубов в виде стволов значительного диаметра, которые собраны в венцы с помощью угловых вырубков: мог. 7 – бревна нижнего венца диаметром 23–26 см, мог. 8 – нижнее бревно стенки диаметром 53 см. На этом фоне наши возражения вызвал пассаж, касающийся соотношения лиственницы и сосны в древесине оглахтинских срубов, из статьи, посвященной анализу материалов из раскопок А.В. Адрианова, хранящихся в КККМ (Pankova et al. 2021). Британские соавторы, основываясь на сделанном ими определении видового состава древесины от различных предметов, включая и фрагменты бревен сруба, заключили, что лиственница не встречена ни в одном случае. Бревна срубов отнесены ими к роду сосна (*Pinus* sp.) без определения конкретного вида древесины (2021: 44–45). Однако проведенный нами анатомический анализ со всей очевидностью показывает: во-первых, отличное состояние древесины позволяет определить ее принадлежность не только до рода, но и до вида; во-вторых, характерные диагностические признаки (Бенькова, Швейнгрубер 2004: 72–73, 78–79) однозначно свидетельствуют, что оба фрагмента бревен от стенок сруба из раскопок А.В. Адрианова принадлежат не сосне, а лиственнице. В любом случае присутствие разных пород в составе погребальной древесины заставляет более внимательно подходить к ее дендрохронологическому анализу.

Также был выполнен учет возрастного состава образцов. Данный параметр может находиться в определенной связи с локализацией памятника, его типом, социальной значимостью, хронологическим периодом. Принято выделять шесть возрастных групп деревьев: I) возраст до

50 лет; II) 51–100; III) 101–150; IV) 151–200; V) 201–250; VI) свыше 250 лет (Черных 1996: 36–37).

Поскольку целью работы было оценить возможность и перспективы дендрохронологического анализа оглахтинской древесины, была сформирована рабочая коллекция, включающая образцы, отвечающие следующим требованиям:

- наиболее представительные выборки образцов;
- наилучшая сохранность образцов;
- происхождение образцов из разных могил и разных участков могильника;
- принадлежность образцов к разным породам древесины.

Таким образом, источниковую базу для первых работ по дендрохронологическому исследованию погребальных сооружений Оглахтинского могильника составила коллекция из 40 дендрообразцов, происходящих из пяти (возможно шести) могил. Состав коллекции, ее предметное описание и статистические характеристики представлены в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика дендрообразцов из Оглахтинского могильника

№	Код обр.	Вид* древесины	Длина ряда, лет	Средняя ширина кольца, мм	P	Пкр. к.**	Sd	S	R	Интервал относительный, гг.	Место расположения в конструкции
Могила 1, 2, раскопки А.В. Адрианова											
1	og1	LASI	147	0,87	+	–	0,67	0,45	0,62	46–192	Стена сруба
2	og2	LASI	165	0,77	+	–	0,65	0,38	0,53	46–210	Стена сруба
3	og3	LASI	94	0,89	+	WK?	0,52	0,38		Не датирован	Неизвестно
4	og4	PISY	132	0,45	–	–	0,25	0,19	0,49	39–170	Неизвестно
5	og5	PISY	170	0,57	–	–	0,58	0,19	0,35	3–172	Неизвестно
Могила 2021/1 (объект № 55)											
6	og57	LASI	151	0,96	+	–	0,55	0,32	0,30	40–190	С. стена, венец 1
7	og60	LASI	77	1,43	+	WK?	0,68	0,51	0,51	84–160	С. стена, венец 2
8	og63	LASI	80	0,87	–	–	0,36	0,21		Не датирован	С. стена, венец 3
9	og58	LASI	130	0,92	+	–	0,51	0,32	0,42	50–179	Ю. стена, венец 1
10	og61	LASI	122	0,74	+	WK	0,56	0,37	0,60	64–185	Ю. стена, венец 2
11	og64	LASI	122	0,88	+	–	0,35	0,18		Не датирован	Ю. стена, венец 3

№	Код обр.	Вид* древесины	Длина ряда, лет	Средняя ширина кольца, мм	P	Пкр. к.**	Sd	S	R	Интервал относительный, гг.	Место расположения в конструкции
12	og59	PISY	113	1,12	–	–	0,82	0,27		Не датирован	3. стена, венец 1
13	og62	LASI	127	0,84	+	WK?	0,56	0,38	0,62	54–180	3. стена, венец 2
14	og65	LASI	104	0,74	–	–	0,69	0,45	0,51	27–130	3. стена, венец 3
15	og66	LASI	77	0,91	–	–	0,37	0,22		Не датирован	3. стена, венец 4
16	og69	LASI	96	0,88	+	WK?	0,76	0,42		Не датирован	Перекрытие 2
17	og70	LASI	67	0,87	–	WK?	0,55	0,32	0,48	82–146	Перекрытие 3
18	og71	LASI	80	0,89	–	WK?	0,56	0,40	0,66	85–164	Перекрытие 4
19	og72	LASI	101	0,89	+	WK?	0,66	0,45		Не датирован	Перекрытие 5
20	og73	LASI	53	1,43	–	–	0,74	0,33	0,54	109–161	Перекрытие 6
21	og74	LASI	79	1,09	+	WK	0,77	0,34	0,45	70–148	Перекрытие 7
22	og75	LASI	71	0,82	+	–	0,72	0,42	0,62	25–95	Перекрытие 8
23	og76	LASI	76	0,87	+	–	0,66	0,44	0,52	20–95	Перекрытие 9
24	og77	LASI	84	0,90	–	WK?	0,74	0,36	0,67	81–164	Перекрытие 10
Могила 2021/2 (объект № 46)											
25	og78	LASI	185	0,67	–	–	0,76	0,48	0,42	0–184	3. стена, венец 1
Могила 4, раскопки Л.Р. Кызласова											
26	og6	LASI	140	0,59	–	WK	0,37	0,26	0,32	87–226	3. стена, венец 2
27	og7	LASI	164	0,92	–	WK	0,62	0,27	0,49	63–226	В. стена, венец 2
28	og8	LASI	40	0,36	–	–	0,12	0,22	0,57	184–223	С. стена, венец 2
29	og9	LASI	171	0,94	+	WK?	0,63	0,26	0,34	57–227	3. стена, венец 3
30	og10	PISY	117	0,60	–	WK	0,31	0,26	0,46	122–238	Перекрытие 2
31	og11	PISY	177	0,72	–	WK	0,38	0,31	0,56	61–237	Перекрытие 3
32	og12	LASI	134	0,75	–	–	0,33	0,23	0,49	95–228	Перекрытие 4
33	og13	PISY	144	0,72	–	–	0,37	0,31	0,37	39–182	Перекрытие 5
34	og14	PISY	162	0,60	–	WK	0,26	0,27	0,61	77–238	Перекрытие 6
35	og15	PISY	147	0,67	–	WK	0,40	0,28	0,66	92–238	В. стена, венец 1
36	og16	LASI	193	0,61	–	WK	0,31	0,20	0,39	45–237	В. стена, венец 3
37	og17	LASI	145	0,62	–	WK	0,32	0,25	0,51	93–237	Перекрытие
38	og18	PISY	154	0,61	–	WK	0,30	0,28	0,61	85–238	Перекрытие 7

№	Код обр.	Вид* древесины	Длина ряда, лет	Средняя ширина кольца, мм	P	Пкр. к.**	Sd	S	R	Интервал относительный, гг.	Место расположения в конструкции
Могила 8, раскопки Л.Р. Кызласова											
39	og35	PISY	177	1,18	–	WK	0,53	0,30	0,42	57–233	Неизвестно

Примечание. * Для указания видовой принадлежности древесины использованы обозначения, применяемые в TSAP (LASI – лиственница сибирская; PISY – сосна обыкновенная); ** Пкр. к – подкорковое кольцо (для обозначения свойства подкоркового кольца использованы обозначения, применяемые в TSAP: WK (Waldkante) – подкорковое кольцо присутствует; WK? – кольцо устанавливается предположительно); P – сердцевинное кольцо (указывается, если оно послужило началом ряда прироста); R – межсерийный коэффициент корреляции для всей совокупности датированных образцов; Sd – стандартное отклонение (значения указаны для недетрендрированных рядов); S – коэффициент чувствительности.

По объектам образцы распределены следующим образом: мог. 1, 2 из раскопок А.В. Адрианова³ – 5 образцов; мог. 4 и 8 из раскопок Л.Р. Кызласова – соответственно 13 и 1; мог. 2021/1 – 20; мог. 2021/2 – 1 образец. Все образцы, за исключением двух из раскопок Адрианова (og4 и og5), получены от бревен венцов погребальных срубов и перекрытий. Поперечный размер бревен, использованных при сооружении срубов, разительно отличается – от 13 до 53 см. 27 образцов представлены поперечными спилами; 13 образцов – кернами, которые получены исключительно из бревен сруба мог. 4. В силу физического состояния образца og68 (бревно перекрытия 1 из мог. 2021/1) по нему не удалось получить сплошной древесно-кольцевой ряд, и он не был задействован в дендроанализе.

Методы

Для получения хронологической информации использовался применяемый в дендрохронологии метод перекрестного датирования (cross-dating method), основанный на анализе неповторимого во времени рисунка годовичных колец деревьев, устанавливаемого в процессе измерения их ширины. Перекрестное датирование заключается в сравнении древесно-кольцевых рядов от различных деревьев и выборе точного места, где найдено максимальное соответствие в характере изменчивости между ними. Из общей массы индивидуальных древесно-кольцевых хронологий (ДКХ) отбираются имеющие наибольшее сходство, и на их основе формируется обобщенная дендрошкала, отражающая хронологическую последовательность различных объектов изучаемого памятника. Особо подчеркнем, что в нашем случае древесно-кольцевые хронологии

носят относительный характер, показывая лишь временную разницу между образцами, а не их календарные даты.

Измерение ширины годовичных колец было выполнено на полуавтоматической установке «LINTAB-6» (с точностью 1/100 мм), подключенной к компьютеру со специализированной программой TSAP-Win Professional (Rinn 2013). Измеренные индивидуальные серии прироста перекрестно датировались также в данной специализированной программе. Она позволяет параллельно осуществлять в процессе перекрестного датирования визуальный контроль сопоставления графиков прироста и рассчитывать серию статистических параметров для каждого варианта их совмещения.

Качество перекрестного датирования между рядами оценивалось на основе стандартных статистических показателей, применяемых в программе TSAP:

- коэффициента TBP, представляющего t-статистику, адаптированную по алгоритму М. Бейли и Дж. Пильчера, направленному на снижение низкочастотного тренда в исходных данных (Baillie, Pilcher 1973);
- коэффициента Glk (Schweingruber 1988: 83), указывающего на степень сходства (синхронность) между двумя хронологиями, определяемую процентом совпадающих увеличений и уменьшений прироста; асинхронность выражается показателем менее 50%;
- индекса перекрестного датирования CDI (Cross-Dating Index) – интегрального показателя, рассчитываемого на основе комплекса параметров, используемых TSAP.

Пороговыми значениями для перечисленных показателей, по умолчанию принятыми в программе, являются: Glk > 60%; CDI > 10. Для TBP приемлемый минимум равен 3,5 (Baillie, Pilcher 1973). Однако практика дендрохронологических исследований показала, что это значение является слишком низким для обеспечения корректной синхронизации (Haneka 2005: 26). Считается, что для качественного датирования коэффициент TBP должен иметь значение более 4 или не менее 5 (например: Grissino-Mayer et al. 2010: 67; Haneka, van Daalen 2017: 154; Bernabei 2018: 204; Rzepecki et al. 2019: 22).

Для дополнительного контроля качества датирования использовалась также широко применяемая с этой целью программа COFECHA (Holmes 1983; Grissino-Mayer 2001). Программа основана на анализе высокочастотного тренда (годовичного изменения прироста) в сериях измерений. Именно высокочастотный климатический сигнал определяет качество перекрестного датирования. Принцип действия – каждый индивидуальный ряд последовательно делится на 50-летние сегменты таким образом, что каждый сегмент имеет общий интервал с соседним продолжительностью 25 лет. Значения коэффициентов корреляции (r) датируемого ряда с референтной хронологией определяются для каждого сегмента

ряда. В результате для каждого древесно-кольцевого ряда датировку получают несколько его отдельных сегментов. Полученная последовательность дат большей части сегментов, сопровождаемых значимой корреляцией, подтверждает корректность датировки всего ряда. Применяемое пороговое значение для коэффициента $r = 0,33$.

Важным показателем, выражающим силу связи между индивидуальными хронологиями в анализируемой выборке, является межсерийный коэффициент корреляции R . Чем выше коэффициент, тем сильнее выражен общий сигнал. В целом, значения выше 0,50 являются желательными для этого параметра. Однако значимость полученной величины зависит от исследуемых видов, географического местоположения и регионального климата (Grissino-Mayer 2001: 214).

Для построения из индивидуальных древесно-кольцевых рядов обобщенных хронологий использована программа ARSTAN (Cook 1985; Cook, Krusic 2005). Она направлена на минимизацию влияния возрастного тренда и других факторов неклиматической природы, которые присутствуют в индивидуальных хронологиях, на абсолютные значения ширины прироста древесных колец. В преобразованных, посредством специализированного математического аппарата, временных рядах исключен тренд, а также различия в величине годичного прироста, связанные с условиями местообитания. Рассчитанные индексы прироста имеют примерно одинаковое среднее значение и примерно одинаковую вариабельность в пределах отдельных временных интервалов. Это дает возможность сопоставлять изменчивость прироста у хронологий, полученных для различных видов деревьев, условий местообитаний и районов (Fritts, Swetnam 1989: 125–127; Cook et al. 1990; Ваганов и др. 1996: 39). Обобщенные хронологии строились методом негативной экспоненты. Данный способ рекомендуется, если прирост выражен стандартной возрастной кривой (Cook, Krusic, 2005). Такая возрастная тенденция характеризует большинство полученных нами индивидуальных хронологий.

Результаты перекрестного датирования и обсуждение

Древесно-кольцевые ряды по лиственнице характеризуются неоднородными по качеству статистическими показателями перекрестного датирования. Совокупность рядов с наилучшими параметрами отличается значениями CDI в диапазоне 41–136. Пара рядов с максимальным значением CDI (og71, og77) имеет высокий порядок и других статистических показателей: Glk – 88%; TBP – 15,4; CDI – 136. При таких значениях допустимо предполагать, что разные изделия могли быть изготовлены из одного древесного ствола. Согласно современным данным, такое предположение заслуживает внимания уже при значениях показателей Glk > 80%; TBP ≥ 9; CDI ≥ 90 (см. например: Domínguez-Delmás et al.

2013: 122, 127; Visser 2015: 246; Susperregi et al. 2017: 703). В этом случае графики прироста обладают высоким визуальным сходством; окончания рядов синхронизированы одним годом; последние кольца по косвенным признакам предположительно подкоровые. Начала рядов, в отсутствии сердцевины, имеют разницу в 4 года (рис. 4), что с учетом отмечаемой потери начальных колец показывает возможное полное совпадение в положении обеих серий прироста. В данном случае речь идет о бревнах перекрытия сруба мог. 2021/1.

У части рядов, образующих совокупность, характеризуемую пониженными или неоднозначными значениями показателей датирования, нижняя граница таких значений может приближаться к пороговым. С целью устранения сомнений в результатах сопоставления рядов обращалось внимание на повторяемость хронологической позиции, занимаемой конкретным рядом, при сопоставлении его с другими рядами. В подобных случаях мы принимаем к сведению правило: если два образца, каждый в отдельности, схожи с третьим, то они схожи и друг с другом (Ваганов, Круглов, Васильев 2008: 85). Тем не менее и в этой группе выделяется пара рядов (og75, og76), синхронизация которых сопровождается еще более высокими значениями, допускающими изготовление разных строительных деталей из одного дерева: Glk – 87%; TBP – 25,6; CDI – 203 (рис. 4). В этом случае речь также идет о бревнах перекрытия из мог. 2021/1.

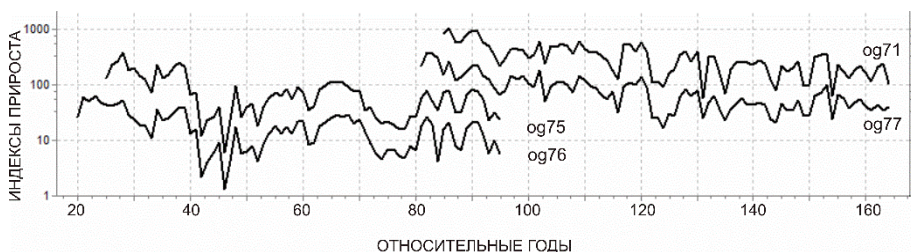

Рис. 4. Оглахтинский могильник. Могила 2021/1. Перекрестное датирование групп рядов (бревна перекрытия): каждая пара рядов предположительно отражает прирост одного дерева

Индивидуальные древесно-кольцевые ряды с высоким коэффициентом межсерийной корреляции R явились основой для формирования обобщенной древесно-кольцевой хронологии по лиственнице OgL. На данном этапе обобщенная ДКХ включает 12 индивидуальных рядов (длина рядов 77–185 лет); ее протяженность – 228 лет. Средний межсерийный коэффициент корреляции составил 0,57; коэффициент чувствительности – 0,37 (табл. 2, рис. 5).

Датирование по обобщенной хронологии OgL индивидуальных рядов, для которых ранее не удалось получить убедительной хронологической привязки, позволило уточнить их относительное положение с более однозначными статистическими результатами. При датировании

использованы как нестандартизированный, так и стандартизированный варианты лиственничной хронологии. По результатам применения стандартизированного варианта получены те же даты, число датированных рядов не увеличилось и в целом наблюдается даже некоторое снижение значений статистических показателей TSAP.

Таблица 2

Характеристика индивидуальных древесно-кольцевых рядов, на основе которых сформирована обобщенная древесно-кольцевая хронология по лиственнице OgL

№	Код образца	Длина ряда, лет	Интервал относительный, гг.	Sd	S	R
1	og1	147	46–192	0,67	0,45	0,638
2	og2	165	46–210	0,65	0,38	0,563
3	og6	140	87–226	0,55	0,32	0,483
4	og7	164	63–226	0,68	0,51	0,582
5	og9	171	57–227	0,51	0,32	0,462
6	og60	77	84–160	0,68	0,51	0,522
7	og61	122	64–185	0,56	0,37	0,623
8	og62	127	54–180	0,56	0,38	0,568
9	og65	104	27–130	0,69	0,45	0,518
10	og71	80	85–164	0,56	0,40	0,722
11	og77	84	81–164	0,74	0,36	0,717
12	og78	185	0–184	0,76	0,48	0,509

Примечание. Здесь и в табл. 3: R – межсерийный коэффициент корреляции; Sd – стандартное отклонение (значения указаны для недетрендированных рядов); S – коэффициент чувствительности.

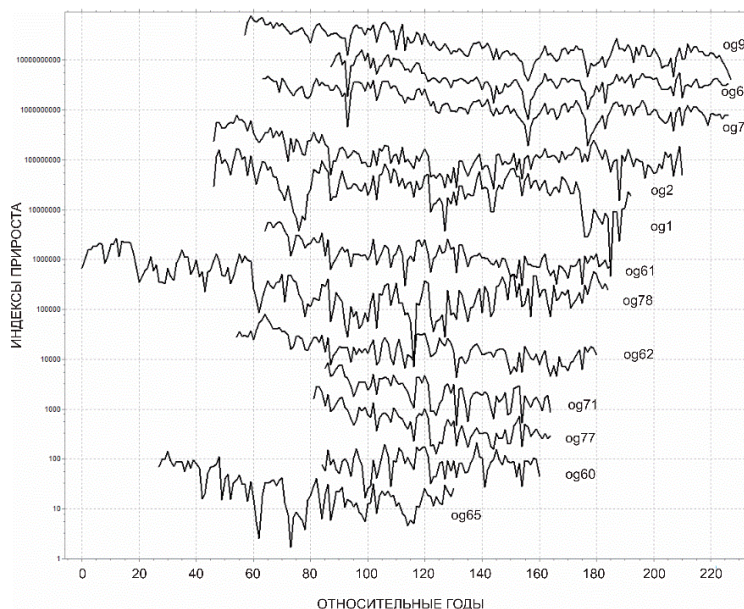

Рис. 5. Перекрестное датирование индивидуальных древесно-кольцевых рядов по лиственнице, вошедших в обобщенную хронологию OgL

Тем не менее некоторые индивидуальные ряды датировать по ДКХ OgL не удалось (образцы из раскопок Адрианова (og3) и мог. 2021/1). В свою очередь, недатированные ряды по образцам из мог. 2021/1 образуют две группы, внутри которых корреляция между рядами имеет достаточно высокие значения (рис. 6).

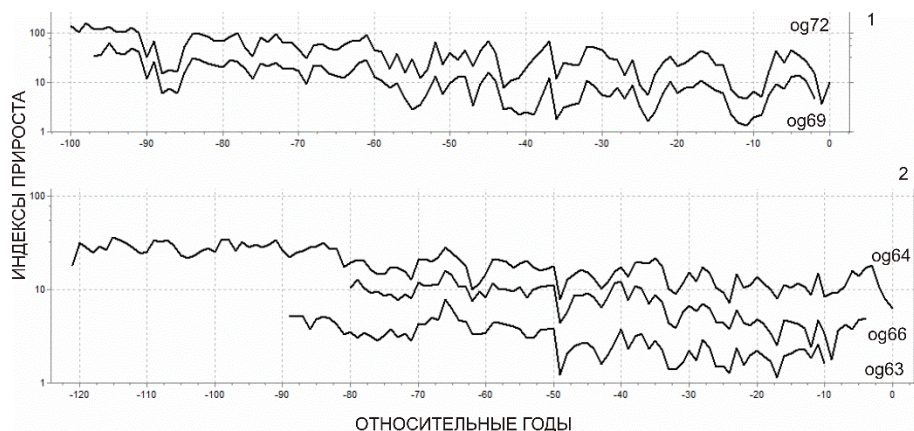

Рис. 6. Оглахтинский могильник. Могила 2021/1. Группы недатированных древесно-кольцевых рядов с высокой внутригрупповой синхронизацией: 1 – og69, og72 (бревна перекрытия); 2 – og63, og64, og66 (бревна венцов)

Первая совокупность состоит из рядов, полученных по бревнам венцов (og63, og64, og66), вторая – по бревнам перекрытия (og69, og72). Соответственно, статистика для первой группы характеризуется следующими значениями: Glk – 73–75%; TBP – 5,2–10,6; CDI – 37–89; для второй: Glk – 83%; TBP – 16,5; CDI – 137. Порядок величины показателей для второй совокупности, отражающий высокое графическое сходство рядов, вновь позволяет предполагать, что и эти детали перекрытия могли быть изготовлены из одного дерева. Внешние кольца для образцов og69, og72 определены как подкорковые, но лишь по косвенным признакам, так что фиксируемая разница в 2 года между последними кольцами не является фактором, исключающим возможность изготовления этих элементов конструкции из одного дерева (см. рис. 6, 1). Разница в положении сердцевинных колец на 5 лет может быть объяснима присущими древесине особенностями формирования прироста на разных по высоте участках ствола.

Качественная разница в значениях статистических показателей при сопоставлении рядов может быть вызвана не только эндогенными факторами, определяющими индивидуальные особенности роста. Для лесостепной зоны Хакасии, где отсутствует единый лимитирующий климатический фактор, значимое влияние на трансформацию климатического сигнала, а следовательно, динамику прироста и возможность

синхронизации, оказывают топоэкологические условия места произрастания и видовые особенности древесных растений (Бабушкина 2011).

Индивидуальные древесно-кольцевые ряды по сосне по качеству статистических показателей межсерийного сопоставления, в свою очередь, образуют две группы. Выборка рядов с максимально высокими значениями представлена исключительно образцами из могилы 4⁴ (рис. 7). Совокупность статистических характеристик для данной группы представлена следующими образом: Glk – 67–81 %; TBP – 5,5–16,9; CDI – 39–133. Максимальными величинами сопровождается синхронизация рядов og14, og15, og18: Glk – 71–81 %; TBP – 13,5–16,9; CDI – 96–133. Полученные значения показателей вновь позволяют предполагать изготовление разных строительных деталей из одного дерева (два бревна перекрытия и бревно из стенки сруба). Отметим, что порубочные даты для этих трех образцов приходятся на один год, а максимальная разница между началом рядов в 15 лет обусловлена отсутствием на керне сердцевинных колец.

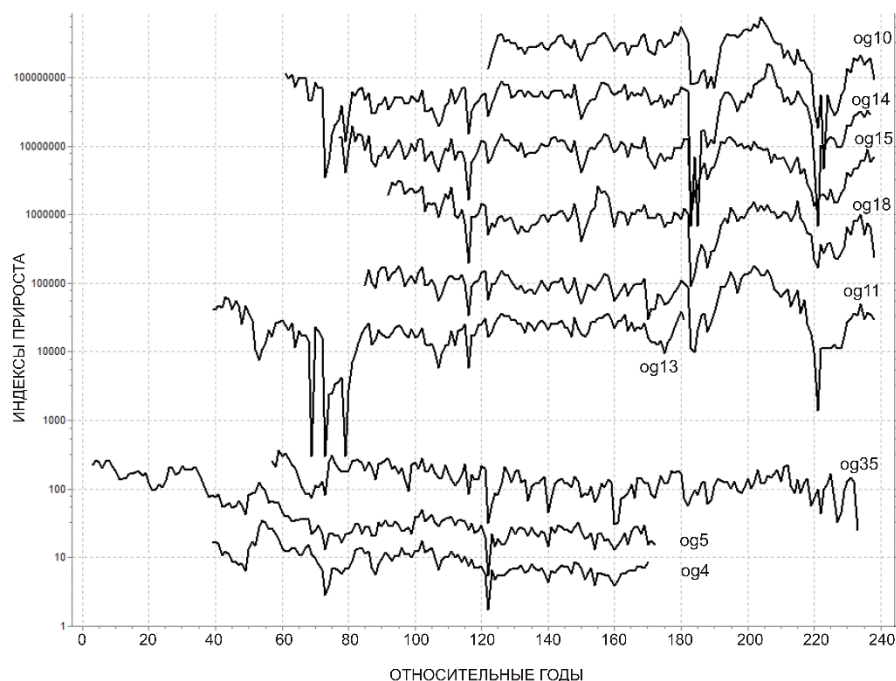

Рис. 7. Перекрестное датирование индивидуальных древесно-кольцевых рядов по сосне. Образцы сгруппированы по объектам: og10, og11, og13-15, og18 – могила 4; og35 – могила 8; og4, og5 – могилы 1, 2 из раскопок А.В. Адрианова

Оставшиеся образцы демонстрируют устойчивое относительное положение при датировании пар рядов в различном сочетании, но с более

низкими статистическими значениями. Наиболее высокую связь между собой показали ряды og4 и og5 по образцам из раскопок А.В. Адрианова (CDI – 88). Значимые величины синхронизации выявлены также для пары рядов og4 и og35 (CDI – 40).

Существенный разброс в значениях статистических показателей, сравнение графиков прироста по ширине колец позволяет предположить, что источником происхождения сосновой строительной древесины для разных погребальных сооружений являлись места, характеризующиеся различными условиями произрастания. Наиболее однородной группой по статистике и визуальному сходству прироста, а, следовательно, по месту произрастания, являются ряды по образцам из мог. 4. В пользу этого предположения свидетельствуют и сопоставимые значения таких показателей, как средняя ширина колец (0,60–0,72 мм) и коэффициент чувствительности (0,26–0,31). Для сравнения: более низкие значения указанных параметров демонстрируют ряды по образцам og4 и og5 из раскопок А.В. Адрианова (0,45 и 0,57 мм, 0,19 и 0,19 соответственно).

Высокая межсерияльная корреляция, которую показали индивидуальные ряды по сосновым образцам из мог. 4, позволила сформировать из них обобщенную хронологию по сосне OgP протяженностью 178 лет (длина индивидуальных рядов варьирует от 117 до 177 лет). Средний коэффициент межсерияльной корреляции $R = 0,84$; коэффициент чувствительности – 0,28 (табл. 3, рис. 7).

Таблица 3

Характеристика индивидуальных древесно-кольцевых рядов, на основе которых сформирована обобщенная древесно-кольцевая хронология по сосне OgP

№	Код образца.	Длина ряда, лет	Интервал относительный, гг.	Sd	S	R
1	og10	117	122–238	0,31	0,26	0,803
2	og11	177	61–237	0,38	0,31	0,841
3	og14	162	77–238	0,26	0,27	0,831
4	og15	147	92–238	0,40	0,28	0,836
5	og18	154	85–238	0,30	0,28	0,859

Сопоставление с хронологией OgP не вошедших в нее рядов подтвердило их относительное положение, предположенное ранее. Тем не менее статистические параметры были невысокими: Glk – 60–64%; TBP – 3,8–4,0; CDI – 22–29.

Современные исследования динамики изменчивости годичного прироста у хвойных пород (лиственница и сосна) Хакасско-Минусинской котловины под воздействием климатических и локальных факторов показало высокую корреляцию между этими видами в пределах одних мест обитания (Zhirkova et al. 2021). Сопоставление обобщенных ДКХ по лиственнице и сосне (OgL и OgP) подтвердило, что для местных условий

возможно перекрестное датирование между собой хвойных деревьев данных видов, происходящих из погребений Оглахтинского могильника (рис. 8). Косвенным доводом в пользу корректности полученного соотношения между рядами хвойных разных пород является компактное хронологическое положение индивидуальных рядов на относительной хронологической шкале, сформированной по всей совокупности образцов оглахтинской коллекции (рис. 9). Наиболее показательным является распределение дат рядов по разным породам, установленное на материалах из мог. 4: максимальная разница между образцами с подкорковыми кольцами – 12 лет; минимальная – 1 год. Такое же, в целом, распределение дат, хоть и с несколько большим интервалом, соответствует наблюдаемой картине для мог. 2021/1.

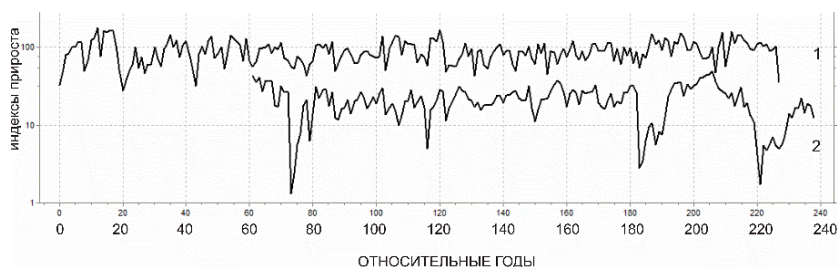

Рис. 8. Перекрестное датирование стандартизированных обобщенных древесно-кольцевых хронологий по хвойным: 1 — лиственничная хронология OgL; 2 — хронология по сосне OgP

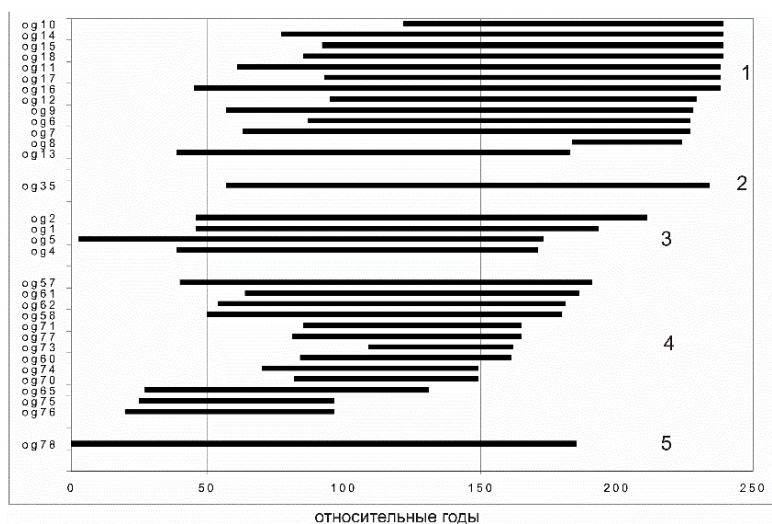

Рис. 9. Диаграмма хронологического распределения дендробразцов из погребений Оглахтинского могильника. Образцы сгруппированы по объектам: 1 — могила 4; 2 — могила 8; 3 — могилы 1, 2 из раскопок А.В. Адрианова; 4 — могила 2021/1; 5 — могила 2021/2

Тем не менее перекрестное датирование обобщенных ДКХ разных видов сопровождается невысокими значениями статистических показателей: $G_{lk} - 59\%$; $TBP - 4,6$; $CDI - 25$. В то же время коэффициент корреляции r , рассчитанный COFECNA, составил $0,38$ (по 5 сегментам из 6 для хронологии OgP), что выше порогового значения.

Возможность перекрестного датирования лиственницы и сосны реализуется также на примере сопоставления отдельных индивидуальных рядов с лиственничной хронологией OgL. При этом статистические показатели, в целом являясь невысокими (например, $CDI - 23-27$) при датировании по стандартизированному варианту хронологии, в отдельных случаях достигают более убедительных значений ($CDI - 34-38$). Отметим, что использование стандартизированного варианта хронологии OgL в качестве референтной, тем не менее, не привело к увеличению количества датированных образцов и принципиальному улучшению качества статистики синхронизаций.

Замечено, что результаты сопоставления индивидуальных рядов хвойных разных видов в программе TSAP носят более неоднозначный и менее убедительный характер. В то же время величины коэффициента межсерийной корреляции R в COFECNA обладают большей значимостью, чем можно было бы ожидать, основываясь на достаточно низких результатах, рассчитанных в TSAP. Для рядов по сосне коэффициент R варьирует от $0,35$ до $0,66$ (средний коэффициент корреляции составил $0,50$).

По итогам перекрестного датирования оглахтинских образцов не удалось получить хронологическую привязку лишь для 8 образцов (20%), что можно считать неплохим результатом.

Относительная хронология различных элементов отдельных срубов и последовательность сооружения погребений

Полученная в результате перекрестного датирования дендрообразцов информация позволяет высказать ряд предположений о хронологических аспектах сооружения оглахтинских погребальных срубов на примере мог. 2021/1 и 4 как обладающих наиболее репрезентативными выборками образцов, отобранных от различных элементов конструкции.

Могила 2021/1. Строительный материал для сруба, за исключением двух образцов, представлен лиственницей, чья древесина использована для сооружения как стен, так и перекрытия. Оба сосновых образца происходят от западного и восточного бревен нижнего венца. Датировать не удалось 7 образцов из 20.

Строительный материал сруба, с учетом недатированных образцов, представлен деревьями II–IV возрастных групп. Перекрытие формировалось главным образом из деревьев II группы, биологический возраст которых был близок к деревьям III группы. Только один образец

насчитывал не менее 101 года (подкорковое кольцо определено предположительно).

Распределение дат демонстрирует более раннее положение бревен перекрытия относительно бревен из стен сруба. Разница между наиболее поздней датой бревна из стены сруба и самой поздней датой двух бревен перекрытия составляет 26 лет (см. рис. 8). С учетом предположительного характера наличия подкорковых колец у бревен перекрытия эта разница может сократиться, но вряд ли принципиально: по совокупности косвенных признаков (радиусы, измеренные по разным направлениям, датированы одним годом; количество колец в заболони в среднем около 30) потеря внешних колец, если таковая и имела место, была незначительной.

В свою очередь, разница между измеренными внешними кольцами самих бревен перекрытия достигает 66 лет (см. рис. 8). В реальности эта разница также может быть несколько иной – как в сторону уменьшения, так и увеличения, что может привести к изменению относительного положения дат образцов. Однако, по нашему мнению, такие изменения будут носить незначительный характер и принципиально не отразятся на более раннем положении бревен перекрытия относительно бревен сруба.

Средняя ширина годовичных колец у большинства образцов от бревен перекрытия менее 1 мм (0,87–0,90). У двух образцов она имеет значения 1,09 и 1,43 мм. Разница в ширине колец демонстрирует определенную связь с коэффициентом чувствительности: при увеличении ширины уменьшается чувствительность. У большинства образцов этот коэффициент находится в пределах 0,36–0,45; у вышеупомянутых двух образцов – 0,33–34. Вероятно, деревья с меньшим коэффициентом чувствительности произрастали в относительно благоприятных условиях по сравнению с другими. В пользу разных мест происхождения древесины, использованной при сооружении мог. 2021/1, говорит и наличие нескольких групп рядов, отличающихся по качеству статистики перекрестного датирования и визуальному сходству графиков прироста, но обладающих значительным сходством внутри каждой группы.

Большой разброс по возрасту имеет место для древесины, использованной при сооружении стен сруба: среди деревьев II–IV возрастных групп доминируют деревья III группы. Старшая группа представлена одним деревом, возраст которого лишь незначительно превышает 150 лет, а деревья ранней группы по количеству лет демонстрируют близость к следующей группе.

Здесь, так же как и у бревен перекрытия, наблюдается разница в датах последних колец (до 60 лет). С учетом предположительного характера определения подкорковых колец эта разница может измениться как в сторону уменьшения, так и увеличения, но, тем не менее, сохранится. Например, разница между бревном из венца 1 северной стены (подкорковое кольцо отсутствует), имеющим наиболее позднюю дату, и бревном

из венца 2 южной стены, имеющим установленное подкоровое кольцо, составляет 5 лет. Часть образцов с достоверно неустановленными подкоровыми кольцами показывает незначительную разницу в датах последних колец (5–6 лет), что позволяет предполагать заготовку некоторых деревьев в еще более короткое время, либо вовсе в одно время.

Расхождения в показателях датирования, наличие деревьев со средней шириной кольца менее и более 1 мм (0,74–1,43 мм), значительная разница в коэффициентах чувствительности (0,18–0,51) показывают, что происхождение деревьев, послуживших для изготовления стен сруба, связано с разными местами обитания и условиями роста.

Таким образом, складывается впечатление, что целенаправленная заготовка свежесрубленного леса для сооружения погребального сруба не являлась основной задачей для его строителей. По-видимому, использовалась как вторичная древесина, так и погибшие деревья (сухостойные или поваленные), хотя пока трудно судить об их пропорции. При этом есть основания для утверждения, что часть бревен перекрытия могла быть изготовлена из одних и тех же деревьев. О переиспользовании старой древесины для изготовления перекрытия могут также говорить существенно более ранние даты бревен перекрытия по сравнению с датами бревен из стен сруба.

Могила 4. Строительный материал сруба представлен древесиной лиственницы и сосны в пропорции 2:1, относящимся к деревьям III–IV возрастных групп. Из лиственницы в основном изготовлены венцы, а также 4 из 9 бревен перекрытия. В свою очередь, сосна использована для оставшихся 5 бревен перекрытия и двух нижних бревен в западной и восточной стенках сруба. Датированы были все образцы, полученные из этой могилы.

Состояние поверхности позволяет с большой долей уверенности утверждать, что на большинстве образцов (10 из 13) присутствуют подкоровые кольца. Отмечается некоторый разброс в датах между такими образцами, но в целом их группировка имеет более компактный характер, чем в случае с могилой 1. Максимальная разница, зафиксированная среди бревен венцов, достигает 12 лет (см. рис. 8). Более монолитную группу с поздними датами образуют бревна перекрытия: здесь разница между датами гибели деревьев равна 1 году. Наиболее раннее положение – на 55 лет от ближайших по хронологии рядов – демонстрирует образец og13, что отчасти вызвано разрушением группы периферийных колец еще на стадии получения керна.

Таким образом, для сооружения сруба мог. 4 также использована древесина, заготовленная в течение определенного периода. Речь может идти как о вторичном использовании материала, так и об употреблении сухостойных либо поваленных деревьев, о чем свидетельствует ряд бревен с многочисленными ходами насекомых на поверхности. В случае с

данным срубом бросается в глаза отчетливое группирование дат стенок сруба и перекрытия, при котором сначала рубились бревна для стен в течение двух лет, а примерно на 10–11 лет позже – бревна перекрытия и верхнее бревно восточной стенки. Такое распределение дат внутри одной конструкции также может свидетельствовать о неоднократном проникновении в погребальную камеру и существовании доступа в нее в течение определенного периода, после которого камера окончательно запечатывалась.

Сравнение графиков прироста ширины колец по образцам лиственницы показывает существенную разницу в динамике. На основании этого признака образуются две совокупности индивидуальных рядов. Для первой (og6, og7, og9) характерна стандартная возрастная кривая прироста; для второй (og12, og16, og17) наблюдается чередование периодов минимального и максимального прироста (рис. 10).

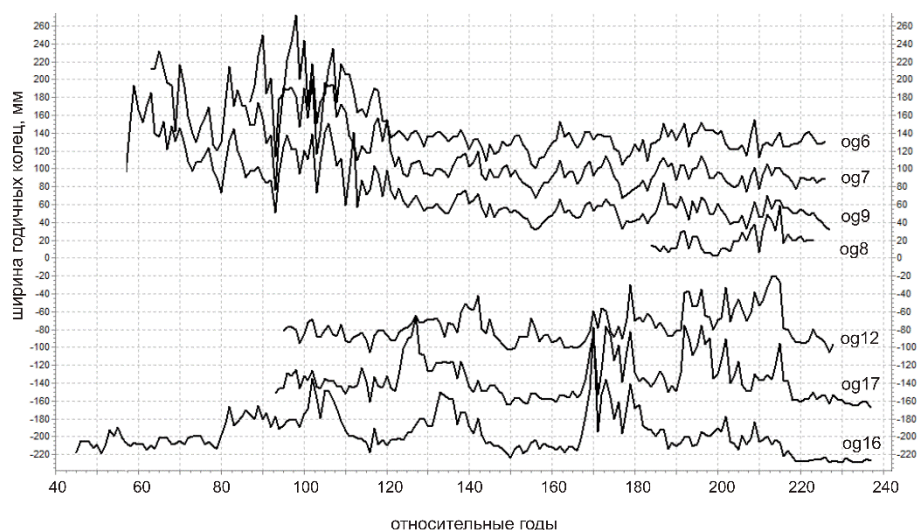

Рис. 10. Оглахтинский могильник. Могила 4. Перекрестное датирование индивидуальных древесно-кольцевых рядов по лиственнице из разных групп

Такая ситуация показывает, что деревья из разных групп формировались в различных экологических условиях, связанных с определенными местами обитания. Это объясняет то, что сформированные по каждой группе обобщенные ряды при сопоставлении между собой показали уверенные, но не очень высокие статистические значения: $G_{lk} - 62\%$; $TBP - 5,4$; $CDI - 28$. Такая же хронологическая позиция и сопоставимые статистические значения ($CDI - 27$) получены при сравнении стандартизированных вариантов этих обобщенных рядов. В пользу довода о разных местах произрастания также свидетельствуют коэффициенты

чувствительности: 0,61–0,75 и 0,25–0,25 соответственно. Отметим, что относительное положение индивидуальных рядов получило подтверждение при сопоставлении с обобщенной хронологией по лиственнице OgL.

Сравнение между собой рядов из первой совокупности показало наличие весьма высоких статистических значений (CDI – 116, 126), что позволяет вновь поставить вопрос о возможном изготовлении некоторых деталей (бревна венцов) из одного и того же ствола.

В свою очередь, по качеству перекрестного межсерийного сопоставления образцы по сосне образуют монолитную группу с высокими статистическими значениями и сходством графиков прироста, что говорит о принадлежности деревьев к одному месту произрастания. Порядок значений для некоторых рядов допускает, что отдельные детали также могли быть изготовлены из одного дерева (CDI – 96, 133).

Оценивая в целом распределение дат всех исследованных образцов, можно утверждать, что, за некоторым исключением, они расположены достаточно компактно на относительной шкале, демонстрируя и определенную концентрацию в рамках отдельных конструкций (см. рис. 8). Если исходить из наиболее поздних дат, фиксируемых по каждой могиле, то выстраивается некоторая условная последовательность погребений: самой ранней выступает мог. 2021/2 с относительной отметкой – 184-й год, за ней мог. 2021/1 – 190-й год, затем мог. 1–2 из раскопок А.В. Адрианова – 192-й/210-й годы, мог. 8 – 233 год, наиболее поздняя – мог. 4 с относительной датой 238 год. Опираясь на такой порядок погребений, можно констатировать, что сооружения, материалы из которых привлечены для представленного исследования, возникли в течении сравнительно короткого периода, вероятно в пределах 50–55 лет. Оценивая пространственно-временное соотношение могил, можно отметить, что могилы 1, 2 из раскопок А.В. Адрианова, расположенные на Восточном участке Оглахтинского могильника, имеют как предшествующие им, так и следующие за ними могилы на Западном участке. То есть заполнение Восточного и Западного участков погребениями шло одновременно. Еще раз подчеркнем, что все вышеприведенные даты являются относительными, т.е. установленными в рамках «плавающей» древесно-кольцевой хронологии. Превратить их в абсолютные поможет в ближайшей перспективе радиоуглеродное датирование дендрообразцов с использованием методики «wiggle-matching».

Рассматривая распределение дат внутри отдельных объектов, напрашивается вывод, что для строительства погребальных сооружений предпочитали использовать часто не свежесрубленный лес, а вторичную древесину, даты рубки которой в одной конструкции могли значительно различаться. К тому же анализ дат в отдельных случаях может говорить об определенном периоде использования конкретного погребального сооружения, когда сохранялся доступ в него. Такое положение дел

существенно ограничивает возможность установления реальной последовательности могил. Скорее можно говорить о периоде, в течение которого функционировали те или иные могилы, а примерную длительность этих интервалов помогает вполне реально оценить дендрохронологический анализ при соблюдении принципиально важного условия – максимальной представительности выборки образцов по каждому объекту.

Заключение

В результате проведенного дендрохронологического исследования коллекции из 40 образцов древесины от 5–6 погребальных сооружений Оглахтинского могильника была установлена принципиальная возможность древесно-кольцевого датирования могил и получены первые итоги относительной хронологии. Вследствие использования для строительства могильных срубов хвойных деревьев разных пород (лиственница и сосна) были построены две обобщенные древесно-кольцевые хронологии для памятника: ДКХ OgL по лиственнице длиной 228 лет, ДКХ OgP по сосне обыкновенной – 178 лет. Перекрестное датирование обобщенных и индивидуальных ДКХ показало, что в местных экологических условиях погодичные изменения радиального прироста у древесины лиственницы и сосны, обнаруженной в оглахтинских погребальных комплексах, достаточно синхронны, что дает возможность сравнивать разные виды между собой.

При этом разница в статистке, конфигурации графиков прироста, определенных параметрах годовых колец показывает, что древесина, используемая для строительства конкретного погребального сооружения, поступала из разных местообитаний, характеризующихся особыми условиями произрастания. В определенной степени это наблюдение коррелирует с практикой применения переиспользованной древесины.

Распределение дат в рамках более многочисленных выборок образцов (могила 4, 2021/1) также показывает, что для сооружения погребальных конструкций зачастую использовался не свежесрубленный лес, а вторичная древесина. Кроме того, хронологическая разница в порубочных датах в ряде случаев может свидетельствовать об активном использовании погребальных конструкций в течение определенного периода, когда имелся доступ в могилу и осуществлялось периодическое проникновение в камеру. Учитывая эти обстоятельства, относительная хронология погребальных сооружений, фиксируемая по порубочным датам деревьев, отражает реальную хронологию совершения погребений только условно, в рамках более или менее длительных периодов.

Тем не менее по результатам дендрохронологического исследования предложена примерная последовательность могил в пределах 50–55 лет: самой ранней выступает могила 2021/2, наиболее поздняя – мог. 4.

При этом заполнение Восточного и Западного участков Оглахтинского могильника погребениями шло одновременно. Все полученные даты являются относительными, т.е. установленными в рамках «плавающей» древесно-кольцевой хронологии. В плоскость абсолютных они перейдут в ближайшей перспективе путем радиоуглеродного датирования дендробразцов с использованием методики «wiggle-matching».

Примечания

¹ Авторы сердечно благодарят заведующего Отделом археологии и этнографии КККМ Н.П. Макарова и с.н.с. отдела Археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа С.В. Панкову за их содействие в получении образцов древесины из музейных собраний.

² Данные объекты имеют на плане могильника, составленном в 2019 г. (Водясов и др. 2021: рис. 5, рис. 6), следующую нумерацию: мог. 2020/1 – № 69, 2021/1 – № 55, 2021/2 – № 46, 2023/1 – на план не была нанесена из-за отсутствия внешних признаков.

³ Архивные сведения не позволяют надежно установить происхождение данных образцов из конкретных могил, поэтому они рассмотрены как одна группа, представляющая погребения 1 и 2 на Восточном участке.

⁴ Из этой могилы лишь образец og13 имеет невысокие значения статистики, возможной причиной чего являются многочисленные трещины в керне, затрудняющие корректное измерение ширины колец.

Список источников

- Бабушкина Е.А. Влияние климатических факторов и условий произрастания на изменчивость радиального прироста и структуры годичных колец: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Красноярск, 2011.
- Бенькова В.Е., Швейнгрубер В.Х. Анатомия древесины растений России. Берн: Хаупт, 2004.
- Ваганов Е.А., Шиятов С.Г., Мазепа В.С. Дендроклиматические исследования в Урало-Сибирской Субарктике. Новосибирск: Наука, 1996.
- Ваганов Е.А., Круглов В.Б., Васильев В.Г. Дендрохронология. Красноярск: СФУ, 2008.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение» (Archaeologica Petropolitana, VII), 1999.
- Водясов Е.В., Панкова С.В., Зайцева О.В., Вавулин М.В. Оглахтинский могильник: история открытий, планиграфия и современное состояние // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 6–23.
- Зайцева О.В., Водясов Е.В., Ширин Ю.В., Слюсаренко И.Ю. Многоактность ритуальных действий и эксгумация в таштыкских погребальных комплексах (по материалам раскопок Оглахтинского могильника в 2020 г.) // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 97–107.
- Колчин Б.А., Битвинкас Т.Т. Современные проблемы дендрохронологии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972. С. 80–92.
- Кызласов Л.Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 4010. 56 л.; Д. 4010а (альбом). М., 1970.
- Кызласов Л.Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1970 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 4242. 121 л.; Д. 4242а (альбом); Д. 4242б (альбом). М., 1971.

- Панкова С.В., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И. Радиоуглеродное датирование оглаhtинской гробницы методом «wiggle matching» // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 46–56.
- Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. М.: Nox, 1996.
- Baillie M.G.L., Pilcher J.R. A simple cross-dating program for tree-ring research // Tree-Ring Bulletin. 1973. Vol. 33. P. 7–14.
- Bernabei M. Historical and cultural framing of a medieval wooden artwork through dendrochronology // International Journal of Conservation Science. 2018. Vol. 9, is. 2. P. 201–208.
- Cook E.R. A time series approach to tree-ring standardization. Tucson: Arizona University Press, 1985.
- Cook E.R., Briffa K.R., Shiyatov S., Mazepa V. Tree-ring standardization and growth-trend estimation // Cook E.R., Kairiukstis L.A. (Eds.). Methods of Dendrochronology: Applications in the Environmental Sciences. Boston: Kluwer Academic Publ., 1990. P. 104–123.
- Cook E.R., Krusic P.J. Program ARSTAN (Version 41d). NY, Palisades: Lamont-Doherty Earth Observatory, Columbia University, 2005. URL: <http://www.ldeo.columbia.edu/tree-ring-laboratory/>
- Domínguez-Delmás M., Nayling N., Wazny T., Loureiro V., Lavie C. Dendrochronological Dating and Provenancing of Timbers from the Arade 1 Shipwreck, Portugal // The International Journal of Nautical Archaeology. 2013. Vol. 42, is. 1. P. 118–136.
- Fritts H.C., Swetnam T.W. Dendroecology: A Tool for Evaluating Variations in Past and Present Forest Environments // Advances in Ecological Research. 1989. Vol. 19. P. 111–188.
- Grissino-Mayer H.D. Evaluating Crossdating Accuracy: A Manual and Tutorial for the Computer Program Cofecha // Tree-Ring Research. 2001. Vol. 57, is. 2. P. 205–211.
- Grissino-Mayer H.D., Kobziar L.N., Harley G.L., Russell K.P., LaForest L.B., Oppermann J.K. The Historical Dendroarchaeology of the Ximénez-Fatio House, St. Augustine, Florida, U.S.A // Tree-Ring Research. 2010. Vol. 66, № 1. P. 61–73.
- Haneca K. Tree-ring analyses of European oak: implementation and relevance in (pre-)historical research in Flanders. Ghent: Ghent University, 2005.
- Haneca K., van Daalen S. The roof is on fire! A dendrochronological reconstruction of the restoration of the Basilica of Our Lady in Tongeren (Belgium) // Dendrochronologia. 2017. Vol. 44. P. 153–163.
- Holmes R.L. Computer-Assisted Quality Control in Tree-Ring Dating and Measurement // Tree-Ring Bulletin. 1983. Vol. 43. P. 69–78.
- Pankova S.V., Makarov N.P., Simpson St J., Cartwright C.R. New radiocarbon dates and environmental analyses of finds from 1903 excavations in the eastern plot of the Tashtyk cemetery of Oglakhty // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 24–59.
- Rinn F. TSAP-Win: time series analysis and presentation for dendrochronology and related applications. Version 4.64. User reference. Heidelberg, Germany: Frank Rinn Distribution, 2013.
- Rzepecki A., Neyses-Eiden M., Frank T., Diethelm B., Herzig F., Tegel W. Missing link in Late Antiquity? A critical examination of Hollstein's Central European Oak Chronology // Dendrochronologia. 2019. Vol. 54. P. 20–28.
- Schweingruber F.H. Tree rings: basics and applications of dendrochronology. Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., 1988.
- Susperregi J., Telleria I., Urteaga M., Jansma E. The Basque farmhouses of Zelaa and Maiz Goena: New dendrochronology-based findings about the evolution of the built heritage in the northern Iberian Peninsula // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 11. P. 695–708.
- Visser R.M. Imperial timber? Dendrochronological evidence for large-scale road building along the Roman limes in the Netherlands // Journal of Archaeological Science. 2015. Vol. 53. P. 243–254.

Zhirnova D.F., Belokopytova L.V., Meko D.M., Babushkina E.A., Vaganov E.A. Climate change and tree growth in the Khakass-Minusinsk Depression (South Siberia) impacted by large water reservoirs // Scientific Reports. 2021. Vol. 11. Article number: 14266.

References

- Babushkina E.A. (2011) *Vliyanie klimaticheskikh faktorov i uslovii proizrastaniya na izmenchivost' radial'nogo prirosta i struktury godichnykh kolets*. Avtoref. dis. ... kand. biol. nauk [Influence of Climatic Factors and Growth Conditions on the Variability of Radial Growth and Tree Ring Structure. Author's abstract of dissertation PhD (Cand.) in Biology]. Krasnoyarsk.
- Baillie M.G.L., Pilcher J.R. (1973) A simple cross-dating program for tree-ring research, *Tree-Ring Bulletin*, Vol. 33, pp. 7–14.
- Bernabei M. (2018) Historical and cultural framing of a medieval wooden artwork through dendrochronology, *International Journal of Conservation Science*, Vol. 9, Iss. 2, pp. 201–208.
- Ben'kova V.E., Shveingruber V.Kh. (2004) *Anatomiya drevesiny rastenii Rossii* [Anatomy of Russian woods]. Bern: Haupt.
- Chernykh N.B. (1996) *Dendrokronologiya i arkheologiya* [Dendrochronology and archeology]. Moscow, Nox Publ.
- Cook E.R. (1985) *A time series approach to tree-ring standardization*. Tucson: Arizona University Press.
- Cook E.R., Briffa K.R., Shiyatov S., Mazepa V. (1990) Tree-ring standardization and growth-trend estimation. In: Cook E.R., Kairiukstis L.A. (Eds.). *Methods of Dendrochronology: Applications in the Environmental Sciences*. Boston: Kluwer Academic Publ., pp. 104–123.
- Cook E.R., Krusic P.J. (2005) *Program ARSTAN (Version 41d)*. NY, Palisades: Lamont-Doherty Earth Observatory, Columbia University. Available at: <http://www.ldeo.columbia.edu/tree-ring-laboratory/>
- Dominguez-Delmás M., Nayling N., Wazny T., Loureiro V., Lavier C. (2013) Dendrochronological Dating and Provenancing of Timbers from the Arade 1 Shipwreck, Portugal, *The International Journal of Nautical Archaeology*, Vol. 42, Iss. 1, pp. 118–136.
- Fritts H.C., Swetnam T.W. (1989) Dendroecology: A Tool for Evaluating Variations in Past and Present Forest Environments, *Advances in Ecological Research*, Vol. 19, pp. 111–188.
- Grissino-Mayer H.D. (2001) Evaluating Crossdating Accuracy: A Manual and Tutorial for the Computer Program Cofecha, *Tree-Ring Research*, Vol. 57, Iss. 2, pp. 205–211.
- Grissino-Mayer H.D., Kobziar L.N., Harley G.L., Russell K.P., LaForest L.B., Oppermann J.K. (2010) The Historical Dendroarchaeology of the Ximénez-Fatio House, St. Augustine, Florida, U.S.A., *Tree-Ring Research*, Vol. 66, no. 1, pp. 61–73.
- Haneca K. (2005) *Tree-ring analyses of European oak: implementation and relevance in (pre-)historical research in Flanders*. Ghent: Ghent University.
- Haneca K., van Daalen S. (2017) The roof is on fire! A dendrochronological reconstruction of the restoration of the Basilica of Our Lady in Tongeren (Belgium), *Dendrochronologia*, Vol. 44, pp. 153–163.
- Holmes R.L. (1983) Computer-Assisted Quality Control in Tree-Ring Dating and Measurement, *Tree-Ring Bulletin*, Vol. 43, pp. 69–78.
- Kolchin B.A., Bitvinskis T.T. (1972) Sovremennye problemy dendrokronologii [Modern problems of dendrochronology]. In: *Problemy absolyutnogo datirovaniya v arkheologii* [Problems of absolute dating in archeology]. Moscow: Nauka, pp. 80–92.
- Kyzlasov L.R. (1970) Otchet o rabote Khakasskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta v 1969 godu. [Report on the work of the Khakassian Archaeological expedition by Moscow State University in 1969] // Unpublished report, Scientific Archive of the Institute of Archaeology, Moscow, Russian Academy of Sciences. F-1. R-1. D-4010, 56 p.; № 4010a (album).

- Kyzlasov L.R. (1971) Otchet o rabote Khakasskoy arkhеologicheskoy ekspeditsii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta v 1970 godu. [Report on the work of the Khakassian Archaeological expedition by Moscow State University in 1970] // Unpublished report, Scientific Archive of the Institute of Archaeology, Moscow, Russian Academy of Sciences. F-1. R-1. D-4242; № 4242a (album), № 4242b (album).
- Pankova S.V., Vasil'ev S.S., Dergachev V.A., Zaitseva G.I. (2010) Radiouglerodnoe datirovanie oglakhtinskoi grobnitsy metodom «wiggles matching» [Radiocarbon dating of Oglakhty grave using a wiggle matching method], *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, no. 2 (42), pp. 46–56.
- Pankova S.V., Makarov N.P., Simpson St J., Cartwright C.R. (2021) New radiocarbon dates and environmental analyses of finds from 1903 excavations in the eastern plot of the Tashtyk cemetery of Oglakhty, *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian historical research*, no. 3, pp. 24–59.
- Rinn F. (2013) *TSAP-Win: time series analysis and presentation for dendrochronology and related applications. Version 4.64. User reference*. Heidelberg, Germany: Frank Rinn Distribution.
- Rzepecki A., Neyses-Eiden M., Frank T., Diethelm B., Herzig F., Tegel W. (2019) Missing link in Late Antiquity? A critical examination of Hollstein's Central European Oak Chronology, *Dendrochronologia*, Vol. 54, pp. 20–28.
- Schweingruber F.H. (1988) *Tree rings: basics and applications of dendrochronology*. Dordrecht: Kluwer Acad. Publ.
- Susperregi J., Telleria I., Urteaga M., Jansma E. (2017) The Basque farmhouses of Zelaa and Maiz Goena: New dendrochronology-based findings about the evolution of the built heritage in the northern Iberian Peninsula, *Journal of Archaeological Science: Reports*, Vol. 11, pp. 695–708.
- Vadetskaia E.B. (1999) *Tashtykskaia epokha v drevnei istorii Sibiri* [Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg.: Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie» (Archaeologica Petropolitana, VII).
- Vaganov E.A., Shiyatov S.G., Mazepa V.S. (1996) *Dendroklimaticheskie issledovaniya v Uralo-Sibirskoi Subarktiike* [Dendroclimatic study in Ural-Siberian Subarctic]. Novosibirsk: Nauka.
- Vaganov E.A., Kruglov V.B., Vasil'ev V.G. (2008) *Dendrokronologiya* [Dendrochronology]. Krasnoyarsk: SFU.
- Visser R.M. (2015) Imperial timber? Dendrochronological evidence for large-scale road building along the Roman limes in the Netherlands. *Journal of Archaeological Science*, Vol. 53, pp. 243–254.
- Vodyasov E.V., Pankova S.V., Zaitseva O.V., Vavulin M.V. (2021) Oglakhtinskii mogil'nik: istoriya otkrytii, planigrafiya i sovremennoe sostoyanie [The Oglakhty burial ground: History of discovery, planigraphy, and current state], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian historical research*, no. 3, pp. 6–23.
- Zaitseva O.V., Vodyasov E.V., Shirin Yu.V., Slyusarenko I.Yu. (2021) Mnogoaktivnost' ritual'nykh deistvii i ekskumatsiya v tashtykskikh pogrebal'nykh kompleksakh (po materialam raskopok Oglakhtinskogo mogil'nika v 2020 g.) [Multi-activity of ritual actions and exhumation in Tashtyk burial complexes (based on excavations of the Oglakhty burial ground in 2020)], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian historical research*, no. 3, pp. 97–107.
- Zhirnova, D.F., Belokopytova, L.V., Meko, D.M., Babushkina E. A., Vaganov E.A. (2021) Climate change and tree growth in the Khakass-Minusinsk Depression (South Siberia) impacted by large water reservoirs, *Scientific Reports*, Vol. 11. Article number: 14266.

Сведения об авторах:

СЛЮСАРЕНКО Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЛМАИ «Артефакт», Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: slig1963@yandex.ru

ГАРКУША Юрий Николаевич – научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: yunga1971@ngs.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Igor Y. Slyusarenko, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: slig1963@yandex.ru

Yuriy N. Garkusha, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: yunga1971@ngs.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 01 августа 2023;
принята к публикации 09 сентября 2023.*

*The article was submitted 01.08.2023;
accepted for publication 09.09.2023.*

Научная статья
УДК 902/572/393
doi: 10.17223/2312461X/41/13

Трасологическое изучение посмертных трепанаций на черепах из таштыкского грунтового могильника Оглахты

Евгения Николаевна Учанева^{1, 2}
Анна Андреевна Малютина³
Светлана Владимировна Панкова^{4, 5}

^{1, 4} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

² *Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

³ *Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия*
⁵ *Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

^{1, 2} *ucha.89@mail.ru*
³ *kostylanya@yandex.ru*
^{4, 5} *svpankova@gmail.com*

Аннотация. Памятники археологии Саяно-Алтая и Центральной Азии содержат свидетельства широкого распространения в древности обычая посмертной трепанации черепа. Эта традиция была характерна и для населения, оставившего таштыкские грунтовые могильники, и была, по-видимому, связана с обработкой голов умерших / мумификацией для их долговременного хранения перед погребением.

Изучены все краниологические материалы из грунтовых погребений Оглахтинского могильника, хранящиеся в разных учреждениях страны. Для всех индивидов определялись половозрастные характеристики. Фиксировалась локализация трепанаций на черепе, их размер. Анализ трепанаций на черепах выполнен с помощью методик археологической трасологии и судебной криминалистики.

Серия из Оглахтинского грунтового могильника включает 29 черепов. Трепанации зафиксированы на 21 черепе. С помощью трасологических методов проанализированы 19. В результате зафиксированы разные локализации и способы выполнения трепанаций. По локализации основное большинство составили трепанации, расположенные в затылочной области. Исключением является одна трепанация, расположенная в височно-теменной области, и еще одна – в теменной области. Среди затылочных в отдельную группу выделены трепанации, которые продолжаются до основания черепа и затрагивают основное затылочное отверстие. Их предложено называть «глубокими». Основная техника – прорубание с последующим выломом фрагмента черепа внутрь или наружу. В одном случае зафиксировано сочетание техник прорубания и прорезания. Судя по зафиксированным следам, трепанацию выполняли долотом с прямым лезвием. Тело человека при этом лежало на животе. Важно, что на ряде отверстий зафиксированы сильные следы сглаженности краев: они не могли быть следствием только удаления мозга из черепа, но являются признаком каких-то дополнительных манипуляций с головой умершего. Можно предполагать фиксацию головы/тела умершего (в вертикальном положении?) за края трепанационного отверстия. Единственный случай предположительно прижизненной трепанации выполнен

сверлением. Посмертные трепанации черепов в таштыкское время могли быть связаны с технологическими традициями тесинского населения.

Ключевые слова: посмертная трепанация черепа, таштыкская культура, Оглахтинский грунтовый могильник, Минусинская котловина, трасология

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00478 «Феномен Оглахтинского могильника». Авторы выражают искреннюю благодарность за возможность работать в фондах НИИ и Музея антропологии МГУ академику РАН, д-ру ист. наук Александре Петровне Бужиловой и Павлу Петровичу Карцеву; также за возможность работать в фондах Красноярского краевого краеведческого музея канд. биол. наук Игорю Кондратьевичу Гаврилову и канд. биол. наук Евгению Владимировичу Екимову.

Для цитирования: Учанева Е.Н., Малютина А.А., Панкова С.В. Трасологическое изучение посмертных трепанаций на черепах из таштыкского грунтового могильника Оглахты // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 236–271. doi: 10.17223/2312461X/41/13

Original article

doi: 10.17223/2312461X/41/13

Traceological Study of Postmortem Trepanations on Crania from the Oglakhty Cemetery (the Tashtyk Culture, 2nd–4th century AD)

Evgeniia N. Uchaneva^{1, 2}

Anna A. Malyutina³

Svetlana V. Pankova^{4, 5}

^{1, 4} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, St. Petersburg, Russian Federation*

³ *Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russian Federation*

⁵ *State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russian Federation*

^{1, 2} *ucha.89@mail.ru*

³ *kostylanya@yandex.ru*

^{4, 5} *svpankova@gmail.com*

Abstract. Archaeological sites of Central Asia contain evidence of the post-mortem skull trepanation. This tradition was also common for the Tashtyk culture population and their burial grounds.

All available craniological samples from the Oglakhty cemetery, stored in different museums of Russia, were studied. First sex and age characteristics were determined for all individuals. Second, location on the skull and size of trepanations were recorded. Third, post-mortem trepanations were analyzed using a combination of archaeological traceology and forensic techniques.

29 crania were examined, 21 of them with trepanations. 19 were analyzed using the traceological methods. The majority of trepanations were located in the occipital region with two exceptions only in the temporoparietal region and the parietal part. Special group of the occipital trepanations which occupy the large oval aperture were singled

out. We suggest to call them "deep trepanations". The main technique for all studied post-mortem is cutting through, followed by breaking a fragment of the skull in or out. Once a combination of cutting and carving techniques was recorded. All trepanations were carried out using a chisel with a straight blade. The human body might be placed on its stomach. Of special importance is the fact that there are clear traces of smoothing on the edges of some holes which are rather signs of additional manipulations with the heads than just result of removing the brain. The only possible case of antemortem trepanation was made by drilling. Post-mortem Tashtyk trepanations could be technologically related to those of the Tes culture population.

Keywords: postmortem cranial trepanation, Tashtyk culture, Oglakhty burial ground, Minusinsk Basin, traceology

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project No. 22-18-00478 "The phenomenon of the Oglakhty burial ground". The authors express their sincere gratitude for the opportunity to work in the funds of the Research Institute and the Museum of Anthropology of Moscow State University to Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences Alexandra Petrovna Buzhilova and to Pavel Petrovich Kartsev. As well as for the opportunity to work in the funds of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore to Candidate of Biological Sciences Igor Kondratievich Gavrilov and to Candidate of Biological Sciences Evgeny Vladimirovich Ekimov.

For citation: Uchaneva, E.N., Malyutina, A.A. & Pankova, S.V. (2023) Traceological Study of Postmortem Trepanations on Crania From the Oglakhty Cemetery (the Tashtyk Culture, 2nd–4th century AD). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 236–271 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/13

Ловким, привычным ударом...
(Адрианов 1903a)

Введение

Трепанация черепов умерших относится к числу практик, связанных с посмертными и погребальными ритуалами общества. Как правило, их целью считается извлечение мозга в ходе обработки головы погребенного или всего тела для замедления процесса разложения. С другой стороны, трепанации отражают технологические традиции общества, так как по ним можно судить о конкретных приемах трепанирования и использованных инструментах.

Из-за разрушения мягких тканей, трепанация черепа является часто единственным дошедшим до нас свидетельством специальной обработки тел и в первую очередь голов умерших. Археологические памятники Саяно-Алтая и прилегающих территорий Центральной Азии содержат свидетельства широкого распространения здесь этого обычая в древности. Примером могут быть захоронения скифского времени в Больших Пазырыкских курганах (Руденко 1953; Баркова, Гохман 2001), могильнике уюкско-саглынской культуры Догээ-Баары 2 в Туве (Чугунов 2007), курганах Восточного и Центрального Казахстана (Китов, Китова, Оралбай 2016) раннего железного века.

У населения Минусинской котловины (Республика Хакасия) последних веков до н.э. – первой половины I тыс. н.э. трепанация черепа – это неотъемлемый этап манипуляций с телами умерших, производившийся, вероятно, для извлечения мозга при посмертной обработке головы умершего для ее длительного сохранения. Будучи универсальным и относительно простым способом доступа к мозгу, трепанации черепа были распространены у разных древних и близких к современности народов мира. С подробным историографическим обзором, посвященным разным видам трепанации черепа, можно ознакомиться в монографии М.Б. Медниковой (2001: 17–25).

Обычай посмертной трепанации черепов на территории Минусинской котловины был распространен у части населения окуневской культуры эпохи средней бронзы (Лазаретова, Малютин 2022). Зафиксированы отдельные случаи трепанаций у погребенных в сарагашенских курганах тагарской культуры (Медникова 2001: 211). Судя по значительной доле погребенных с трепанированными черепами в склепах тесинской культуры последних веков до н.э., для этой культурной группы практика трепанаций стала почти повсеместной (Учанева 2018; Гиля и др. 2020). В тесинских грунтовых могильниках, в целом, видимо, синхронных тесинским склепам, но чье культурно-историческое соотношение со «склепной группой» пока до конца не ясно, также зафиксированы отдельные черепные трепанации, однако они пока не были предметом специального сбора и изучения. У населения Минусинской котловины, соотносимого с таштыкскими грунтовыми могильниками I–IV вв. н.э. и имеющего черты антропологического сходства с тесинцами из склепов (Громов, Савенкова 2021), трепанации были вполне характерны (Гохман 1989; Вадецкая 1999: 18), хотя до настоящего исследования также специально не изучались.

Судя по исследованиям последних десятилетий, для тесинских и раннеташтыкских (I–IV вв.) погребальных традиций были характерны сложные манипуляции с телами и головами умерших и многоэтапные действия по их погребению, отражающие сложное мировоззрение разных групп населения региона этого времени. Для тесинских традиций (III в. до н.э. – III в. н.э.) известно моделирование глиняных голов на мацерированных черепах и реконструируется создание так называемых мумий-кукол, представляющих собой воссозданные на костях скелета берестяные или иные человекообразные манекены (Вадецкая 1999; Кузьмин 2011). На останках умерших из раннеташтыкских могильников (I–IV вв.), погребенных по обряду ингумации, фиксируют трепанированные черепа и гипсовые маски-обмазки. Недавнее КТ-исследование мужской мумии из оглахтинской могилы 1969/4 выявило хирургические швы на его голове, свидетельствующие, скорее всего, о ее посмертной обработке с целью замедления разложения (Широбоков, Панкова 2022). Это исследование

подтвердило предполагаемую связь таштыкских трепанаций с мумификацией голов умерших. Мумификация голов погребенных, как и создание погребальных масок и факты починки последних, позволили предполагать длительное сохранение тел умерших до погребения, для чего и требовалось сохранение облика покойных. Тем же задачам, по-видимому, отвечала в таштыкском обществе и практика создания погребальных кукол как вместилищ кремированных костей.

Трепанации на черепах из таштыкских грунтовых могильников привлекали внимание исследователей с самого начала раскопок этих памятников. А.В. Адрианов при описании Оглахтинского могильника отметил два типа трепанаций: «Другую отличительною чертою этихъ погребеній является предварительная подготовка головы – всѣ черепа, за исключеніемъ одного, лежавшаго въ могилѣ одиноко и уложеннаго искусственно, – пробиты въ затылочной части, вѣроятно, съ цѣлію удаленія мозга. Ловкимъ, привычнымъ ударомъ выбивался небольшой кусокъ въ 1–1½ дюйма затылочной кости; но въ иныхъ случаяхъ, въ толстоствѣнныхъ черепахъ, этотъ кусокъ выдавливался острымъ орудіемъ и при помощи просверленныхъ въ кускѣ дыръ вынимался; обыкновенно выбитый или выдолбленный кусокъ кости помѣщался внутри черепной коробки. Весьма вѣроятно, что подготовка трупа къ погребенію шла и дальше...» (Адрианов 1903а).

В неопубликованном «Предварительном отчете...» А.В. Адрианов добавляет, что «пробоина довольно небольшая... без нарушения целости остальных частей черепа...» (Адрианов 1903б: Л. 23 об.).

В 1970–1980-е гг., до раскопок большого количества тесинских склепов, И.И. Гохман изучил краниологический материал тесинского и таштыкского периодов из раскопок Красноярской экспедиции (к сожалению, без уточнения конкретных могильников и погребений) и отметил характерные места расположения трепанаций (затылочные или височные и теменные кости) (1989: 13–15). В этом же исследовании автор обращает внимание на использование одного и того же долотовидного инструмента (в руках одного и того же мастера) для трепанаций из «таштыкского могильника у горы Тепсей»: «С его помощью по линии трепанационного дефекта, длина которого 6–8 см, а ширина 4–5 см, пробивались отверстия на расстоянии 1–1,5 см друг от друга. Затем кость выламывалась. После извлечения мозга выломанный участок кости вставлялся на место, и возможно, что кожа сшивалась» (1989: 14–15). Необходимо отметить, что отсутствие указаний на конкретные могильники, кроме «Тепсейского», и преимущественная связь последнего с более поздним этапом склепов не позволяют, к сожалению, принимать все сказанное как факт. Однако сама идея «руки мастера», осуществлявшего трепанации для всех умерших конкретного коллектива, заслуживает

внимания, тем более при столь подробном рассмотрении деталей трепанационных отверстий, каким отличается трасологическое исследование.

Э.Б. Вадецкая, рассматривая погребальный обряд таштыкских грунтовых могильников, отмечает, что «как правило, черепа с масками трепанированы, что даёт основание косвенно связывать трепанацию не только с мумифицированием, но и наложением на лицо маски» (1975: 182).

Авторы недавнего краниологического исследования материалов ОМ описали трепанации и разделили их на три основных вида по месту и размеру отверстий: небольшие аккуратные отверстия в затылочной кости; расширения основного отверстия за счёт затылочной кости; значительные повреждения черепа, затрагивающие затылочную и теменную кости, и основание черепа (Громов, Савенкова 2021: 129).

Таким образом, за более чем столетний период изучения таштыкских грунтовых могильников исследователи неизменно обращали внимание на трепанации, описывали их форму и расположение, отмечали разнообразие трепанационных отверстий на черепах погребённых и делали предположения о способах их создания, однако ранее трепанации не исследовались методами трасологии.

Исследование трепанаций предполагает постановку вопроса об орудиях, которые могли быть использованы в процессе нарушения целостности свода черепа. Не так часто, тем не менее, предпринимались попытки поиска конкретных орудий, которыми могли выполняться трепанации. Необходимо в первую очередь отметить работу М.Б. Медниковой, в которой целая глава посвящена описанию инструментария по историческим эпохам. Она включила в свой обзор предположительные медицинские инструменты из коллекции Минусинского музея, относимые ею, со слов сотрудника музея Н.В. Леонтьева, к сарагашенскому этапу тагарской культуры (IV–III вв. до н.э.) (Медникова 2001: 49–66). Обширную работу с этими же предметами из Минусинского музея и их сравнение с античными медицинскими инструментами провел А. Наглер (Наглер 2013: 343–345). Две статьи по прижизненным трепанациям скифского времени с территории Горного Алтая с фотографиями расширенной серии предметов из Минусинского музея, предположительно интерпретируемых как медицинские пилы, ланцеты и зонды, приведены в работе Т.А. Чикишевой и соавторов (Чикишева и др. 2014: 138).

Минусинский музей обладает одной из лучших в мире коллекций бронзовых предметов – «случайных», т.е. беспаспортных находок с территории Южной Сибири, среди которых присутствуют специфические инструменты неизвестного назначения, чем и объясняется широкое привлечение его фондов.

М.П. Грязнов был одним из первых сибирских археологов, кто, исходя из очертания отверстий, предположил конкретное орудие,

применявшееся для трепанации черепа – прямое долото шириной 14 мм (цит. по: (Вадецкая 1999: 18)).

В уже упомянутой работе группы петербургских исследователей (Гиля и др. 2020) впервые для сибирских материалов – трепанаций на черепах из раннетесинских склепов – вероятные инструменты для трепанирования подбирались по соответствию формы их рабочего края следам от орудий, установленных на черепах трасологами. Наибольшее совпадение обнаружилось у слепков, снятых с долотовидных орудий с желобчатым и прямым краем.

Особенности погребального обряда таштыкского общества и существование различных вариантов обработки тела умершего, включая ингумации без нарушения цельности голов, «мумии» с трепанированными черепами и куклы с костями кремаций в пределах одних могильников и могил, наиболее ярко отражают предполагаемую неоднородность его населения, а вопрос о происхождении культуры таштыкских грунтовых могильников и составивших ее компонентах по-прежнему актуален. В его решении важная роль принадлежит соотношению биологических и культурных, в том числе технологических традиций таштыкского населения с традициями предшествующего и синхронного населения Минусинской котловины, а также населения других территорий. Поэтому место расположения и форму таштыкских трепанаций, а также способ трепанирования и использованные орудия важно сопоставить с теми же признаками трепанаций из других памятников, в первую очередь тесинских.

Существование обряда кремации определило тот факт, что далеко не обо всех погребенных можно получить краниометрические данные.

Черепки из погребений ОМ, наряду с материалами других грунтовых могильников, были измерены Г.Ф. Дебецом (1948) и В.П. Алексеевым (1954, 1961), авторы отмечали преемственность таштыкского населения с предшествующим тагарским, куда в те годы относили и склепы типа тесинских. Ревизия могильников, включенных в исследование, была проведена недавно И.Г. Ширококовым с учетом современных представлений о хронологии таштыкских памятников. В этом же исследовании кратко изложены проблемы антропологического изучения материалов из таштыкских грунтовых могил (Ширококов, Панкова 2022).

Повторные измерения оглаhtинских черепов из собрания Красноярского музея недавно опубликовали А.В. Громов и Т.М. Савенкова (2021). В публикации представлены фото трепанаций с различной локализацией и дано их краткое описание.

В нашей статье мы впервые собрали все доступные для исследования черепки из Оглаhtинского могильника – ключевого памятника таштыкской культуры – с целью изучения их трепанационных отверстий.

Задачи нашего исследования:

- выявить процент трепанированных черепов в изученной выборке, дать половозрастную характеристику черепов с трепанациями;
- проанализировать трепанационные отверстия с точки зрения их локализации на черепе;
- используя трасологический метод, определить инструменты, способы и последовательность приёмов воздействия на кость по сохранившимся на её поверхности следам;
- зафиксировать трасологическими методами дополнительные следы по краям отверстий, так называемых следов «износа», предполагающих какие-то дальнейшие операции с головами умерших после пробивания отверстия и извлечения мозга;
- соотнести особенности оглахтинских трепанаций с изученными ранее трепанациями из склепов тесинской культуры.

Материалы и источники

Оглахтинский грунтовый могильник расположен в Сарговом логу Оглахтинского горного массива, на левом берегу Енисея, в Республике Хакасия. Согласно недавним исследованиям, он включает более 300 могил на трех или четырех¹ участках по противоположным склонам лога и на его дне (Водясов и др. 2021). Отдельные погребения на разных участках памятника были исследованы в 1902–1903 гг. А.В. Адриановым, в 1969–1973 гг. – Л.Р. Кызласовым, в 2020–2021 и 2023 гг. – Е.В. Водясовым (Водясов и др. 2021). В ряде исследованных могил обнаружены деревянные срубы с захоронениями одного–десяти погребенных по обряду ингумации и/или условной мумификации с трепанированным черепом, а также обряду кремации – в каменном ящике или кожаном-травяной кукле-манекене. Изучена лишь небольшая часть погребений (Водясов и др. 2021: 15; Pankova et al. 2021: Table 1), однако в пяти из них хорошо сохранились срубы, предметы одежды и инвентаря из органических материалов, а также останки погребенных, представившие многие ранее неизвестные детали местной культуры и необычные особенности погребального обряда (Tallgren 1937; Кызласов 1970, 1992; Pankova 2020; Панкова, Азбелев, в печати). Предметный комплекс включал одежды из кожи и меха, деревянную утварь, модели оружия. Китайским шелковым тканям обнаружили аналогии на территории Восточного Туркестана, откуда, возможно, они и попали на Средний Енисей (Панкова, Миколайчук 2020). В мог. 1969/4 ОМ хорошо сохранились и гипсовые расписные маски на лицах погребенных, в других случаях часто разрушенные и не восстанавливаемые.

ОМ относится к раннему этапу таштыкской культуры (этапу грунтовых могильников) и датируется II–IV вв. н.э. Радиоуглеродное исследование серии образцов из мог. 1969/4 дало обобщенную дату в пределах III в. (Tarasov et al. 2022). Несмотря на давнюю историю исследования и

уникальность полученных материалов, далеко не все они опубликованы и изучены. Предметные находки, архивные данные, антропологические материалы хранятся в нескольких музеях и институтах России, что осложняет работу с ними.

Оглахтинские погребения, раскопанные исследователями разных лет, имели разные системы маркировки. Во-первых, сам памятник назывался по-разному: все исследователи использовали название ОМ, но в полевом отчете и кратких публикациях Л.Р. Кызласова фигурирует также рабочее обозначение Оглахты VI. О необходимости не использовать это рабочее обозначение во избежание путаницы и именовать памятник Оглахтинским грунтовым могильником уже было сказано (Водясов и др. 2021). Во-вторых, разным участкам могильника были даны разные обозначения. А.В. Адрианов в 1903 г. нумеровал раскопанные могилы по отдельности для каждого из участков Оглахты I и Оглахты II (благодаря специально проведенному исследованию теперь ясно, что они соответствуют Восточному и Западному участкам могильника (Водясов и др. 2021: 15–17)). В-третьих, разные исследователи присваивали раскопанным ими могилам нумерацию, либо сквозную (Кызласов), либо отдельную для каждого участка (Адрианов) или года исследований (Водясов). Так, Л.Р. Кызласов дал сквозную нумерацию могилам, раскопанным им в 1969–1970 и 1973 гг. на Западном и Центральном участках могильника. Е.В. Водясов при раскопках 2020–2021 и 2023 гг. вел нумерацию могил независимо от участка памятника, начиная с первой в каждый год исследования.

По согласованию с Е.В. Водясовым, для удобства использования мы унифицировали нумерацию могил, внося в каждый номер год исследования. В результате упомянутые в настоящей статье погребения из раскопок Адрианова получили маркировку 1903/6, 1903/8, 1903/9 для участка Оглахты I и 1903/8 (II) для участка Оглахты II. Погребения, раскопанные Л.Р. Кызласовым, обозначены нами как 1969/0 (раскопано Э.Б. Вадецкой, но включено в полевой отчет Л.Р. Кызласова под номером 0), 1969/4, 1970/8. Могилы, раскопанные Е.В. Водясовым, материалы из которых использованы в нашем исследовании, обозначены как 2021/1, 2021/2, 2023/1². Могила 7, раскопанная Л.Р. Кызласовым в 1970 г. и исследованная С.В. Панковой в 2020 г., обозначена как 1970 (2020)/7. В табл. 1 приведены старые и новые маркировки могил, материалы из которых использованы в нашей статье. Остальные погребения ОМ из раскопок разных лет ложатся в ту же систему маркировки, и появление новых раскопанных могил не нарушит ее.

Как и предметные находки, антропологические материалы из погребений ОМ хранятся в разных учреждениях страны. Отдельные черепа или серии находятся на хранении в НИИ и Музее антропологии МГУ (Москва), Красноярском краевом краеведческом музее (Красноярск), Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Санкт-

Петербург), Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург), Государственном историческом музее (Москва).

Т а б л и ц а 1

**Исследованные краниологические материалы
из Оглахтинского грунтового могильника**

№ п/п	Новый шифр	Полевой шифр	Место хранения	Наличие трепанации	Пол	Возраст (лет)
1	1903/3, № 3	Оглахты I, могила 3, № 3	КККМ	+	–	6–10
2	1903/2, № 2	Оглахты I, могила 2, п. 2	КККМ	+	Жен.	20–30
3	1903/6, № 1	Оглахты I, курган 6, п. 1	КККМ	+	Жен.	35–45
4	1903/8, № 2	Оглахты I, курган 8, м. 2	КККМ	+	–	12–18
5	1903/9, № 1	Оглахты I, могила 9, п. 1	КККМ	+	Жен.	50+
6	1903 (II)/2, № 1	Оглахты II, могила 2, № 1	КККМ	+	Муж.	30–40
7	1903 (II) (?)/3	Оглахты II, могила 3	КККМ	+	Муж.	45–55
8	1903 (II)/4, № 1	Оглахты II, могила 4, № 1	КККМ	+	Муж.	35–45
9	1903 (II)/4, № 2	Оглахты II, могила 4, № 2	КККМ	+	Муж.	40–50
10	1903 (II)/8, № 8	Оглахты II, могила 8, п. 8	КККМ	+	Жен.	30–40
11	1970/8, чер. 3	Оглахты VI	МА МГУ	+	Муж.	35–45
12	1970/8, чер. из п. 10	Оглахты VI	МА МГУ	+	Жен.	20–30
13	1970/8, № 8	Оглахты VI	МА МГУ	+	Жен.	50 +
14	2021/2, ск. 2	/ – / – /	МАЭ РАН	+	Жен.	40–50
15	2021/1, ск. 1	/ – / – /	МАЭ РАН	+	Жен.	40–50
16	2021/2, ск. 1	/ – / – /	МАЭ РАН	+	Муж.	20–30
17	1970(2020)/7, ск. 1	2020/7, ск. 1	МАЭ РАН	+	Жен.	30–40
18	1970/4, ск. жен.	Оглахты VI, могила 4, ск. жен.	ГЭ	+	Жен.	25–40
19	1970/4, ск. муж.	Оглахты VI, могила 4, ск. муж.	ГЭ	+	Муж.	25–30
20	1970/7, чер. 2	Оглахты VI, курган 7, череп 2	МА МГУ	+	Жен.	50 +
21	1903/1	Оглахты I 1903 / 1	ГИМ	+	Жен. (?)	–
22	1903/6, № 4	Оглахты I, могила 6, № 4	КККМ	–	Жен.	35–45
23	1903/8, № 3	Оглахты I, могила 8, № 3	КККМ	–	Жен.	45–55
24	1903/9, № 4	Оглахты I, могила 9, № 4	КККМ	–	–	10–15
25	1903 (II)/2, № 3	Оглахты II, могила 2, № 3	КККМ	–	Муж.	30–40
26	1970/8, чер. 2	Оглахты VI, могила 8, череп 2	МА МГУ	–	Жен.	35–45
27	1970/0, чер. 1	Оглахты VI, могила 0, череп 1	МА МГУ	–	Жен.	25–30
28	1970(2020)/7, ск. 2	2020/7, ск. 2	МАЭ	–	Жен.	50+
29	2021/2, ск. 3	/ – / – /	МАЭ	–	–	8–12

Методика исследования

Для всех изученных черепов была проведена половозрастная идентификация с помощью стандартных антропологических методик (Добряк 1960; Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966). При описании трепанационных отверстий фиксировалась локализация на черепе (учитывались все кости черепа, которые были намеренно повреждены в процессе манипуляции с головой умершего). Для самого отверстия определялась форма – подокруглая, подовальная, подпрямоугольная, подквадратная, треугольная. Затем производились замеры. При измерении брались наименьшие и наибольшие диаметры отверстия.

Анализ посмертных трепанаций черепов из ОМ был выполнен в сочетании методик археологической трасологии (Семёнов 1957) и судебной криминалистики, которая оперирует в том числе и экспериментальными данными по различному преднамеренному и случайному травматическому воздействию на тело человека и описывает следы, образующиеся в результате этого на мягких тканях и костях скелета (Судебная медицина 2012; Медико-криминалистическая идентификация... 2000). Учитывались также и отдельные модельные и натурные эксперименты по воспроизведению тупых и рубленых травм черепа (Казымов, Шадымов, Шепелев 2008; Шадымов, Рыкунов 2011; Dyer, Fibiger 2017). Впервые такое комплексное исследование приёмов посмертного трепанирования с детальным описанием методологических аспектов анализа было применено к материалам из склепов тесинской культуры (Гиря и др. 2020: 139–143). В данной статье мы не будем задерживаться на описании методики подробно, но суммируем некоторые основные моменты. Анализируемый вид посмертных трепанаций в общих чертах можно охарактеризовать как рублено-вдавленный перелом (148), при котором производилась череда последовательных косо- или прямонаправленных ударов металлическим лезвием: *врубов* – повреждений наружной компактной пластины до диплое с продолжением просвета в виде трещины на внутренней компактной пластине, и *разрубов* – повреждений, образующихся при полном разделении НКП и ВКП лезвием орудия. Кроме того, фиксировались такие виды следов: дефекты НКП как *поверхностный надруб* – *насечка* (от удара рубящим инструментом), и просто *насечка* – результат использования тонкого лезвия типа ножа (Медико-криминалистическая идентификация... 2000: 132; Шадымов, Рыкунов 2011). В результате такой местной деформации в точке приложения силы происходило уплощение кости с растяжением ВКП и сжатием НКП. Такой перелом, согласно медицинским наблюдениям, начинается с ВКП и направляется к наружной, формируя сквозную трещину, а продолжающееся давление увеличивает площадь местной деформации, формируя в результате «вдавленный» перелом (Судебная медицина 2012: 145).

Вырубленный фрагмент / фрагменты черепной кости мог продавливаться внутрь или выламываться наружу, формируя характерные негативы расщепления на ВКП или НКП соответственно.

Для выполнения задач трасологического исследования использовалось следующее оборудование и программное обеспечение:

- бинокулярный микроскоп МБС-9 (с увеличением до 98 крат);
- установка для макросъемки с возможностью микрофокусировки в сочетании с камерой Canon EOS 450D, объективами Canon Macro EF-S 60 mm 1:2.8 USM при косо направленном внешнем освещении светодиодами и люминесцентными осветителями;
- программное обеспечение Canon EOS Utility, Helicon Focus.

Результаты

Всего нами было учтено и исследовано 29 черепов разной сохранности – все сохранившиеся черепа из раскопок ОМ разных лет (см. табл. 1). Половозрастная дифференциация в процентном соотношении следующая: мужчин – 27,6%, женщин – 58,6%, детей и подростков до 18 лет – 13,8%.

Трепанации зафиксированы на 21 черепе (табл. 2), это 72,4% от всех просмотренных черепов. Процент встречаемости трепанаций довольно высокий и сопоставим со встречаемостью в раннетесинском склепе Степновка 2 (70,1%) (Гиря и др. 2020: 144).

В целом сохранность краниологических материалов довольно хорошая, что позволило с крайне высокой степенью достоверности фиксировать наличие или отсутствие трепанации, а также описывать отверстия. Лишь в двух случаях описание отверстий было затруднено или невозможно. Часть трепанационного отверстия мужчины из могилы 1969/4 (ГЭ) скрыта под погребальной маской, и в данном случае мы использовали описание, составленное по снимкам КТ и видимой части отверстия (Широбоков, Панкова 2022). В черепе из могилы 1970/7, чер. 2 (МА МГУ) трепанационное отверстие много лет назад было заполнено реставрационным составом (мастикой), видимо, с целью предотвращения нарушения целостности черепа. В данном случае трасологическое описание было невозможно. По данным из отчета автора раскопок (Кызласов 1971), форме и локализации отверстия был сделан вывод о том, что это отверстие является преднамеренным и постмортальным.

Трепанация на голове с мумифицированными мягкими тканями из могилы 1903/1 (ГИМ), изучалась только по имеющимся снимкам КТ (неопубликованные данные).

Поэтому непосредственно трасологическое исследование было выполнено для 19 трепанированных черепов из могильника Оглахты.

Таблица 2
Характеристики трепанационных отверстий, обнаруженных на черепах из Оглахтинского грунтового могильника

№ п/п	Шифр	Локализация			Затронуто затылочное отверстие	Форма			Размер, мм	Способ трепанации		Тип лезвия		Длина лезвия, мм	Сглаженность края	
		затылочная	правая теменная	левая теменная		подокруглая	подовальная	полупрямоугольная		Прорывание (внутрь или наружу)	Прорезание	Сверление или прорезание ручное	Прямое, V-образное в сечении			Прямое или слегка желобчатое
1	1903/3, № 3	1				1			45 × 45	1			1	15-17	1	
2	1903/2, № 2	1			1		1		35 × 25	1			1	13-15	1	
3	1903/6, № 1	1			1			1	90 × 90	1			1	13	1	
4	1903/8, № 2	0,33	0,33	0,33			1		73 × 90	1			1	17	1	
5	1903/9, № 1	1						1	30 × 20	1			1	13	1	
6	1903 (II) / 2, № 1	1			1			1	60 × 100	1			1	16	1	
7	1903 (II) (?) / 3	1						1	40 × 52	1			1	20	1	
8	1903 (II) / 4, № 1	1					1		55 × 38	1					1	
9	1903 (II) / 4, № 2	1			1		1		95 × 95	1			1	13	1	
10	1903 (II) / 8, № 8	0,33	0,33	0,33			1		65 × 60	1			1	15	1	
11	1970 / 8, чер. 3	0,5		0,5				1	60 × 30	1			1	14	1	
12	1970 / 8, чер. из п. 10	0,5	0,5				1		65 × 51	1			1	15	1	
13	1970 / 8, № 8	0,33	0,33	0,33		1			32 × 30	0,5	0,5		1		1	
14	2021 / 2, ск. 2	1						1	30 × 40	1			1	13	1	
15	2021 / 1, ск. 1	1				1			40 × 40	1			1	10		
16	2021/2, ск. 1		1				1		10 × 11			1				
17	1970(2020)/7, ск.1	0,33	0,33	0,33			1		35 × 26	1			1	10-15	1	
18	1970/4, чер. жен.		0,5	0,5		1			90 × 80	1			1	10-13	1	
19	1970 / 4, чер. муж.		0,5	0,5			1		75 × 60	1			1			
	Всего, кол-во	12,3	3,8	2,8	4	4	9	6	Min 10	17,5	0,5	1	14	3	Min 10	16
	Всего, %	64,8	20,1	14,8	21,1	21,1	47,4	31,6	Max 100	92,1	2,6	5,3	73,7	15,8	Max 20	84,2

Соотношение полов среди трепанированных черепов принципиально не отличается: доля мужских черепов – 24,1%, женских – 41,4%; уменьшается процент детских черепов – 6,9%.

Основная локализация трепанаций в таштыкское время – затылочная часть черепа, чаще всего на затылочной кости, иногда с захватом одной или обеих теменных. Количество локализаций представлено в табл. 2. Форма трепанационных отверстий могла быть разной. Наиболее распространенная форма отверстий – подовальная, таких зафиксировано почти половина – 10 (47,6%). Затем по встречаемости следуют подпрямоугольная и подокруглая формы – 5 (23,8%) и 3 (14,3%) соответственно. Единичны случаи квадратной и треугольной формы трепанационного отверстия.

По локализации выделяются затылочные (10)³ и затылочно-теменные (включая «глубокие») (7), «глубокие» (4)⁴ и височно-теменная (1) трепанации. «Глубокими» мы предлагаем называть трепанации с захватом основного затылочного отверстия.

Посмертные трепанации варьируют в пределах от 30 до 100 мм длиной. Одна, предположительно, прижизненная трепанация имеет размеры 10–11 мм в диаметре.

Кость всех исследованных черепов на момент проведения операций сохраняла пластичность, о чём свидетельствует замятость НКП по бортам врубов и разрубов, поверхностных надрубов-насечек (рис. 1).

Рис. 1. Ровный край среза разруба черепной кости и замятость наружной костной пластины по надрубам-насечке. Фрагмент затылочно-теменной трепанации. 1903 (II)/8, № 8 (КККМ). Фото А.А. Малютиной

Варианты трепанаций ОМ

Варианты трепанаций по техникам выполнения

Для ОМ, по данным трасологического анализа, прослежена незначительная вариабельность техник проведения операций: подавляющее большинство отверстий выполнено способом прорубания. Первым исключением является череп, на котором зафиксирован способ прорезания (1970/8, № 8). Второе исключение – это череп, трепанация на котором может быть прижизненной и выполнена в технике сверления (2021/2, ск. 1).

Прорубания с последующим выломом фрагмента черепа внутрь или наружу зафиксированы на 18 черепах. По результатам трасологического анализа такие отверстия создавались нанесением последовательных, накладывающихся друг на друга ударов прямым лезвием с последующим продавливанием внутрь или выламыванием наружу полученного фрагмента черепной коробки.

Для небольших отверстий по следам – врубам и разрубам, и их концам, сохранившимся по контуру, удалось подсчитать примерное количество таких ударов – от 9 до 15 (рис. 2). Один фрагмент черепной коробки, выбитый таким образом, сохранился и имеет прямоугольную форму (рис. 3). Другой такой фрагмент, меньших размеров, чем само отверстие, согласно данным КТ, находится в голове мужчины из могилы 1969/4 (Широбоков, Панкова 2022: 280).

В 7 случаях контуры отверстий имеют равномерную заглаженность края, заполировка здесь не интенсивная (рис. 4, 2, 4, 5), ещё в двух случаях интенсификация изменения костной структуры по кромке отверстия приходится на нижний (рис. 4, 1) или правый край. В остальных случаях в силу сохранности поверхности кости износ (следы сработанности) по отверстию установить не удалось (рис. 4, 3). Анализ следов износа краев трепанационных отверстий был впервые сделан при изучении тесинских трепанаций: «Особенно наглядно этот износ виден на контрасте между черепом и извлечённым фрагментом кости... Общими чертами износа являются округлая, мягкая, сглаженная поверхность краёв отверстий, заполировка и блеск <...>. При этом на внутренних поверхностях свода черепа никаких следов износа не выявлено» (Гиря и др. 2020: 164).

Одна крупная по размерам трепанация (90×80 мм) (1969/4, ♀), выполненная в стандартной технике прорубания с продавливанием, не затрагивает затылочную кость, а расположена на правой и левой теменных костях (см. рис. 5, 2). Отверстие сформировано чередой сквозных разрубов и врубов с последующим выламыванием фрагмента кости черепа наружу в направлении левой лобной доли.

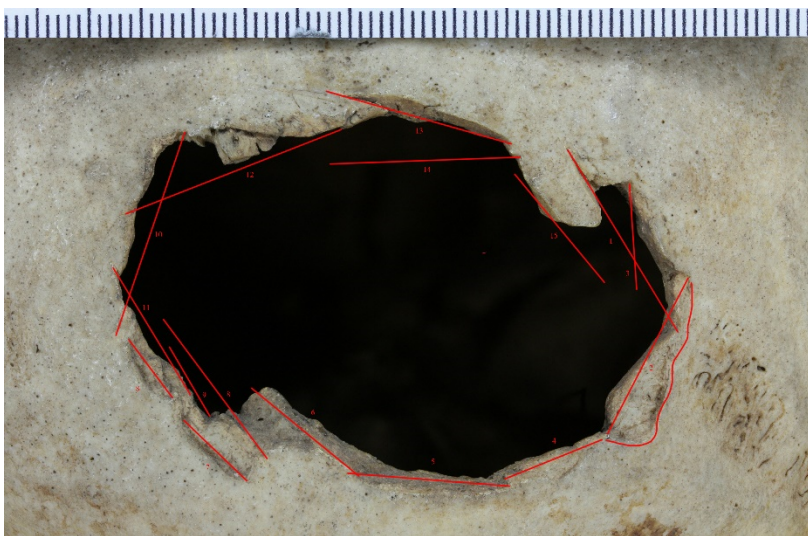

Рис. 2. Затылочно-теменная трепанация. Реконструкция последовательности ударов и их количество. 1903 (II)/4, № 1 (КККМ). Фото и графика А.А. Малютиной

Рис. 3. Фрагмент черепной кости (затылочной), вырубленный при создании затылочно-теменной трепанации. 2021/2, ск. 2 (МАЭ). Фото А.А. Малютиной

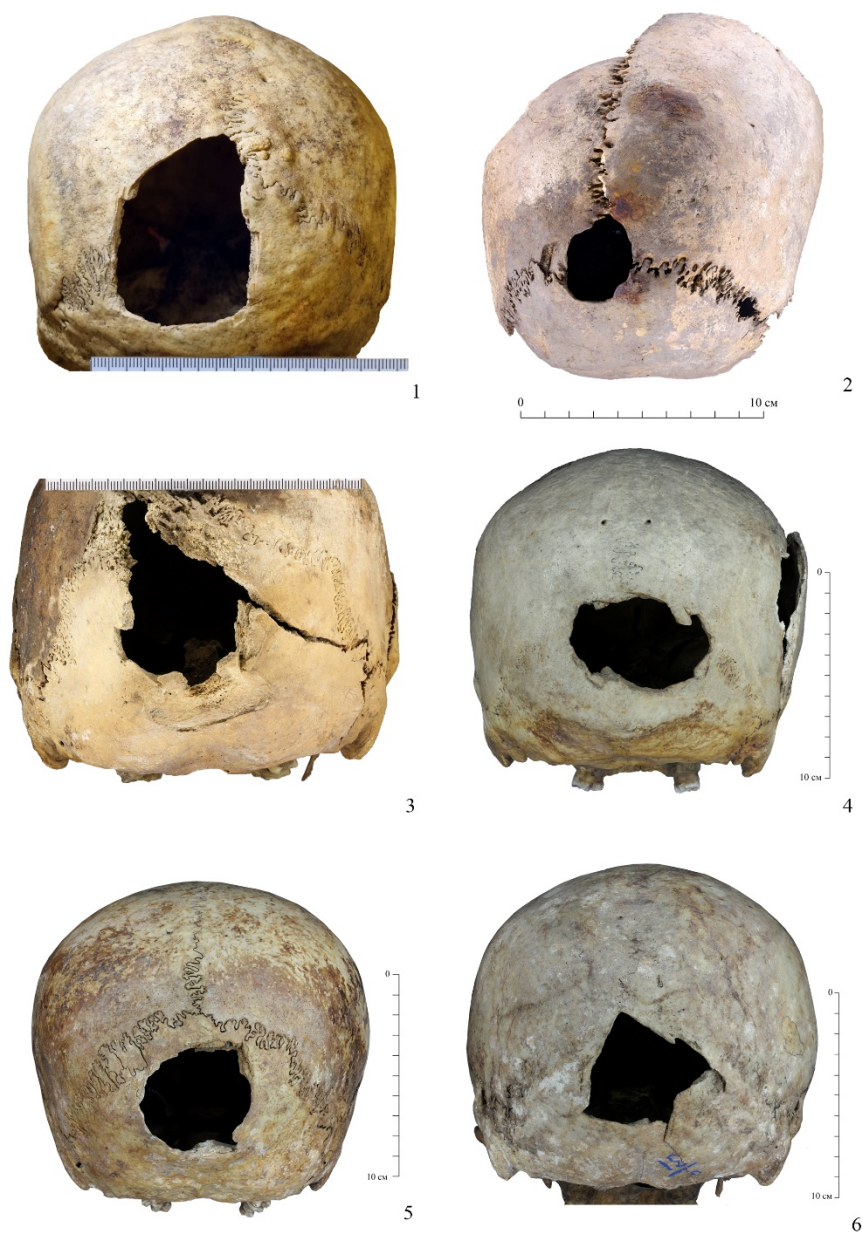

Рис. 4. Затылочно-теменные трепанации: 1970/8, чер. 3 (МА МГУ) – 1; 1970(2020)/7, ск. 1 (МАЭ) – 2; 2021/1, ск. 1 (МАЭ) – 3; 1903(II)/4, № 1 (ККМ) – 4; 1903/3, № 3 (ККМ) – 5; 1903 (II)/3 (ККМ) – 6. Фото А.А. Малютиной

Насечек по поверхности НКП не обнаружено, что указывает на отсутствие скальпирования участка головы перед проведением операции. Выше трепанационного отверстия на черепе сохранился участок кожи с остатками волос: возможно, здесь находилась коса с подвесным (?) шишенью, срезанная перед созданием отверстия и найденная отдельно под черепом погребенной (Панкова 2018: 133–136). Контур этого отверстия заглажен только по нижнему краю, тогда как верхний сохранил естественную острую структуру расколотой кости (скорее всего, из-за того, что был прикрыт волосами).

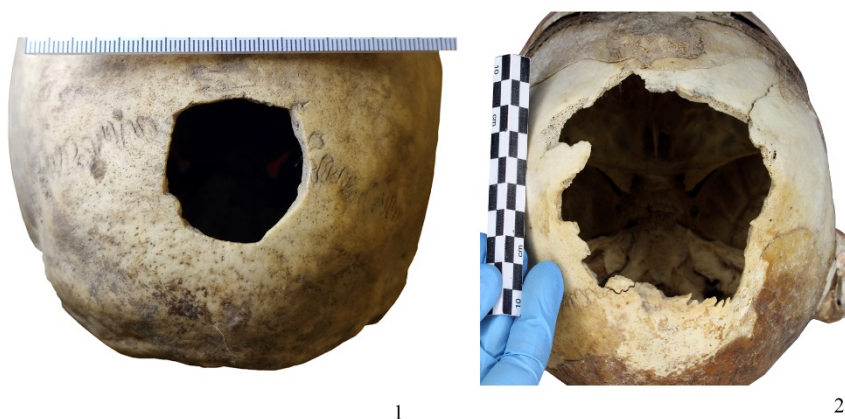

Рис. 5. Затылочно-теменная трепанация, выполненная рублено-резным способом. 1970/8, № 8 (МА МГУ) – 1; теменная трепанация, 1970/4, ♀ (ГЭ) – 2.
Фото А.А. Малиутиной

Единственное отверстие (1970/8, № 8) выполнено в сочетании техник – прорубанием и прорезанием (рис. 5, 1). По левой стороне и верхнему краю НКП сохранились следы ударов прямым лезвием. Они реконструируются по коротким «усикам» – отпечаткам окончания лезвия. Правая и нижняя половины отверстия таких следов не имеют: борта отверстия здесь ровные, прямые, а сам контур округлый, не угловатый. Над верхним контуром отверстия сохранились два надруба-насечки от удара прямым лезвием, поставленным под прямым углом к поверхности черепа. Отщепов на ВКП не просматривается. Таким образом, можно заключить, что после серии несквозных ударов (врубов) отверстие было дорезано лезвием ножа или бритвы, форму и размеры которых восстановить довольно сложно.

Еще один способ выполнения трепанаций фиксировал А.В. Адрианов (Адрианов 1903а): с помощью просверленных отверстий вынимался вырубленный острым орудием фрагмент черепа в области затылочной кости, в наиболее массивной ее части. Но на черепах, просмотренных нами, этот способ выявлен не был.

**Варианты трепанаций по локализации
и затронутым костям черепа**

К особому варианту трепанаций нами отнесены отверстия, расположение которых приурочено к затылочной кости с захватом основания черепа (рис. 6).

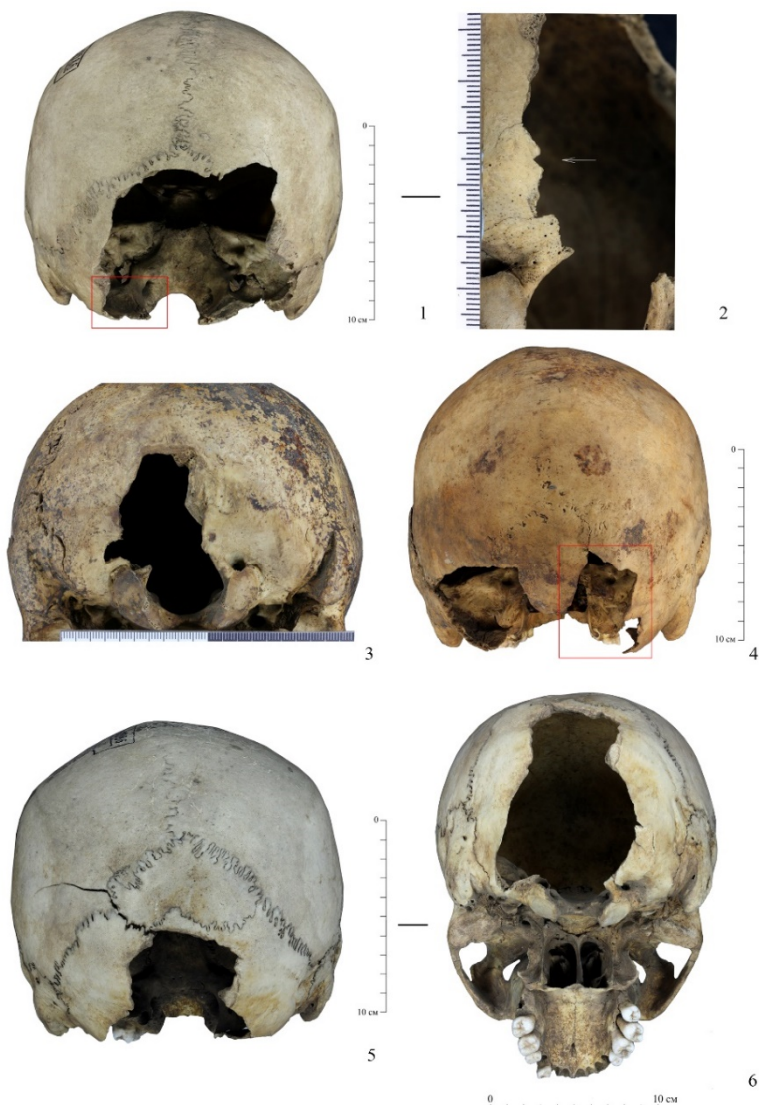

Рис. 6. «Глубокие» трепанации (затылочная кость с захватом основания черепа): 1903/6, № 1 (КККМ) – 1, 2; след от удара сбоку прямым лезвием с V-образным сечением – 2; 1903/2, № 2 (КККМ) – 3; 1903/9, № 1 (КККМ) – 4; 1903 (II)/2, №1 (КККМ) – 5, 6.
Фото А.А. Малютиной

Помимо стандартной техники оконтуривания места будущего отверстия серией врубов и сквозных разрубов с последующим выламыванием фрагмента черепной кости, данный вариант требовал предварительного удаления поверхностных и глубоких мышц шеи и головы. Вероятно, с этими манипуляциями связано наличие параллельных друг другу насечек на поверхности НКП в районе одной такой «глубокой» трепанации из могилы 1903/2, № 2 (рис. 7)⁵.

Рис. 7. Насечки в верхней части трепанационного отверстия и его сильно сглаженный контур. 1903/2, № 2 (КККМ). Фото А.А. Малютиной

Характер износа по контуру нескольких трепанационных отверстий указывает на интенсивное трение (в трёх из четырёх случаев (рис. 6, 3, 4, 5)), что отразилось в сильной сглаженности, завальцованности кости в местах сломов (рис. 7, 8). Такой мягко сглаженный край отверстий в совокупности с заполированностью, блеском, мог, как мы считаем, сформироваться не столько от извлечения мозга, сколько от последующих длительных манипуляций с головой отдельно или всем костяком вместе.

Описания разного рода манипуляций с телами в период между смертью и погребением имеются и в археологической, и в этнографической литературе. Так, например, Д.Г. Савинов приводит свидетельства китайских письменных источников относительно погребальных традиций раннесредневековых кочевников Южной Сибири, которые характеризовались многоэтапностью погребального обряда. Одним из этих этапов было выставление на некоторое время тел в юртах или непосредственно на местах погребений (Савинов 2013: 45). Упоминает автор в этой работе и «тесинские «головы», и таштыкские маски» (45).

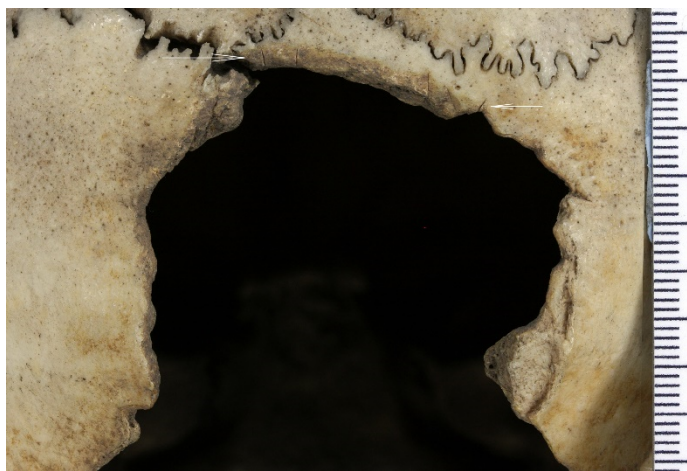

Рис. 8. Насечки в верхней части трепанационного отверстия и его сильно сглаженный контур. 1903 (II)/2, № 1 (КККМ). Фото А.А. Малютиной

Одним из возможных доказательств манипуляций с телами после смерти в гунно-сарматское время является обнаруженная в Шестаковском могильнике «глиняная голова», представляющая собой обмазанный глиной череп, в основании которого (в районе шеи) были обнаружены следы от двух стержней, которые удерживали голову в вертикальном положении. Также по отпечаткам на глине в районе шеи установлено, что голова опиралась на что-то мягкое, чем могла быть, предположительно, манекен-кукла, изображавшая тело умершего человека (Мартынов 1974: 239).

Пример похожего обращения с головой умершего есть и в этнографической литературе, посвященной описанию погребальных традиций близких к современности народов. Например, у юкагиров после смерти шамана было принято отделять мягкие ткани его тела от костей, после чего кости раздавались родственникам, а череп укреплялся на месте головы на специальном манекене. Эта «кукла» выставлялась затем в юрте. С куклой-шаманом могли разговаривать, спрашивать совета, кормить его. При перекочевках переносили в деревянном футляре (Туголуков 1979: 117; Иохельсон 2005: 305).

Иной вариант трепанаций, отмеченный на ОМ, – это единственное в нашей выборке отверстие, выполненное в височно-теменной доле черепа с левой стороны (Широбоков, Панкова 2022). Это отверстие на голове мужчины из мог. 1969/4 частично перекрыто гипсовой погребальной маской и, согласно данным КТ, также произведено рублено-вдавленным способом инструментом с прямым лезвием (Широбоков, Панкова 2022: 280). Реконструируемая длина лезвия – около 12 мм. Аналогичный размер лезвия, 10–13 мм, был зафиксирован, согласно нашему исследованию, для погребения женщины из той же могилы (см. рис. 5, 2). Однако расположение трепанаций в разных местах – у женщины сверху, на теменных костях, а у мужчины – сбоку, вызывает вопрос: делал ли эти трепанации один и тот же хирург?

В различном расположении отверстий на головах мужчины и женщины из мог. 1969/4 можно предполагать отражение разных погребальных традиций, ведь височные трепанации были характерны для погребенных в тесинских склепах (Гохман 1989: 14; Гиря и др. 2020). Краниометрический анализ мужчины из мог. 1969/4 показал его существенное отличие от других погребенных в ОМ и значительное сходство с носителями тесинской культуры, захороненными в грунтовых могилах, а также погребенными в сарагашенских курганах (Широбоков, Панкова 2022).

Среди оглахтинских черепов известен один, трепанационное отверстие которого визуальное и трасологически принципиально отличается от других. На правой теменной кости черепа из могилы 2021/2, ск. 1, расположено совсем небольшое (10×11 мм) отверстие овальных очертаний с выступом в одну сторону (рис. 9). Отверстие было прорезано и, вероятно, частично просверлено ручным способом (без использования сверлильных дрелей), на что указывают прямые и ровные борта самого проёма. Размер входа отверстия совпадает с выходом, а отщепов на ВКП нет. Следов заживления не видно, однако поверхность, примыкающая к отверстию, рыхлая, что может быть результатом воспалительного процесса и свидетельствовать о трепанации, выполненной еще при жизни человека. Аналогии для такого типа трепанации зафиксированы на черепах с территории Центрального Казахстана, обнаруженных в курганах тасмолинской культуры (Бейсенов и др. 2015: 112). Однако на указанных

черепях трепанация выполнена посмертно. Рассмотренный случай на ОМ требует дальнейшего анализа.

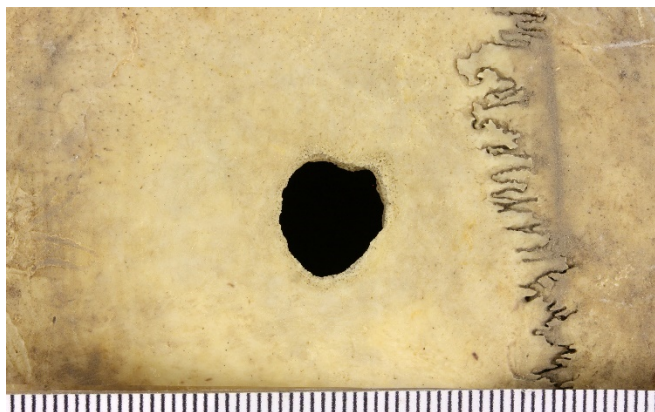

Рис. 9. Медицинская трепанация (?) в правой теменной кости. 2021/2, ск. 1 (МАЭ).
Фото А.А. Малютиной

Предполагаемый инструментарий и реконструкция процесса трепанирования

Согласно трасологическому анализу, используемый при трепанировании инструмент был с прямым или слегка изогнутым (желобчатым) лезвием типа долота, о чём свидетельствуют ровное дно насечек – надрубов, ровные и прямые борта срезов врубов и разрубов и их острые концы («усики») (см. рис. 2, 7). В единственном случае отмечено использование сочетания техник прорубания и прорезания отверстия (см. рис. 5, 1), для которого, судя по всему, использовались нож или бритва. Реконструируемая длина лезвия условного долота по данным следам – от 10 до 20 мм (среднее – 14,5 мм). Анализ отдельных рубленых следов и цепочки следов вокруг трепанационного отверстия показал, что угол приложения лезвия к черепной коробке был разным – как прямым (90°), так и под наклоном (45–60°) (см. рис. 1). Постановка лезвия была контролируемой, т.е. по зафиксированному инструменту наносились удары. Э.Б. Вадецкая пишет, что М.П. Грязнов определил орудие как прямое долото шириной 14 мм (Вадецкая 1999: 18). Данное заключение вполне коррелирует и с нашими выводами.

Вероятно, для удобства захвата рукой металлическое лезвие долота было насажено на деревянную рукоять. Умерший при проведении операции мог быть положен на живот лицом вниз (рис. 10). Скальпирование участка будущей трепанации, согласно данным трасологии, не производилось, срезался только волосяной покров. Последовательными ударами (молотком?) по долоту, проходящему через мягкие ткани, очерчивался

контур будущего отверстия. Заключительным ударом выламывался наружу или продавливался внутрь вырубленный таким образом фрагмент черепной коробки. Можно предположить, что голова в процессе операции жёстко фиксировалась. В особенности это требовалось при создании трепанаций, смещённых в непосредственную близость к затылочному отверстию или его захватывающих – «глубоких» трепанаций (см. рис. 6). В данных случаях необходимо было плотно прижимать лоб человека, предоставляя доступ к затылочной кости и шейному отделу позвоночного столба. При этом мастеру, чтобы «подобраться» к этим участкам черепа, нужно было удалить многочисленные в данном месте мышцы шеи и головы. Очевидно, для этих целей использовались ножи, следы которых в виде тонких насечек сопровождают некоторые «глубокие» трепанации (см. рис. 7). Мы предполагали вероятность при этом полного отделения головы умершего, однако в могиле 2023/1 глубокая трепанация зафиксирована на черепе, находившемся в естественном сочленении с шейными позвонками (неопубликованные материалы).

Рис. 10. Реконструкция процесса трепанирования затылочной кости.
Рисунок А.А. Малютиной

Данные о положении скелетов в могиле могут иметь значение для получения дополнительной информации о назначении «глубоких» трепанаций. Последние, однако, для большинства погребений ОМ практически отсутствуют. Да и кости посткраниального скелета далеко не всегда собирались ранее наравне с черепами.

Дискуссия и выводы

Если принять во внимание, что захоронение производили, вероятнее всего, летом, а также предположение Э.Б. Вадецкой, что до погребения мумии находились какое-то время на обозрении в полном погребальном облачении (Вадецкая 1999: 31), то именно по этим причинам и требовалась специальная обработка тел умерших, включающая трепанацию черепа и извлечение мозга. С необходимостью сохранения облика умерших и возможного общения с ними родственников могла быть связана и традиция таштыкских погребальных кукол, представлявших собой чело-векообразное вместилище костей кремации (Панкова, Широбоков 2021).

Мы согласны отчасти с выводом, сделанным в другом исследовании, о том, что «процесс трепанирования... сам по себе являлся лишь утилитарной процедурой извлечения мозга» (Громов, Савенкова 2021: 131). Тем не менее, на наш взгляд, трепанационное отверстие могло иметь более широкое применение, особенно когда мы говорим о «глубоких» трепанациях.

По нашему мнению, в отличие от обычных затылочных трепанационных отверстий, предположительно связанных с необходимостью извлечения мозга, «глубокие» трепанации отражают какие-то дополнительные манипуляции с телами и головами умерших. Кроме того, характер износа отверстий «глубоких» трепанаций может предполагать более длительные манипуляции с головой или телом целиком.

Особенно на эту мысль наводят изменения в локализации отверстий в тесинско-таштыкское время. В отличие от погребенных в тесинских склепах, где трепанированию чаще подвергалась височно-теменная часть мозговой коробки, на таштыкских черепах трепанации фиксируются в подавляющем большинстве в самой массивной части черепа – затылке.

При этом форма рабочего края орудий для трепанации у таштыкских и тесинских черепов сопоставима. В обоих случаях это были инструменты типа долота с прямым или желобчатым краем. К сожалению, сопоставить следы на черепах с формой конкретных таштыкских орудий невозможно, так как какие-либо инструменты, как и полновесные предметы вооружения, в известных таштыкских грунтовых могилах не найдены и, по-видимому, туда не помещались. Среди случайных находок в коллекциях разных музеев присутствуют бронзовые долота и, реже, железные стамески (?) с прямым лезвием, однако нет прямых данных, что они использовались в период существования таштыкских грунтовых могильников. Поэтому мы ориентируемся на коллекцию случайных находок Минусинского музея, датированную довольно широко тагарским временем.

Орудия, которые, по нашему мнению, использовались для вскрытия черепной коробки, вероятнее всего, имели довольно широкий спектр

применения в быту. Однако такие предметы, типа долота, как правило, не встречаются в погребениях. При этом не исключено, что население Южной Сибири первых веков новой эры продолжало использовать традиционные орудия аналогичных форм, вполне отвечающие его потребностям.

Если орудия для выполнения трепанаций продолжают использовать те же, что и в тесинское время, то локализация трепанации меняется довольно кардинально. В тесинское время основной локализацией трепанаций является височно-теменная область черепа, тогда как в таштыкское время преобладающим местом становится затылочная область. Прорубание черепа в области виска можно объяснить довольно просто: это самая тонкая часть черепа, которая позволяет без затруднений извлечь мозг. Однако в таштыкское время «мастера», выполнявшие трепанации, предпочитают самую массивную кость мозговой коробки. Подобная перемена в таштыкское время, возможно, была связана с необходимостью экспонирования тела перед погребением и, как следствие, с необходимостью фиксации мумии при оставлении в определенном положении (например, подвешивание на крюк?). Кроме того, в таштыкское время усложнение процесса трепанирования может означать, что трепанация черепа переходит из практической сферы (просто для извлечения мозга), в том числе и в ритуальную.

Единственная из оглаختинских трепанация в височной области принадлежит мужчине из могилы 1969/4. Важно отметить, что, помимо отличия этого погребенного от других оглахтинцев по месту расположения трепанации, он отличается от них и по строению своего черепа. Сравнение его краниометрических данных с обновленной серией подобных данных для черепов из других оглахтинских могил показало его серьезное отличие (Широбоков, Панкова 2022: 276).

Трепанации на затылке встречались в Минусинской котловине ранее – в окуневское время (разливский хронологический горизонт), хоть и выполнялись они инструментом с другим краем (Лазаретова, Малютин 2022: 133). Однако хронологический разрыв между окуневским и таштыкским населением не позволяет связывать появление таштыкских трепанаций с окуневским населением. Наиболее вероятным кажется вывести таштыкские трепанации из традиции трепанаций у предшествующего населения, погребенного в тесинских склепах. Несмотря на отличия в локализации и незначительные отличия в форме лезвия, традиция манипуляции с головой умершего непрерывно существует в Минусинской котловине начиная с последних веков до н.э. и далее на протяжении таштыкской культуры. То есть культурный феномен посмертных операций с головой умерших существовал у разных групп Минусинской котловины в последние века до н.э. – первые века н.э. Специфика расположения отверстий могла отражать разные традиции каждой группы, и искать

истоки обеих, вероятно, следует в группах с такими же локализациями. Наиболее близкое соответствие затылочному расположению оглахтинских трепанаций – у погребенных в Берельских курганах (Китов и др. 2016: 373, рис. 8, 374, рис. 10). Другим объяснением может быть предположение, что изменился ритуал обращения с умершими: представители «тесинских» групп населения просто хранили где-то мумии до погребения, а таштыкцы стали мумии выставлять, для чего их фиксировали за отверстие в черепе. Каждая из этих гипотез нуждается в дополнительном обосновании, в том числе и методами трасологического анализа.

Если сопоставить полученные данные с выводами опубликованных ранее краниологических исследований о том, что краниометрически население таштыкских грунтовых могил имеет некоторое сходство с населением из раннетесинских склепов и, что важнее, существенно отличается от населения предшествующей тагарской культуры (Громов, Савенкова 2021), учитывая, что происхождение популяции из раннетесинских склепов связано с территориями Алтая и Казахстана (Учанева и др. 2017), а на этих территориях также фиксируется трепанация в последние века до н.э., то, видимо, появление этой традиции в Минусинский котловине следует связывать именно с данными территориями.

Трепанационные отверстия у погребенных в ОМ – одном из ключевых памятников раннего этапа таштыкской культуры – отмечались неоднократно, но их специального исследования до этого не проводилось. Выяснение особенностей трепанационных отверстий у людей, захороненных в ОМ, вместе с их половозрастными характеристиками существенно расширит данные о погребальных и технологических традициях оглахтинцев и составит основу для будущих систематизированных описаний новых материалов, полученных в ходе раскопок.

Таким образом, использование методов трасологии, антропологии, археологии и этнографических данных дает нам возможность понимания и интерпретации практик обращения с мертвыми в древнее время. В результате проведенного исследования мы пришли к ряду выводов:

1. Высокий процент трепанированных черепов в погребениях ОМ означает, что трепанация была неотъемлемой частью подготовки умершего к погребению у населения, оставившего ОМ, и, вероятно, у всего населения Минусинской котловины, связанного с тесинскими и таштыкскими памятниками.

2. Данные палеоантропологии свидетельствуют, что трепанированию подвергались и мужские, и женские, и детские черепа.

3. Локализация посмертных трепанационных отверстий в таштыкское время связана с затылочной областью черепа (кроме единичного исключения). Это отличает таштыкцев от предшествующего населения из раннетесинских склепов, для которых было характерно височно-теменное расположение трепанаций.

4. Среди затылочных (иногда с захватом теменных костей) четыре трепанации продолжают до основания черепа и выходят в затылочное отверстие. Такие трепанации мы предлагаем называть «глубокими». Они требовали не только прорубания кости черепа, но и дополнительного удаления мягких тканей в районе первых шейных позвонков.

5. Наиболее частая техника выполнения операции – это нанесение последовательных, накладывающихся друг на друга ударов прямым лезвием, после чего происходило продавливание внутрь или выламывание наружу полученного фрагмента черепной коробки. Прорубание, таким образом, является преобладающей технологией изготовления трепанаций. Кроме того, нами зафиксирован единственный случай, где была применена также техника прорезания. Отдельно стоит упомянуть трепанацию, возможно, выполненную еще при жизни индивида способом сверления. Упомянутое А.В. Адриановым сочетание методов сверления и прорубания среди изученных нами черепов не выявлено.

6. В качестве основных орудий для проведения трепанаций в таштыкское время использовались долотовидные орудия с прямым лезвием, реконструируемая длина которого от 10 до 20 мм.

7. На многих черепах края трепанационных отверстий имеют следы износа, которые выражаются в сглаженности, заполированности края. На части черепов такая заполированность имеет сильно выраженный характер, или завальцованность, что не может объясняться исключительно извлечением мозга, но подразумевает какие-то более сложные манипуляции с головой умершего.

8. Единственный на данный момент случай височно-теменной трепанации в ОМ принадлежит мужчине из мог. 1969/4, этот индивид отличается от популяции ОМ и по антропологическим признакам.

9. Появление трепанации у населения ОМ как неотъемлемого этапа погребального обряда связано с наличием этой традиции у более раннего населения Минусинской котловины из раннетесинских склепов, откуда, видимо, эта традиция, несколько изменяясь, и переходит в таштыкское время. В свою очередь в раннетесинских склепах эта традиция появляется с приходом в Минусинскую котловину мигрантов с территории Горного Алтая и Средней Азии.

10. Если в тесинское время трепанация черепа имела, скорее всего, практические задачи только по удалению мозга, то с переходом этого обычая в таштыкское время и одновременным усложнением самого процесса трепанационное отверстие могло приобретать дополнительные функции. Например, использоваться для фиксации головы при выставлении мумии перед погребением. В связи с этим изучение трепанаций, погребальных масок, кукол и мумий таштыкской культуры, к которой относится ОМ, позволяет предполагать, что перед захоронением умерших существовал продолжительный период, когда с мумией или куклой,

отражающей облик покойного с помощью его одежды и погребальной маски, как-то взаимодействовали его родственники и соплеменники или, по крайней мере, она хранилась в течение некоторого времени до совершения захоронения.

Список сокращений

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВКП – внутренняя компактная пластина
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии
МА МГУ – Музей антропологии Московского государственного университета
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук
МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР
НКП – наружная компактная пластина
ОМ – Оглахтинский могильник
СА – Советская археология
ТИЭ – Труды Института этнографии

Примечания

- ¹ Наличие погребений на одном из участков – возвышенной гряды с западинами в восточной части дна лога – пока не подтверждено раскопками.
- ² В погребениях, исследованных в 2020 г. (2020/1 и 2020/2), черепов не было (Зайцева и др. 2021).
- ³ В скобках приведено количество черепов с такой локализацией трепанационного отверстия (см. табл. 2).
- ⁴ Пятая глубокая трепанация была выявлена в ходе раскопок могилы 2023/1 (неопубликованные данные).
- ⁵ Обнаруженные на ещё одном черепе (1903 (II)/2, № 1) насечки располагаются поверх замятого и заглаженного слоя кости по контуру трепанационного отверстия, что указывает на их более позднее происхождение (рис. 8). Не все отверстия «глубоких» трепанаций связаны непосредственно с этой операцией. Так, у индивида из Оглахты I, могила 9, погребение 1, только правая часть (отмечено красным на рисунке) является специально вырубленным фрагментом затылочной кости с захватом, судя по всему, отверстия в основании черепа (см. рис. 6, 4). Левая половина отверстия по характеру сломов относится к поздним, не преднамеренным, фрагментациям.

Список источников

- Адрианов 1903а* – *Адрианов А.В.* Оглахтинский могильник. XXX приложение к газете «Сибирская жизнь». № 254 от 23 ноября 1903 г.
- Адрианов 1903б* – Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 1. Д. 33. Дело Императорской археологической комиссии о раскопках г. Адрианова в Енисейской губернии. 31 января 1903 г. – 11 ноября 1906 г. На 109 листах. Адрианов А.В. Предварительный отчет о раскопках могильника и курганов в горной группе Оглахты, произведенных в 1903 г. Адриановым. Л. 22–24.
- Алексеев В.П.* Материалы по палеоантропологии населения Минусинской котловины времени таштыкской культуры // КСИЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Вып. 20. С. 52–58.

- Алексеев В.П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. XX. С. 238–327.
- Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
- Баркова Л.Л., Гохман И.И. Еще раз о мумиях человека из Пазырыкских курганов // АСГЭ. Вып. 35. СПб., 2001. С. 78–90.
- Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015.
- Вадецкая Э.Б. Черты погребальной обрядности таштыкских племён по материалам грунтовых могильников на Енисее // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 173–183.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999.
- Водясов Е.В., Панкова С.В., Зайцева О.В., Вавулин М.В. Оглахтинский могильник: история открытий, планиграфия и современное состояние // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 6–23.
- Гиря Е.Ю., Учанева Е.Н., Малютина А.А., Бусова В.С., Лазаретова Н.И. Трасологическое исследование следов трепанации на черепах из могильников Белый Яр-VI, Степновка-II, Большое Русло (тесинский этап тагарской культуры) // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 1. С. 135–171.
- Гохман И.И. Палеоантропология и доисторическая медицина // Антропология – медицине / под ред. Т.И. Алексеевой. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 5–15.
- Громов А.В., Савенкова Т.М. Краниологические материалы из могильника Оглахты // Camera praehistorica. 2021. № 2 (7). С. 124–137.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Новая серия. М.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. IV.
- Добряк В.И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев: Гос. мед. изд-во УССР, 1960.
- Зайцева О.В., Водясов Е.В., Ширин Ю.В., Слюсаренко И.Ю. Многоактность ритуальных действий и эксгумация в таштыкских погребальных комплексах (по материалам раскопок Оглахтинского могильника в 2020 г.) // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 97–106.
- Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005.
- Казымов М.А., Шадымов А.Б., Шепелев О.А. Влияние твердости предмета, обладающего выраженным углом, на морфологические особенности переломов черепа // Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики. 2008. № 14. С. 202–210.
- Китов Е.П., Китова А.О., Оралбай Е. Посмертные манипуляции с костями человека (данные о мумификации) у населения Центральной Азии в раннем железном веке // Stratum plus. 2016. № 3. С. 369–382.
- Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011.
- Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992.
- Кызласов 1970 – Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 4010. 56 л.; Д. 4010а (альбом): Кызласов Л.Р. Отчет о работе Хакассской археологической экспедиции МГУ в 1969 г.

- Кызласов 1971 – Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 4242. 121 л.; Д. 4242а (альбом); Д. 4242б (альбом); Кызласов Л.Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1970 г.
- Лазаретова Н.И., Малютина А.А. Трепанации как особенность погребальной традиции в позднеокуневское время: трасологическое исследование антропологических материалов из могильника Итколь II // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности : тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта / отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 132–135.
- Мартынов А.И. Скульптурный портрет человека из Шестаковского могильника // СА. 1974. № 4. С. 231–242.
- Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно-медицинского эксперта / Под ред. В.В. Томилина. М.: НОРМА-ИНФРА, 2000.
- Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный мир, 2001.
- Наглер А. О наличии медицинских инструментов у населения Евразии в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию А.П. Деревянко / отв. ред. В.И. Молодин, М.В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 337–351.
- Панкова С.В. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской): сб. науч. ст. / отв. ред. М.В. Медведева, Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 132–139.
- Панкова С.В., Азбелев П.П. Таштыкское время на Среднем Енисее (I/II–VII вв. н.э.) // История России. М. (в печати).
- Панкова С.В., Миколайчук Е.А. Китайские шелковые ткани из Оглахтинского могильника (раскопки 1969 г.) // Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция: материалы Российско-Германского семинара (Москва, 11–13 марта 2018 г.) / ред. И.И. Елкина, М. Вагнер, П.Е. Тарасов. М.: ИА РАН, 2020 (Archaeology in China and East Asia; Vol. 7). С. 108–141.
- Панкова С.В., Широбоков И.Г. Погребальная кукла с кремацией из Оглахтинской могилы 4 (раскопки Л.Р. Кызласова 1969 г.) // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 60–96.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.: Наука, 1953.
- Савинов Д.Г. О «скрытой» стороне южносибирской археологии // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 42–46.
- Семёнов С.А. Первобытная техника. Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы // МИА СССР. М.; Л.: АН СССР, 1957. № 54.
- Судебная медицина: учебник / под ред. Ю.И. Пиголкина. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012.
- Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979.
- Учанева Е.Н. Анализ формы трепанационных отверстий методами геометрической морфометрии (по материалам из тесинских склепов) // Этногенез. История. Культура. III Юсуповские чтения: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Рината Мухаметовича Юсупова. г. Уфа. 23 ноября, 2018 г. / отв. ред. А.В. Псянчин. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 270–273.
- Учанева Е.Н., Казарницкий А.А., Громов А.В., Лазаретова Н.И. Население Минусинской котловины в раннем железном веке: к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 78–87.
- Чикишева Т.А., Зубова А.В., Кривошапкин А.Л., Курбатов В.П., Волков П.В., Титов А.Т. Комплексное исследование трепанаций у ранних кочевников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 130–141.

- Чугунов К.В. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990 – 1998 гг.) // Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова / ред. С.В. Хаврин. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 123–144.
- Шадымов А.Б., Рыкунов И.А. Влияние угла удара на морфологические особенности рубленого повреждения свода черепа // Сибирский медицинский журнал. 2011. Т. 26, № 1, вып. 2. С. 88–91.
- Широбоков И.Г., Панкова С.В. Данные компьютерной томографии в изучении головы мужской мумии из могилы 4 Оглахтинского могильника // Археологические Вести. 2022. № 34. С. 275–293.
- Dyer M., Fibiger L. Understanding blunt force trauma and violence in Neolithic Europe: the first experiments using a skin-skull-brain model and the Thames Beater // *Antiquity*. 2017. Vol. 91. P. 1515–1528.
- Pankova S. Mummies and mannequins from the Oglakhty cemetery in Southern Siberia // *Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017* / eds. St.J. Simpson, S. Pankova. Oxford: Archaeopress, 2020. P. 373–396.
- Pankova S.V., Makarov N.P., Simpson St J., Cartwright C.R. New radiocarbon dates and environmental analyses of finds from 1903 excavations in the eastern plot of the Tashtyk cemetery of Oglakhty // *Сибирские исторические исследования*. 2021. № 3. С. 24–59.
- Shirobokov I., Pankova S., Kitova A., Rasskazova A. Hidden behind the mask: CT scans of the Siberian mummy of Oglakhty provide insight into its head mummification and portrait likeness of the mask // 10th World Congress on Mummy Studies. Bolzano, Italy. 05–09 September 2022. Abstract Book, 2022. P. 121.
- Tallgren A.M. The South Siberian cemetery of Oglakty from the Han period // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1937. Vol. XI. P. 69–90.
- Tarasov P.E., Pankova S.V., Long T., Leipe Ch., Kalinina K.B., Panteleev A.V., Brandt L.Ø., Kyzlasov I.L., Wagner M. New results of radiocarbon dating and identification of plant and animal remains from the Oglakhty cemetery provide an insight into the life of the population of southern Siberia in the early 1st millennium CE // *Quaternary International*. 2022. Vol. 623. P. 169–183.

References

- Adrianov 1903a – Adrianov A.V. *Oglakhtinskii mogil'nik*. XXX prilozhenie k gazete «Sibirskaia zhizn'». № 254 ot 23 noiabria 1903 g. [Oglakhty Burial Ground. XXX appendix to the newspaper “Sibirskaya zhizn’”. No. 254, November 23, 1903].
- Adrianov 1903b – Scientific archive of the Institute of History of Material Culture RAS (NA IIMK RAN). Fund 1. List 33. File of the Imperial archeological commission on the excavations of Mr. Adrianov in Yeniseysk Governorate. 31 January 1903 – 11 November 1906. 109 pages. Adrianov A.V. *Predvaritel'nyi otchet o raskopkakh mogil'nika i kurganov v gornoi gruppe Oglakhty, proizvedennykh v 1903 g.* Adrianovym [Preliminary report on the excavations of the burial ground and burial mounds in the Oglakhty mountain group, carried out in 1903 by Adrianov]. Pp. 22–24.
- Alekseev V.P. (1954) Materialy po paleoantropologii naseleniia Minusinskoi kotloviny vremeni tashtykskoi kul'tury [Materials on the paleoanthropology of the population of the Minusinsk Basin during the Tashtyk culture], *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, Vol. 20, pp. 52–58.
- Alekseev V.P. (1961) Paleoantropologiya Khakasii epokhi zheleza [Paleoanthropology of Khakassia of the Iron Age], *Sb. Muzeia antropologii i etnografii AN SSSR*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, Vol. XX, pp. 238–327.
- Alekseev V.P. (1966) *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry. Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka.

- Alekseev V.P., Debets G.F. (1964) *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Craniology. Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka.
- Barkova L.L., Gokhman I.I. (2001) Eshche raz o mumiiakh cheloveka iz Pazyrykskikh kurganov [Once again about the human mummies from the Pazyryk burial mounds], *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, Vol. 35. St. Petersburg, pp. 78–90.
- Beisenov A.Z., Ismagulova A.O., Kitov E.P., Kitova A.O. (2015) *Naselenie Tsentral'nogo Kazakhstana v I tysiacheletii do n.e.* [Population of Central Kazakhstan in the 1st millennium BC]. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana.
- Chikisheva T.A., Zubova A.V., Krivoshapkin A.L., Kurbatov V.P., Volkov P.V., Titov A.T. (2014) Kompleksnoe issledovanie trepanatsii u rannikh kochevnikov Gornogo Altaia [Trepanation Among the Early Nomads of Gorny Altai: A Multidisciplinary Study], *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 1 (57), pp. 130–141.
- Chugunov K.V. (2007) Mogil'nik Dogee-Baary 2 kak pamiatnik nachala uuksko-saglynskoii kul'tury Tuvy (po materialam raskopok 1990 – 1998 gg.) [The Dogee-Baary 2 burial ground as a monument of the beginning of the Uyuk-Saglyn culture of Tuva (based on materials from excavations of 1990 – 1998)]. In: *Sbornik nauchnykh trudov v chest' 60-letiiia A.V. Vinogradova* [Collection of scientific works in honor of the 60th anniversary of A.V. Vinogradov] / Ed. by S.V. Khavrin. St. Petersburg: Kul't-Inform-Press, pp. 123–144.
- Debets G.F. (1948) Paleoantropologiya SSSR [Paleoanthropology of the USSR]. In: *Trudy Instituta etnografii. Novaya seriia* [Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, Vol. IV.
- Dobriak V.I. (1960) *Sudebno-meditsinskaia ekspertiza skeletirovannogo trupa* [Forensic examination of a skeletonized corpse]. Kiev: Gos.med.izd-vo USSR.
- Dyer M., Fibiger L. (2017) Understanding blunt force trauma and violence in Neolithic Europe: the first experiments using a skin-skull-brain model and the Thames Beater, *Antiquity*, Vol. 91, pp. 1515–1528.
- Giria E.Iu., Uchaneva E.N., Maliutina A.A., Busova V.S., Lazaretova N.I. (2020) Trasologicheskoe issledovanie sledov trepanatsii na cherepakh iz mogil'nikov Belyi Iar-VI, Stepnovka-II, Bol'shoe Ruslo (tesinskii etap tagarskoi kul'tury) [Traceological Study of Trepanations on Crania from Vaults at Belyi Yar-VI, Stepnovka-II, And Bolshoe Ruslo (Tess Stage of The Tagar Culture)], *Pervobytnaia arkheologiya. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy*, no. 1, pp. 135–171.
- Gokhman I.I. (1989) Paleoantropologiya i doistoricheskaya meditsina [Paleoanthropology and prehistoric medicine]. In: *Antropologiya – meditsina* [Anthropology to medicine] / Ed. by T.I. Alekseeva. Moscow: Izd-vo MGU, pp. 5–15.
- Gromov A.V., Savenkova T.M. (2021) Kraniologicheskie materialy iz mogil'nika Oglakhty [Craniological materials from the Oglakhty burial ground], *Camera praehistorica*, no. 2 (7), pp. 124–137.
- Jochelson V.I. (2005) Iukagiry i iukagirizirovannye tungusy [The Yukaghir and Yukaghirized Tungus] / Translated from English by V.Kh. Ivanov, Z.I. Ivanova-Unarova. Novosibirsk: Nauka.
- Kazymov M.A., Shadymov A.B., Shepelev O.A. (2008) Vliianie tverdsti predmeta, obladaiushchego vyrazhennym uglom, na morfologicheskie osobennosti perelomov cherepa [The influence of the hardness of an object with a pronounced angle on the morphological features of skull fractures], *Aktual'nye voprosy sudebnoi meditsiny i ekspertnoi praktiki*, no. 14, pp. 202–210.
- Kitov E.P., Kitova A.O., Oralbai E. (2016) Posmertnye manipulatsii s kostiami cheloveka (dannye o mumifikatsii) u naseleniia Tsentral'noi Azii v rannem zheleznom veke [The Post-Mortem Ritual Manipulation of Human Bones (Evidence of Mummification) Practiced by Population of Central Asia in The Early Iron Age], *Stratum plus*, no. 3, pp. 369–382.
- Kuzmin N.Iu. (2011) *Pogrebal'nye pamiatniki khunno-sian'biiskogo vremeni v stepiakh Srednego Eniseia: Tesinskaia kul'tura* [Funerary monuments of the Xiongnu-Syanbei period in the steppes of the Middle Yenisei: Tesin culture]. St. Petersburg: Aising.

- Kyzlasov 1970 – Scientific Archive of the Institute of Archaeology. F-1. R-1. D. 4010. 56 l.; D. 4010a (al'bom). Kyzlasov L.R. Otchet o rabote Khakasskoi arkheologicheskoi ekspeditsii MGU v 1969 g. [Report on the work of the Khakassian Archaeological expedition by Moscow State University in 1969].
- Kyzlasov 1971 – Scientific Archive of the Institute of Archaeology. F-1. R-1. D. 4242. 121 l.; D. 4242a (al'bom), D. 4242b (al'bom). Kyzlasov L.R. Otchet o rabote Khakasskoi arkheologicheskoi ekspeditsii MGU v 1970 g. [Report on the work of the Khakassian Archaeological expedition by Moscow State University in 1970].
- Kyzlasov L.R. (1992) *Ocherki po istorii Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Essays on the history of Siberia and Central Asia]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta.
- Lazaretova N.I., Maliutina A.A. (2022) Trepanatsii kak osobennost' pogrebal'noi traditsii v pozднеокуневское время: trasologicheskoe issledovanie antropologicheskikh materialov iz mogil'nika Itkol' II [Trepanations as a feature of the funeral tradition in the Late Okunev period: Trace analysis of anthropological evidence from the Itkol' II burial ground]. In: *Izucheniye drevnei istorii Severnoi i Tsentral'noi Azii: ot istokov k sovremennosti. Tezisy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 300-letiiu ekspeditsii D.G. Messerschmidta* [Research into Ancient History of Northern and Central Asia: From the Origins to the Present Abstracts from the International Scientific Conference Dedicated to the 300th Anniversary of the Expedition of D.G. Messerschmidt] / Ed. by V.I. Molodin. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, pp. 132–135.
- Martynov A.I. (1974) Skul'pturnyi portret cheloveka iz Shestakovskogo mogil'nika [Sculptural portrait of a man from the Shestakovsky burial ground], *Sovetskaya arkheologiya*, no. 4, pp. 231–242.
- Mediko-kriminalisticheskaya identifikatsiya. Nastol'naya kniga sudebno-meditsinskogo eksperta* [Medical and forensic identification. Handbook of a forensic expert] / Ed. by V.V. Tomilin. Moscow: NORMA-INFRA, 2000.
- Mednikova M.B. (2001) *Trepanatsii u drevnikh narodov Evrazii* [Trepanations among the ancient peoples of Eurasia]. Moscow: Nauchnyi mir.
- Nagler A. (2013) O nalichii meditsinskikh instrumentov u naseleniya Evrazii v epokhu rannego zheleza (k postanovke problemy) [On the availability of medical instruments among the population of Eurasia in the Early Iron Age (to the formulation of the problem)]. In: *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii: K 70-letiiu A.P. Derevianko* [Fundamental problems of archeology, anthropology and ethnography of Eurasia: To the 70th anniversary of A.P. Derevianko] / Ed. by V.I. Molodin, M.V. Shun'kov. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, pp. 337–351.
- Pankova S. (2020) Mummies and mannequins from the Oglakhty cemetery in Southern Siberia. In: *Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017* / Eds. St.J. Simpson, S. Pankova. Oxford: Archaeopress, pp. 373–396.
- Pankova S.V. (2018) Kosy iz pogrebeniya 4 Oglakhtinskogo mogil'nika [Plaits from burial 4 at the Oglakhty cemetery]. In: *Pamiatniki arkheologii v issledovaniyakh i fotografiyakh (pamiaty Galiny Vatslavny Duzhnevskoi): Sbornik nauchnykh statei* [Monuments of archaeology in studies and photographs (in the memory of G.V. Duzhnevskaya): Collection of Papers] / Ed. by M.V. Medvedeva, N.Iu. Smirnov. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 132–139.
- Pankova S.V., Azbelev P.P. Tashtykское время на Среднем Енисее (I/II–VII vv. н.е.) [Tashtyk time on the Middle Yenisei region (1st/2nd–7th centuries AD)], *Istoriya Rossii*. Moscow (in print).
- Pankova S.V., Makarov N.P., Simpson St J., Cartwright C.R. (2021) New radiocarbon dates and environmental analyses of finds from 1903 excavations in the eastern plot of the Tashtyk cemetery of Oglakhty. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian historical research*, no. 3, pp. 24–59.

- Pankova S.V., Mikolaichuk E.A. (2020) Kitaiskie shelkovye tkani iz Oglakhtinskogo mogil'nika (raskopki 1969 g.) [Chinese silk fabrics from the Oglakhty cemetery excavated in 1969]. In: *Iskusstvo drevnego tekstilia. Metody izucheniia, sokhrannost', rekonstruktsiia: Materialy Rossiisko-Germanskogo seminara (Moskva, 11–13 marta 2018 g.)* [The Art of Ancient Textiles. Methods of investigation, conservation and reconstruction] / Ed. by I.I. Elkina, M. Vagner, P.E. Tarasov. Moscow: IA RAN, (Archaeology in China and East Asia; Vol. 7). pp. 108–141.
- Pankova S.V., Shirobokov I.G. (2021) Pogrebal'naia kukla s krematsiei iz Oglakhtinskoi mogily 4 (raskopki L.R. Kyzlasova 1969 g.) [Burial Mannequin with Remains from The Grave 4 Of the Oglakhty Burial Ground (Excavations by L.R. Kyzlasov, 1969)], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia – Siberian historical research*, no. 3, pp. 60–96.
- Rudenko S.I. (1953) *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia* [Culture of the population of Gorny Altai in Scythian times]. Moscow: Nauka.
- Savinov D.G. (2013) O «skrytoi» storone iuzhnosibirskoi arkhologii [On the “hidden” side of South Siberian archeology]. In: *Sovremennye resheniia aktual'nykh problem evraziiskoi arkhologii* [Modern solutions to current problems of Eurasian archeology] / ed. by A.A. Tishkin. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, pp. 42–46.
- Semenov S.A. (1957) Pervobytnaia tekhnika. Opyt izucheniia drevneishikh orudii i izdelii po sledam raboty [Prehistoric technology. Experience in studying ancient tools and products based on work traces], *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR*, Vol. 54. Moscow-Leningrad: AN SSSR.
- Shadymov A.B., Rykunov I.A. (2011) Vliianie ugla udara na morfologicheskie osobennosti rublenogo povrezhdeniia svoda cherepa [Influence of The Angle of Impact on The Morphological Features Chopped Damage of The Cranial Vault], *Sibirskii meditsinskii zhurnal*, Vol. 26, no. 1, Is. 2, pp. 88–91.
- Shirobokov I., Pankova S., Kitova A., Rasskazova A. (2022) Hidden behind the mask: CT scans of the Siberian mummy of Oglakhty provide insight into its head mummification and portrait likeness of the mask. In: *10th World Congress on Mummy Studies*. Bolzano, Italy. 05–09 September 2022. Abstract Book, pp. 121.
- Shirobokov I.G., Pankova S.V. (2022) Dannye komp'iuternoii tomografii v izuchenii golovy muzhskoi mumii iz mogily 4 Oglakhtinskogo mogil'nika [Data of Computer-Assisted Tomography in Studies of The Head of a Male Mummy from Grave 4 At the Cemetery of Oglakhty], *Arkheologicheskie Vesti*, no. 34, pp. 275–293.
- Sudebnaia meditsina. Uchebnik [Forensic Medicine. Textbook] / Ed. by Iu. I. Pigolkina. Moscow: GEOTAR-Media, 2012.
- Tallgren A.M. (1937) The South Siberian cemetery of Oglakhty from the Han period. *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, Vol. XI, pp. 69–90.
- Tarasov P.E., Pankova S.V., Long T., Leipe Ch., Kalinina K.B., Pantelev A.V., Brandt L.Ø., Kyzlasov I.L., Wagner M. (2022) New results of radiocarbon dating and identification of plant and animal remains from the Oglakhty cemetery provide an insight into the life of the population of southern Siberia in the early 1st millennium CE. *Quaternary International*, Vol. 623, pp. 169–183.
- Tugolukov V.A. (1979) *Kto vy, iukagiry?* [Who are you, Yukaghirs?]. Moscow: Nauka.
- Uchaneva E.N. (2018) Analiz formy trepanatsionnykh otverstii metodami geometricheskoi morfometrii (po materialam iz tesinskikh skleпов) [Analysis of the shape of burr holes using geometric morphometry methods (based on materials from the Tesin crypts)]. In: *Etnogenez. Istoriia. Kul'tura. III Iusupovskie chteniia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati Rinata Mukhametovicha Iusupova. g. Ufa. 23 noiabria, 2018 g.* [Ethnogenesis. History. Culture. III Yusupov readings. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the memory of Rinat Mukhametovich Yusupov. Ufa. November 23, 2018] / Ed. by A.V. Psianchin. Ufa: IIIaL UFITS RAN, pp. 270–273.

- Uchaneva E.N., Kazarnitskii A.A., Gromov A.V., Lazaretova N.I. (2017) Naselenie Minusinskoï kotloviny v rannem zheleznom veke: k voprosu o vnutrigruppovoi i mezhgruppovoi izmenchivosti [The Early Iron Age Populations of The Minusinsk Hollow: Revisiting Inter- and Intragroup Variations], *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (36), pp. 78–87.
- Vadetskaia E.B. (1975) Cherty pogrebal'noi obriadnosti tashtykskikh plemen po materialam gruntovykh mogil'nikov na Enisee [Features of the funeral rituals of the Tashtyk tribes based on materials from burial grounds on the Yenisei]. In: *Pervobytnaia arkheologiya Sibiri* [Prehistoric archeology of Siberia]. Leningrad, pp. 173–183.
- Vadetskaia E.B. (1999) *Tashtykskaia epokha v drevnei istorii Sibiri* [Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg: Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie».
- Vodyasov E.V., Pankova S.V., Zaitseva O.V., Vavulin M.V. (2021) Oglakhtinskii mogil'nik: istoriya otkrytii, planografiya i sovremennoe sostoyanie [The Oglakhty burial ground: History of discovery, planigraphy, and current state], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian historical research*, no. 3, pp. 6–23.
- Zaitseva O.V., Vodyasov E.V., Shirin Yu.V., Slyusarenko I.Yu. (2021) Mnogoaktnost' ritual'nykh deistvii i ekskumatsiya v tashtykskikh pogrebal'nykh kompleksakh (po materialam raskopok Oglakhtinskogo mogil'nika v 2020 g.) [Multi-activity of ritual actions and exhumation in Tashtyk burial complexes (based on excavations of the Oglakhty burial ground in 2020)], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian historical research*, no. 3, pp. 97–107.

Информация об авторах:

УЧАНЕВА Евгения Николаевна – научный сотрудник ЛМАИ «Артефакт», Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ucha.89@mail.ru

МАЛЮТИНА Анна Андреевна – научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kostylanya@yandex.ru

ПАНКОВА Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЛМАИ «Артефакт», Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); научный сотрудник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: svpankova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Evgeniia N. Uchaneva, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: ucha.89@mail.ru

Anna A. Malyutina, Institute for the History of Material Culture RAS (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: kostylanya@yandex.ru

Svetlana V. Pankova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); State Hermitage Museum (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: svpankova@gmail.com

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 01 августа 2023;
принята к публикации 09 сентября 2023.*

*The article was submitted 01.08.2023;
accepted for publication 09.09.2023.*

Научная статья
УДК 902
doi: 10.17223/2312461X/41/14

Кремации Оглахтинского могильника: случайная изменчивость или вариативность погребальных практик?

Иван Григорьевич Широбоков

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, ivansmith@bk.ru*

Аннотация. Представлены результаты изучения кремированных останков человека из раскопок Оглахтинского могильника, проведенных в 1969, 2020 и 2021 гг. Большая часть из них происходит из коллективных захоронений, в которых также находились полные скелеты или отдельные кости погребенных по обряду ингумации. В большинстве случаев, в которых удалось установить пол и возраст умерших, кремированные останки принадлежали взрослым мужчинам, в одном случае выявлено захоронение подростка 11–18 лет. По количественным характеристикам исследования скопления делят на две группы: 1) крупные скопления, масса которых (более 800 г) приближается к нижней границе ожидаемой массы кремированного скелета взрослого человека; 2) малые скопления (менее 400 г), масса которых свидетельствует о захоронении лишь части останков. Крупные скопления отличаются более низкой относительной долей идентифицированных костей черепа и высокой долей мелких (<5 мм) фрагментов, тогда как для малых скоплений характерны относительно крупные размеры фрагментов с высокой вариативностью качества обжига. Характеристики останков согласуются с предположением о том, что кремация проводилась вскоре после смерти. Однако на отдельных фрагментах костей зафиксированы признаки отложенной кремации, т.е. спустя продолжительное время после смерти, в течение которого останки находились в доступности для грызунов, а мягкие ткани были частично разрушены. В числе этих признаков следы погрызов на одной из пястных костей, а также цветовые характеристики некоторых длинных костей и костей черепа свода: внутренняя пластинка имеет следы более интенсивного обжига по сравнению с внешней. В целом результаты свидетельствуют о некоторой вариативности обрядовых практик кремации у таштыкцев как на первоначальном этапе, охватывающем период с момента смерти до времени кремации, так и на этапе размещения останков в могилу и, возможно, в ходе постпогребальных манипуляций с останками.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Оглахтинский грунтовый могильник, таштыкская культура, кремация, погребальный обряд

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00478 «Феномен Оглахтинского могильника».

Для цитирования: Широбоков И.Г. Кремации Оглахтинского могильника: случайная изменчивость или вариативность погребальных практик? // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 272–295. doi: 10.17223/2312461X/41/14

Original article

doi: 10.17223/2312461X/41/14

Cremations at the Oglakhty Burial Ground: Random Variability or Variation in Funerary Practices?

Ivan G. Shirobokov

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation;
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
RAS, St. Petersburg, Russian Federation
ivansmith@bk.ru*

Abstract. The article is dedicated to the results of studying cremated human remains from excavations at the Oglakhtinsky burial site, conducted in 1969, 2020, and 2021. The majority of these remains originate from collective burials, wherein unburned complete skeletons or scattered bones were found. In most cases where sex and age of the deceased could be determined, the cremated remains belonged to adult males, with one instance revealing the burial of an adolescent aged 11-18 years. The quantitative characteristics of the study divide the assemblages into two groups: 1. large assemblages, with a weight exceeding 800 g, approaching the lower boundary of the expected weight of a cremated adult human skeleton; 2. small assemblages (less than 400 g), indicating the interment of only a portion of the cremains. The large assemblages exhibit a lower relative proportion of identified cranial bones and a higher proportion of small (<5 mm) fragments, whereas the small assemblages are characterized by relatively larger fragment sizes with a high variability in the quality of incineration. The characteristics of the remains are consistent with the hypothesis that cremation was carried out shortly after death. However, certain bone fragments display signs of delayed cremation, indicating an extended period after death during which the remains were accessible to rodents and soft tissues were partially deteriorated. Among these indicators are bite marks on one of the metacarpal bones, as well as color variations in certain long bones and cranial vault bones: the inner plate shows traces of more intense charring compared to the outer plate. Overall, the results suggest a certain variability in cremation ritual practices among the Tashstyks, both in the initial stage spanning the time from death to cremation, and in the stage of placing the remains in the grave, possibly involving post-burial manipulations with the remains.

Keywords: Southern Siberia, Oglakhty burial ground, Tashtyk culture, cremation, burial rite

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project No. 22-18-00478 “The phenomenon of the Oglakhty burial ground”.

For citation: Shirobokov, I.G. (2023) Cremations at the Oglakhty Burial Ground: Random Variability or Variation in Funerary Practices? *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 272–295 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/14

Введение

При раскопках погребальных памятников археологи чаще сталкиваются с человеческими останками, находящимися в одном из двух состояний, хорошо согласующихся с представлениями о бинарности обрядов кремации и ингумации. Однако при попытке реконструкции всей последовательности действий, которые привели к наблюдаемой картине, она нередко усложняется, обогащаясь все новыми деталями и вопросами, на которые в рамках археологии не может быть дан однозначный ответ. Между смертью и погребением по обряду ингумации могут пройти сутки или несколько дней, а вся процедура ограничиваться одним актом. Но переходный этап может также занимать значительный период времени, в течение которого тело находится во временной могиле, выставляется на открытой площадке, мумифицируется или иным образом подготавливается к окончательному захоронению. С другой стороны, кремация, казалось бы, нацеленная на разрушение тела умершего, никогда не приводит к его полному уничтожению. Останки продолжают существовать и после сжигания трупа, а сама процедура в конечном счете оказывается лишь промежуточным этапом погребального обряда (Sørensen, Bille 2008; Rebay-Salisbury 2015). Дальнейшие варианты их судьбы могут быть также чрезвычайно разнообразны: захоронение на месте или на стороне, рассеивание, разделение на части и даже повторная кремация перед окончательным захоронением. Выбор допустимых действий, в свою очередь, может быть обусловлен социальными, возрастными, религиозными ограничениями или даже прагматическими соображениями. Еще более усложняет картину практика коллективных захоронений останков, когда могилы используются для подзахоронения новых тел или останков умерших, что выражается в изменении естественного состояния и в преднамеренных манипуляциях с останками, уже находящимися в могиле (Schmitt, Dederix 2018).

Обо всем этом хорошо известно исследователям таштыкских могильников, заметная вариативность обряда в которых бросается в глаза уже на уровне первичных наблюдений. Однако несмотря на признаваемую сложность и многоактность погребального обряда таштыкской культуры, можно заметить, что эта тема заметно лучше изучена по материалам не подвергавшихся воздействию огня останков. Здесь зафиксированы захоронения по обряду ингумации и мумии с трепанированными черепами, захоронения скелетированных останков (полных, в необычных позах, или частичных, в виде разрозненных костей, иногда свидетельствующих о переносе останков из одной могилы в другую), останки, потревоженные в ходе постпогребальных манипуляций, частично разрушенные грызунами и обугленные в результате сожжения срубов (Вадецкая 1999; Грачев 2013; Зайцева и др. 2021).

При этом тезис о вариативности обряда кремации во многом остается не раскрытым и преимущественно опирается на наблюдения о размерах

скоплений трупосожжений и разнообразных формах их размещения в могиле. Исследователи фиксировали кремированные кости человека в отдельных скоплениях, в куклах-манекенах, в сосудах, в мешочках, в берестяных коробах, в «гнездах» из травы, в виде рассеянных останков и даже рассыпанных в форме человеческой фигуры (Кызласов 1960; Вадецкая 1999; Митько, Тетерин 2008; Грачев 2013; Митько, Николаева 2016). При этом заметно варьируют средние размеры фрагментов, площадь, занимаемая останками, расположение в могиле, число скоплений и общая масса останков. Но что именно скрывается за этими наблюдениями? Кремировали ли таштыкцы тела умерших вскоре после смерти? Может быть, это были скелетированные останки или мумии? Такое предположение выдвинула Э.Б. Вадецкая (Вадецкая 1999: 88) и была поддержана О.А. Митько, выдвинувшего гипотезу о сожжении таштыкцами тел, мумифицированных с помощью соли (Митько 2004). В обоих случаях предположения опираются на археологический контекст, а не результаты анализа собственно костных останков. В каких случаях в могиле размещались все останки, собранные с кострища, а в каких только часть? Каким был принцип отбора останков и какую роль в археологически фиксируемой картине играли погребальные практики и факторы внешней среды, не контролируемые непосредственно человеком?

Ответы на эти вопросы можно попытаться получить лишь в ходе тщательного анализа кремаций с позиций как археологии, так и физической антропологии. К сожалению, неотъемлемое свойство исследуемых данных – неполнота и фрагментарность – нередко ведет к кардинальному снижению информативной ценности кремаций как самостоятельного источника даже при тщательной работе. Единственный способ повысить качество этого источника заключается в систематическом анализе изменчивости различных характеристик останков на массовом материале.

Настоящее исследование посвящено результатам изучения всех доступных к настоящему времени кремированных останков человека из раскопок Оглахтинского могильника. Основные задачи работы состоят: 1) в сравнительной оценке количественных и качественных характеристик останков, описанных по единой программе; 2) попытке установления характеристик тел на момент до сжигания.

Описание кремаций Оглахтинского могильника

Всего к настоящему времени автору удалось описать и провести изучение 11 скоплений кремированных останков из раскопок Оглахтинского могильника. В их числе остатки трупосожжения, находившиеся в кукле-манекене из могилы 4, раскопанной Л.Р. Кызласовым в 1969 г. (Панкова, Ширококов 2021). Еще два единичных скопления происходят из могил 1 и 2, раскопанных в ходе совместной экспедиции Государственного Эрмитажа и Томского государственного университета под

руководством О.В. Зайцевой в 2020 г. (материалы мог. 1 опубликованы в: Зайцева и др. 2021). Остальные скопления относятся к неопубликованным материалам раскопок той же экспедиции 2021 г., в том числе одно скопление происходит из мог. 1, семь скоплений – из мог. 2. В последнем случае скопление 7 выделено условно, поскольку фактически оно представляет собой рассеянные останки, обнаруженные под берестяным покрытием на дне могилы. Отдельно описывались, но не учитывались при расчетах останки из просева, относящиеся к скоплениям 1 и 2. В большинстве случаев в могилах помимо трупосожжений находились останки людей, погребенных по обряду ингумации. В могиле 4 (1969) зафиксированы останки 3 человек, а также еще одна кукла-манекен с кальцинированными костями, которые пока остаются неизученными. В мог. 1 (2020) обнаружены разрозненные останки одного человека, в мог. 1 (2021) – останки одного человека, в мог. 2 (2021) – останки трех человек. Единственным индивидуальным погребением является мог. 2 (2020), которая представляла собой небольшой каменный ящик с трупосожжением взрослого человека.

Нельзя исключать, что кремированные останки из скоплений, происходящих из мог. 2 (2021), были частично перемешаны в ходе погребальных практик или деятельности грызунов. Так, например, в составе отдельных скоплений были обнаружены необожженные кости кисти взрослого со следами погрызов (вероятно, скелета 1), а также ребра и фрагменты подвздошной кости ребенка (скелета 3). Общее число подвергнутых кремации индивидов, захороненных в мог. 2, установить сложно из-за фрагментарности останков и неполной представленности костей скелета. Ни в одном из скоплений не зафиксированы признаки, которые позволяли бы утверждать, что в нем захоронены останки двух или более человек. Однако нельзя исключать, что останки одного человека могли быть разделены между разными скоплениями. Наиболее точные результаты минимального числа погребенных позволяет получить подсчет числа каменистых костей, часто хорошо сохраняющихся при воздействии высоких температур (Godinho, Gonçalves, Valera 2019: 6). Их подсчет показывает, что в мог. 2 по обряду кремации погребены останки не менее 3 человек. Скопления 1 и 2 в мог. 2 (2021) располагаются в непосредственной близости друг к другу, но характеристики цветности фрагментов черепа резко различаются между ними. В первом отсутствуют каменистые кости, но все сохранившиеся фрагменты костей обожжены до стадии обугливания, тогда как кости в скоплении 2 преимущественно кальцинированные. Вероятно, останки в этих скоплениях относятся к разным индивидам. Таким образом, можно предполагать, что в мог. 2 погребены кремированные останки не менее 4 человек (предположительно 4–7 человек).

Основные характеристики скоплений сведены в табл. 1, 2. В табл. 1 приведены некоторые исходные описательные и количественные показатели, тогда как табл. 2 содержит расчетные характеристики.

Т а б л и ц а 1

**Некоторые описательные и количественные характеристики скоплений
кремированных останков из материалов Оглахтинского могильника**

Погребение, скопление (год раско- пок)	Общая масса костей, г	Доля костей менее 5 мм, %	Доля костей черепа, %*	Криволиней- ные трещины / деформации	Основной цвет костных останков
Мог. 1 (2021)	994	16,2	9,1	Присутствуют / присутствуют	Серый, белый
Мог. 2-1 (2021)	93	3,2	28,9	Присутствуют / не обнаружены	Серый, белый, черный
Мог. 2, просев 1 и 2 (2021)	101	8,9	9,8	Присутствуют / присутствуют	Серый, белый, реже черный
Мог. 2-2 (2021)	1106	29,9	7,6	Присутствуют / присутствуют	Серый, белый, реже черный, без видимых следов обжига
Мог. 2-3 (2021)	269	24,5	3,4	Не обнаружены / присутствуют	Серый, реже черный, белый
Мог. 2-4 (2021)	389	6,9	39,5	Не обнаружены / не обнаружены	Черный, реже серый
Мог. 2-5 (2021)	1273	28,0	9,7	Присутствуют / не обнаружены	Серый, белый, черный,
Мог. 2-6 (2021)	157	5,7	11,5	Присутствуют / не обнаружены	Серый, белый
Мог. 2-7 (2021)	115	12,2	10,9	Присутствуют / присутствуют	Серый, белый
Мог. 1 (2020)	1113	8,8	10,7	Присутствуют / присутствуют	Серый, белый
Мог. 2 (2020)	815	10,6	6,2	Присутствуют / присутствуют	Серый, белый
Мог. 4 (1969)	919	0,6	5,9	Присутствуют / не обнаружены	Серый, белый, черный

* Доля идентифицированных фрагментов относительно массы останков, размеры кото-
рых превышают 5 мм.

Т а б л и ц а 2

**Некоторые расчетные характеристики кремированных останков
из материалов Оглахтинского могильника**

Погребение, скопление (год раскопок)	Пол	Возраст	Масса остан- ков относи- тельно ожида- емой	Массовая доля ко- стей черепа отно- сительно ожидае- мой	Возможные при- знаки отложенной кремации (спустя длительный пе- риод после смерти)
Мог. 1 (2021)	Муж.	Взрос- лый	Приближается к нижней границе	Низкая	Следы погрызов (?)

Погребение, скопление (год раскопок)	Пол	Возраст	Масса останков относительно ожидаемой	Массовая доля костей черепа относительно ожидаемой	Возможные признаки отложенной кремации (спустя длительный период после смерти)
Мог. 2-1 (2021)	–	Взрослый	Значительно ниже	В пределах случайных отклонений	Не зафиксированы
Мог. 2, просев 1 и 2 (2021)	–	–	–	–	Следы погрызов
Мог. 2-2 (2021)	Муж.	Взрослый	Приближается к нижней границе	Низкая	Различия в цвете фрагментов
Мог. 2-3 (2021)	–	11–18 лет	Приближается к нижней границе (?)	Низкая	Не зафиксированы
Мог. 2-4 (2021)	–	Взрослый	Значительно ниже	Повышенная	Различия в цвете фрагментов
Мог. 2-5 (2021)	Муж.	Взрослый	Приближается к нижней границе	Низкая	Различия в цвете фрагментов
Мог. 2-6 (2021)	Муж.	Взрослый	Значительно ниже	В пределах случайных отклонений	Не зафиксированы
Мог. 2-7 (2021)	–	–	Значительно ниже	В пределах случайных отклонений	Не зафиксированы
Мог. 1 (2020)	–	Взрослый	Приближается к нижней границе	Низкая	Не зафиксированы
Мог. 2 (2020)	–	Взрослый	Приближается к нижней границе	Низкая	Не зафиксированы
Мог. 4 (1969)	Муж.	20–45	Приближается к нижней границе	Низкая	Не зафиксированы

При анализе кремаций автор опирался на комплекс методик, включающих описательные, весовые и метрические характеристики останков (Mays 2002; Добровольская 2010; Goncalves, Pires 2017; Клещенко, Решетова 2019). При оценке пола учитывались метрические параметры отдельных элементов скелета (Медико-криминалистическая идентификация... 2000; Hlad et al. 2021). При определении возраста оценивалось состояние суставных поверхностей длинных костей и позвонков, а также облитерация швов свода черепа (White, Folkens 2005).

Автор воздерживался от оценки абсолютной температуры кремации. Исследователями неоднократно предпринимались попытки связать

температуру с определенным цветом костей, но результаты тестов отличаются заметной вариабельностью (Shipman, Foster, Schoeninger 1984; Mays 2002; Walker, Miller, Richman 2008; и др.). Последовательность сменяющих друг друга цветов при переходе от необожженного состояния к кальцинированному универсальна, однако на цвет обожженной кости влияют не только температура, но и продолжительность горения, доступ кислорода, наличие мягких тканей и некоторые другие факторы (Stiner et al. 1995; Devlin, Herrmann 2008; Reidsma et al. 2016). Эти замечания тем более важно учитывать при работе с таштыкскими захоронениями, для которых характерны сложные погребальные практики. Соответственно, цвет может использоваться лишь в качестве приблизительного показателя интенсивности воздействия огня на кости. Как будет показано далее, в некоторых случаях он может быть полезным при установлении состояния тела на момент, непосредственно предшествующий кремации.

Особое внимание в исследовании уделено количественным показателям, в том числе общей массе останков и доле идентифицированных элементов черепа. При расчетах доли последних не учитывалась масса самых мелких фрагментов, не поддающихся идентификации. Для этого кости просеивались через сито с шириной ячейки 5 мм. При желании читатели могут самостоятельно рассчитать долю идентифицированных фрагментов скелета относительно общей массы останков, воспользовавшись данными из табл. 1.

Во всех случаях, когда удалось установить пол погребенных, останки принадлежали мужчинам (в 5 из 11 скоплений). В 9 скоплениях останки принадлежали взрослым индивидам, в одном случае подростку 11–18 лет, еще в одном случае не удалось установить даже приблизительный возраст, хотя размеры сохранившихся фрагментов длинных костей позволяют исключить версию о том, что погребенный был ребенком.

Визуальные и количественные характеристики кремированных останков отличаются заметной вариативностью. На рис. 1 представлены фотографии идентифицированных фрагментов черепа из отдельных скоплений. Скопления заметно различаются по всем характеристикам: 1) по объему; 2) среднему размеру фрагментов; 3) степени обжига; 4) наличию деформаций и трещин; 5) составу идентифицированных фрагментов. Так, например, в составе идентифицированных костей черепа из куклы-манекена из мог. 4 (1969), отличающихся относительно крупными размерами и обожженными до стадии серого и белого каления, отсутствуют кости основания черепа и затылочной области, а в составе скоплений 1 и 4 из мог. 2 (2021), напротив, отсутствуют кости лицевого скелета, а фрагменты свода черепа обуглены. При этом в скоплении мог. 2-4 (2021) как абсолютная, так и относительная масса костей черепа выше, чем во всех остальных случаях.

В условиях проведения кремации на открытом воздухе и дальнейшего перемещения останков на место окончательного захоронения вполне ожидаемой является некоторая вариативность в степени обжига останков, в средних размерах и массе фрагментов, наличии трещин и других признаков, привлекающих внимание исследователей. Возникает вопрос, насколько наблюдаемая картина обусловлена случайной изменчивостью характеристик останков, не связанной напрямую с сознательными манипуляциями, а насколько она объясняется объективными особенностями погребальных и постпогребальных практик?

Первое, на что следует обратить внимание при ответе, – вариативность некоторых показателей не имеет характера непрерывной изменчивости. По количественным параметрам все скопления делятся на две самостоятельные группы. Масса останков в первой составляет от 815 до 1273 г, во второй – от 93 до 389 г. (см. табл. 2). Известно, что ожидаемая средняя масса кремированных останков взрослого человека составляет около 1,5–3 кг (Bohnert, Rost, Pollak, 1998; Щеголев, 2000; Mays 2002; Chirachariyavej, Limburanasombat, Tiensuwan 2007 и др.). С одной стороны, эти данные получены по результатам наблюдений в крематориях, условия в которых заметно отличаются от кремации на открытом воздухе. С другой стороны, при сборе останков, их транспортировке и размещении в могиле и археологической фиксации неизбежны потери части останков. Поэтому данные могут использоваться в качестве приблизительного ориентира ожидаемых величин. Для удобства трупосождения первой группы в этом исследовании называются большими (крупными) скоплениями, второй группы – малыми. Масса больших скоплений приближается к нижней границе ожидаемых величин и все-таки не позволяет быть до конца уверенным в том, что в этих скоплениях представлены все останки с погребального кострища. Объем малых скоплений в большинстве случаев свидетельствует о том, что при их размещении в могиле таштыкцы не руководствовались стремлением собрать все кости в одном месте, но и здесь есть исключение. Формально скопление мог. 2-3 (2021) относится к малым, но фактически оно должно быть отнесено к большим скоплениям, несмотря на относительно небольшой вес (269 г). Кости в нем принадлежали подростку 11–18 лет, следовательно, ожидаемый вес может быть существенно меньше нижней границы массы, установленной для кремированных останков взрослых индивидов.

Помимо различий в общей массе большие и малые кремации различаются еще по двум количественным показателям. Средняя относительная доля мелких фрагментов (менее 5 мм) заметно выше в больших скоплениях, чем в малых (17 и 7% соответственно). Возможно, эти различия следовало бы рассматривать как свидетельство более тщательного сбора останков в случае крупных скоплений, однако, по крайней мере, отчасти степень фрагментации обусловлена внешними по отношению к этапу

сбора останков факторами. Доля мелких фрагментов варьирует и внутри группы крупных скоплений. Во-первых, среди остатков трупосождений, сохранившихся в кукле-манекене из мог. 4 (1969), доля мелких фрагментов ничтожна – очевидно кукла и кожаный футляр защищали кости от фрагментации. Во-вторых, в парных и индивидуальных захоронениях (ингумация + кремация, только кремация) доля мелких фрагментов в среднем ниже, чем в крупных скоплениях из мог. 2 (2021), где находились 3 скелета и 7 скоплений кремированных останков. Следовательно, постпогребальные практики, в том числе подзахоронение новых останков в могилу способствовали продолжающемуся разрушению (вероятно, непреднамеренному) хрупких останков.

Другое различие между группами заключается в том, что доля идентифицированных костей черепа в малых скоплениях сильно варьирует, но в среднем в три раза выше, чем в крупных. Различия сохраняются даже после исключения из анализа фрагментов длиной менее 5 мм и носят статистически значимый характер (22,7 и 7,5% соответственно, $p = 0,01$, U-критерий Манна–Уитни). При этом именно в малых скоплениях доля костей черепа в среднем соответствует ожидаемой доле относительно общей массы сухого скелета (18–22%) (Baker, Newman 1957; Lowrance, Latimer 1957; Silva, Crubézy, Cunha 2009). Установлено, что это соотношение сохраняется и после кремации (Lenorzer 2006; McKinley, 1993). Невозможно точно рассчитать вероятность случайных отклонений доли костей черепа от ожидаемой величины в скоплениях разного размера. И все же можно получить ее приблизительную оценку, приняв некоторые условные параметры относительно ожидаемой средней массы кремированных останков взрослого человека (метод расчетов приведен в: Широбоков, 2022). Соответствующие расчеты показывают, что в крупных скоплениях вероятность случайного занижения доли костей черепа составляет доли процента, тогда как в малых скоплениях различия либо укладываются в пределы случайной изменчивости (в большинстве случаев), либо, напротив, превышают ожидаемый объем (скопление мог. 2-4 (2021)). Причина этих различий неясна (одна из возможных интерпретаций будет рассмотрена ниже), но само наблюдение является хорошим аргументом против обозначения по умолчанию больших скоплений в качестве полных.

Таким образом, изменчивость количественных показателей трупосождений Оглахтинского могильника нельзя считать исключительно случайной. Наиболее простое объяснение наблюдаемых различий заключается в том, что они обусловлены постпогребальными практиками. Вероятно, большие скопления изначально располагались в куклах-манекенах, в большинстве случаев не сохранившихся. Малые скопления могли также изначально быть частью крупных скоплений, которые после разрушения кукол-манекенов или других емкостей из органических

материалов, пока могилы продолжали использоваться для захоронений, были смещены, частично рассеяны или разделены между разными могилами.

В пользу такой точки зрения говорит тот факт, что большие скопления расположены ближе к центральной части могил по оси запад–восток, т.е. могли изначально располагаться в корпусе кукол, тогда как малые скопления находились ближе к стенкам или представляли собой рассеянные останки.

И все же невозможно различия между трупосожжениями объяснить исключительно вторичным характером малых скоплений по отношению к крупным. Несомненно, хрупкие кремированные кости неизбежно подвергались фрагментации при подзахоронении останков умерших и возможном смещении с первоначальной позиции. Однако в таком случае остается неясным, почему доля мелких фрагментов в малых скоплениях, как правило, невелика. Ведь если они возникли в результате смещения или разделения изначально крупных скоплений, это должно было привести к большей фрагментации останков. Плохо с этой точкой зрения согласуется и небольшая доля костей черепа в больших скоплениях, уступающая таковой в малых.

Представляется, что лучше наблюдаемую картину объясняет предположение о том, что парциальность малых скоплений носит преднамеренный характер. Малые скопления могут быть результатом: 1) сбора только наиболее крупных фрагментов с места проведения кремации; 2) разделения собранных останков между разными могилами; 3) перемещением части останков из одной могилы в другую; 4) использования части останков в других обрядах (см. примеры использования остатков трупосожжений человека в «поминальных комплексах» таштыкских склепов в: Поселянин 2009). Это означает, что малые скопления либо изначально не помещались внутрь кукол-манекенов, либо имел место их вторичный отбор останков.

Нельзя также исключать, что малые скопления имеют разную историю происхождения. Часть малых скоплений могла сформироваться в результате неполного сбора наиболее крупных фрагментов с кострища или преднамеренного разделения останков, тогда как другая могла возникнуть в ходе постпогребальных действий путем разделения или смещения останков непосредственно в могиле. Так или иначе, хорошее объяснение наблюдаемых вариаций требует привлечения больших, статистически представительных выборок, которые могут быть получены в ходе дальнейших раскопок.

В качестве тенденции можно также отметить, что кости в крупных скоплениях чаще всего представляют собой кальцинированные фрагменты, карбонизированные кости единичны, тогда как вариативность

цветовых характеристик костей в малых скоплениях визуально представляется более высокой (рис. 1).

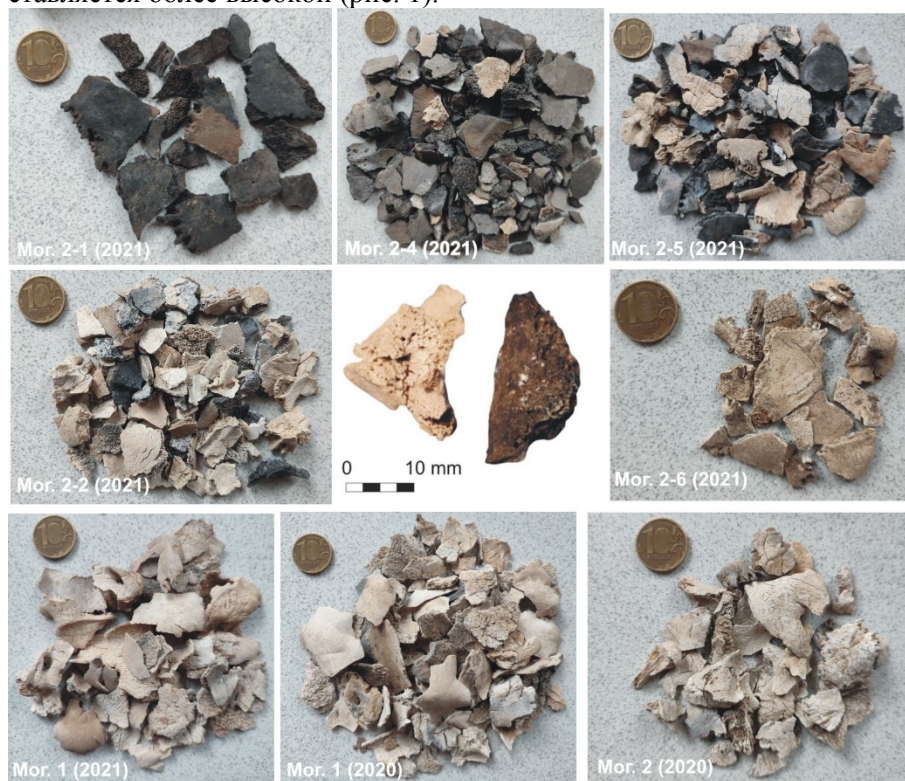

Рис. 1. Идентифицированные фрагменты черепа из отдельных скоплений в могилах Оглахтинского могильника, раскопанных в 2020 и 2021 гг. В центре – фрагменты верхнечелюстной кости и тела нижней челюсти с подбородочной остью из скопления 2 мог. 2 (2021), резко различающиеся по степени обжига

О возможности реконструкции состояния тел на момент кремации

Важным представляется рассмотрение вопроса о состоянии останков на момент кремации. Подвергались ли сожжению тела умерших вскоре после смерти или по истечении продолжительного периода времени? Возможно, кремации подвергали мумии, как это предположили Э.Б. Вадецкая и О.А. Митько, или вариативность действий распространяется и на этот этап погребального обряда.

Трансформации, которые испытывает скелет под воздействием огня, отчасти обусловлены состоянием останков на момент кремации, что находит отражение в признаках, фиксируемых исследователями. Однако разделить влияние различных факторов, когда ты имеешь дело только с конечными результатами манипуляций с останками, не так-то просто.

Интенсивное тепловое воздействие на кость приводит к выгоранию органических веществ, уменьшению ее размеров, деформации и образованию переломов и трещин различной формы, в том числе искривленных, линейных (поперечных и продольных) и патинообразных. Различия между разными типами трещин носят статистический характер: криволинейные (U-образные, параболические) трещины чаще встречаются на костях, кремированных с мягкими тканями, чем при сожжении скелетов, линейные трещины – наоборот (Goncalves, Cunha 2011; Goncalves, Pires 2017). Это же наблюдение касается деформаций, которые чаще фиксируются при кремации тел и свежих костей, и значительно реже – при сожжении сухих костей (Goncalves, Cunha 2011; Vassalo et al. 2016).

В большинстве скоплений Оглахтинского могильника присутствуют фрагменты со следами деформации и криволинейными трещинами. Исключения представляют карбонизированные останки из мог. 2-4 (2021) и кости ребенка или подростка из той же могилы (мог. 2-4 (2021)). Однако в первом случае низкая степень обжига не предполагает образования криволинейных трещин, а во втором нельзя исключать влияния возрастных особенностей на результаты кремации.

Подсчет числа фрагментов с криволинейными трещинами и деформациями в конкретных скоплениях не проводился из-за проблемы формализации такой оценки. Сложность состоит как в выборе способа для учета трещин (число фрагментов с трещинами, число трещин на фрагментах, масса фрагментов), так и в зависимости возможности их фиксации от других характеристик костей (из-за существенной фрагментации останков, общей небольшой массы останков, низкой температуры обжига). По субъективному впечатлению встречаемость признаков заметно варьирует между скоплениями. Сам факт наличия признаков согласуется с нулевой гипотезой, согласно которой сжигались трупы, а не скелеты, однако в действительности эти данные не позволяют вынести надежное суждение о состоянии останков на момент кремации.

Останки различаются по степени обжига, однако в большинстве случаев кортикальный слой трубчатых костей демонстрирует такой же или более высокий уровень интенсивности воздействия огня по сравнению с местами сломов и поверхностью канала, а наружная пластинка черепа – сходный или более высокий уровень по сравнению с внутренней. Во время пиролиза мягких тканей, вызванного кремацией, внешняя поверхность костей подвергается воздействию тепла раньше, чем внутренних полостей. Как следствие, последняя имеет тенденцию проявлять признаки менее интенсивного воздействия огня (Bohnert et al. 1998). Губчатое вещество костей нередко имеет более темную окраску, что может объясняться большим содержанием органических веществ в своей структуре по сравнению с кортикальным слоем. Эта

картина также согласуется с предположением, что кремации подвергались тела, а не скелетированные останки.

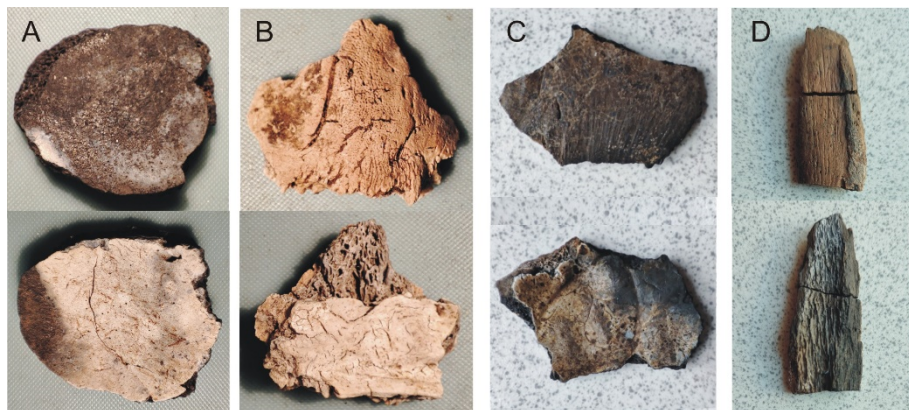

Рис. 2. Различия в цветности фрагментов костей с внешней (верхний ряд) и внутренней сторон (нижний ряд) из отдельных скоплений Оглахтинского могильника:
А – фрагмент свода черепа, мог. 2-5 (2021); В – фрагмент лобной с метопическим швом, мог. 2-2 (2021); С – фрагмент теменной, мог. 2-4 (2021);
D – фрагмент бедренной, мог. 2-4 (2021)

Однако в конкретных скоплениях фиксируются исключения. Внутренняя пластинка на некоторых фрагментах черепа из скоплений 2, 4 и 5 мог. 2 (2021) демонстрирует более интенсивную степень обжига, чем наружная (см. рис. 2). Исследователи рассматривают такие признаки, как свидетельство кремации скелетированных останков (Godinho et al. 2019). Аналогичный случай зафиксирован на фрагменте диафиза бедренной кости из мог. 2-4 (2021): полость карбонизирована, тогда как внешний кортикальный слой имеет коричневый оттенок, что соответствует первой стадии цветовых изменений. В мог. 2-2 (2021) присутствуют фрагменты анатомически близких элементов, резко различающихся по степени обжига: правой верхнечелюстной и тела нижней челюсти с подбородочной остью (см. рис. 1). Фрагмент последней обуглен, тогда как не только кости лицевого скелета, но и сохранившийся фрагмент тела шейного позвонка и основания черепа обожжены до стадии белого каления. Такие различия заставляют предположить, что нижняя челюсть либо изначально находилась на большем расстоянии от источника огня, либо быстро утратила связи с черепом, а значит, кремации подвергались (частично или полностью) скелетированные останки. Другое объяснение может состоять в том, что фрагмент нижней челюсти случайно попал в скопление мог. 2-2 (2021) и в действительности относится к другому скоплению, например мог. 2-1 (2021), все кости черепа в котором карбонизированы.

Более надежные свидетельства того, что в некоторых случаях процедура кремации проводилась спустя некоторое продолжительное время после смерти, обнаруживают следы разрушений кортикального слоя костей, не обусловленных воздействием высокой температуры (рис. 3, 4).

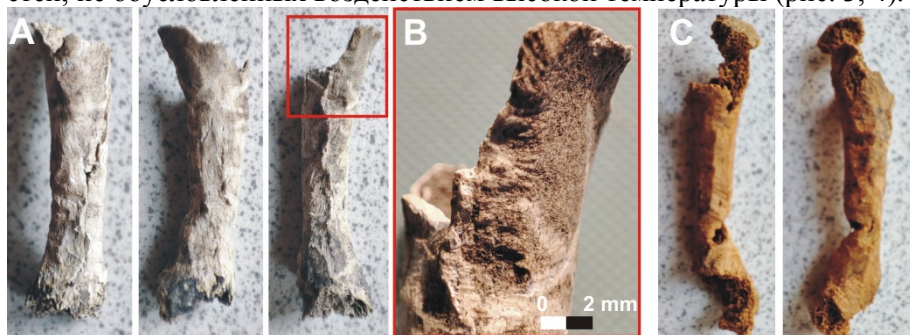

Рис. 3. Следы погрызов на костях кисти из Оглахтинского могильника:
 А – кальцинированная пястная кость из просева скоплений 1 и 2 в мог. 2 (2021);
 В – следы погрызов на проксимальном конце той же кости; С – пястная кость скелета из мог.1 (2021). Обращает внимание, как освещение влияет на восприятие цвета одной и той же кости (А – использовалось дневное освещение; В – лампа с желтым светом)

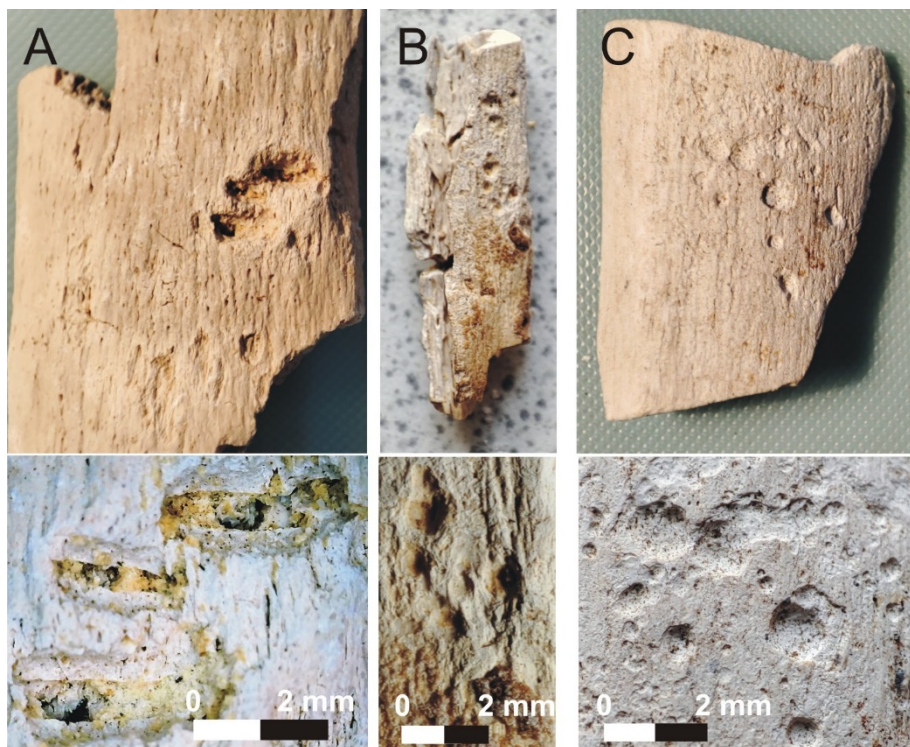

Рис. 4. Следы повреждений кортикального слоя кремированных костей в скоплениях из мог. 1 и 2 Оглахтинского могильника, раскопанных в 2021 г.:

А – фрагмент длинной кости со следами погрызов (?), мог. 1 (2021); *В* – фрагмент кости со следами эрозии, вызванной плавлением металла в процессе кремации (?), мог. 1 (2021); *С* – фрагмент длинной кости со следами эрозии, вызванной плавлением металла в процессе кремации (?), мог. 2-2 (2021). В последних двух случаях на поверхности кости заметны бесформенные пятна рыжеватого оттенка (железа)

На многих фрагментах присутствуют следы корней растений причудливой формы, не исчезающие при чистке. Известно, что растения выделяют кислоты, разрушающие поверхностный слой фрагментов костей, в том числе со следами обжига. Однако в двух случаях на костях зафиксированы не только следы корней, но и следы погрызов. Наиболее наглядный случай представлен на кальцинированном фрагменте пястной кости из просева скоплений 1 и 2 мог. 2 (2021). Существует множество публикаций, посвященных изучению следов зубов разных видов животных и их предпочтениям при выборе свежих, покрытых мягкими тканями и сухих костей (Klippel, Synstelien 2007; Synstelien 2015; Pokines 2021 и др.). Однако кремированные кости в этом отношении изучены недостаточно. В экспериментальных условиях на примере поведения домашней мыши было показано, что характер и локализация повреждений на кремированных (особенно кальцинированных) и сухих костях, лишенных какой-либо питательной ценности, во многом совпадают (Marginedas, Rodríguez-Hidalgo, Saladié 2022). В обоих случаях привлекательность костей для грызунов может иметь общую природу и объясняться привычкой грызть, исследовательским поведением, потребностью в минеральных веществах или подтачиванием резцов (Synstelien 2015).

Показательным является выбор грызуном пястной кости. В Оглахтинском могильнике у погребенных по обряду ингумации зафиксированы следы погрызов на костях скелета, причем часто предметом внимания животных оказываются именно короткие трубчатые кости, а также губчатое вещество длинных костей (в том числе у скелета 1 из мог. 1 и скелетов 1 и 2 из мог. 2, раскопанных в 2021 г.). Такая локализация следов зубов предполагает, что целью животных была именно добыча питательных веществ, жиров, которые сохранялись в теле умерших до высыхания скелетов. В результате кремации кости уменьшаются в размерах, расслаиваются, смешиваются и фрагментируются. Вероятность, что грызунами из скопления случайным образом была выбрана именно пястная кость, столь привлекательная, пока она сохраняет органические вещества, представляется невысокой. Скорее всего, следы погрызов относятся ко времени до проведения кремации, когда в кости еще содержалась высокая доля жиров. Кроме того, как показано выше, именно в скоплении мог. 2-2 (2021) присутствуют фрагменты костей с подозрительным распределением цвета (см. рис. 1, 2). Эти наблюдения позволяют предположить, что в данном случае мы имеем дело с отложенной по времени кремацией. Между моментом смерти и временем кремации существовал некоторый промежуточный этап, в течение которого тело умершего

размещалось во временном погребении, мягкие ткани (частично?) подвергались естественному разложению и повреждению грызунами.

Признаки нарушения целостности кортикального слоя костей в форме ямок различной формы и глубины зафиксированы на отдельных фрагментах костей из этого же скопления, а также на останках из мог. 1 (2021). Ямки вытянутой формы длиной около 2 мм с небольшими ступеньками в поперечном разрезе, вероятно, также являются следами погрызов (см. рис. 4, А). Однако их интерпретация в этом случае более сомнительна, а локализация не позволяет однозначно связать время их появления с периодом, предшествующим кремации. Ямки округлой формы диаметром 0,2–1 мм, зафиксированные на двух других фрагментах из той же могилы, вероятно, имеют иное происхождение (см. рис. 4, В, С). Предположительно они возникли вследствие проведения кремации тел с металлическими предметами (погребальным инвентарем, предметами одежды) и оплавления последних. Описания таких повреждений редко встречаются в литературе (Grosskopf 2004: 77–79), чаще описываются следы металлов и стекла в форме припеков или изменения окраски поверхности кости (Dunlop 1978; Клещенко, Решетова 2019: 27–29).

Несмотря на присутствие признаков отложенной во времени кремации, приходится признать, что предположение о кремации мумифицированных тел, высказанное Э.Б. Вадецкой (1999) и О.А. Митько (2004), все же не может быть подвергнуто строгой проверке. Различия между костными останками, остающимися после кремации тел, частично скелетированных останков и сухих скелетов, имеют статистический характер, а исследования, посвященные кремациям мумий (вне этнографического и исторического контекста), автору неизвестны. Возможно, надежды в этой области следует связать с изучением следов биоэрозии костей, вызываемой деятельностью бактерий и сопутствующей разложению мягких тканей трупа (Lemmers et al. 2020). Признаки биоэрозии поддаются фиксации и на кремированных останках, что теоретически может помочь в реконструкции состояния тела на момент до сжигания, но пока это направление находится в стадии становления.

Тем не менее в поддержку этой гипотезы могут быть рассмотрены некоторые косвенные доказательства, также непосредственно связанные с характеристиками скоплений кремированных костей. Описанные выше признаки, рассматриваемые автором в качестве признаков отложенной во времени кремации, чаще встречаются в крупных скоплениях, нежели в малых. И именно в крупных скоплениях доля идентифицированных костей черепа заметно уступает как средней ожидаемой величине, так и их доле в малых скоплениях. Однако если исходить из предположения о том, что кремации подвергались мумии с трепанированными черепами, мы вправе ожидать, что именно в этом случае масса костей черепа будет несколько меньше ожидаемой. Кроме того, наличие отверстий в черепе

(и предполагаемое изъятие мозга) может объяснить случаи, в которых степень обжига костей свода черепа выше с внутренней стороны. Следы погрызов на костях также лучше согласуются с версией об отложенной кремации и существовании некоторого промежуточного этапа между моментом смерти и временем кремации, в который тело (возможно, мумифицированное) находилось во временном погребении.

Все эти аргументы нельзя назвать вполне надежными. В строгом смысле они свидетельствуют об отложенной кремации, а не о кремации именно мумий. В частности, в такой более общей формулировке эта гипотеза и находит сегодня подтверждение: в рамках погребальной обрядности таштыкцев существовала традиция кремации умерших, тела которых размещались во временном погребении на некоторый продолжительный период времени, достаточный для разложения (части) мягких тканей и бесконтрольного доступа к останкам грызунов.

Заключение

Статистический характер различий между характеристиками останков, остающихся после кремации тел и скелетированных останков, не позволяет судить в каждом конкретном случае о продолжительности того промежутка времени, который протекал между моментом смерти и периодом кремации. Кроме того, фиксация характерных признаков сама по себе возможна лишь при соблюдении некоторых условий самой кремации. С одной стороны, при качественной продолжительной кремации на стороне признаки, по которым можно было бы судить об отложенной кремации, на мелких кальцинированных фрагментах костей с однотонной расцветкой чаще всего просто не сохраняются. С другой стороны, при воздействии на кость относительно невысоких температур или ограниченности доступа кислорода, напротив, не проявятся признаки, характерные для сжигания трупов.

Обобщая наблюдения этнографов, можно утверждать, что в большинстве культур мира кремация проводится в течение первых дней после смерти человека. Именно этот вариант обряда в археологических исследованиях может рассматриваться в качестве нулевой гипотезы. Результаты изучения кремированных останков из раскопок Оглахтинского могильника в большинстве случаев согласуются с ней. Однако отдельные нетипичные для такого варианта кремации признаки позволяют подозревать, что срок между моментом смерти и кремацией существенно варьировал. Наиболее вероятный случай сожжения останков с частично или полностью разложившимися мягкими тканями представляет скопление мог. 2-2 (2021), в котором встречен весь комплекс признаков отложенной кремации: заметные локальные различия в цветности фрагментов костей, следы погрызов, а также наиболее низкая доля

идентифицированных костей черепа. Но и в некоторых других случаях зафиксированы единичные признаки, которые, пусть и с меньшей уверенностью, но могут свидетельствовать об отложенной во времени кремации.

Изменчивость характеристик кремированных останков обусловлена объективной вариативностью практики обращения с останками умерших на трех разных этапах:

- в период между моментом смерти и кремацией;
- на этапе размещения останков на место захоронения;
- в ходе погребальных манипуляций с ними, связанными с похоронением в могилу новых останков.

Таким образом, можно утверждать, что способы обращения с кремированными останками у таштыкцев были не менее вариативны, чем способы обращения с телами, не подвергавшимися воздействию огня. Возможно, хотя в настоящее время по-прежнему не представляется возможность доказать со всей убедительностью, что в некоторых случаях эти действия составляли последовательность этапов единого обряда.

Список источников

- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. (Archaeologica Petropolitana, VII).
- Грачев И.А. Новые данные о раннесредневековых памятниках Южной Сибири // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 28–32.
- Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения Института археологии. 2010. Вып. 224. С. 85–97.
- Зайцева О.В., Водясов Е.В., Ширин Ю.В., Слюсаренко И.Ю. Многоактность ритуальных действий и эксгумация в таштыкских погребальных комплексах (по материалам раскопок Оглахтинского могильника в 2020 г.) // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 97–107.
- Клещенко Е.А., Решетова И.К. Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы. М.: Институт археологии РАН, 2019.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. – V в. н. э.). М.: МГУ, 1960.
- Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно-медицинского эксперта. М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА, 2000.
- Митько О.А. Таштыкская кремация и мумификация // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 3: Парадоксы археологии. Новосибирск, 2004. С. 164–180.
- Митько О.А., Тетерин Ю.В. Таштыкская кремация: проблемы интерпретации (по материалам исследования могильника Староозначенская Переправа I) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 3: Археология и этнография. С. 132–142.
- Митько О.А., Николаева Т.А. Особенности погребального обряда таштыкского населения (по данным антропологического анализа захоронений под каменными выкладками на могильнике Маркелов Мыс II) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 98–105.

- Панкова С.В., Ширококов И.Г. Погребальная кукла с кремацией из Оглахтинской могилы 4 (раскопки Л.Р. Кызласова 1969 г.) // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 60–96.
- Поселянин А.И. Поминальные комплексы позднего этапа таштыкской культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009.
- Ширококов И.Г. Оценка предпочтительного отбора кремированных останков человека: анализ в условиях неопределенности // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 266. С. 359–372.
- Щеголев С.Б. Судебно-медицинская экспертиза кремированных останков (экспериментальное и практическое исследование): автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2000.
- Baker P.T., Newman R.W. The use of bone weight for human identification // American Journal of Physical Anthropology. 1957. Vol. 15. P. 601–618.
- Bohnert M., Rost T., Pollak S. The degree of destruction of human bodies in relation to the duration of the fire // Forensic Science International. 1998. Vol. 95. P. 11–21.
- Chirachariyavej T., Limburanasombat S., Tiensuwan M. The relationship between bone and ash weight to body weight and body length of Thai corpses in Bangkok and central part of Thailand after cremation // Journal of Medical Association of Thailand. 2007. Vol. 90 (9). P. 1872–1878.
- Devlin J.B., Herrmann N.P. Bone color as an interpretive tool of the depositional history of archaeological cremains // The analysis of burned human remains. Academic Press, San Diego, CA, 2008. P. 109–128.
- Dunlop J.M. Traffic light discoloration in cremated bones // Medicine, Science and the Law. 1978. Vol. 18 (3). P. 163–173.
- Godinho R.M., Gonçalves D., Valera A.C. The pre-burning condition of Chalcolithic cremated human remains from the Perdigoës enclosures (Portugal) // International Journal of Osteoarchaeology. 2019. P. 1–12.
- Goncalves D., Pires A.E. Cremation under fire: a review of bioarchaeological approaches from 1995 to 2015 // Archaeological and anthropological Sciences. 2017. Vol. 9. P. 1677–1688.
- Gonçalves D., Thompson T.J.U., Cunha E. Implications of heat-induced changes in bone on the interpretation of funerary behaviour and practice // Journal of Archaeological Science. 2011. Vol. 38. P. 1308–1313.
- Grosskopf B. Leichenbrand biologisches und kulturhistorisches Quellenmaterial zur Rekonstruktion vor- und frühgeschichtlicher Populationen und ihrer funeralpraktiken: Dissertation, PhD. Leipzig, 2004.
- Hlad M., Veselka B., Steadman D.W., Herregods B., Elskens M., Annaert R., Boudin M., Capuzzo G., Dalle S., De Mulder G., Sabaux C., Salesse K., Sengeløv A., Stamatakis E., Vercauteren M., Warmenbol E., Tys D., Snoeck C. Revisiting metric sex estimation of burnt human remains via supervised learning using a reference collection of modern identified cremated individuals (Knoxville, USA) // American Journal of Physical Anthropology. 2021. Vol. 175 (4). P. 777–793.
- Klippel W.E., Syntselien J.A. Rodents as taphonomic agents: bone gnawing by brown rats and gray squirrels // Journal of Forensic Sciences. 2007. Vol. 52 (4). P. 765–773.
- Lemmers S.A.M., Gonçalves D., Cunha E., Vassalo A.R., Appleby J. Burned Fleshed or Dry? The Potential of Bioerosion to Determine the Pre-Burning Condition of Human Remains // Journal of Archaeological Method and Theory. 2020. Vol. 27. P. 972–991.
- Lenorzer S. Pratiques funéraires du bronze final IIIB au premier Age du Fer en Languedoc occidental et Midi-Pyrénées: approche archéo-anthropologique des nécropoles à incinération. Thesis in physical anthropology, University of Bordeaux I, Talence, 2006.
- Lowrance E.W., Latimer H.B. Weights and linear measurements of 105 human skeletons from Asia // American Journal of Anatomy. 1957. Vol. 101. P. 445–459.
- Marginedas F., Rodriguez-Hidalgo A., Saladié P. Rodent gnawing over fresh, dry and thermo altered bones: an experimental study with archaeological implications at El Mirador Cave (Atapuerca, Spain) // Historical Biology. 2022. Vol. 35(8). P. 1470–1483.

- Mays S. Archaeology of human bones. New York, 2002.
- McKinley J.I. Bone fragment size and weights of bone from modern British cremations and the implications for the interpretation of archaeological cremations // *International Journal of Osteoarchaeology*. 1993. Vol. 3. P. 283–287.
- Pokines J.T. Faunal dispersal, reconcentration, and gnawing damage to bone in terrestrial environments // *Manual of Forensic Taphonomy*. Boca Raton: CRC Press, 2021.
- Rebay-Salisbury K. Neither fish nor fowl: burial practices between inhumation and cremation // *Death Embodied: Archaeological Approaches to the Treatment of the Corpse* / eds. by Z.L. Devlin, E.-J. Graham. Oxford: Oxbow Books, 2015. P. 18–40.
- Reidsma F.H., van Hoesel A., van Os B.J.H., Megens L., Braadbaart F. Charred bone: Physical and chemical changes during laboratory simulated heating under reducing conditions and its relevance for the study of fire use in archaeology // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2016. Vol. 10. P. 282–292.
- Schmitt A., Dederix S. What defines a Collective Grave? // *Gathered in death. Archaeological and Ethnological Perspectives on Collective Burial and Social Organisation*. Louvain-la-Neuve: Presses universitaires de Louvain, 2018. P. 195–214.
- Shipman P., Foster G., Schoeninger M. Burnt bones and teeth: an experimental study of color, morphology, crystal structure and shrinkage // *Journal of archaeological science*. 1984. Vol. 11. P. 307–325.
- Silva A.M., Crubézy E., Cunha E. Bone weight: New reference values based on a modern Portuguese identified skeletal collection // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2009. Vol. 19. P. 628–641.
- Sørensen T.F., Bille M. Flames of transformation: the role of fire in cremation practices // *World Archaeology*. 2008. Vol. 40 (2). P. 253–267.
- Stiner M.C., Kuhn S.L., Weiner S., Bar-Yosef O. Differential burning, recrystallization, and fragmentation of archaeological bone // *Journal of Archaeological Science*. 1995. Vol. 22. P. 223–237.
- Synstelien J.A. Studies in taphonomy: bone and soft tissue modifications by postmortem scavengers. PhD diss., University of Tennessee, 2015. URL: https://trace.tennessee.edu/utk_graddiss/3313
- Vassalo A.R., Cunha E., de Carvalho LAEB, Gonçalves D. Rather yield than break: assessing the influence of human bone collagen content on heat-induced warping through vibrational spectroscopy // *International Journal of Legal Medicine*. 2016. Vol. 130. P. 1647–1656.
- Walker P.L., Miller K.W.P., Richman R. Time, temperature and oxygen availability: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bones // *The analysis of burned human remains*. San Diego, CA: Academic Press, 2008. P. 129–135.
- White T., Folkens P. *The human bone manual*. London: Elsevier Academic Press, 2005.

References

- Vadetskaya E.B. (1999) *Tashtyskaya epokha v drevnei istorii Sibiri* [Tashtyk Era in the Ancient History of Siberia]. St. Petersburg: Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie». (Archaeologica Petropolitana, VII).
- Grachev I.A. (2013) Novye dannye o rannesrednevekovykh pamyatnikakh Iuzhnoi Sibiri [New data on early medieval monuments of Southern Siberia]. In: *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekta MAE RAN v 2012 g.* [Radlov's collection. Scientific research and museum projects of MAE RAS in 2012]. St. Petersburg, pp. 28–32.
- Dobrovolskaya M.V. (2010) K metodike izucheniia materialov krematsii [On the Method of Investigations of Cremation Materials]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, Vol. 224, pp. 85–97.
- Zaitseva O.V., Vodiasov E.V., Shirin Iu.V., Sliusarenko I.Iu. (2021) Mnogoaktnost' ritual'nykh deistvii i ekskumatsiia v tashtytskikh pogrebal'nykh kompleksakh (po materialam raskopok

- Oglakhtinskogo mogil'nika v 2020 g.) [Multi-Activity of Ritual Actions and Exhumation in Tashtyk Burial Complexes (Based on Excavations of The Oglakhty Burial Ground In 2020)], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia – Siberian Historical Research*, no. 3, pp. 97–107.
- Kleshchenko E.A., Reshetova I.K. (2019) *Paleoantropologicheskie materialy v rekonstruktsiiakh obraza zhizni i pogrebal'nooi obriadnosti rannesrednevekovogo naseleniia Vostochnoi Evropy* [Paleoanthropological materials in reconstructions of the lifestyle and funeral rituals of the early medieval population of Eastern Europe]. Moscow: Institut arkheologii RAN.
- Kyzlasov L.R. (1960) *Tashtytskaia epokha v istorii Khakassko-Minusinskoii kotloviny (I v. do n.e. — V v. n.e.)* [Tashtyk era in the history of the Khakass-Minusinsk basin (1st century BC – 5th century AD)]. Moscow: MGU.
- Mediko-kriminalisticheskaiia identifikatsiia. Nastol'naia kniga sudebno-meditsinskogo eksperta* [Medical and forensic identification. Handbook of a forensic expert]. Moscow: Izdatel'skaia gruppa NORMA–INFRA, 2000.
- Mit'ko O.A. (2004) Tashtytskaia krematsiia i mumifikatsiia [Tashtyk cremation and mummification]. *Evraziia: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii. Vol. 3. Paradoksy arkheologii*. Novosibirsk, pp. 164–180.
- Mit'ko O.A., Teterin Iu.V. (2008) Tashtytskaia krematsiia: problemy interpretatsii (po materialam issledovaniia mogil'nika Starooznachenskaia Pereprava I) [Tashtyk Cremation: Problems of Interpretation (On Materials of Research of Burial Ground Starooznachenskaya Pereprava I)], *Vestnik NGU. Seriia: istoriia, filologiia*. Vol. 7. Is. 3: arkheologiia i etnografiia. pp. 132–142.
- Mit'ko O.A., Nikolaeva T.A. (2016) Osobennosti pogrebal'nogo obriada tashtytskogo naseleniia (po dannym antropologicheskogo analiza zakhoronenii pod kamennymi vykladkami na mogil'nike Markelov Mys II) [Especially of The Burial Rite Tashtyk" Population (From Anthropological Analysis of Cremated Bones of Tashtyk Monuments Under Stone Plates in Site Markelov Mys II)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, no. 6 (44), pp. 98–105.
- Pankova S.V., Shirobokov I.G. (2021) Pogrebal'naia kukla s krematsiei iz Oglakhtinskoi mogily 4 (raskopki L.R. Kyzlasova 1969 g.) [Burial Mannequin with Cremains from The Grave 4 Of the Oglakhty Burial Ground (Excavations by L.R. Kyzlasov, 1969)], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia – Siberian Historical Research*, no. 3, pp. 60–96.
- Poselianin A.I. (2009) *Pominal'nye komplekсы pozdnego etapa tashtytskoi kul'tury* [Funeral complexes of the late stage of Tashtyk culture]. Cand. Sc. (History) Thesis. Novosibirsk.
- Shirobokov I.G. (2022) Otsenka predpochtitel'nogo otbora kremirovannykh ostankov cheloveka: analiz v usloviakh neopredelennosti [Assessment of The Preferred Selection of Cremated Human Remains: Analysis in The Conditions of Uncertainty], *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*. Vol. 266, pp. 359–372.
- Shchegolev S.B. (2000) *Sudebno-meditsinskaiia ekspertiza kremirovannykh ostankov (eksperimental'noe i prakticheskoe issledovanie)* [Forensic examination of cremated remains (experimental and practical research)]. Cand. Sc. (Medicine) Thesis. St. Petersburg.
- Baker P.T., Newman R.W. (1957) The use of bone weight for human identification, *American Journal of Physical Anthropology*, Vol. 15, pp. 601–618.
- Bohnert M., Rost T., Pollak S. (1998) The degree of destruction of human bodies in relation to the duration of the fire, *Forensic Science International*, Vol. 95, pp. 11–21.
- Chirachariyavej T., Limburanasombat S., Tiensuwan M. (2007) The relationship between bone and ash weight to body weight and body length of Thai corpses in Bangkok and central part of Thailand after cremation, *Journal of Medical Association of Thailand*, Vol. 90 (9), pp. 1872–1878.

- Devlin J.B., Herrmann N.P. (2008) Bone color as an interpretive tool of the depositional history of archaeological cremains. In: *The analysis of burned human remains*. Academic Press, San Diego, CA. pp. 109–128.
- Dunlop J.M. (1978) Traffic light discoloration in cremated bones, *Medicine, Science and the Law*, Vol. 18 (3), pp. 163–173.
- Godinho R.M., Gonçalves D., Valera A.C. (2019) The pre-burning condition of Chalcolithic cremated human remains from the Perdígões enclosures (Portugal), *International Journal of Osteoarchaeology*, pp. 1–12.
- Goncalves D., Pires A.E. (2017) Cremation under fire: a review of bioarchaeological approaches from 1995 to 2015, *Archaeological and anthropological Sciences*, Vol. 9, pp. 1677–1688.
- Gonçalves D., Thompson T.J.U., Cunha E. (2011) Implications of heat-induced changes in bone on the interpretation of funerary behaviour and practice, *Journal of Archaeological Science*, Vol. 38, pp. 1308–1313.
- Grosskopf B. (2004) *Leichenbrand biologisches und kulturhistorisches Quellenmaterial zur Rekonstruktion vor- und frühgeschichtlicher Populationen und ihrer funeralpraktiken*. Dissertation, PhD, Leipzig.
- Hlad M., Veselka B., Steadman D.W., Herregods B., Elskens M., Annaert R., Boudin M., Capuzzo G., Dalle S., De Mulder G., Sabaux C., Salesse K., Sengeløv A., Stamataki E., Vercauteren M., Warmenbol E., Tys D., Snoeck C. (2021) Revisiting metric sex estimation of burnt human remains via supervised learning using a reference collection of modern identified cremated individuals (Knoxville, USA), *American Journal of Physical Anthropology*, Vol. 175 (4), pp. 777–793.
- Klippel W.E., Synsteliën J.A. (2007) Rodents as taphonomic agents: bone gnawing by brown rats and gray squirrels, *Journal of Forensic Sciences*, Vol. 52(4), pp. 765–773.
- Lemmers, S.A.M., Gonçalves, D., Cunha, E. Vassalo A.R., Appleby J. (2020) Burned Fleshed or Dry? The Potential of Bioerosion to Determine the Pre-Burning Condition of Human Remains, *Journal of Archaeological Method and Theory*, Vol. 27, pp. 972–991.
- Lenorzer S. (2006) *Pratiques funéraires du bronze final IIIB au premier Age du Fer en Languedoc occidental et Midi-Pyrénées: approche archéo-anthropologique des nécropoles à incinération*. Thesis in physical anthropology, University of Bordeaux I, Talence.
- Lowrance E.W., Latimer H.B. (1957) Weights and linear measurements of 105 human skeletons from Asia, *American Journal of Anatomy*, Vol. 101, pp. 445–459.
- Marginedas F., Rodríguez-Hidalgo A., Saladié P. (2022) Rodent gnawing over fresh, dry and thermo altered bones: an experimental study with archaeological implications at El Mirador Cave (Atapuerca, Spain), *Historical Biology*, Vol. 35(8), pp. 1470–1483.
- Mays S. (2002) *Archaeology of human bones*. New York.
- McKinley J.I. (1993) Bone fragment size and weights of bone from modern British cremations and the implications for the interpretation of archaeological cremations, *International Journal of Osteoarchaeology*, Vol. 3, pp. 283–287.
- Pokines J.T. (2021) Faunal dispersal, reconcentration, and gnawing damage to bone in terrestrial environments. In: *Manual of Forensic Taphonomy*. Boca Raton: CRC Press.
- Rebay-Salisbury K. (2015) Neither fish nor fowl: burial practices between inhumation and cremation. In: Devlin, Z.L. and Graham, E.-J. (eds.) *Death Embodied: Archaeological Approaches to the Treatment of the Corpse*. Oxford: Oxbow Books, pp. 18–40.
- Reidsma F.H., van Hoesel A., van Os B.J.H., Megens L., Braadbaart F. (2016) Charred bone: Physical and chemical changes during laboratory simulated heating under reducing conditions and its relevance for the study of fire use in archaeology, *Journal of Archaeological Science: Reports*, Vol. 10, pp. 282–292.
- Schmitt A., Dederix S. (2018) What defines a Collective Grave? In: *Gathered in death. Archaeological and Ethnological Perspectives on Collective Burial and Social Organisation*. Louvain-la-Neuve: Presses universitaires de Louvain, pp. 195–214.

- Shipman P., Foster G., Schoeninger M. (1984) Burnt bones and teeth: an experimental study of color, morphology, crystal structure and shrinkage, *Journal of archaeological science*, Vol. 11, pp. 307–325.
- Silva, A.M., Crubézy, E., Cunha, E. (2009) Bone weight: New reference values based on a modern Portuguese identified skeletal collection, *International Journal of Osteoarchaeology*, Vol. 19, pp. 628–641.
- Sørensen T.F., Bille M. (2008) Flames of transformation: the role of fire in cremation practices, *World Archaeology*, Vol. 40(2), pp. 253–267.
- Stiner M.C., Kuhn S.L., Weiner S., Bar-Yosef O. (1995) Differential burning, recrystallization, and fragmentation of archaeological bone, *Journal of Archaeological Science*, Vol. 22, pp. 223–237.
- Synsteliën J.A. (2015) *Studies in taphonomy: bone and soft tissue modifications by postmortem scavengers*. PhD diss., University of Tennessee. Available at: https://trace.tennessee.edu/utk_graddiss/3313
- Vassalo A.R., Cunha E., de Carvalho LAEB, Gonçalves D. (2016) Rather yield than break: assessing the influence of human bone collagen content on heat-induced warping through vibrational spectroscopy, *International Journal of Legal Medicine*, Vol. 130, pp. 1647–1656.
- Walker P.L., Miller K.W.P., Richman R. (2008) Time, temperature and oxygen availability: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bones. In: *The analysis of burned human remains*. Academic Press, San Diego, CA, pp. 129–135.
- White T., Folkens P. (2005) *The human bone manual*. London: Elsevier Academic Press.

Сведения об авторе:

ШИРОБОКОВ Иван Григорьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ivansmith@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ivan G. Shirobokov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: ivansmith@bk.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 01 августа 2023;
принята к публикации 09 сентября 2023.*

*The article was submitted 01.08.2023;
accepted for publication 09.09.2023.*

Научная статья
УДК 902
doi: 10.17223/2312461X/41/15

Тесинские и таштыкские погребальные комплексы: хронологические парадоксы

Евгений Вячеславович Водясов¹
Ольга Викторовна Зайцева^{2, 3}

^{1, 2} *Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева,
Усть-Каменогорск, Казахстан*

³ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *vodiasov_ev@mail.ru*

^{2, 3} *snori76@mail.ru*

Аннотация. Обобщаются и анализируются все известные радиоуглеродные даты тесинских и таштыкских могильников в Минусинских котловинах. На основании серии из 109 дат делается вывод о том, таштыкские могильники не сменяют тесинские, как считалось ранее, а существуют с ними синхронно на протяжении I в. до н.э. – IV в. н.э. Также поднимается сложный вопрос о нижней дате таштыкских склепов, вероятно, функционировавших синхронно как с таштыкскими, так и с некоторыми тесинскими грунтовыми захоронениями и склепами.

Ключевые слова: таштыкская культура, тесинский этап, Минусинские котловины, радиоуглеродное датирование, хунно-сяньбийское время

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00478 «Феномен Оглахтинского могильника».

Для цитирования: Водясов Е.В., Зайцева О.В. Тесинские и таштыкские погребальные комплексы: хронологические парадоксы // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 296–315. doi: 10.17223/2312461X/41/15

Original article
doi: 10.17223/2312461X/41/15

Tes' and Tashtyk Burial Grounds: Chronological Paradoxes

Evgeny V. Vodyasov¹, Olga V. Zaitceva^{2, 3}

^{1, 2} *D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan*

³ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *vodiasov_ev@mail.ru*

^{2, 3} *snori76@mail.ru*

Abstract. The article summarizes and analyzes all known radiocarbon dates of Tes' and Tashtyk burials in the Minusinsk Basin. On the basis of a series of 109 dates it is

concluded that the Tashtyk burial grounds do not follow the Tes' burial grounds on the time scale, as it was considered earlier, but exist synchronously with them during the I c. BC – IV c. AD. The article also raises the difficult question about the chronology of Tashtyk crypts, which probably functioned synchronously with both Tashtyk and some Tes' burial grounds and crypts.

Keywords: Tashtyk culture, Tes' phase, Minusinsk Basin, radiocarbon dating, Xiongnu-Xianbei period

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project No. 22-18-00478 “The phenomenon of the Oglakhty burial ground”

For citation: Vodyasov, E.V. & Zaitseva, O.V. (2023) Tes' and Tashtyk Burial Grounds: Chronological Paradoxes. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 296–315 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/15

Введение

Интереснейшим атрибутом хунно-сяньбийского времени является невероятное многообразие не похожих друг на друга сложных погребальных традиций, зачастую сосуществовавших на одних и тех же территориях. Наиболее ярко такая культурная гетерогенность прослеживается в археологических материалах Минусинских котловин. Разнообразие не только типов погребальных сооружений II в. до н.э. – V в. н.э., но и способов обращения с умершими поражает настолько, что сложно найти другие примеры подобной многовариантности погребального обряда в пределах одной эпохи и территории. Если представить каждую из этих традиций в виде узора на ковре культурных мозаик, то, пожалуй, минусинское покрывало будет одним из самых «пёстрых» в мировой археологии. В хунно-сяньбийскую эпоху здесь известны: коллективные захоронения в курганах-склепах разных типов; грунтовые захоронения в срубках; грунтовые захоронения в простых ямах без внутримогильных конструкций; захоронения в каменных ящиках, под каменными выкладками, внутри каменных оград, в подбоях, в ямах под каменными сооружениями так называемого башенного типа; захоронения остатков кремации в «миниатюрных» каменных ящичках; различные впускные захоронения в насыпях курганов предшествующих эпох и др.

Не менее разнообразны и способы обращения с умершими. Активно практиковались: мумификация; кремация и изготовление кукол-манекенов с зашитым внутрь прахом усопшего; эксгумация мумий, кукол-манекенов и их останков из могил для последующих ритуалов; парциальные захоронения расчлененных и полуразложившихся трупов; «частичные» захоронения отдельных костей; наконец, простые захоронения по обряду ингумации и кремации.

Небывалый прежде и не случившийся позже «расцвет» различных типов погребальных конструкций и форм посмертного обращения с

умершими поставил перед археологами труднейшую задачу систематизировать эти данные и наполнить их культурно-хронологическим содержанием.

По мнению ряда исследователей, период начального распространения в Минусинских котловинах нового обряда грунтовых могильников, сосуществующих с продолжающейся тагарской (сарагашенской) традицией коллективных захоронений в курганах-склепах, следует выделить в заключительный тесинский этап тагарской культуры, предшествующий сложению таштыкской культуры в регионе (Грязнов 1968; Пшеницына 1979: 70).

Н.Ю. Кузьмин относил и склепы, и грунтовые могильники с каменными конструкциями к единой тесинской культуре (Кузьмин 2011). Иной позиции придерживался Д.Г. Савинов, считая, что курганы-склепы продолжают тагарскую традицию (тесинский этап), тогда как все грунтовые могильники являются инокультурными и генетически никак не связаны с тагарской культурой (Савинов 2011: 215). В другой работе Д.Г. Савиновым замечено, что логично было бы называть как раз грунтовые могильники «тесинскими», чтобы отделить их от склепов, но так историографически сложилось, что это название было дано по раскопанному И.Р. Аспелиным кургану-склепу, а не грунтовому могильнику (Савинов 2009: 7–8).

Э.Б. Вадецкая также относала тесинские курганы-склепы к тагарской культуре и предлагала выделить новую «каменскую» культуру для грунтовых могильников, оставленных, по её мнению, инокультурным пришлым населением (Вадецкая 1986: 100; 1999: 161). Л.Р. Кызласов, наоборот, считал, что грунтовые могилы оставлены тагарцами (историческими динлинами), а курганы-склепы возводились смешанным населением, состоящим из местных динлинов и пришлых гяньгуней, культурное взаимодействие которых привело к сложению таштыкской культуры (Кызласов 1960: 162).

Принципиально иного мнения придерживалась Н.Л. Членова, отрицавшая выделение тесинского этапа и относившая эти памятники к таштыкской археологической культуре, имевшей «ярко выраженный пришлый характер» (Членова 1964: 307–308; 1967: 221).

Учитывая сложность и неоднородность самого археологического материала, можно понять, почему историографический узел «тесинской» проблемы оказался запутан настолько, что одни и те же могильники в разных трудах были отнесены к пяти (!) различным культурным традициям (тагарская, тесинская, каменская, таштыкская, тагаро-таштыкская).

Относительно хронологии «тесинских» памятников мнения археологов разошлись не столь существенно. Л.Р. Кызласов датировал памятники тагаро-таштыкского переходного периода II–I вв. до н.э. и, соответственно, начало таштыкской культуры относил к середине I в. до н.э.

(Кызласов 1960: 24–25, 115). М.П. Грязнов и М.П. Шеницына вслед за Л.Р. Кызласовым также определяли тесинский этап в рамках II–I вв. до н.э. (Грязнов 1968; Шеницына 1979). Э.Б. Вадецкая датировала памятники тесинской стадии II в. до н.э. – II в. н.э., начало сложения последующей таштыкской культуры относил к I в. н.э. (Вадецкая 1986: 101; 1999: 66–72, 171) и прямо указывала, что «раннее I в. таштыкских могильников нет» (Вадецкая 1999: 72).

Д.Г. Савинов предлагал для тесинского этапа грунтовых могильников датировку в пределах конца II в. до н.э. – середина II в. н.э. и связывал начальную дату таштыкской культуры с сяньбийскими завоеваниями середины II в. н.э. (Савинов 2009: 87). Н.Ю. Кузьмин датировал тесинскую культуру рубежом III–II вв. до н.э. – серединой III в. н.э. и предполагал сосуществование поздне-тесинских и ранне-таштыкских памятников в конце II – середине III в. н.э. (Кузьмин 2008; 2011: 221, 238).

Таким образом, несмотря на некоторые расхождения по вопросам верхней даты тесинского этапа / культуры / переходного периода, все археологи сходятся во мнении, что тесинские памятники предшествовали таштыкским. Мы бы хотели попросить читателя запомнить этот момент, потому что именно желание разобраться в хронологической связи тесинских и таштыкских могильников и побудило нас сделать обзор всех доступных на сегодняшний момент радиоуглеродных дат.

Материалы и методы

Большинство грунтовых захоронений хунно-сяньбийского периода в Минусинских котловинах не содержат хорошо датирующих предметов. Даже если таковые и обнаруживаются в редких комплексах, то узкая датировка отдельной могилы часто переносится исследователями на весь могильник, что само по себе спорно, учитывая огромные размеры некоторых кладбищ и, очевидно, длительное время их функционирования. В случае склепов, содержащих десятки и даже больше сотни погребенных, также встаёт вопрос об их длительном и поэтапном заполнении. Ещё больше усложняет ситуацию тот факт, что в погребения хунно-сяньбийского времени в подавляющем большинстве случаев помещались не реальные предметы, а их специально изготовленные для погребального обряда «модели».

Учитывая вышесказанное, более информативными могут стать серии радиоуглеродных дат, полученные в разные годы для тесинских и таштыкских памятников.

Всего нами учтено 109 радиоуглеродных дат, среди которых 50 дат получено для 7 тесинских (табл. 1) и 59 дат – для 8 таштыкских могильников (табл. 2). Для пространственного анализа все могильники картографированы и отмечены на карте цветными кружками, где каждый цвет

сегмента соответствует своему условному хронологическому периоду в 200 лет (рис. 1).

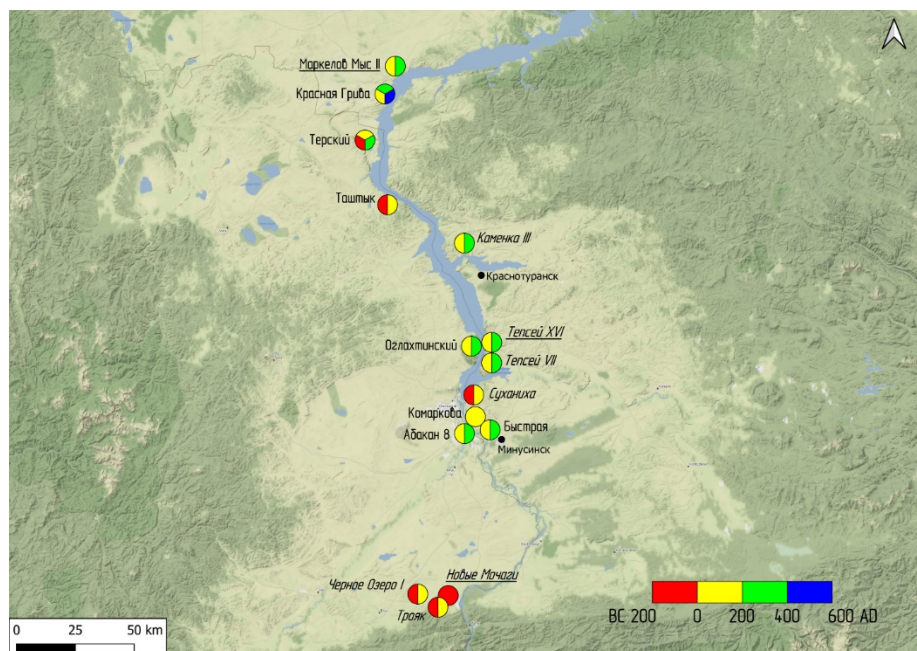

Рис. 1. Карта тешинских и таштыкских могильников, датированных радиоуглеродным методом. Тешинские памятники подписаны курсивом, тешинские и таштыкский склепы подчеркнуты

Т а б л и ц а 1

Радиоуглеродные даты тешинских могильников

Археологический контекст	Лабораторный индекс	^{14}C ВР	Калиброванный возраст (1 σ ; 2 σ)	Ссылки
Тешей XVI (склеп)				
	Le-2069	1830 $\pm$ 40	AD 130–309; AD 120–334;	Ермолова, Марков 1983
	Le-2068	1840 $\pm$ 40	AD 130–243; AD 86–327	Ермолова, Марков, 1983
	Le-2065	1860 $\pm$ 40	AD 130–227; AD 77–313	Ермолова, Марков 1983
	Le-2067	1870 $\pm$ 40	AD 125–219; AD 65–304	Ермолова, Марков 1983
	Le-2066	1900 $\pm$ 40	AD 84–208; AD 26–235	Ермолова, Марков 1983
	Le-2070	1850 $\pm$ 40	AD 130–237; AD 81–324	Ермолова, Марков 1983

Тесинские и таиштыкские погребальные комплексы

Археологический контекст	Лабораторный индекс	^{14}C ВР	Калиброванный возраст (1 σ ; 2 σ)	Ссылки
Тепсей VII (грунтовый могильник)				
Могила 1	Le-2072	1850 $\pm$ 40	AD 130–237; AD 81–324	Ермолова, Марков 1983
Могила 1	Le-2071	1920 $\pm$ 40	AD 64–203; AD 11–221	Ермолова, Марков 1983
Могила 1	Le-2073	1930 $\pm$ 40	AD 27–201; BC 30–214 AD	Ермолова, Марков 1983
Могила 2	Le-2074	1980 $\pm$ 40	BC 35–108 AD; BC 88–197	Ермолова, Марков 1983
Могила 2	Le-2075	2010 $\pm$ 40	BC 46–61 AD; BC 103–121 AD	Ермолова, Марков 1983
Могила 2	Le-2076	2020 $\pm$ 40	BC 51–60 AD; BC 149–116 AD	Ермолова, Марков, 1983
Могила 92	Le-2081	1790 $\pm$ 40	AD 220–331; AD 132–380	Ермолова, Марков 1983
Могила 92	Le-2082	1830 $\pm$ 40	AD 130–309; AD 120–334	Ермолова, Марков, 1983
Могила 94	Le-2077	1800 $\pm$ 40	AD 213–328; AD 129–352	Ермолова, Марков 1983
Могила 94	Le-2078	1820 $\pm$ 40	AD 167–323; AD 124–338	Ермолова, Марков 1983
Могила 96	Le-2079	1780 $\pm$ 40	AD 233–338; AD 175–404	Ермолова, Марков 1983
Могила 96	Le-2080	1810 $\pm$ 40	AD 206–328; AD 126–346	Ермолова, Марков 1983
Могила 100	Le-2086	1840 $\pm$ 40	AD 130–243; AD 86–327	Ермолова, Марков 1983
Могила 100	Le-2087	1890 $\pm$ 40	AD 88–212; AD 30–239	Ермолова, Марков 1983
Могила 100	Le-2088	1910 $\pm$ 40	AD 79–204; AD 24–226	Ермолова, Марков 1983
Могила 105	Le-2089	1910 $\pm$ 40	AD 79–204; AD 24–226	Ермолова, Марков 1983
Могила 105	Le-2090	1920 $\pm$ 40	AD 64–203; AD 11–221	Ермолова, Марков 1983
Могила 112	Le-2083	1780 $\pm$ 40	AD 233–338; AD 175–404	Ермолова, Марков 1983
Могила 112	Le-2084	1880 $\pm$ 40	AD 122–216; AD 33–244	Ермолова, Марков 1983
Могила 112	Le-2085	1900 $\pm$ 40	AD 84–208; AD 26–235	Ермолова, Марков 1983
Трояк (грунтовый могильник)				
Могила 9-в	Le-2011	1910 $\pm$ 40	AD 79–204; AD 24–226	Поляков, Святко 2009; Кузьмин 2011: 219–220
Могила 10	Le-2012	1970 $\pm$ 50	BC 35–119 AD; BC 52–207 AD	Поляков, Святко 2009; Кузьмин 2011: 219–220

Археологический контекст	Лабораторный индекс	^{14}C ВР	Калиброванный возраст (1 σ ; 2 σ)	Ссылки
Могила 21	Le-2013	1870 $\pm$ 40	AD 125–219; AD 65–304	Кузьмин 2011: 219–220
Могила 23-6	Le-2015	2230 $\pm$ 40	BC 369–208; BC 391–179	Поляков, Святко 2009; Кузьмин 2011: 219–220
Могила 27	Le-2016	1970 $\pm$ 50	BC 35–119 AD; BC 52–207 AD	Поляков, Святко 2009; Кузьмин 2011: 219–220
Могила 28	Le-2017	1960 $\pm$ 50	BC 32–123 AD; BC 46–206 AD	Поляков, Святко 2009; Кузьмин 2011: 219–220
Могила 28	Le-2018	2030 $\pm$ 50	BC 97–32 AD; BC 167–116 AD	Кузьмин 2011: 219–220
Могила 34	Le-2019	2040 $\pm$ 30	BC 91–16 AD; BC 151–62 AD	
Суханиха (грунтовый могильник)				
Объект 4, могила 18	Bln-4920	2008 $\pm$ 35	BC 45–60 AD; BC 95–118 AD	Поляков, Святко 2009
Объект 4, могила 18	Bln-4961	1984 $\pm$ 35	BC 36–75 AD; BC 46–121 AD	Поляков, Святко 2009
Объект 4, могила 22	Bln-4922	2026 $\pm$ 33	BC 52–26 AD; BC 147–107 AD	Поляков, Святко 2009
Каменка-III (грунтовый могильник)				
Могила 64	Le-724	1790 $\pm$ 60	AD 206–361; AD 126–405	Поляков, Святко 2009
Новые Мочаги (склеп)				
	Le-2507	2040 $\pm$ 40	BC 101–25 AD; BC 165–69 AD	Кузьмин 2011: 220
	Le-2508	2050 $\pm$ 40	BC 104–16 AD; BC 169–61 AD	Кузьмин 2011: 220
	Le-2509	2070 $\pm$ 40	BC 151–2 AD; BC 197–26 AD	Кузьмин 2011: 220
	Le-2222	2180 $\pm$ 40	BC 355–169; BC 372–106	Кузьмин 2011: 220
	Le-2223	2220 $\pm$ 40	BC 363–205; BC 387–177	Кузьмин 2011: 220
	Le-2224	2190 $\pm$ 40	BC 356–176; BC 382–116	Кузьмин 2011: 220
	Le-2225	2160 $\pm$ 40	BC 351–114; BC 361–53	Кузьмин 2011: 220
Черное Озеро I (грунтовый могильник)				
Курган 3, могила 7	UB-7495	2080 $\pm$ 33	BC 151–46; BC 192–9 AD	Поляков, Святко 2009
Курган 3, могила 35	UBA-7948	2000 $\pm$ 39	BC 42–62 AD; BC 95–123 AD	Поляков, Святко 2009
Нет данных	UBA-7949	1960 $\pm$ 28	AD 24–116; BC 40–128 AD	Поляков, Святко 2009

Т а б л и ц а 2

Радиоуглеродные даты таштыкских могильников

Археологический контекст	Лабораторный индекс	^{14}C BP	Калиброванный возраст (1 σ ; 2 σ)	Ссылки
Оглахтинский (грунтовый могильник)				
Могила 1 (1903)	SUERC-87279 (GU51595)	2026 $\pm$ 24	BC 46 – 14 AD; BC 95 – 63 AD	Панкова и др. 2021
Могила 1 (1903)	SUERC-87284 (GU51597)	1768 $\pm$ 24	AD 245–329; AD 233–361	Панкова и др. 2021
Могила 1 (1903)	SUERC-87280 (GU51596)	1870 $\pm$ 24	AD 130–211; AD 121–235	Панкова и др. 2021
Могила 1 (1903)	SUERC-87286 (GU51599)	1861 $\pm$ 24	AD 130–220; AD 125–235	Панкова и др. 2021
Могила 1 (1903)	SUERC-87288 (GU51601)	1809 $\pm$ 21	AD 216–311; AD 205–330	Панкова и др. 2021
Могила 1 (1903)	SUERC-87287 (GU51600)	1875 $\pm$ 24	AD 130–207; AD 120–233	Панкова и др. 2021
Могила 1 (1903)	SUERC-87289 (GU51602)	1889 $\pm$ 24	AD 125–203; AD 81–225	Панкова и др. 2021
Могила 1 (1903)	SUERC-87296 (GU51606)	1873 $\pm$ 21	AD 130–209; AD 122–231	Панкова и др. 2021
Могила 1 (1903)	SUERC-87297 (GU51608)	1777 $\pm$ 24	AD 243–326; AD 227–347	Панкова и др. 2021
Могила 1 (1903)	SUERC-87299 (GU51610)	1817 $\pm$ 24	AD 210–310; AD 133–327	Панкова и др. 2021
Могила 2 (1903)	SUERC-87300 (GU51611)	1820 $\pm$ 20	AD 211–247; AD 133–324	Панкова и др. 2021
Могила 2 (1903)	SUERC-87290 (GU51603)	1927 $\pm$ 21	AD 63–129; AD 27–204	Панкова и др. 2021
Могила 1 или 2 (1903)	SUERC-87294 (GU51604)	2040 $\pm$ 24	BC 53 – 10 AD; BC 147 – 58 AD	Панкова и др. 2021
Нет данных (1903)	SUERC-87285 (GU51598)	2045 $\pm$ 24	BC 92 – 8 AD; BC 150 – 26 AD	Панкова и др. 2021
Нет данных (1903)	SUERC-87295 (GU51605)	2077 $\pm$ 21	BC 145–46; BC 162–1	Панкова и др. 2021
Могила 4 (1969)	Le-7354	1801 $\pm$ 25	AD 225–320; AD 206–338	Панкова и др. 2010
Могила 4 (1969)	Le-7331	1699 $\pm$ 80	AD 246–428; AD 205–559	Панкова и др. 2010
Могила 4 (1969)	Poz-127827	1870 $\pm$ 30	AD 130–212; AD 84–239	Tarasov et al. 2022
Могила 4 (1969)	Poz-132852	1850 $\pm$ 30	AD 132–236; AD 120–306	Tarasov et al. 2022
Могила 4 (1969)	Poz-75143	1750 $\pm$ 30	AD 247–349; AD 239–401	Tarasov et al. 2022
Могила 4 (1969)	Poz-75196	1725 $\pm$ 30	AD 256–401; AD 249–409	Tarasov et al. 2022
Могила 4 (1969)	Poz-128129	1815 $\pm$ 30	AD 209–318; AD 130–330	Tarasov et al. 2022

Археологический контекст	Лабораторный индекс	^{14}C BP	Калиброванный возраст (1 σ ; 2 σ)	Ссылки
Могила 4 (1969)	Poz-127829	1850 $\pm$ 30	AD 132–236; AD 120–306	Tarasov et al. 2022
Могила 4 (1969)	Poz-128175	1795 $\pm$ 30	AD 230–325; AD 169–350	Tarasov et al. 2022
Могила 4 (1969)	Poz-127858	1800 $\pm$ 30	AD 222–322; AD 165–346	Tarasov et al. 2022
Могила 4 (1969)	Poz-128130	1725 $\pm$ 30	AD 256–401; AD 249–409	Tarasov et al. 2022
Могила 4 (1969)	Poz-128174	1840 $\pm$ 30	AD 133–242; AD 124–311	Tarasov et al. 2022
Могила 4 (1969)	Poz-127993	1660 $\pm$ 30	AD 267–430; AD 259–535	Tarasov et al. 2022
Могила 4 (1969)	Poz-127826	1715 $\pm$ 30	AD 260–401; AD 250–414	Tarasov et al. 2022
Могила 4 (1969)	Poz-129086	1705 $\pm$ 30	AD 263–405; AD 252–418	Tarasov et al. 2022
Могила 0 (1969)	Le-1369	1930 $\pm$ 40	AD 27–201; BC 30–214 AD	Вадецкая 1975: рис. 3; 1999: 67; Зайцева и др. 2007
Быстрая (грунтовый могильник)				
Могила 1	Bln 5283	1835 $\pm$ 29	AD 133–245; AD 126–316	Gorsdorf et al. 2004
Красная грива (грунтовый могильник)				
Могила 12	Ле-3258	1620 $\pm$ 50	AD 412–537; AD 263–565	Зайцева и др. 2007
Могила 8	Ле-3260	1620 $\pm$ 50	AD 412–537; AD 263–565	Зайцева и др. 2007
Могила 3	Ле-3413	1866 $\pm$ 90	AD 63–319; BC 43–382 AD	Зайцева и др. 2007
Могила 4	Ле-3414	1790 $\pm$ 50	AD 212–344; AD 130–383	Зайцева и др. 2007
Могила 7	Ле-3415	1680 $\pm$ 60	AD 255–433; AD 246–538	Зайцева и др. 2007
Могила 13	Ле-3417	1730 $\pm$ 40	AD 253–401; AD 244–410	Зайцева и др. 2007
Могила 14	Ле-5443	1870 $\pm$ 60	AD 84–239; AD 16–331	Зайцева и др. 2007
Комаркова (грунтовый могильник)				
Могила 16	Ле-1711	1980 $\pm$ 40	BC 35–108 AD; BC 88–197	Ермолова, Марков 1983; Зайцева и др. 2007
Могила 50	Ле-1313	1890 $\pm$ 20	AD 125–203; AD 83–215	Ермолова, Марков 1983; Зайцева и др. 2007

Тесинские и таштыкские погребальные комплексы

Археологический контекст	Лабораторный индекс	¹⁴ C BP	Калиброванный возраст (1σ; 2σ)	Ссылки
Могила 53	Ле-1314	1970±30	AD 12–113; BC 41 – 124 AD	Ермолова, Марков 1983; Зайцева и др. 2007
Терский (грунтовый могильник)				
Могила 7	Ле-5440	2020±70	BC 102–110 AD; BC 337–203 AD	Зайцева и др. 2007
Могила 10	Ле-5441	2090±50	BC 172–43; BC 349–56	Зайцева и др. 2007
Могила 8	Ле-3254	2140±40	BC 343–61; BC 355–47	Зайцева и др. 2007
Могила 5	Ле-5438	2010±45	BC 49–65 AD; BC 149–123 AD	Зайцева и др. 2007
Могила 1	Ле-3248	2100±45	BC 169–51; BC 349–15 AD	Зайцева и др. 2007
Могила 3	Ле-3250	1820±60	AD 130–326; AD 79–383	Зайцева и др. 2007
Таштык (грунтовый могильник)				
Могила 9	No-data	2010±40	BC 46–61 AD; BC 103–121 AD	Вадецкая 1999: 67
Могила 10	No-data	2020±40	BC 51–60 AD; BC 149–116 AD	Вадецкая 1999: 67
Абакан 8 (грунтовый могильник)				
Курган 1 (впускное)	UBA-31078	1908±30	AD 82–204; AD 30–215	Svyatko et al. 2017
Курган 1 (впускное)	UBA-31079	1744±34	AD 250–361; AD 242–402	Svyatko et al. 2017
Курган 1 (впускное)	UBA-31080	1713±36	AD 259–404; AD 250–416	Svyatko et al. 2017
Могила 30	UBA-31081	1703±31	AD 263–406; AD 252–419	Svyatko et al. 2017
Могила 30	UBA-31082	1893±39	AD 86–211; AD 31–237	Svyatko et al. 2017
Могила 30	UBA-31083	1739±37	AD 251–375; AD 243–405	Svyatko et al. 2017
Маркелов Мыс II (склеп)				
Склеп № 8	СОАН-7297	1850±35	AD 131–237; AD 85–315	Слюсаренко и др. 2017
Склеп № 8	СОАН-7298	1815±40	AD 175–327; AD 125–340	Слюсаренко и др. 2017
Склеп № 8	СОАН-7299	1800±30	AD 222–322; AD 165–346	Слюсаренко и др. 2017

Некоторые даты «тесинского» этапа были сознательно исключены из обзора. Например, для кургана 1 могильника Медведка II было получено 7 дат, указывающих на проникновение «тесинских» грабителей в тагарский курган предшествующего времени (Кузьмин 2011: 219), но эта

радиоуглеродная серия датирует факт ограбления или ритуального проникновения, а не само погребальное сооружение.

При анализе дат важно учитывать возможный эффект «старого дерева», возникающий из-за отбора проб из внутренней части долгоживущего дерева и приводящий к ложному удревнению археологического объекта (Schiffer 1986; Wright 2017; Vodyasov et al. 2020: fig. 9–10; Зайцева, Водясов 2023). При датировании образцов дерева из тесинских и таштыкских могил сотрудниками лаборатории ИИМК РАН еще в начале 1980-х гг. было замечено, что даты из разных частей одного бревна показывают разный возраст, однако в то время это ошибочно объяснялось тем, что внешние кольца могут быть загрязнены более молодыми проросшими в них корнями, поэтому опираться следует на дату из внутренней части дерева (Ермолаева, Марков 1983; Вадецкая 1999: 66–67). Сейчас мы точно знаем, что, наоборот, более близки к возрасту археологического объекта даты внешних колец дерева, а не его сердцевины (Зайцева, Водясов 2023). В этом случае следует крайне осторожно относиться к ранним датам как тесинских, так и таштыкских памятников из-за возможного воздействия эффекта «старого дерева». Значительно большего доверия вызывает датировка могильников, для которых имеется серия из нескольких дат для одних и тех же объектов (например, таштыкский Оглахтинский грунтовый могильник, тесинский склеп Тепсей XVI и тесинский грунтовый могильник Тепсей VII).

Некоторые из опубликованных ранее радиоуглеродных дат анализировались без калибровки (Вадецкая 1999: 66–67), что привело к их неверной хронологической интерпретации. В этой связи мы провели калибровку всех радиоуглеродных дат по единой методике в программе OxCal 4.4 с использованием новой калибровочной кривой IntCal20 (Reimer et. al. 2020). На рис. 2 показаны суммированные даты для каждого могильника, выполненные в OxCal 4.4 с помощью функции Sum.

Результаты

Радиоуглеродное датирование и калибровка всех дат с использованием новой калибровочной кривой IntCal20 показало сложную хронологическую картину, не укладывающуюся ни в одну из предложенных ранее гипотез. Мы видим, что таштыкские могильники не сменяют тесинские, как считалось ранее, а существуют с ними синхронно почти на всем протяжении хунно-сяньбийского времени (рис. 2).

Самые ранние даты, попадающие в диапазон IV–II вв. до н.э., получены для тесинского склепа Новые Мочаги, однако эти 4 образца были взяты из слоя горелого дерева, обнаруженного за пределами ограды склепа (Кузьмин 2011: 220), тогда как другие 3 образца происходят из бревен внутреннего сруба и показывают близкий возраст в пределах

II в. до н.э. – I в. н.э. (см. табл. 1). Подобная картина характерна для тесинского грунтового могильника Трояк, где лишь одна дата (Ле-2015) показала после калибровки диапазон IV–II в. до н.э., остальные же семь дат для соседних могил хорошо укладываются в I в. до н.э. – II в. н.э. (см. табл. 1). Не исключено, что удревание этих образцов вызвано эффектом «старого дерева». Если игнорировать эти «выпадающие» даты, то радиоуглеродный метод подтверждает археологическую датировку нижней границы тесинского этапа в рамках II–I в. до н.э.

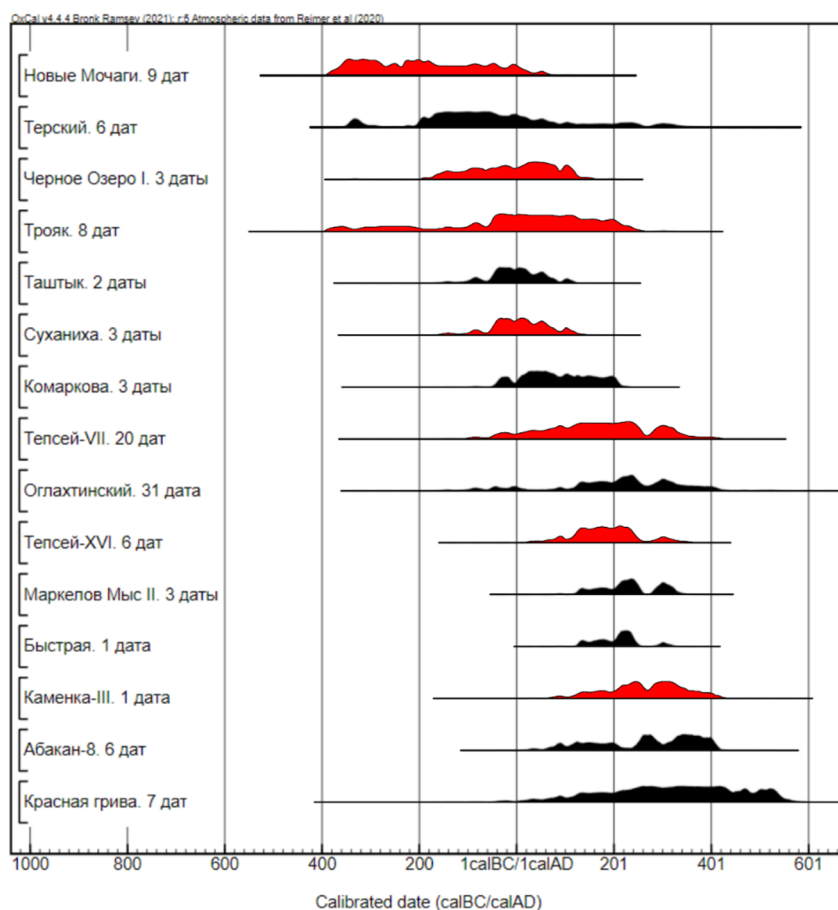

Рис. 2. Суммированные вероятности калиброванных дат тесинских (красные) и таштыкских (чёрные) могильников

Значительно сложнее дело обстоит с верхней границей тесинских памятников. Особенно информативны здесь результаты радиоуглеродного датирования грунтового могильника Тепсей VII, поскольку для каждой

из восьми могил получена серия из двух-трёх дат, что позволяет отследить возможные погрешности радиоуглеродного метода и эффекта «старого дерева». Только одна могила (№ 2) соответствует наиболее «привычной» датировке тесинского этапа и определяется на основании трёх дат в пределах I в. до н.э. – I в. н.э. (см. табл. 1). Остальные могилы оказались моложе. Они были сооружены в пределах II – первой трети IV в. н.э. (см. табл. 1; рис. 2). Этим же временем датируется расположенный рядом тесинский склеп Тепсей XVI (см. рис. 2), что позволяет рассматривать эти два могильника как единовременный погребальный комплекс. Для грунтового могильника Каменка III, являющегося одним из крупнейших тесинских кладбищ, получена, к сожалению, только одна дата, показывающая после калибровки интервал AD 206–361 для 68,2% вероятности (1 σ) и AD 126–405 для 95,4% вероятности (2 σ). То есть Каменка III также оказалась синхронной тесинским могильникам у горы Тепсей.

Таким образом, по имеющейся серии из 50 радиоуглеродных дат тесинские склепы и грунтовые могильники существовали непрерывно со II в. до н.э. вплоть до первой трети IV в. н.э.

Не менее интересны результаты радиоуглеродного датирования грунтовых могильников и одного склепа таштыкской культуры. Наиболее ранние даты получены для грунтового могильника Терский. Они укладываются в интервал IV в. до н.э. – II в. н.э. Одна могила (№ 3) оказалась моложе: III–IV вв. н.э. Столь ранняя датировка могильника Терский резко отличает его от других таштыкских памятников, датированных в пределах I в. до н.э. – IV в. н.э. (см. рис. 2).

Обращает на себя внимание также могильник Красная Грива, две могилы которого (8 и 12) датируются V–VI вв. н.э. (см. табл. 2). Сегодня это два самых поздних грунтовых захоронения таштыкской культуры, при этом даты остальных могил того же кладбища не выходят за рамки I – начала V в. н.э.

Таштыкский склеп Маркелов Мыс II, датированный при помощи радиоуглеродного метода с использованием процедуры «wiggle-matching» в рамках III–IV вв. н.э. (Слюсаренко и др. 2017), оказался синхронным не только большинству грунтовых захоронений таштыкской культуры, но и некоторым тесинским памятникам, включая склеп Тепсей XVI и грунтовые могильники Тепсей VII и Каменка III (см. рис. 2).

Обсуждение

Серия радиоуглеродных дат позволяет датировать тесинские памятники II в. до н.э. – IV в. н.э. Хронология таштыкских могильников, в целом, укладывается в I в. до н.э. – IV в. н.э., за исключением «ранних» дат Терского могильника и двух выпадающих «поздних» дат могильника

Красная Грива. Таким образом, мы видим, что тесинские и таштыкские памятники, включая как склепы, так и грунтовые захоронения, сосуществовали в I в. до н.э. – IV в. н.э., т.е. на протяжении полутысячелетия. Их синхронность подтверждается и археологическими материалами. Во множестве тесинских склепов найдены сосуды, которые по форме, размерам и орнаменту тождественны таштыкской посуде. Так, Э.Б. Вадецкая особо отмечала тесинский курган Туим, где все черепки были от таштыкских сосудов, причем находимых как в таштыкских склепах, так и в могилах (Вадецкая 1999: 134). На могильнике Черное Озеро I Д.Г. Савиновым в 1984–1985 гг. было исследовано 59 тесинских могил. В десяти случаях на уровне древней дневной поверхности в непосредственной близости от погребений найдены таштыкские сосуды, в пяти из которых находились остатки кремаций (Савинов 2009: 131).

Отдельно стоит упомянуть Тесинский курган-склеп, раскопанный И.Р. Аспелиным в 1889 г. и ставший эпонимным для завершающего этапа тагарской культуры (или отдельной тесинской культуры, по Н.Ю. Кузьмину). В этом склепе были обнаружены вещи хуннского облика, что и стало основанием для его отнесения к тесинскому периоду. Однако проблема здесь в том, что в Тесинском склепе раскопано около 100 погребенных, включая как целые костяки, так и множество кремаций (Киселев 1951: 278–280), что никак не соотносится с тесинскими погребальными традициями, но хорошо отражает таштыкский обряд биритуализма. Не менее примечательно и то, что в насыпи Тесинского кургана, содержавшего ингумацию и кремацию, были впущены «классические» тесинские захоронения в каменных ящиках (Вадецкая 1986: 127). Какова бы ни была датировка склепа у с. Тесь, стратиграфия показывает, что в данном случае обряд кремации не мог возникнуть позже тесинских погребений в каменных ящиках. Всё это наталкивает на мысль, что таштыкские кремации и тесинские грунтовые погребения появились в Минусинских котлованах синхронно на рубеже эр. В этом же контексте важен пример «предташтыкского» (по Л.Р. Кызласову) кургана-склепа № 8 Кызыл-кульского чаа-таса, в котором наряду со 100 необожженными скелетами найдены и трупосожжения, явно совершенные на стороне и затем внесенные в склеп (Кызласов 1960: 78).

Примечательно, что и в таштыкских грунтовых могилах также неоднократно фиксировались тесинские сосуды и другие категории инвентаря (Киселев 1951: 282–283; Кузьмин 2011: 212–213).

Пространственный анализ датированных памятников (см. рис. 1) может быть полезным для предварительной реконструкции этапов распространения новых погребальных традиций в хунно-сяньбийскую эпоху. Наиболее ранние тесинские памятники сконцентрированы на самом юге Минусинской котловины, и среди них нет ни одного комплекса, датированного радиоуглеродным методом позднее конца II в. н.э. (см. рис. 1).

В последующий период III–IV вв. обряд грунтовых захоронений в каменных конструкциях распространяется на север вдоль Енисея, причем наиболее крупные из известных тесинских могильников (Каменка III, Тепсей VII) расположены на правом берегу Енисея, тогда как в его левобережье на территории Сыда-Ербинской котловины ни тесинские склепы, ни грунтовые кладбища неизвестны (Кузьмин 2011: рис. 2). Интересно здесь и другое – в Оглахтинских горах расположен одноименный могильник, являющийся одним из крупнейших грунтовых кладбищ таштыкской культуры, как показали недавние исследования (Водясов и др. 2021). Почти напротив через реку, на правом берегу Енисея, находится крупный тесинский могильник Тепсей VII, а также склеп Тепсей XVI. Для этих трех памятников получена надежная серия из 57 радиоуглеродных дат (см. рис. 2), доказывающих, что эти кладбища в период II–IV вв. существовали параллельно. Скорее всего, именно территориальная близость и синхронность памятников объясняют наличие таштыкских элементов (погребения в срубах, кремация) в некоторых тесинских захоронениях, на что ранее уже обращалось внимание (Вадецкая 1999: 168–171; Савинов 2009: 56).

Полученную хронологическую картину различных обрядов и погребальных сооружений, сосуществующих в минусинских степях в изучаемый период, нельзя назвать законченной, пока мы окончательно не решим вопрос о возможном сосуществовании таштыкских склепов и грунтовых могильников. Э.Б. Вадецкая полагала, что таштыкские склепы сложных конструкций возводились позже грунтовых могильников, и относила их к V–VII вв. (Вадецкая 1999: 128–129). П.П. Азбелев прямо указывал: «Можно считать установленным, что таштыкские склепы строились со 2-й половины V в.» (Азбелев 2007). Однако радиоуглеродное и древесно-кольцевое датирование склепа Маркелов Мыс II периодом III–IV вв. н.э. (Слюсаренко и др. 2017) подтвердило гипотезу Н.Ю. Кузьмина, полагавшего, что «ранние таштыкские склепы сложной конструкции, сооружавшиеся в III–IV вв., непосредственно продолжают и развивают строительные традиции тесинских курганов-склепов» (Кузьмин 2011: 109). Таким образом, весьма вероятно, что минусинская традиция склепов существовала непрерывно, начиная с сарагашенского этапа тагарской культуры и не прерываясь на период таштыкских грунтовых могил. Безусловно, для более детального анализа и надежных выводов нужны новые радиоуглеродные исследования, поскольку сегодня имеется существенный количественный перевес полученных дат в сторону таштыкских могил. Для многих типов тесинских грунтовых захоронений с каменными конструкциями и таштыкских склепов (за исключением одного) у нас пока нет ни одной надежной радиоуглеродной серии.

Полученные результаты поднимают также проблему правомерности выделения самого тесинского этапа. Если мы будем продолжать

использовать это понятие, тогда нам придется признать, что в него хронологически попадает практически вся таштыкская культура. Верно и обратное – если мы будем оперировать понятием «таштыкская эпоха», тогда в ней окажутся тесинские памятники. Более того, учитывая тот факт, что кремация совершенно не характерна для тесинских захоронений, у нас есть подозрение, что Тесинский склеп вообще не является «классическим» тесинским комплексом из-за наличия большого процента кремированных и «расчлененных» останков, а это запутывает ситуацию с названием этапа еще сильнее.

Заключение

В свое время Д.Г. Савинов точно подметил, что «нет такой ситуации, которую бы не “попробовали” тесинцы, нарушая тем самым все сложившиеся представления о традиционности, даже консервативности погребального обряда» (Савинов 2009: 54). Анализ радиоуглеродных дат, доказывающий синхронность тесинских и таштыкских некрополей в хунно-сяньбийское время, показывает, что культурная мозаика погребальных традиций в Минусинских котловинах была ещё значительно сложнее и разнообразнее, чем мы могли предполагать ранее.

Выдвинутая нами гипотеза об одновременном сосуществовании тесинских и таштыкских погребальных традиций требует дальнейших исследований. Первоочередной задачей является получение новых серий надежно отобранных дат, что особенно актуально для таштыкских склепов.

Список источников

- Азбелев П.П.* О верхней дате традиции таштыкских склепов // *Алтае-Саянская горная страна и история освоения её кочевниками*. Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. С. 33–36.
- Вадецкая Э.Б.* Черты погребальной обрядности таштыкских племён по материалам грунтовых могильников на Енисее // *Первобытная археология Сибири*. Л., 1975. С. 173–183.
- Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение» (*Archaeologica Petropolitana*, VII), 1999. 440 с.
- Водясов Е.В., Панкова С.В., Зайцева О.В., Вавулин М.В.* Оглахтинский могильник: история открытий, планиграфия и современное состояние // *Сибирские исторические исследования*. 2021. № 3. С. 6–23. doi: 10.17223/2312461X/33/1
- Грязнов М.П.* Тагарская культура // *История Сибири*. Т. I. Л., 1968. С. 187–196.
- Ермолова Н.М., Марков Ю.Я.* Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // *Древние культуры евразийских степей* (по материалам археологических работ на новостройках). Л.: Наука, 1983. С. 95–97.
- Зайцева Г.И., Семенцов А.А., Лебедева Л.М., Панкова С.В., Васильев С.С., Дергачев В.А., Юнгер Х., Соннинен Е.* Новые данные о хронологии памятника Оглахты-6 // *Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: материалы конф.*,

- посвящ. 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. 9–12 апреля 2007 г., Санкт-Петербург. СПб.: Теза, 2007. С. 300–307.
- Зайцева О.В., Водясов Е.В. Эффект «старого дерева» и проблемы датировки памятников черной металлургии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60). С. 81–90. doi: 10.20874/2071-0437-2023-60-1-7
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Кузьмин Н.Ю. Возможности корреляции радиоуглеродных и археологических дат для памятников скифского и гунно-сарматского времени Саяно-Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 77–87.
- Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011.
- Кызласов Л.П. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.: Наука, 1960.
- Панкова С.В., Васильев С.С., Дергачёв В.А., Зайцева Г.И. Радиоуглеродное датирование оглаختинской гробницы методом «wiggle matching» // Археология, этнография, антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 46–56.
- Панкова С.В., Макаров Н.П., Симпсон С., Карпайт К.Р. Новые данные радиоуглеродного и ботанического анализов находок из раскопок 1903 г. на восточном участке Оглахтинского могильника // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 24–59. doi: 10.17223/2312461X/33/2
- Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 20–56.
- Пшеницина М.Н. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 70–89.
- Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну. (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.) СПб., 2009.
- Савинов Д.Г. Проблема хронологии и периодизации тагарской культуры в историческом контексте // «Terra Scythica»: материалы междунар. симп. «Terra Scythica». Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 207–217.
- Слюсаренко И.Ю., Сафонова М.А., Скобелев С.Г., Митько О.А. Опыт комплексного датирования древесины из погребений таштыкских могильников Маркелов Мыс II и Чегерак // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 390–395.
- Членова Н.Л. Тагарская культура на Енисее // Древняя Сибирь: (Макет I тома «Истории Сибири»). Улан-Удэ: СО АН СССР, 1964. С. 280–308.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. ^{14}C Dating of the Siberian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian Time // Marian Scott, E., Alekseev, A.Y., Zaitseva, G. (eds) Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. NATO Science Series: IV: Earth and Environmental Sciences. Vol. 42. Springer, 2004. doi: 10.1007/1-4020-2656-0_7
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., . . . Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 kcal BP) // Radiocarbon. 2020. № 62 (4). P. 725–757. doi: 10.1017/RDC.2020.41
- Schiffer M.B. Radiocarbon dating and the old wood problem: The case of the Hohokam chronology // Journal of Archaeological Science. 1986. Vol. 13 (1). P. 13–30. doi: 10.1016/0305-4403(86)90024-5
- Svyatko S.V., Schulting R., Poliakov A., Ogle N., Reimer P.J. A lack of freshwater reservoir effects in human radiocarbon dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // Archaeol. Anthropol. Sci. 2017. № 9. P. 1379–1388. doi: 10.1007/s12520-016-0383-3

- Tarasov P.E., Pankova S.V., Long T., Leipe Ch., Kalinina K.B., Panteleev A.V., Ørsted Brandt L., Kyzlasov I.L., Wagner M. New results of radiocarbon dating and identification of plant and animal remains from the Oglakhty cemetery provide an insight into the life of the population of southern Siberia in the early 1st millennium CE // *Quaternary International*. 2022. Vol. 623. P. 169–183. doi: 10.1016/j.quaint.2021.12.004
- Vodyasov E.V., Zaitseva O.V., Vavulin M.V., Pushkarev A.A. The earliest box-shaped iron smelting furnaces in Asia: New data from Southern Siberia // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2020. Vol. 31. 102383. doi: 10.1016/j.jasrep.2020.102383
- Wright D.K. Accuracy vs. Precision: Understanding Potential Errors from Radiocarbon Dating on African Landscapes // *African Archaeological Review*. 2017. Vol. 34 (3). doi: 10.1007/s10437-017-9257-z

References

- Azbelev P.P. (2007) O verkhnei date traditsii tashtytskikh skleпов [On the upper date of the Tashtyk crypt tradition]. In: *Altai-Saianskaia gornaia strana i istoriia osvoeniia ee kochevnikami* [Altai-Sayan mountainous country and the history of its exploration by nomads]. Barnaul: Izd-vo AGU, pp. 33–36.
- Vadetskaia E.B. (1975) Cherty pogrebal'noi obriadnosti tashtytskikh plemen po materialam gruntovykh mogil'nikov na Enisee [Features of the funeral rituals of the Tashtyk tribes based on materials from burial grounds on the Yenisei]. In: *Pervobytnaia arkheologiiia Sibiri* [Prehistoric archeology of Siberia]. Leningrad, pp. 173–183.
- Vadetskaia E.B. (1986) *Arkheologicheskie pamiatniki v stepiakh Srednego Eniseia* [Archaeological sites in the Middle Yenisei steppes]. Leningrad: «Nauka».
- Vadetskaia E.B. (1999) *Tashtytskaia epokha v drevnei istorii Sibiri* [Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg.: Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie» (Archaeologica Petropolitana, VII).
- Vodyasov E.V., Pankova S.V., Zaitseva O.V., Vavulin M.V. (2021) Oglakhtinskii mogil'nik: istoriya otkrytii, planografiya i sovremennoe sostoyanie [The Oglakhty burial ground: History of discovery, planigraphy, and current state], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian historical research*, no. 3, pp. 6–23. <https://doi.org/10.17223/2312461X/33/1>
- Griaznov M.P. (1968) Tagarskaia kul'tura [Tagar Culture]. In: *Istoriia Sibiri* [History of Siberia]. Vol. I. Leningrad, pp. 187–196.
- Ermolova N.M., Markov Iu.Ia. (1983) Datirovanie arkheologicheskikh obraztsov iz mogil'nikov epokhi bronzy Iuzhnoi Sibiri [Dating of archaeological samples from Bronze Age burial grounds in Southern Siberia]. In: *Drevnie kul'tury evraziiskikh stepei (po materialam arkheologicheskikh rabot na novostroikakh)* [Ancient cultures of the Eurasian steppes (based on archaeological work on new buildings sites)]. Leningrad: Nauka, pp. 95–97.
- Zaitseva G.I., Sementsov A.A., Lebedeva L.M., Pankova S.V., Vasil'ev S.S., Dergachev V.A., Iunger Kh., Sonninen E. (2007) Novye dannye o khronologii pamiatnika Oglakhty-6 [New data on the chronology of the Oglakhty-6 monument]. In: *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniakh: mat-ly konf., posviashch. 50-letiiu radiouglerodnoi laboratorii IIMK RAN. 9–12 apreliia 2007 g., Sankt-Peterburg* [Radiocarbon in archaeological and paleoecological research: conference proceedings, dedicated to the 50th anniversary of the radiocarbon laboratory of the IHMC RAS. April 9–12, 2007, St. Petersburg]. St. Petersburg: Teza, pp. 300–307.
- Zaitseva O.V., Vodyasov E.V. (2023) Effekt «starogo dereva» i problemy datirovki pamiatnikov chernoii metallurgii [The 'Old Wood' Effect and Problems of Dating Iron Smelting Sites], *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (60), pp. 81–90. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-7>
- Kiselev S.V. (1951) *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri* [Ancient History of the Southern Siberia]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.

- Kuzmin N.Iu. (2008) Vozmozhnosti korreliatsii radiouglerodnykh i arkheologicheskikh dat dlia pamiatnikov skifskogo i gunno-sarmatskogo vremeni Saiano-Altai [Possibilities of correlation of radiocarbon and archaeological dates for monuments of the Scythian and Hunno-Sarmatian times of Sayan-Altai], *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, no. 3 (35), pp. 77–87.
- Kuzmin N.Iu. (2011) *Pogrebal'nye pamiatniki khunno-sian'biiskogo vremeni v stepiakh Srednego Eniseia: Tesinskaia kul'tura* [Funerary monuments of the Xiongnu-Syanbei period in the steppes of the Middle Yenisei: Tesin culture]. St. Petersburg: Aising.
- Kyzlasov L.R. (1960) *Tashtytskaia epokha v istorii Khakassko-Minusinskoi kotloviny (I v. do n.e. – V v. n.e.)* [Tashtyk era in the history of the Khakass-Minusinsk basin (1st century BC – 5th century AD)]. Moscow.
- Pankova S.V., Vasil'ev S.S., Dergachev V.A., Zaitseva G.I. (2010) Radiouglerodnoe datirovanie oglakhtinskoi grobnitsy metodom «wobble matching» [Radiocarbon dating of Oglakhty grave using a wobble matching method], *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, no. 2 (42), pp. 46–56.
- Pankova S.V., Makarov N.P., Simpson St J., Cartwright C.R. (2021) New radiocarbon dates and environmental analyses of finds from 1903 excavations in the eastern plot of the Tashtyk cemetery of Oglakhty, *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian historical research*, no. 3, pp. 24–59. DOI: 10.17223/2312461X/33/2
- Poliakov A.V., Sviatko S.V. (2009) Radiouglerodnoe datirovanie arkheologicheskikh pamiatnikov neolita – nachala zheleznogo veka Srednego Eniseia: obzor rezul'tatov i novye dannye [Radiocarbon dating of archaeological sites of the Neolithic – early Iron Age of the Middle Yenisei: review of results and new data]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, Vol. 5. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, pp. 20–56.
- Pshenitsina M.N. (1979) Tesinskii etap [Tessin Stage]. In: *Kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov u gory Tepsei na Enisee* [Archaeological monuments complex near Mount Tepsei on the Yenisei]. Novosibirsk: Nauka, pp. 70–89.
- Savinov D.G. (2009) *Minusinskaia provintsia Khunnu. (Po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 1984-1989 gg.)* [Minusinsk province of the Xiongnu (Based on archaeological research materials of 1984-1989)]. St. Petersburg.
- Savinov D.G. (2011) Problema khronologii i periodizatsii tagarskoi kul'tury v istoricheskom kontekste [The question of chronology and periodization of Tagar culture in a historical context]. In: *«Terra Scythica»: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma «Terra Scythica»* [“Terra Scythica”: Proceedings of the International Congress “Terra Scythica”]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, pp. 207–217.
- Slusarenko I.Iu., Safonova M.A., Skobelev S.G., Mit'ko O.A. (2017) Opyt kompleksnogo datirovaniia drevesiny iz pogrebenii tashtytskikh mogil'nikov Markelov Mys II i Chegerak [An attempt of comprehensive dating of wood from burials of the Tashtyk burial grounds Markelov Mys II and Chegerak]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, Vol. XXIII, pp. 390–395.
- Chlenova N.L. (1964) Tagarskaia kul'tura na Enisee [Tagar Culture on Yenisei]. In: *Drevniia Sibir': (Maket I toma «Istorii Sibiri»)* [Ancient Siberia: Layout of Volume I of “History of Siberia”]. Ulan-Ude: SO ANSSSR, pp. 280–308.
- Chlenova N.L. (1967) *Proiskhozhdenie i ranniia istoriia plemen tagarskoi kul'tury* [Origin and early history of the Tagar culture tribes]. Moscow: «Nauka».
- Gorsdorf, J., Parzinger, H., Nagler, A. (2004) 14C Dating of the Siberian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian Time. In: Marian Scott, E., Alekseev, A.Y., Zaitseva, G. (eds) *Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia*. NATO Science Series: IV: Earth and Environmental Sciences, vol. 42. Springer, Dordrecht. https://doi.org/10.1007/1-4020-2656-0_7

- Reimer, P., Austin, W., Bard, E., Bayliss, A., Blackwell, P., Bronk Ramsey, C., . . . Talamo, S. (2020) The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0-55 kcal BP). *Radiocarbon*, no. 62 (4), pp. 725–757. doi:10.1017/RDC.2020.41.
- Schiffer M.B. (1986) Radiocarbon dating and the old wood problem: The case of the Hohokam chronology. *Journal of Archaeological Science*, Vol. 13 (1), pp. 13–30. [https://doi.org/10.1016/0305-4403\(86\)90024-5](https://doi.org/10.1016/0305-4403(86)90024-5).
- Svyatko S.V., Schulting R., Poliakov A., Ogle N., Reimer P.J. (2017) A lack of freshwater reservoir effects in human radiocarbon dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin. *Archaeol. Anthropol. Sci.* no. 9, pp. 1379–1388. <https://doi.org/10.1007/s12520-016-0383-3>
- Tarasov P.E., Pankova S.V., Long T., Leipe Ch., Kalinina K.B., Panteleev A.V., Ørsted Brandt L., Kyzlasov I.L., Wagner M. (2022) New results of radiocarbon dating and identification of plant and animal remains from the Oglakhty cemetery provide an insight into the life of the population of southern Siberia in the early 1st millennium CE. *Quaternary International*, Vol. 623, pp. 169–183. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2021.12.004>
- Vodyasov E.V., Zaitceva O.V., Vavulin M.V., Pushkarev A.A. (2020) The earliest box-shaped iron smelting furnaces in Asia: New data from Southern Siberia. *Journal of Archaeological Science: Reports*, Vol. 31, 102383. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102383>
- Wright D.K. (2017) Accuracy vs. Precision: Understanding Potential Errors from Radiocarbon Dating on African Landscapes. *African Archaeological Review*, Vol. 34 (3). <https://doi.org/10.1007/s10437-017-9257-z>

Информация об авторах:

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Восточно-Казахстанский технический университета им. Д. Серикбаева (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ЗАЙЦЕВА Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, руководитель музея Алтын-Алтай, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева (Усть-Каменогорск, Казахстан); доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: snori76@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Evgeny V. Vodyasov, D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan). E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

Olga V. Zaitceva, D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: snori76@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 10 января 2023;
принята к публикации 09 сентября 2023.*

*The article was submitted 10.01.2023;
accepted for publication 09.09.2023.*

MISCELLANEA

Научная статья

УДК 929

doi: 10.17223/2312461X/41/16

Наследие Григория Давыдовича Вербова в МАЭ РАН (к 115-летию юбилею исследователя Севера)

Елена Валерьевна Перевалова¹

Татьяна Сергеевна Киссер²

Елизавета Александровна Комова³

^{1, 2, 3} Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия,
¹ elena_perevalova@mail.ru
² tkisser@bk.ru
³ el_fedorova21@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена советскому лингвисту и этнографу, педагогу и практику североведения Г.Д. Вербову. В отдел Сибири Института этнографии АН СССР Вербов пришел молодым, но уже состоявшимся исследователем, с прекрасным знанием ненецкого языка и опытом полевой работы, предполагавшей глубокое этнографическое погружение, ведение дневниковых записей и их последующую систематизацию, визуальное сопровождение и собирательскую деятельность. Подобные практики совершались в XVIII и XIX вв. в ходе академических и кругосветных экспедиций, но, в отличие от своих предшественников, Вербов не просто объехал все группы северных самодийцев (поездка к лесным ненцам на Аган и Пур в 1934 г., «трансненецкая» экспедиция от Таймыра до Белого моря 1938–1939 гг. и др.), но и работал среди ненцев и с ненцами на протяжении нескольких лет. Богатое наследие неутомимого полевого и знатока ненецкого языка – научный архив, этнографические коллекции, иллюстративные материалы и фотодокументы – хранятся в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Большая их часть не опубликована. В 2023 г. Центром арктических исследований МАЭ (рук. А.В. Головнёв) и Научным архивом МАЭ была осуществлена полная оцифровка научного фонда Вербова и начата подготовка издания его сочинений и материалов.

Ключевые слова: Г.Д. Вербов, ненцы, научное наследие, экспедиция, архив, этнографические коллекции, фотодокумент

Для цитирования: Перевалова Е.В., Киссер Т.С., Комова Е.А. Наследие Григория Давыдовича Вербова в МАЭ РАН (к 115-летию юбилею исследователя Севера) // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 316–344. doi: 10.17223/2312461X/41/16

Original article

doi: 10.17223/2312461X/41/16

The Legacy of Grigory Verbov in the MAE RAS (To the 115th Anniversary of the Explorer of the North)

Elena V. Perevalova¹

Tatiana S. Kisser²

Elizaveta A. Komova³

^{1, 2, 3} *Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
St Petersburg, Russian Federation*

¹ *elena_perevalova@mail.ru*

² *tkisser@bk.ru*

³ *el_fedorova21@mail.ru*

Abstract. The article is dedicated to the Soviet linguist and ethnographer, teacher and practitioner of Northern studies G.D. Verbov. He came to the Siberia department of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences as a young, but already accomplished researcher, with excellent knowledge of the Nenets language and field work experience, which involved deep ethnographic immersion, keeping detailed diary entries and their subsequent systematization, visual accompaniment and collecting activities. Similar practices were carried out in the XVIII and XIX centuries during academic and round-the-world expeditions, but, unlike his predecessors, Verbov not only toured all groups of northern Samoyeds (a trip to the forest Nenets on Agan and Pur in 1934, the "Transnistrian" expedition from Taimyr to the White Sea in 1938–1939, etc.), but also worked among the Nenets and with the Nenets for several years. The included observation for him was not a field method of research, but an everyday reality. The rich heritage of the indefatigable field worker and expert in the Nenets language – scientific archive, ethnographic collections, illustrative materials and photographic documents – are stored in the funds of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS. A significant part of them has not been published. In 2023 Arctic Research Center (A.V. Golovnev) and Scientific Archive of MAE RAS carried out a complete digitization of the Verbov Scientific Foundation and began preparing the publication of his works and materials.

Keywords: G.D. Verbov, Nenets, scientific heritage, expedition, archive, ethnographic collections, photo document

For citation: Perevalova E.V., Kisser T.S., Komova E.A. (2023) The Legacy of Grigory Verbov in the MAE RAS (To the 115th Anniversary of the Explorer of the North). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 316–344 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/16

Пускай сияют Крест и Рак
Огнем небес в далеких странах,
А мне простой полярный мак
Дороже тысячи платанов...

28 марта 1939 г. Нарьян-Мар на Печоре¹

Григорий Давыдович Вербов (11.06.1909, Москва – 06.06.1942, Ленинградская обл.) – советский лингвист и этнограф, педагог и практик

североведения, один из создателей письменности самодийцев. О его судьбе и научной деятельности писали многие исследователи Севера, в том числе М.М. Броднев (1966), Л.В. Хомич (1966, 2004), А.В. Омельчук (1982), А.М. Решетов (1995), Л.В. Алексеева (2001), В.В. Огрызко (2003), М.Д. Любавская (2005), С.И. Буркова (2010), С.В. Туров (2019), А.Ю. Терюков (2020). Сохранившиеся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Ф. 2. Оп. 1. Д. 1–182), а также в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (Ф. Р-1772. Оп. 8. Д. 60; Р-9471. Оп. 2. Д. 12; Ф. Р-4331. Оп. 4. Д. 424; Ф. Р-4331. Оп. 42. Д. 3 45), Томском областном центре документации новейшей истории (Ф. 135. Оп. 5. Д. 25) и Музейно-выставочном комплексе им. И.С. Шемановского (г. Салехард) (ЯНМ-640-5; ЯНМ-9238/8, 11, 17; ЯНМ-10658/6; ЯНМ-11882; ЯНМ-15974/2; НВФ-3262/1-6; НВФ-3765; НВФ-7770/1-4), материалы позволяют более широко представить его наследие и научную деятельность в старейшем российском музее.

В Музей антропологии и этнографии² Григорий Давыдович Вербов пришел молодым, но уже состоявшимся исследователем, с прекрасным знанием ненецкого языка и богатым опытом работы с коренным населением Севера. Еще в юности «в качестве участника школьной экскурсии» он побывал в Русской Лапландии (Кольский п-ов и Кольский залив, 1925), на Новой Земле (1925), где его отец, Д.Ф. Вербов, служил начальником полярной обсерватории, и в Карелии (от Онежского озера до Белого моря, 1927). В 1927 г. выпускник 40-й Советской единой трудовой школы-десятилетки Г.Д. Вербов поступает на естественное отделение Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. В 1928 г. студент Вербов совершил экскурсию на реки Северная Двина, Кулой, Пинега, остров Колгуев и вновь попал на Новую Землю, где по поручению института занимался разработкой темы «Литораль Новой Земли», а по собственному желанию – изучением традиционной культуры и языка ненцев. В октябре 1929 г. Вербов переводится на 2-й курс этнографического отделения Ленинградского государственного университета (с 1930 г. часть Ленинградского историко-лингвистического института), в июне 1931 г. заканчивает его с получением специальности «этнограф» (в другом варианте – «музеевед. краеведческой специальности») (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 109; Д. 111; Д. 166. Л. 3, 4, 9 об.–11; Д. 167. Л. 4, 7, 8–15, 36; ЦГА СПб. Ф. Р-4331. Оп. 4. Д. 424. Л. 2, 4). В это время он знакомится и работает с известными этнографами-североведами Георгием Николаевичем Прокофьевым и Владимиром Германовичем Богоразом.

В 1930–1931 гг., еще будучи студентом, по направлению Университета и по договору с Комитетом по делам содействия малым народам Севера ВЦИК СССР Г.Д. Вербов проходит производственную практику в качестве культработника, а затем заведующего I Большеземельским

красным чумом в Ненецком национальном округе Северного края. Нарботанные материалы легли в основу подготовленной им брошюры-инструкции «Красный чум» (Вербов 1933). В это время он проводит этнографические исследования в Малоземельской и Большеземельской тундрах, посещает острова Вайгач и Долгий, районы рек Уса и Печора. В 1931–1932 гг. Вербов принимает участие в организации Ненецкого комплексного техникума в с. Оксино³, где работает преподавателем ненецкого языка и экономической географии, заведующим учебной частью (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19; Д. 150; Д. 166. Л. 5 об., 7 об., 11–11 об., 13; Д. 167. Л. 22–32, 37–39, 41–45, 62; ЦГА СПб. Ф. Р-4331. Оп. 42. Д. 345. Л. 3–3 об.; Ф. 9471. Оп. 2. Д. 12, Л. 9–9 об.). В 1932 г. он возвращается в Ленинград, где ему были предложены на выбор: должность научного сотрудника в Музее антропологии и этнографии АН СССР, сотрудника Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера (ИНС) или аспирантура в том же институте. Григорий Давыдович выбрал последний вариант и, сдав экзамены, поступил в аспирантуру ИНС со специализацией в области самодийских языков (1932–1935). Во время учебы в аспирантуре и после ее окончания он преподавал ненецкий язык на кафедре национальных языков в Институте народов Севера (1931–1934) и на северном факультете Педагогического института им. А.И. Герцена (1933–1935), работал в качестве редактора по финно-угорским и самодийским языкам в национальном (северном) секторе Издательства учебной и педагогической литературы (1932–1934) (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166. Л. 4 об.–5 об., 7–7 об., 9 об.–12 об., 16–16 об.; Д. 167. Л. 45–46, 56; ЦГА СПб. Ф. Р-4331. Оп. 42. Д. 345. Л. 3 об.; Ф. 9471. Оп. 2. Д. 12, Л. 9 об.).

Итогом аспирантуры стала защита в 1935 г. диссертации кандидата лингвистических наук по теме «Диалект лесных ненцев» (описание грамматики и лексики диалекта лесных ненцев на основе латинского алфавита) (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 117–119; ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 2. Д. 12. Л. 1). В оценках диссертационного исследования (Д.В. Бубрих, Н.Н. Поппе, Г.Н. Прокофьев) подчеркиваются свежесть и надежность материалов, собранных лично диссертантом, основательность работы, а главное – возможность закрытия «белого места» на лингвистической карте и получение новых оснований для дискуссии «между финляндским и советским языкознанием» относительно уральского или саянского происхождения языка (диалекта) лесных самодийцев (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 120). В основу диссертационного сочинения легли материалы экспедиции (июнь–август 1934 г.) на водораздел рек Аган и Пур (северо-восточная часть Остяко-Вогульского и юго-восточная часть Ямальского национальных кругов) к практически неизученным лесным ненцам (*пян хасава*). Помимо проводимых по заданию Комитета нового алфавита исследований диалекта лесных ненцев им

были собраны богатые материалы по топонимии, этнографии, образу жизни и отношению к советскому строительству лесных самодийцев и угров, проживающих на реках Ляпин (д. Зенькова) и Аган (Аганская и Вар-Еганские фактории). Экспедиция оказалась весьма сложной из-за труднодоступности территорий, крайне недоброжелательного отношения местных ненцев и хантов в связи с «войной» на Казыме (Казымским восстанием 1934 г.) и в целом негативного отношения к советской власти и социалистическому строительству (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23; Д. 115; Д. 166. Л. 11 об.–12; Д. 167. Л. 50–53). Материалы экспедиции не были опубликованы, но по ее результатам была подготовлена статья «Лесные ненцы», где дана развернутая характеристика народа, уточнены границы расселения, численность и родовой состав (Вербов 1936). А в 1939 г. вышла его статья «Пережитки родового строя у ненцев», характеризующая родовой состав и особенности экзогамии лесных ненцев и аганско-тромъеганских хантов (Вербов 1939).

После защиты диссертации Г.Д. Вербов был принят научным сотрудником в Комитет нового алфавита народов Севера при ВЦИК СССР. В конце января того же года, «согласно личному желанию», Вербов был командирован на два года в Ямало-Ненецкий округ Омской области (рис. 1) в качестве ученого секретаря Окружного комитета нового алфавита (1935–1937) (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166. Л. 5 об., 12–12 об.; Д. 167. Л. 54–55, 57, 59–68).

Рис. 1. Григорий Давыдович Вербов. Полуостров Ямал. 1936 г. МАЭ И 1162-3.
Негатив на стеклянном носителе

В округе он принимает непосредственное участие в создании ненецкой письменности, переводит и редактирует учебники и учебные пособия, ведет кружки по изучению ненецкого языка, преподает на курсах ликвидации неграмотности, собирает фольклорные материалы, работает над созданием словаря (см.: Краткий ненэцко-русский и русско-ненэцкий словарь 1937; Ненэцкие сказки... 1937). Вместе с Г.Н. Прокофьевым и А.П. Пырерка занимается подготовкой и изданием общественно-политической и художественной литературы на ненецком языке. В конце 1930-х гг. переводит на русский язык первые прозаические и драматические произведения ненецких авторов Николая Вылка (повести «Мария», «На острове»), Ивана Ного (пьесы «Шаман», «Вавлё Ненянг»), А.С. Тайберей («Ненецкие повести») (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 144–148). Одновременно ему удается провести этнографические исследования в Ямальской и Гыданской тундрах.

В марте 1938 г. Г.Д. Вербов был временно принят на должность младшего научного сотрудника в отдел Сибири Института этнографии АН СССР (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166. Л. 33, 36). Главной исследовательской задачей, поставленной перед молодым ученым, стало изучение тундровых ненцев, расселенных на огромной территории от низовьев Енисея (Таймырский (Долгано-Ненецкий) национальный округ Восточно-Сибирского края СССР) на востоке до Большеземельской тундры (Ненецкий национальный округ Архангельской области) на западе. По заданию института Вербовым была организована экспедиция по сбору статистических, этнографических, экономических данных и материалов по советскому строительству для сибирского тома четырехтомника «Народы СССР» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 167. Л. 69–78, 80–85; Д. 175). Экспедиция проходила с 20 мая 1938 г. по 20 июля 1939 г. по маршруту Енисей–Таз–Пур–Обь–Печора–Мезень. Только ее «полевая часть» (путь на лодках, оленьих упряжках и пешком) составляла более 6 тыс. км. Масштабная по задачам, расстоянию и продолжительности экспедиция в три национальных округа – Таймырский, Ямальский и Ненецкий – охватывала все группы расселения ненцев, включая периферийные (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166. Л. 18; Д. 168. Л. 9; Д. 106, 132). В своих дневниках Вербов назвал этот маршрут от Таймыра до Белого моря «трансненецким» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 96; Д. 96. Л. 15).

После успешной экспедиции 1 апреля 1939 г. Григорий Давыдович был зачислен в штат Института этнографии АН СССР на должность старшего научного сотрудника Кабинета Сибири (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 167. Л. 18, 25, 36). В обсуждении развернутого доклада по итогам экспедиции отмечалось, что материалы, собранные молодым исследователем по ненцам, энцам, нганасанам, эвенкам, кетам, селькупам, могли институту «выполнить одну из ответственных

правительственных задач» – «завершить Сибирский том». Не имея изначально средств на приобретение коллекций (это была экспедиция «кабинета Института», а не музея), Вербову тем не менее удалось собрать 85 предметов культуры и быта сибирских народов, сделать порядка 250 зарисовок и 200 фотографических снимков, подготовить свыше 10 карт и планов, заполнить более 350 страниц этнографических записей и 700 страниц разных документов (метрические книги, расписки о крещении, выписки из судебных дел, статистические данные, документы по советскому строительству и т.д.) (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132. Л. 2, 7 об.–8; Д. 166. Л. 18). Вербов использовал любую возможность сбора научных материалов, несмотря на бесконечные сложности передвижения и обострившиеся болезни. «Еще целых 2½–3 месяца тундровых скитаний! Ну что ж, я сам это предложил. Теперь такой случай, не воспользоваться редкой возможностью посетить за один маршрут всех групп ненцев было бы ошибкой, которую ничем я сам не мог бы извинить даже перед самим собою. <...> надеюсь довести дело до конца», – писал он в дневнике, принимая решение, после трудного перехода через Полярный Урал в Большеземельскую тундру, обследовать Тиманскую, Малоземельскую и Канинскую тундры, а не просто «весновать» в Мезени (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 48–49). Оценивая громадную и самоотверженную полевую работу именитые исследователи Д.К. Зеленин, С.И. Иванов, Г.Н. Прокофьев, В.В. Струве назвали экспедиционные изыскания Вербова «подвижничеством», «научным героизмом» и «подвигом» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132. Л. 22 об.–25 об.).

В октябре 1940 г. Г.Д. Вербов был назначен заведующим отдела Сибири Музея Института этнографии АН СССР, а с февраля 1941 г. – заместителем заведующего сектором (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166. Л. 16 об., 18, 36). В период работы в институте он готовит к публикации труды участника Академической экспедиции 1768–1774 гг. В.Ф. Зуева (Вербов 1947) и материалы по фольклору ненцев (Ненецкие сказания и былины 1937; Ненецкие загадки 1947). С осени 1940 г. доцент Вербов читает курс этнографии ненцев и курс ненецкого языка в Ленинградском государственном университете. В июне 1942 г. жизнь талантливого исследователя трагически оборвалась – добровольно вступив в дивизию народного ополчения и попав на Ленинградский фронт, Григорий Давыдович Вербов погиб в возрасте тридцати трех лет (похоронен в братской могиле близ станции Понтонная) (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 167. Л. 89–93; Омельчук 1982: 106–108, 127–128; Вербов 2003). Уже после смерти ученого выходят его статьи: «О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в.» (1945; подготовлена на основе доклада, зачитанного на заседании Всесоюзного географического общества) (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 138) и «Диалект лесных ненцев» (1973). В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого

(Кунсткамера) РАН хранится научное наследие Г. Д. Вербова, включающее документы научного архива, предметное (вещевое) собрание и иллюстративные коллекции.

Научный архив МАЭ РАН

В научном архиве МАЭ РАН выделен Фонд № 2, в котором собраны материалы, относящиеся к биографии, научной и просветительской деятельности Г.Д. Вербова⁴. Фонд формировался в три этапа: (1) основная часть документов поступила в 1947 г.; (2) партия дополнительных материалов была включена в 1964 г.⁵; (3) в 2009 г. фонд был дополнен двенадцатью новыми делами, связанными с научной работой Вербова (1909–1941).

Фонд № 2 выстроен по хронологическому-тематическому принципу. Под первыми номерами (Д. 1–4) в описи зарегистрированы собранные Вербовым в разное время архивные документы XIX в.: оригиналы метрических книг для записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1829–1846 гг. Архангельской духовной консистории Мезенского уезда Большеземельского прихода, выписки из архива Переводческой комиссии при Архангельском комитете Православного миссионерского общества об евангелии и грамматике на ненецком языке, «подписки» самоедов-язычников, желающих присоединиться к православной церкви. Далее следуют печатный документ об экспедициях по Тобольскому Северу за период 1900–1927 гг. (Д. 6) и картографический материал из архива Вербова, включающий печатные типографские карты с его пометами, и карты, выполненные им самим от руки в ходе экспедиционных исследований (Д. 7). Самый большой блок составляют неопубликованные полевые материалы Г.Д. Вербова: дневники экспедиций, реальные записи этнографических и антропологических наблюдений, авторские зарисовки, записи нарративов на русском и ненецком языках, лингвистические материалы, словари и фольклорные записи, статистические (численность, этнический, фамильный и возрастной состав, расселение, социальное положение, образование и др.) материалы, сведения о результатах советского строительства на Крайнем Севере (материалы землеустроительных экспедиций, данные по экономике, организации и административному устройству округов, народно-хозяйственные планы и отчеты, мероприятия народного образования и медицинской помощи коренному населению и др.) (Д. 5, 8–106).

Подробные дневники велись Г.Д. Вербовым практически во всех его экспедициях на Крайний Север: Архангельск и остров Колгуев, Малая и Большая Земля (Кузнецкая губа, пролив Югорский шар, Варандей, становище Хабарово), Коми край (культбаза Хоседа-Хард, Ось-Вань, Колва, Усть-Усы, Сем-Андрей, Усть-Цильма, Оксин на рр. Уса и Печора), Нарьян-Мар, Салехард, Нижнее Приобье и Ямал (культбаза Яр-

Сале, Тобалько, Ядня, Катравож), Подкаменная Тунгуска и Енисей. Дневниковые записи выполнены, как правило, карандашом или чернильной ручкой (нередко карандашная запись обведена чернилами); в целом сохранность их удовлетворительная. Многие полевые дневники и записи нарративов включают авторские зарисовки орудий промысла, предметов быта, орнаментов, одежды и утвари с подписями деталей на ненецком языке и авторскими комментариями (рис. 2–7) (Д. 8, 15, 49, 62, 64, 65, 71, 72, 75–79, 85, 101, 105, 127, 130, 173).

В текстах дневников встречаются копии и выписки из документов (Д. 19, 64, 66), протоколы собраний и автобиографии ненцев-активистов (Д. 10, 20), схемы расселения и кочевания (Д. 7, 30), подборки родовых и семейных тамг (Д. 26), фольклорные записи. Трогательны обнаруженные в нескольких дневниках своего рода закладки – тундровые растения, собранные Вербовым во время экспедиций в Малоземельскую и Большеземельскую тундры (Д. 15, 16).

Полевые материалы Вербова до сих пор не опубликованы, хотя о необходимости их издания речь идет на протяжении десятилетий, с момента, когда сам Григорий Давыдович начал готовить план такого издания (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–7). Отдельные темы по материальной и духовной культуре ненцев и энцев нацелено прорабатывались им как в поле, так и во время работы в институте (Д. 71–72, 74–85, 101–105, 121, 127–131, 173). На заседании кабинета Сибири от 4 мая 1940 г. обсуждался «черновой набросок проекта монографии “Ненцы”» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 136 (непронумерованные листы)). Воплотить эту идею довелось ученице Вербова Людмиле Васильевне Хомич (1966).

В экспедиционных записях прослеживается интерес Вербова к системе родства и родовой структуре коренных народов Севера. В его материалах представлены антропологические наблюдения, генеалогии, пофамильные списки, перечни родов кочевников, родовые и семейные тамги (Д. 1–2, 20, 24, 26–28, 67, 81, 84–86, 89, 104–105, 115, 128). Богатейшей частью фонда являются материалы по ненецкому языку и на ненецком языке, имеющие огромную научную и мемориальную ценность, поскольку именно они легли в основу учебников, диссертации, научных статей и докладов Вербова. В фонд включены многочисленные словарные рукописные записи разных лет, материалы по транскрипции, словообразованию, морфологии, фонетике, синтаксису, лексике, диалектическим особенностям самодийских языков, рецензии на словари и учебные пособия, планы и программы изучения ненецкого, планы и отчеты Комитета нового алфавита (Д. 3, 31–37, 40–45, 67, 141–143, 150–154). Помимо дел, непосредственно связанных с созданием письменности, в фонде хранятся уникальные фольклорные материалы (сказки, загадки, легенды, частушки) (Д. 35–36, 38–39, 46–63).

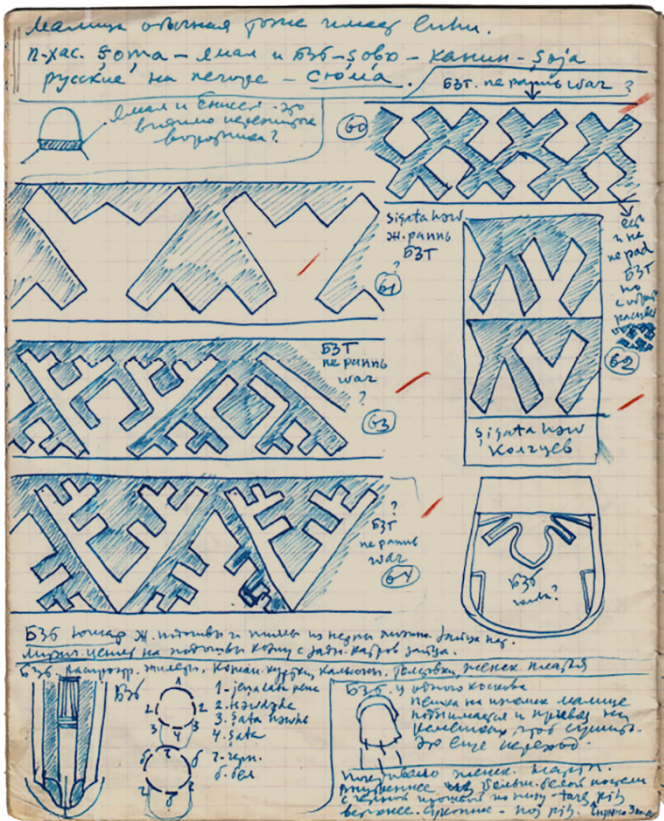

Рис. 2. Страница полевой тетради (записи и зарисовки) Г.Д. Вербова «Орнаменты и одежда». НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 77. Л. 11 об.

Рис. 3. Женская сумка для швейных принадлежностей. Ненцы. Большеземельская тундра. Собиратель Г.Д. Вербов, не позднее 1932 г. МАЭ РАН № 4590-9/2

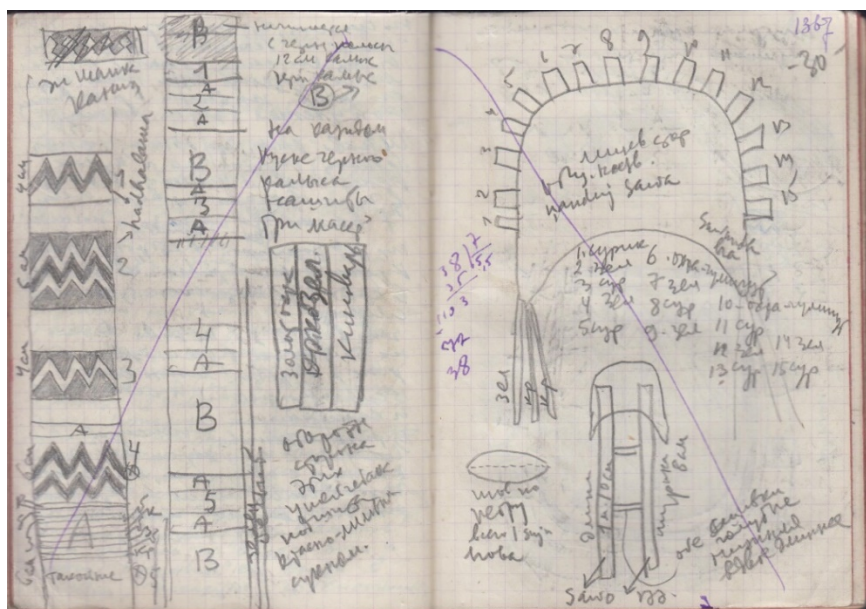

Рис. 4. Ненецкая женская шапка. Страница полевой записной книжки Г.Д. Вербова.
НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 101. Л. 29 об.-30

Рис. 5. Ненка в зимней одежде, украшенной аппликациями из оленьего меха. Полуостров Канин, 1935 г. МАЭ И 1162-170. Негатив на стеклянном носителе

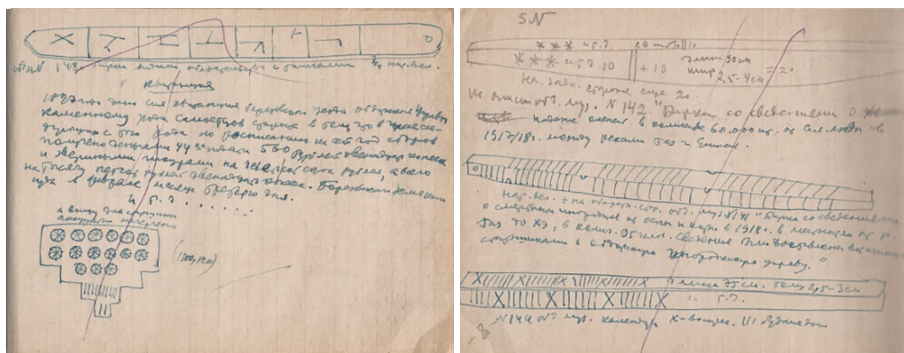

Рис. 6. Бирки. Страницы из блокнота Г.Д. Вербова с полевыми записями
«О наследовании, приданом, рыбном промысле, торговле». НА МАЭ РАН.
Ф. 2. Оп. 1. Д. 64. Л. 8–8 об.

Рис. 7. И.о. секретаря Нейтинского совета А.И. Орлов с бирками оленьего стада
совета. Река Сё-Яха. Полуостров Ямал, июль 1936 г. МАЭ И 1162-29.
Негатив на стеклянном носителе

Отдельным блоком в Фонде № 2 представлены научные труды Г.Д. Вербова: доклады и докладные записки, тезисы и статьи, диссертация и отзывы на нее, программы и планы работ, рецензии, переводы; сюда же включена статья М.М. Броднева о Вербове (Д. 107–149). Последними в описи значатся дела, касающиеся просветительской деятельности Вербова в Ненецком национальном округе (Д. 150–165). Биографические материалы Г.Д. Вербова 1912–1940 гг. (Д. 166–168, 170, 180) и личная переписка (Д. 169, 177, 178, 179) объединены в ряд отдельных дел.

Музейные коллекции

Согласно книгам поступлений, в фондах МАЭ РАН (отдел Сибири) хранится 18 этнографических коллекций, привезенных Г.Д. Вербовым из поездок на Крайний Север, общей численностью 239 предметов (603 единицы хранения)⁶. Даты регистраций материалов свидетельствуют о нескольких этапах формирования собрания с 1932 по 1947 г. Первые поступления датируются летом 1932 г.: коллекции МАЭ № 4580, 4581, 4585, 4586–4593. В 1939 г. были зарегистрированы коллекции под номерами МАЭ № 5703–5707 и 5709. Большая часть предметов поступила после его командировок на Север (№ 4580, 4581, 4585–4589, 4592, 4593, 5706, 5707); незначительная часть коллекций была передана в дар (№ 4695, 5703–5705) и приобретена закупкой (№ 4590, 4591). Коллекция МАЭ № 4695 была передана в фонды музея уже после смерти Вербова его сестрой Ольгой Давыдовной Шиллингер в 1947 г.

Среди поступивших от Г.Д. Вербова предметов самое большое собрание – 12 ненецких коллекций, общей численностью 144 предмета (458 ед. хр.) (МАЭ № 4580, 4581, 4585–4593, 4695) – были приобретены в Малоземельской и Большеземельской тундрах, на острове Новая Земля. В составе коллекций – модель чума и домашняя утварь (МАЭ № 4580, 4585, 4590), одежда и украшения (МАЭ № 4581, 4592), детские игрушки (МАЭ № 4591), предметы культа (МАЭ № 4587, 4593), орудия и оружие (МАЭ № 4586, 4589, 4695), орудия обработки дерева, рога, кости (МАЭ № 4588). Собрание Вербова с низовий Енисея (Усть-Енисейский район Таймырского национального округа), помимо ненецких культовых предметов (шаманский костюм, атрибуты, духи-покровители) и игрушек (МАЭ № 5704, 5707), включает предметы материальной (одежда и украшения) и духовной культуры (шаманский костюм и атрибуты) энцев (МАЭ № 5703, 5706) и долган (МАЭ № 5705); всего 85 предметов (132 ед. хр.). Кроме того, в фондах МАЭ РАН представлена коллекция из 10 (13 ед. хр.) археологических предметов (каменные орудия, керамика), собранная Вербовым в низовьях р. Печора (МАЭ № 5709).

Наиболее многочисленная этнографическая коллекция по культуре и быту ненцев была приобретена Г.Д. Вербовым во время его пребывания

в Ненецком национальном округе Северного края в 1930–1932 гг., где он работал отчасти по заданию профессора В.Г. Богораз-Тана (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166. Л. 20). Сбором коллекций материальной и духовной культуры Вербов, судя по дневникам, уделял немалое внимание. Даже в подборках бытовых коллекций чувствуются глубокие этнографические знания, профессионализм и внимание к деталям. В полевых отчетах отражены нацеленность на полноту и разнообразие комплектования предметов по разным темам. Так, собирая коллекции меховых сумок, игрушек и орнаментов, Вербов в дневниках¹ описывает разные ситуации, в которых он предстает и как знаток ненецкой культуры, и как дотошный коллекционер, и как тонкий дипломат.

Утром зашел к Андрею и у его жены купил сумочку для швейных принадлежностей с пришитой к ней маленькой сумочкой, футлярами для наперстков и приспособлением для хранения иглол. У другой самоедки променял на наперсток и пуговицы другую, старую сумку, но с интересным узором. <...>. Вечером... сделали самоедскую игрушку – wewko – дощечка с двумя дырочками, в которые продета жила. При скручивали и раскручивали дощечки гудят. Купил и променял на сукно терку для нюхательного табаку, большую сумку, два образца узора, скребок для мездры, палку для сколачивания снега и несколько wewko. 12 мая 1930 г., Малоземельская тундра (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 8, 9 об.).

В одном из чумов купил медную табакерку для нюхательного табака <...>. И я выменял у Ивана с придачей денег его нож с поясом, а у его матери сумочку с подвесками из копыт пыжиков и целую tenko <...>. Улеглись спать, было довольно темно из-за пасмурной погоды. Вдруг слышим детский голос. В чум явились одна за другой три самоедки с ребятами. Оказалось, что это ко мне, т.к. слышали, что мне нужны rátko и у меня есть сукно. Приехали ночью с ребятами черт знает откуда. Зажгли фонарь, в котором почти не было керосина, и начался торг, в результате я получил две больших и одну маленькую rátko, один узор... и пыжиковые копыта. 13–14 мая 1930 г., Малоземельская тундра (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 10 об.–11 об.).

При формировании коллекций Вербов не только выменивал, но и специально заказывал некоторые предметы:

Раздобыл целый мешок игрушек гл. образом кукол в малицах и паницах с утиными и гагачьими носами вместо голов, сейчас собираюсь их переписывать и нумеровать. 15 мая 1930 г., Малоземельская тундра (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 18 об.–19).

Все утро Пара'we сидела за шитьем. Сумочка была прекрасная, с узором и с красной раскраской верха. Когда сумочка была готова, то Маланья, мать Семена, наш обычный парламенгер, сообщила, обращаясь ко мне, что сумочка готова <...>. Кроме сумочки раздобыл у нее один узор и заказал еще несколько. 22 мая 1930 г., Малоземельская тундра (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 37 об.).

¹ Здесь и далее в выдержках из дневника орфография и пунктуация сохранены. – Авт.

Пара'we сделала мне 4 прекрасных меховых узора. Александра закончила пимы с лептами, теперь будет шить табаки. Начал делать модель чума размером 1/10 со снятого мною размера у Семёна. 28 мая 1930 г., Малоземельская тундра (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 49).

Первыми закупками, исполненными специально по поручению и на средства Института (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 66, 69–69 об., 78 об.–79, 80 об., 85), стали предметы ненцев, проживающих в Оксино и Нарьян-Маре, и оленеводов, приезжавших в поселки из ближайших тундр. Из Нарьян-Мара в музей было отправлено «семь ящиков с коллекциями» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 89). В дневниковых записях зафиксированы интересные обстоятельства их приобретения и важная этнографическая информация:

Сделал кое-какие закупки. У «Noloko» (Выучейского) купил тобары, старую малицу, рога для пороха... и обод для пензера с ударником⁷. Он говорит, что это все из Тим[анской] тундр[ы]. Говорит, что пензер принадлежал когда-то его родственнице-шаманке. Шаманам делали пензеры «простые смертные». За хороший пензер давали быка... Шаманили якобы по наследству. <...>. Вечером купил в госторге образцы некоторых товаров, продававшихся ненцам. 6 июня 1932 г., Оксино.

Достал у Настасьи и Игнатия Сядэй рідерс (ижемскую), гаһаг, ножницы, жильную веревку для wandoko һап. Сегодня заказал им же модель чума и 7 моделей саней. Не знаю, сделают ли. У старухи Екатерины вдовой, которая живет здесь временно (на лето), т.к. у ее зятя, кот [орый] ее содержит, мало оленей – купил ряд вещей; в том числе меховые штаны «para rigme» и др. 8 июня 1932 г., Оксино.

Вечером взял лошадь и съездил в Собские юрты, км за 5 от Катравожя. Купил там порядочно вещей. Характерно, что здесь, как и у ненцев – женская одежда, утварь и частично даже мужская одежда продается лишь с полного согласия жены (раздельное владение имуществом). Например, у пред[седателя] колхоза, очень развитого и передового ханты – Василия Пуябри, я долго не мог добиться согласия на продажу кисов, т.к. его жена не желала их продавать.

Когда я заговорил о продаже барабана и идолов, все, как и следовало ожидать, отговорились незнанием, отсутствием этих предметов и т.д., но очень весело смеялись, отнюдь не показывая стеснения от того, что затрагивались «небесные» дела. 14 декабря 1936 г., юрты Собские, р. Собь (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 7–8).

Бывали и курьезные случаи:

В одной из юрт я купил узорчатые кисы и чуть было не купил малицу. Дело было так. В юрте оказался гость – ханты-олeneвод, который, правда не сразу, изъявил согласие продать свою малицу (новую). Сговорились о цене. Я уплатил деньги, написал расписку и дал своему клиенту ее, что б он поставил свою тамгу. Когда он, весьма, впрочем, неохотно, проделал это, я, взяв от него расписку, стал ее складывать вдвое и совсем неожиданно, при полной тишине, разорвал ее на двое. Все вздрогнули. Я посмотрел, оказалось, что оторвана нижняя часть бумажки с клеймом. Я спокойно попросил поставить клеймо снова, т.к. места еще оставалось достаточно, но мой ханты заявил, что все мол кончено. Сама бумажка

разорвалась и, видимо, малица «не хочет ко мне идти». Мы с Каневым потратили добрых полчаса, чтобы убедить хозяина малицы в необоснованности его страхов. Он с явной неохотой поставил свое клеймо вторично. Но когда я уже хотел забирать малицу, он отказался, ссылаясь на то, что мы якобы не включили в договорную цену сорочку. Пришлось отказаться, т.к. колебание (он просил добавить еще 10 р.) вызвало бы много лишних расходов в будущем. *13 декабря 1936 г., юрты Картавожские, р. Сось* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 4–6).

К ценным собраниям сам Вербов и его коллеги относили приобретенные в ходе экспедиции 1938–1939 гг. эвенкийские коллекции – костюм шаманки (нагрудник, обувь, шапку, глазную повязку и бубен с колотушкой), боевые и охотничьи стрелы, курительные трубки с ковырялками (рис. 8, 9), женские нагрудные украшения со штампованным орнаментом и инструменты для их изготовления (МАЭ № 5703, 5706), а также ненецкие культовые предметы – духи-божества разных рангов, шаманские лук и посох и др. (МАЭ № 5707) (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132. Л. 8–8 об.). В отчете Вербов писал:

Как я их доставал, подробно не стоит рассказывать. Всякий этнограф в полевых условиях, когда имеется контакт с данным народом, при известных условиях может это сделать. Некоторые предметы я купил для себя, но так как я у себя музея не устраиваю, то я передал их в дар музею в дополнение к тем коллекциям, которые достал бесплатно. Некоторые средства были израсходованы только на перевозку этих вещей (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132. Л. 22–22 об., 23 об.).

Приобретение и составление описания костюма шаманки (рис. 10–13) произошли исключительно благодаря «этнодипломатии»:

Еще полтора м-ца назад Костя Силкин сообщил мне, что у одной старухи Вај, бывшей шаманки, есть бубен, костюм и прочее. С месяц он обрабатывал ее по моей указке. Затем я был у нее с визитом <...>. Сегодня с утра тоже занимался дипломатией и притом очень сложной: ее сын женился, и отец его жены требует калым в 5 оленей. Молодожен не хочет платить и не желает возвратить жену ее отцу. Я пока что поверенный в этом деле. Разъяснил, что оленей давать ни в коем случае не следует и что молодая может оставаться у мужа независимо от воли отца. Это пробудило ко мне немалые симпатии. Попутно я намекнул, что шаманские атрибуты не следует прятать и т.п. Словом, сегодня мне вручен бубен, полная одежда шаманки (Вај) и еще кое-что (все это, конечно, с ведома нац. совета). На этих днях постараюсь пригласить старуху к себе, чтобы на досуге записать значение и название отдельных деталей. *5 октября 1938 г., Гольчиха, Таймыр* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. 44 об.–45).

Утром работал дома. День посвятил изуч[ению] шаманского костюма. Записал назв[ания] и символику. Для этого владелицу (бывшую) костюма и бубна, старуху Sawone Bai, пришлось, не без труда, привести из чума ко мне. Она отговаривалась головной болью, незнанием и пр. Все-таки с трудом развязал ей язык, весь день работал с нею. Записал также с ее слов ее «шаманскую» биографию. *7 октября 1938 г., Гольчиха, Таймыр* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. 45 об.).

Рис. 10. Головной убор шаманки. Энцы. Таймыр, 1936 г.
Собиратель Г.Д. Вербов. МАЭ № 5706-22

Рис. 11. Повязка на глаза шаманская. Энцы. Таймыр, 1936 г.
Собиратель Г.Д. Вербов. МАЭ № 5706-10

Рис. 12. Нагрудник шаманский. Энцы. Таймыр, 1936 г.
Собиратель Г.Д. Вербов. МАЭ № 5706-3

Рис. 13. Кафтан шаманский. Энцы. Таймыр, 1936 г.
Собиратель Г.Д. Вербов. МАЭ № 5706-1

Много времени и сил уходило на подготовку и отправку коллекций из экспедиций в Ленинград. Для обеспечения сохранности предметов Вербов заказывал специальные ящики и сам шил для них чехлы.

Ящики мои готовы. Начал шить для них футляры. Завтра м.б. начну паковать коллекции.

Весь день провозился с упаковкой коллекций, т.к. один ящик пришлось перепаковать: был плохо обшит. Все закончено. 25-го думаю отвезти в Воронцово. Завтра начинаю прочие сборы. 21 и 23 октября 1938 г., Гольчиха, Таймыр (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 50 об.–51 об.).

Практически все предметы из собрания отдела Сибири музея были описаны лично Вербовым. Во многих описях сохранились его зарисовки и схематичные рисунки с подписями и аннотациями. Обращая внимание на высокий профессионализм описания предметов ненецких коллекций, Л.В. Хомич писала, что они могут служить «образцом коллекционных описей», поскольку многие сопровождаются соответствующими наименованиями на ненецком языке, а также дополнены превосходными авторскими рисунками и пояснениями (Хомич 2004: 81–82).

Подаренные и приобретенные Г.Д. Вербовым для МАЭ коллекции разнообразны, хотя, по мнению собирателя, фонды по культуре тундровых ненцев недостаточны и требуют пополнения, собрания по культуре энцев представляют собой «случайные собрания, совершенно не дающие общего и достаточно представления об этнографии» народа, а материалы по культуре лесных ненцев вообще не представлены. В этой связи в январе 1941 г. Вербовым был разработан план-обоснование по докомплектowaniu самодийских коллекций в ходе длительных полевых экспедиций в Таймырский национальный округ и Ямало-Ненецкий, и Ханты-Мансийский национальные округа (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 50 об.–51 об.).

Фонд иллюстративных материалов и фотодокументов

Помимо документальных и предметных собраний Г.Д. Вербова в МАЭ РАН хранятся его коллекции визуальных материалов: негативы, фотографии и рисунки (16 коллекций, 633 ед. хр.), датируемые периодом с 1924 по 1939 г. По числу единиц хранения и составу коллекции очень разные: самая многочисленная коллекция МАЭ И 1162 включает 200 ед. хр., коллекции МАЭ И 936, 938, 939, 941, 942 состоят всего из одной ед. хр. В состав коллекций МАЭ И 935–936, 939–943, 1212–1214 входят фотографии и негативы, которые по большей части не дублируют друг друга; в составе коллекций МАЭ И 937, 1160–1162 представлены исключительно негативы, в коллекциях МАЭ И 938 и 1215 – рисунки. Способы поступления также разнятся. Например, коллекции МАЭ И 935–943 переданы в дар, а коллекции МАЭ И 1160–1162 и 1212–1215 приобретены посредством покупки.

Поступления визуальных коллекций регистрировались в несколько этапов с 1938 по 1946 г. Основную часть своих собраний – МАЭ И 935–946 –

Г.Д. Вербов регистрировал лично, используя сугубо этнографический подход: МАЭ И 935 (132 ед. хр.) и МАЭ И 937 (8 ед. хр.) – ненцы, МАЭ И 936 (2 ед. хр.) и МАЭ И 940 (6 ед. хр.) – ханты, МАЭ И 939 (1 ед. хр.) – селькупы, МАЭ И 941 (1 ед. хр.) – коми-ижемцы, МАЭ И 942 (1 ед. хр.) – долганы, МАЭ И 943 (2 ед. хр.) – нганасаны. Коллекция МАЭ И 938 состоит из акварели ненецкого художника Т. Вылки «Языковая гора в Крестовой Губе» (Новая Земля, 1928 г.).

Собрания визуальных материалов МАЭ И 1160–1162 и 1212–1215 были переданы в 1946 г., уже после смерти Вербова, его сестрой О.Д. Шиллингер, и зарегистрированы Е.Д. Прокофьевой. Коллекции МАЭ И 1160 (128 ед. хр.), МАЭ И 1161 (15 ед. хр.) и МАЭ И 1162 (202 ед. хр.) разбиты по народам: ненцы Ямала (негативы и отпечатки 1936, 1937 гг.), лесные ненцы бассейна р. Пур (негативы на стеклянном носителе 1934 г.), ненцы и энцы Канина, Ямала, Гыдана, Таймыра (негативы и отпечатки 1935, 1936, 1937, 1938, 1939 гг.). Коллекция МАЭ И 1213 (88 шт.) – фотоснимки с видами населенных пунктов и пароходов, снятых на Новой Земле, островах Вайгач и Колгуев и побережье Северного Ледовитого океана в 1924–1932 гг.; коллекция МАЭ И 1214 (7 ед. хр.) – снимки с архивных документов; коллекция МАЭ И 1215 (293 ед. хр.) – выполненные Г.Д. Вербовым полевые рисунки 1928, 1930, 1938 и 1939 гг.

Наиболее ранние снимки из фотособрания относятся ко времени работы Г.Д. Вербова преподавателем в Ненецком национальном округе в 1931–1932 гг. Об особом интересе молодого этнографа к фотографии и трудностях приобретения визуальных навыков свидетельствуют дневниковые записи:

Уже больше месяца занимаемся с Н. Б. фотографией. Аппарат у нас отвратительный «Меридиан» (?). Все же несколько снимков вышло. Нету так же никаких принадлежностей. *15 апреля 1932 г., Оксино* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 74 об.–75).

Фотографировал чум с сопки, снимал женщин, нултовку, чум вблизи и т.д. <...> 23-го снимал еще в Оксине ненцев за чаем в Красном уголке и аргиши на площади с крыши госторговского пункта. <...> 27-го дал колхозникам карточки (фото), которыми они были очень довольны. Снимал также сдачу песцов в госторге <...>. Снял еще ненца на легковой запряжке и рыболовный парусник оксинского колхоза. *21–27 апреля 1932 г., Оксино* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 79 об.).

В ходе «трансненецкой» экспедиции 1936–1938 гг. Вербов фотографировал при всяком удобном случае, особенно в летнее время и во время продолжительных стоянок.

Фотографировал: 1) приготовление вагау из березовых обрубок. 2) Я у своей палатки. Оба снимка со светофильтром. д. 45. вых. 1/100. *12 апреля 1936 г., Стоянка Haber iaha, Ямал* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 12).

Фотографировал: 1) Чаепитие ненцев на фактории, 2) Вид зимовки с маяка, 3) Дом фактории и упряжки приехавших. 10 мая 1936 г., фактория Тамбей, Ямал (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 30).

Особо интересовался Г.Д. Вербов культовыми объектами (рис. 14) и предметами, фиксируя их во всех подробностях:

Днем фотографировал. Снял в частности жертвенное место рода Wanujta, которое еще в предыдущую свою экскурсию на мыс, вдающийся в губу, обнаружил. Капище сильно разрушено (видимо, во время постройки знака Убекосибери в 1933 г., находящегося неподалеку): сохранилось порядочно рогов, два sadəj'я и череп нерпы на jale pa. Есть остатки других sadəj'ев и jale pa, но сломанных. Место это я снял (70°15 мин. с. ш.). 9 июля 1936 г., Се-Яга (Сё-Яха), Ямал (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 55 об.–56).

Днем ходил с Борей Бертовым... на юг от фактории, км за 3–4. Он показал мне найденное им в прошлом году жертвенное место. Оно расположено на довольно высоком, травянистом гребне, близ большого озера, км в 4-х–5-ти от устья So jaha. Центром является довольно большой sadəj. Рядом с ним есть другой поменьше, затем (видимо тоже həhə) камень. Наконец около сядсеев в землю воткнуты jala pa, на которую нанизано около десятка черепов осенних телят с рогами. Здесь же лежат нес[олько] рогов и череп, кажется важенки. Место я трижды сфотографировал. Получилось довольно удачно. По сообщению Нə́нко это место принадлежало Wanujta'м <...>. И служит им для приношения телячьих голов пред началом рыбной ловли и охотой на нерпу. 11 июля 1936 г. Се-Яга (Сё-Яха), Ямал (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 30).

Днем ходил на заснятое вчера жертвенное место. Сделал еще два снимка. Кроме того убедился, что идолов три и что черепа просто поставлены один на другой, а не надеты на палку. Сделал две точных зарисовки (1/4 нат. вел.). Кроме того, проверил по компасу ориентировку идолов. Они стоят «лицом» на SSO. 12 июля 1936 г., Се-Яга (Сё-Яха), Ямал (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 57 об.).

Рис. 14. Жертвенное место рода близ Сёяга в 3,5 км от фактории ГУСМП. Ненцы. Полуостров Ямал, июль 1936 г. МАЭ И 1160-89. Негатив на стеклянном носителе

В отчете об экспедиции 1938–1939 гг. Вербов писал, что снимал двумя фотоаппаратами, «Лейкой» и «Фотокором № 1», используя нечастые моменты хорошей погоды. Однако аппараты часто выходили из строя.

Очередная неприятность и весьма крупная: испортилась моя «Лейка». Ленты не входят в паз до нужного положения. Сомнительно, что мне удастся починить. Хуже сюрприз сложно придумать. Пропадает масса незафиксированного материала. Буду тогда пользоваться только большим аппаратом.

После нескольких часов работы нашел способ заправить ленту так, чтобы она не рвала перфорации. Правда, для этого потребуются при зарядке вынимать объектив. Ну что ж! Лучше так, чем совсем ничего. *29 и 30 августа 1938 г. Гольчиха, Таймыр* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 31 об., 32 об.).

Лейку думаю доставить в Л-град, т.к. она работает плохо, а я к ней вообще-то не слишком привык, да и не имел раньше практики. Одна порча крови. *18 января 1939 г., Салехард, Ямал* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 81).

Несмотря на трудности, Вербов старался снять священные места, ход обрядов и ритуалов. Нередко приходилось прибегать к уловкам, поскольку фотография для туземцев была делом непривычным и, по их мнению, даже опасным.

Сегодня встал рано, т.к. погода была отличная: тихо, солнечно. После чая перебрался на лодке через реку и пошел на стойбище. Сделал там ряд снимков 9×12. У одного из энцев (Sabo) умерла жена. Оказалось, что она уже двое суток лежит в чуме и ее не хоронят, т.к. не могут достать досок... Попросили меня помочь. Я в несколько минут уладил дело, раздобыв у зав. школой три больших тесины. Весь процесс похорон я наблюдал лично и даже принимал активное участие. Хоронили км за 1,5 от стойбища. Я все заснял лейкой. Сделал около 20 снимков. Завтра сделаю описание похорон в реальных записях. *11 сентября 1938 г. Гольчиха, Таймыр* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 35 об.).

В конце дня фотографировал обоз канинских ненцев, привезших груз (куропатку), снял женщину, обоз, мужск[ую] легков[ую] нарту. Произошел конфликт: пьяный хозяин оленей подошел ко мне и заявил, что это его олени и что он запрещает их фотографировать. Т.к. я успел сделать, что нужно было, то немедленно «подчинился». *6 апреля 1939 г. Нижняя Пеша, Канинско-Тиманская тундра* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 96. Л. 8).

Однако при низких температурах во второй половине экспедиции он не мог полноценно работать не столько из-за технических возможностей камер, сколько из-за отмороженных пальцев рук во время ночевки в «куропачьем чуме» на Таймыре (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. 55 об.–56 об.). Вербов был недоволен результатами съемок: «...когда я снимал “Лейкой” при совершенно удовлетворительной температуре, результаты были плачевными», а снимки “Фотокором” при температуре 48°C «были не особенно удачны... за счет моих слабостей, часто затвор открывал, и

приходилось действовать пальцем» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132. Л. 6 об.–7, 22 об.). А зимой 1938 г., судя по полевым дневниковым записям, пользоваться фотокамерами стало еще труднее:

Фотографировать не могу, даже пишу с трудом, так как кожа с помороженных кончиков пальцев еще в октябре сходит кусками. Больно и холодно. Особенно мучительно развязывать узлы... *22 ноября 1938 г., стоянка у истоков р. Пяк-Яха* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 63).

Материал пополняется. В этом отношении пожаловаться не могу. Фотографировать я совершенно не в состоянии, т.к. руки могу высовывать из рукавиц максимум на 10–15 секунд, чтобы зажечь спичку, не более. *5 декабря 1938 г., чум Ядня близ устья р. Интик-яха, Таймыр* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 69 об.).

Часть негативов Вербов проявлял на месте и отснятый фотоматериал при первой возможности отправлял в институт в расчете, что так они будут в большей сохранности.

Сегодня фотографировал наших рыбаков, которые выловили за 4 тони 12 пудов рыбы.

Проявлял снятые вчера снимки (4 шт.), относящиеся к нашим рыбакам. 3 получились весьма посредственно. Один – хорошо.

Упаковал проявленные негативы. *14, 15 и 17 июля 1936 г. Се-Яга (Сё-Яха), Ямал* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 58, 59–59 об.).

Вечером, забрав заснятые фильмаки, отправился в Гольчиху (на устье) к учителям, у которых есть темный уголок для фотографии. До ночи проявлял. Результат посредственный. Есть, впрочем, недурные негативы. *14 октября 1938 г. Гольчиха, Таймыр* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 48).

В отличие от предметов культуры и быта, которые были собраны и переданы в музей самим Вербовым, в иллюстративном собрании представлены фотоматериалы как его самого, так и других авторов. Ряд фотографий был приобретен на самоедской культбазе Хоседа-Хард, где работали в 1929–1931 гг. по направлению Комитета Севера Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы. В одном из своих дневников Вербов пишет:

Сегодня Екат. Дм. будет печатать мне фотографии, снятые ею и Георгием Николаевичем <...>. Фотографии – 32 шт. – отпечатались отлично.

Поздно вечером мы с Михаилом Петровичем начали печатать фотографии. Легли только в 6 ч. утра. *20 и 22 декабря 1930 г., Культбаза, Большеземельская тундра* (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 58–58 об., 59 об.–60 об.).

В зарегистрированной в 1938–1939 гг. коллекции И 935 собраны 132 фотоснимка, «полученные от разных организаций и лиц» в ходе «ненецкой экспедиции в Ямальский и Ненецкий национальные округа». Фотографии, датированные 1934–1938 гг., принадлежат, помимо самого Г.Д. Вербова, еще пятнадцати авторам (А. Ревнивых, Витязев,

И.В. Желтовский, Е. Ленартович, Гашев, В. Ларионов, Вахтрас, Колесников, Е. Черняев, Юрин, Н. Лущик, Сокольников, С.И. Наговицин, В.М. Новицкий). Попытки пополнить фотографическое собрание МАЭ предпринимались Г.Д. Вербовым постоянно. Так, сохранилась направленное «в кабинет Сибири» Института этнографии Академии наук СССР и адресованное Вербову письмо К.И. Башкина из Индигского оленсовхоза Канино-Тиманского района Архангельской области (датировано 19 февраля 1940 г.), где излагаются условия приобретения выполненных им в Тиманской тундре 24 фотографических снимков (оплата по 3–5 рублей за штуку, возвращение непринятых снимков, сохранение авторства при печати и использовании в музее), а также перечень фотографий с подробным описанием. На обороте письма карандашом написано: «Куплены №№ 3, 6, 14, 15, 21, 24» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 179. Л. 12–16 об.).

Географический ареал представленных в фондах МАЭ РАН визуальных материалов Г.Д. Вербова обширен – Архангельская область, острова Новая Земля, Колгуев, Вайгач, Большеземельская тундра, город Салехард, Таймырский Долгано-Ненецкий автономный округ. Большинство фотографий (свыше 350 ед. хр.) представляют ненцев и их культуру (МАЭ И 935, 937, 938, 1161, 1162, 1214, 1215).

Менее масштабны фотоколлекции по энцам (МАЭ И 1215), хантам (МАЭ И 936, 940, 1161), селькупам (МАЭ И 939), коми-ижемцам (МАЭ И 941), долганам (МАЭ И 942) и нганасанам (МАЭ И 943). Зачастую это фиксация быта коренного населения, пейзажи и виды окрестностей, портреты людей. Особое внимание привлекают негативы и коллекции МАЭ И 1160, на которых запечатлены знаковые моменты советского строительства на Крайнем Севере (демонстрации, встречи делегатов, выставки, городская и поселковая жизнь, памятник Ленину, гидросамолет). К визуальным материалам относятся полевые рисунки 1930–1938 гг., выполненные самим Г.Д. Вербовым (МАЭ И 1215), а также собранные им в 1932–1939 гг. рисунки учащихся-ненцев (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 155).

Жизненный путь этнографа и лингвиста Григория Давыдовича Вербова короток, но ярок. Неутомимый исследователь-полевик и северовед-энтузиаст он, вместе с В.Н. Чернецовым, Б.О. Долгих, Г.Н. и Е.Д. Прокovieвыми, стоял у истоков советского самоедоугроведения (Головнёв 1995: 11–12). Однако громадная часть его наследия (научный архив, этнографические коллекции, иллюстративные материалы и фотодокументы МАЭ РАН) как при жизни, так и после смерти осталась неопубликованной. Вместе с тем, как справедливо отмечал М.М. Броднев, его труды благодаря проведенному в ненецких чумах счету времени,

измеряемому в отличие от предшественников (Зуева, Кастрена, Якобия, Житкова, Евладова), не месяцами, а годами, а также благодаря его удивительной работоспособности, «выделяются убедительностью, насыщенностью фактологическим материалом, обоснованностью выводов», а его публичные доклады и выступления – аргументированностью, прекрасными иллюстрациями и примерами (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149. Л. 1, 4, 6). Главным козырем молодого ученого было совершенное знание ненецкого языка и любовь к ненецкой культуре. Как писал о Вербове тот же Броднев, «малицу и кисы он носил так же [как] франтоватые ненцы, не хуже заправского ненца управлял оленьей упряжкой, и его в тундре уважительно называли “нобтики хасава” (все равно [что] ненец)» (НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149. Л. 6, 8).

Полевая работа Вербова предполагала глубокое этнографическое погружение, ведение подробных дневниковых записей и их последующую систематизацию, визуальное сопровождение в ходе экспедиций (фото, рисунки, карты) и собирательскую деятельность по пополнению музейных коллекций. Подобные опыты совершались в XVIII и XIX вв. в ходе академических и кругосветных экспедиций, но, в отличие от своих предшественников, Вербов не просто объехал все группы северных самодийцев, но и работал среди ненцев и с ненцами на протяжении нескольких лет. Включенное наблюдение для него было не полевым методом исследования, а обыденной реальностью.

Наследие Вербова привлекательно и значимо тем, что оно многомерно: дневники экспедиций и реальные записи этнографических и антропологических наблюдений дополняются визуальным рядом (рисунки, фотодокументы) и собраниями этнографических коллекций; все этнографические материалы сопровождаются записями на туземных языках. В 2023 г. Центром арктических исследований МАЭ (рук. А.В. Головнёв) и Научным архивом МАЭ (была осуществлена полная оцифровка научного фонда Вербова (182 ед. хр.)) начата подготовка издания его сочинений и материалов.

Примечания

¹ Этим стихом Г.Д. Вербов заканчивает полевую тетрадь, начатую 29 мая на пароходе «Мария Ульянова» на р. Енисее 29 мая 1938 г. и путешествующую с ним почти год по ненецким тундрам (экспедиция Енисей – Обь – Печора). НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 99.

² До 1933 г. – Музей антропологии и этнографии; с 1934 г. – Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР, с 1937 г. – Институт этнографии АН СССР; с 1943 г. – Ленинградское отделение Института этнографии и антропологии АН СССР; с 1992 г. – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

³ С 1934 г. переименован в Ненецкий педагогический техникум и переведен в Нарьян-Мар; с 1937 г. – Нарьян-Марское педагогическое училище; ныне – Нарьян-Марский социально-гуманитарный колледж им. И.П. Выучейского.

⁴ См.: Фонд 2. Вербов Григорий Давыдович (1909–1942), этнограф, старший научный сотрудник, зам. заведующего сектором, кандидат лингвистических наук. Полевые

материалы и научные труды (1829–1941). Л., 1984. URL: https://www.kunstkamera.ru/museums_structure/nauchnyj_arhiv_mae

⁵ Изначально фонд, согласно четырем описям, составленным И.Я. Треноговым, включал 149 единиц хранения; позднее он был переработан: изъяты опубликованные материалы, лишние копии, выписки из литературы, аспирантские лекции, кроме того, были перерегистрированы документы, представленные под общим названием; согласно новой описи, подготовленной заведующей архивом И.В. Жуковской, фонд включал 170 ед. хр. (1829–1941 гг.).

⁶ На настоящее время идет процесс атрибуции, сверки наличия предметов из коллекций МАЭ № 4580, 4581, 4585–4593, 4695, 5703–5709, создания и заполнения карточек предметов в БД КАМИС для последующей публикации в Государственном каталоге РФ.

⁷ Бубен с колотушкой.

Список источников

- Научный архив Музея антропологии и этнографии РАН (НА МАЭ РАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 15, 17, 19, 23, 69, 70, 95, 96, 106, 109, 111, 115, 117, 118, 119, 120, 132, 136, 137, 138, 144–150, 155, 166, 167, 175, 179.
- Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГАСПб). Ф. Р-1772. Оп. 8. Д. 60; Р-9471. Оп. 2. Д. 12; Ф. Р-4331. Оп. 4. Д. 424; Ф. Р-4331. Оп. 42. Д. 345.
- Алексеева Л.В.* Этнограф Г.Д. Вербов и его вклад в изучение ненцев // Самодийцы: материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». 10–12 декабря 2001 г., г. Тобольск. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2001. С. 182–183.
- Броднев М.М.* Статья о Г.Д. Вербова. Ноябрь, 1966 г. 29 // Научный архив МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149.
- Буркова С.И.* Нобткы хасава (о Григории Давыдовиче Вербова) // Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26–28 октября 2010 г.) / отв. ред. С.И. Буркова. Новосибирск, 2010. С. 7–19.
- Вербов Г.Д.* Красный чум. Л.: Lenpartizdat, 1933. 14 с.
- Вербов Г.Д.* О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Известия Всероссийского географического общества. 1945. Т. 75, вып. 5. С. 16–23.
- Вербов Г.Д.* Пережитки родового строя у ненцев // Советская этнография. 1939. № 2. С. 43–66.
- Вербов Г.Д.* Письма с фронта студентам филологического факультета ЛГУ // Из истории Кунсткамеры: 1941–1945. СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 115–123.
- Вербов Г.Д.* Василий Федорович Зуев (предисловие) // Зуев В.Ф. Материалы по этнографии XVIII в. М., Л., 1947. Л. 1–16 (ТИЭ. Научный сборник. Т. 5). С. 1–16.
- Вербов Г.Д.* Язык лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 4–190.
- Вербов Г.Д.* Лесные ненцы // Советская этнография. 1936. № 2. С. 57–70.
- Головнёв А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995.
- Краткий ненэцко-русский и русско-ненэцкий словарь. Салехард, 1937.
- Ляуваская М.Д.* Первый ученик (о Григории Давыдовиче Вербова) // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. СПб.: Наука, 2005. С. 197–206.
- Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского (Салехард) (МВК). ЯНМ-640-5; ЯНМ-9238/8, 11, 17; ЯНМ-10658/6, ЯНМ-11882, ЯНМ-15974/2; НВФ-3262/1-6; НВФ-3765, НВФ-7770/1-4
- Ненэцкие сказки и былины (из ненэцкого фольклора). Салехард, 1937.
- Огрызко В.В.* Так начиналась литература ненцев // Ненецкая литература. М.: Литературная Россия, 2003. С. 3–15.
- Омельчук А.* Паднана луца (Григорий Вербов) // Рыцари Севера. Свердловск, 1982. С. 99–128.

- Решетов А.М. Отдание долга // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 15–17, 19–20.
- Терюков А.И. Переписка Г.Д. Вербова и У. Лехтисало // Материалы Всероссийской научной конференции 18–19 марта М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 66–76.
- Томский областной центр документации новейшей истории (ТОЦДНИ). Ф. 135. Оп. 5. Д. 25.
- Туров С.В. Краткое житие Г.Д. Вербова. Странника, просветителя, ученого мужа, воина, не им самим, но написанное // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): материалы Всероссийской конференции с международным участием: в 2 ч. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. Ч. 2. С. 265–270.
- Хомич Л.В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966.
- Хомич Л.В. Григорий Давыдович Вербов – исследователь традиционной культуры и языка ненцев // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Пятых Сибирских чтений. Санкт-Петербург, 17–19 октября 2001 г. Ч. I. СПб., 2004. С. 75–82.

References

- Alekseyeva L.V. (2001) Etnograf G.D. Verbov i yego vklad v izucheniye nentsev [Verbov and his contribution to the study of the Nenets], *Samodiytsy: materialy 4 Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoye naslediyе narodov Zapadnoy Sibiri». 10–12 dekabrya 2001 g., g. Tobol'sk. Tobol'sk; Omsk: OmGPU, pp. 182–183.*
- Burkova S.I. (2010) Ėobitky khasava (o Grigorii Davydoviche Verbove) [Ėobitki khasava (about Grigory Davydovich Verbov)]. *Materialy 3-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po samodistike (Novosibirsk, 26–28 oktyabrya 2010 g.)*. Novosibirsk, pp. 7–19.
- Central State Archives of St. Petersburg (CGASPB). Fund R-1772. List 8. File 60; Fund R-9471. List 2. File 12; Fund R-4331. List 4. File 424; Fund R-4331. List 42. File 345.
- Golovnev A.V. (1995) Govoryashchiye kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov [Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugric peoples]. Ekaterinburg: UrO RAS Publ.
- Khomich L.V. (1966) *Nentsy: Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [Nenets: Historical and ethnographic essays]. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Khomich L.V. (2004) Grigoriy Davydovich Verbov — issledovatel' traditsionnoy kul'tury i yazyka nentsev [Grigory Davydovich Verbov — researcher of the traditional culture and language of the Nenets]. *Kul'turnoye naslediyе narodov Sibiri i Severa: Materialy Pyatых Sibirskikh chteniy. Sankt-Peterburg, 17–19 oktyabrya 2001 g.* CH. I. St. Petersburg, pp. 75–82.
- Lyubavskaya M.D. (2005) Pervyy uchenik (o Grigorii Davydoviche Verbove) [The first student (about Grigory Davydovich Verbov)]. *Lingvistika v gody voyny: lyudi, sud'by, sversheniya*. St. Petersburg.: Nauka Publ., pp. 197–206.
- Nauchnyi arkhiv Muzeia antropologii i etnografii RAN (NA MAE RAN) [Scientific Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS]. Fund 2. List 1. Files: 15, 17, 19, 23, 69, 70, 95, 96, 106, 109, 111, 115, 117–120, 132, 136–138, 144–150, 155, 166, 167, 175, 179.
- Museum and Exhibition Complex named after. I.S. Shemanovsky (Salekhard) (MVK). IaNM-640-5; IaNM-9238/8, 11, 17; IaNM-10658/6, IaNM-11882, IaNM-15974/2; NVF-3262/1-6; NVF-3765, NVF-7770/1-4.
- Omel'chuk A. (1982) Padnana lutsa (Grigoriy Verbov) [Padnana Lutsa (Grigory Verbov)]. *Rytsari Severa. Sverdlovsk*, pp. 99–128.
- Reshetov A.M. (1995) *Otdaniye dolga* [Paying off a debt]. *Etnograficheskoye obozreniye*, 1995, no. 3, pp. 15–17, 19–20.
- Teryukov A.I. (2020) Perepiska G.D. Verbova i U. Lekhtisalo [Correspondence of G.D. Verbov and U. Lekhtisalo]. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 18–19 marta*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., pp. 66–76.

- Tomsk Regional Center for Documentation of Contemporary History (CDNITO). Fund 135. List 5. File 25.
- Turov S.V. (2019) *Kratkoye zhitiye G.D. Verbova. Strannika, prosvetителя, uchenogo muzha, voina, ne im samim, no napisannoye* [Brief life of G.D. Verbov. Wanderer, educator, pundit, warrior, not by himself, but written]. *Tvorcheskaya laboratoriya istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya B.G. Mogil'nitskogo). Materialy Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem: v 2-kh chastyakh*. Tomsk: Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy gosudarstvennyy universitet, Book 2, pp. 265–270.
- Verbov G. D. (1933) *Krasnyy chum* [Red chum]. Leningrad: Lenpartizdat Publ.
- Verbov G. D. (1936) *Lesnyye nentsy* [Forest Nenets]. *Sovetskaya etnografiya*, no. 2, pp. 57–70.
- Verbov G. D. (1939) *Perezhitki rodovogo stroya u nentsev* [Remnants of the tribal system among the Nenets]. *Sovetskaya etnografiya*, no. 2, pp. 43–66.
- Verbov G. D. (1945) *O drevney Mangazeye i rasselenii nekotorykh samoyedskikh plemen do 17* [On ancient Mangazeya and the settlement of some Samoyed tribes before the 17th century]. *Izvestiya Vserossiyskogo geograficheskogo obshchestva*, Vol. 75, no. 5, pp. 16–23.
- Verbov G.D. (1947) *Vasilii Fedorovich Zuyev (predisloviye)* [Vasily Fedorovich Zuev (foreword)]. *Zuyev V.F. Materialy po etnografii 18 v.* Moscow, Leningrad. L. 1–16 (TIE. Nauchnyy sbornik. T. 5). pp. 1–16.
- Verbov G.D. (1973) *Yazyk lesnykh nentsev* [Language of the Forest Nenets]. *Samodiyskiy sbornik*. Novosibirsk, pp. 4–190.
- Verbov G.D. (2003) *Pis'ma s fronta studentam filologicheskogo fakul'tete LGU* [Letters from the front to students of the Faculty of Philology of Leningrad State University]. *Iz istorii Kunstkamery: 1941–1945*. St. Petersburg: MAE RAS Publ., pp. 115–123.

Сведения об авторах:

ПЕРЕВАЛОВА Елена Валерьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: elena_perevalova@mail.ru

КИССЕР Татьяна Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: tkisser@bk.ru

КОМОВА Елизавета Александровна – младший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: el_fedorova21@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Elena V. Perevalova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (St Petersburg, Russian Federation). E-mail: elena_perevalova@mail.ru

Tatiana S. Kisser, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (St Petersburg, Russian Federation). E-mail: tkisser@bk.ru

Elizaveta A. Komova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (St Petersburg, Russian Federation). E-mail: el_fedorova21@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 03 августа 2023;
принята к публикации 29 августа 2023.*

*The article was submitted 03.08.2023;
accepted for publication 29.08.2023.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей, и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей.

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе):

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается **ЛИШЬ** на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!);

• ученая степень, ученое звание;

• должность и место работы/учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке;

• e-mail;

• почтовый адрес;

• телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье:

• название статьи на русском и в переводе на английский язык;

- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое);
- список ключевых слов на русском и английском языках.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему **видению** текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. Просьба: в текст иллюстрации не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу:

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом

упоминании работы: (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.»: (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potapow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то во второй и дальнейших цитатах достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке, и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок, например: (ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления:

– для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

– для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199. URL: http://journal.ica.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf.

– для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

– для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений/аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права.

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы.

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics, <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>).

Статьи и материалы просим подавать через автоматизированную систему подачи статей на сайте журнала **www.journals.tsu.ru/siberia**

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indentation 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimal Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, first name, patronym), in both Russian and English (*please note that **the author's last name is to be given on the title page only**. The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work/study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V.Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the «et al» is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the «et al» even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapov 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms/abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please upload your materials and papers via the Journal's website system at **www.journals.tsu.ru/siberia**

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2023. № 3

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Д.Э. Уигет

Подписано в печать 30.09.2023 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 22. Усл. печ. л. 30,8. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 5589. Цена свободная.

Дата выхода в свет 09.10.2023 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru